

Михаил
ОСОРГИН

Михаил ОСОРГИН

Очерки
СОВРЕМЕННОЙ
ИТАЛИИ



Очерки
СОВРЕМЕННОЙ
ИТАЛИИ



Предисловие и комментарии
Анны Ямпольской

«ROMA AETERNA»

ЧЕРЕШНЕВЫЙ ЛЕС

Проект С&О Бутовчих

ROMA AETERNA



Михаил ОСОРГИН

Очерки
СОВРЕМЕННОЙ
ИТАЛИИ

*Предисловие и комментарии
Анны Ямпольской*



ОТКРЫТЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ
ЧЕРЕШНЕВЫЙ ЛЕС



Москва
2022

УДК 82
ББК 84Р
О-75

Очерки СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

ROMA AETERNA

Осоргин, М.А.

О-75 Очерки современной Италии / Михаил Осоргин ; предисловие и комментарии Анны Ямпольской. — Москва : «Издательская группа 1900», 2022. — 400 с. : ил. — (Серия «Roma Aeterna»).

ISBN 978-5-6045454-3-0

УДК 82
ББК 84Р

Предисловие, перевод и комментарии
Анны Владиславовны Ямпольской

Корректор Т. Николаева
Дизайн: М. Спехова
Верстка: Г. Смелягин

Издано при финансовой поддержке Министерства
цифрового развития, связи и массовых коммуникаций
Российской Федерации

© «Издательская группа 1900», 2022

© А.В. Ямпольская, предисловие, перевод, комментарии, 2022





Италия глазами Осоргина

— Вот вы много повидали, много поездили. Скажите: где больше ценят русского человека, по ту или по эту сторону Пиренеев?

— Не знаю, как по ту. А по эту — совсем не ценят. Я, например, был в Италии, там на русского человека никакого внимания. Они только поют и рисуют. Один, допустим, стоит и поет. А другой рядом с ним сидит и рисует того, кто поет. А третий — поодаль — поет про того, кто рисует... И так от этого грустно! А они нашей грусти — не понимают...

Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки

Н

азвание этой книги и в 1913 году, когда она увидела свет, да и сегодня звучит как **ВЫЗОВ**. Задолго до Осоргина в русской литературе сложился ставший каноническим образ далекой и прекрасной Италии — края, где «негой дышит лес, / Златой лимон горит во мгле древес, / И ветерок жар неба холодит, / И тихо мирт и гордо лавр стоит...». Такой виделась она В. А. Жуковскому. Вслед за ним Д. В. Веневитинов делился мечтами об итальянском путешествии: «В объятьях нег и в творческом покое / Я буду жить в минувшем средь певцов, / Я вызову их сонмы из гробов!» А В. Г. Бенедиктов, размышляя о современном Риме, вопрошал: «Чем же ныне, / Новой властью какой — / Ты мечом иль всесвятыней / Покоряешь род людской?» И давал вполне предсказуемый ответ: «Нет! Пленять наш ум и чувства / Призван к мирной ты судьбе, / Воссияла мощь искусства, / Власть изящного в тебе». Ну и конечно, Осоргин и его первые читатели были знакомы с многочисленными сочинениями, которые сегодня отнесли бы к разделу non fiction, — с мемуарами, путевыми заметками и неакадемическими трудами об искусстве Италии — прежде всего, с «Обрами Италии» П. П. Муратова,

который на страницах этих «Очерков» остается для Осоргина постоянным, молчаливым собеседником. Состязаться с Муратовым в эрудиции и понимании изящных искусств Осоргину было не по силам, да он этого и не хотел: по своим интересам, по отпущенным природой талантам он был совсем другим — отличным журналистом, живо откликающимся на текущие события, публицистом, видящим за фактами хроники нечто большее и помнящим о долге интеллигента перед обществом, человеком наблюдательным, страстным, увлекающимся и наделенным отменным чувством юмора.

То, что Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия — Ильин) волею судеб оказался тесно связан с Италией, — хорошо известно¹, посему ограничимся скухими сведениями из его биографии. Впервые Осоргин оказался в Италии в 1906 году, бежав из России после ареста за революционную деятельность. Он поселился в Сори, на Лигурийской ривьере, неподалеку от Генуи, вместе с другими русскими эмигрантами. С первых дней он вел дневник, в котором в том числе записывал итальянские впечатления, а также работал как журналист для русских изданий. Затем Осоргин на год переехал в Париж, но в 1908 году вернулся — сперва в Сори, а после распада местной русской общины — в другое лигурийское местечко,

¹ Отсылаем читателя к работам историков Н. П. Комоловой, Я. В. Леонтьева, А. С. Сваровской, И. В. Трофимова, М. А. Хатямовой, М. Клементи, к работам Н. Р. Алякринской, к воспоминаниям Э. Ло Гатто и Б. К. Зайцева. Немало страниц посвящено Осоргину и в книгах А. Карамурзы, где собраны впечатления знаменитых русских о важнейших итальянских городах. Отдельно нужно упомянуть монографию Л. В. Поликовской «Строительство собственного храма» (СПб., 2012), в которой подробно рассказано об Осоргине как об одном из выдающихся русских масонов XX века. Однако наиболее полные и содержательные научные труды об Осоргине принадлежат итальянке Анастасии Пасквинелли — книги «Жизнь и взгляды Михаила Осоргина» (*Pasquinelli Anastasia. La vita e le opinioni di M. A. Osorgin (1978—1942)*. Firenze: La Nuova Italia, 1986) и «Русский в Италии» (*Un russo in Italia*. Torino: Tirrenia Stampatori, 1997). Наконец, сведения об Осоргине представлены на сайте и в публикациях масштабного проекта «Русские в Италии», созданного под руководством Даниелы Рицци и Антонеллы д'Амелии. На все упомянутые источники в той или иной мере мы опирались при составлении комментариев, всем авторам выражаем глубокую благодарность.

Также благодарим итальянских и российских коллег и друзей, особенно Риту Джулиани, Джулию Дзанголи, Алессандро Романо, Ирину Боченкову, Александру Бибикову и Юлию Иванову, которые помогали нам разгадывать многочисленные загадки книги Осоргина.

Кави-ди-Лаванья, куда он будет навещаться каждое лето до 1916 года. С октября 1908 года Осоргин жил в Риме: он много писал, сотрудничал как корреспондент в либеральных изданиях «Вестник Европы» (около 40 статей) и «Русские ведомости» (около 400 статей). Приличные гонорары обеспечивали достойное существование. В то же время Осоргин постепенно охладевает к политической деятельности и увлекается культурно-просветительской работой. В 1909—1914 годах он представлял в Италии организованный графиней В. Н. Бобринской Фонд по организации экскурсий русских земельных учителей. Этому делу он отдавал всю душу: устраивал поездки, водил экскурсии, составлял перечни книг, которые следовало непременно прочитать перед поездкой в Италию, по-отечески заботился о подопечных (число которых за все годы достигло около 3000 человек).

Наряду с газетными корреспонденциями Осоргин брался за основательные труды: в 1910 году издательство «Гранат» попросило его написать главы о современной Италии для антологии «История нашего времени» (СПб., 1910—1911), а в 1913 году в Москве вышла книга «Очерки современной Италии».

Не чувствуя себя вправе отсиживаться в Италии, пока на родине происходят решительные перемены, в мае 1916 года Осоргин с женой нелегально вернулись в Россию; он продолжил работать корреспондентом «Русских ведомостей», теперь уже на фронте. После Февральской революции Временное правительство даже предложило ему возглавить посольство России в Италии, однако Осоргин, твердо решивший не состоять на официальной службе, ответил отказом. Неумный, предприимчивый Осоргин и после Октябрьской революции пытался, пока это было возможно, приносить пользу обществу: его избирают председателем Всероссийского союза журналистов, заместителем председателя Союза писателей, он занимается переводами (в том числе по просьбе Е. Б. Вахтангова переводит «Принцессу Турандот» Карло Гоцци²), участвует в работе «Studio italiano» и Книжной лавки писателей. Однако после ареста и приговора к расстрелу, который заменили на ссылку, в 1922 году приходит час окончательно покинуть Россию. В 1923 году Осоргин вновь некоторое время жил в Италии (в Риме он сотрудничал с Ло Гатто, вместе с Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, Л. П. Карсавиным,

² Осоргин также переводил пьесы Гольдони, Пиранделло и Кьярелли.

Б. К. Зайцевым, П. П. Муратовым принял участие в цикле лекций «Россия и русские»), однако в конце того же года перебрался в Париж. Помимо причин практического свойства это объяснялось безоговорочным неприятием фашизма. И последняя биографическая деталь, немаловажная для понимания этой книги: в 1914 году Осоргин вступил в масонскую ложу «Двадцатое сентября», членами которой были потомки итальянских карбонариев и в которую, по преданию, входил Байрон. Это был значимый шаг, хотя по-настоящему деятельным масоном Осоргин станет уже в годы эмиграции во Франции.

«Очерки современной Италии», во многом родившиеся из переработанных газетных заметок, сохраняют очевидную мозаичность или, если угодно, лоскутность. Отсюда нередкие повторы, неравномерное освещение отдельных сторон итальянской жизни и в целом не вполне стройная конструкция книги — Осоргин пишет о том, что занимает лично его, не претендуя на полноту. Впрочем, название «очерки» оправдывает подобную фрагментарность и субъективность. Его книга — не пособие по страноведению, не строгий научный труд: многие стороны итальянской жизни он и вовсе оставляет в тени, ко многому относится предвзято (например, о католической церкви он везде и всегда высказывается резко отрицательно). В первой части он рассуждает о показной и подлинной Италии и о национальном характере (в том числе об организованной преступности и о вынужденной эмиграции). Вторая часть — «Чувство Рима» — оммаж Муратову и одновременно рассказ о городе, увиденном глазами не форестьера (т.е. иностранца, *ит. forestiero*), а «местного». В третьей части Осоргин освещает итальянскую поэзию, прозу и драматургию, завершая обзор футуристами. Не со всеми его оценками сегодня можно согласиться, но нельзя не признать, например, что именно благодаря Осоргину в свое время в России узнали о футуризме. Последняя часть, неизбежная для всякой книги об Италии, посвящена изобразительному искусству. Здесь, как и вообще в рассуждениях об искусстве, Осоргин довольно консервативен: он не признает ни стиля модерн, ни авангардных течений. Впрочем, больше всего Осоргина занимает человеческая комедия — не мастерство скульптора или живописца, не красота камня или красок, не принадлежность к той или иной школе, а детективная история спасения памятника или комичные споры ученых профессоров, затрудняющихся определить пол и род занятий изваянного в мраморе. Отметим, что почти во всех главах Осоргин опирается не только на собственные наблю-

дения, но и на многочисленные источники, часть из которых он указывает в сносках: если в его повествование закрадываются ошибки, вина в том не только автора, но и тех, чье мнение он излагает.

Не исключено, что читатель, не интересующийся политической историей, социальными проблемами, крестьянским движением и борьбой трудящихся за свои права, не раз поморщится, читая «Очерки» Осоргина, а рука его потянется перелистнуть страницу. К чему нам сегодня рассказы о стачках, анархистах, демократической печати, зачем нам знать об устройстве и финансировании народных школ и комплектовании народных библиотек? А ведь, пожалуй, это главное в «Очерках» Осоргина. Центральная тема книги — строительство новой Италии, единого, современного государства (силами либералов, масонов или социалистов — не суть важно), и этот опыт может оказаться чрезвычайно полезным при строительстве новой России. Позднее Осоргин признавался: «Было то в дни веры и живых иллюзий. Хотя тоже — в дни изгнания. Но тесна была тогда связь с Россией; для нее и работали мы, и жили; без нее жизнь не мыслилась» («Там, где был счастлив»). Как справедливо отмечает А. Пасквинелли, «Очерки» Осоргина также вписываются в традицию рассказа об итальянском путешествии, но не в основную, а в боковую ее ветвь, восходящую к Бакунину и Герцену. Всматриваясь в Италию, Осоргин выискивает все, что можно позаимствовать и перенести на русскую почву, — прежде всего, примеры общественной организации и самоорганизации. Он ценит солидарность, умение объединиться ради достижения общих целей, не лелеять расплывчатые мечты, а находить компромиссы, медленно, шаг за шагом, двигаясь вперед. Не станем пересказывать то, что он пишет о русском и об итальянском народе, о русской и итальянской интеллигенции, — предоставим читателю, знающему, как развивалась дальнейшая история наших стран, самому сделать выводы, а также сравнить нарисованную Осоргиным картину с сегодняшним днем.

Тесно связаны с этим и вопросы образования. Не случайно Осоргин решительно поддерживал отделение школы от церкви и широкое народное просвещение, не случайно он отдал столько сил образованию русских учителей-экскурсантов. Распространение научных, свободных от церковного влияния знаний виделось ему единственной надежной гарантией справедливого развития общества. Как признавался он сам, «мы работали не только для просвещения русских народных учителей... мы работали для европейского

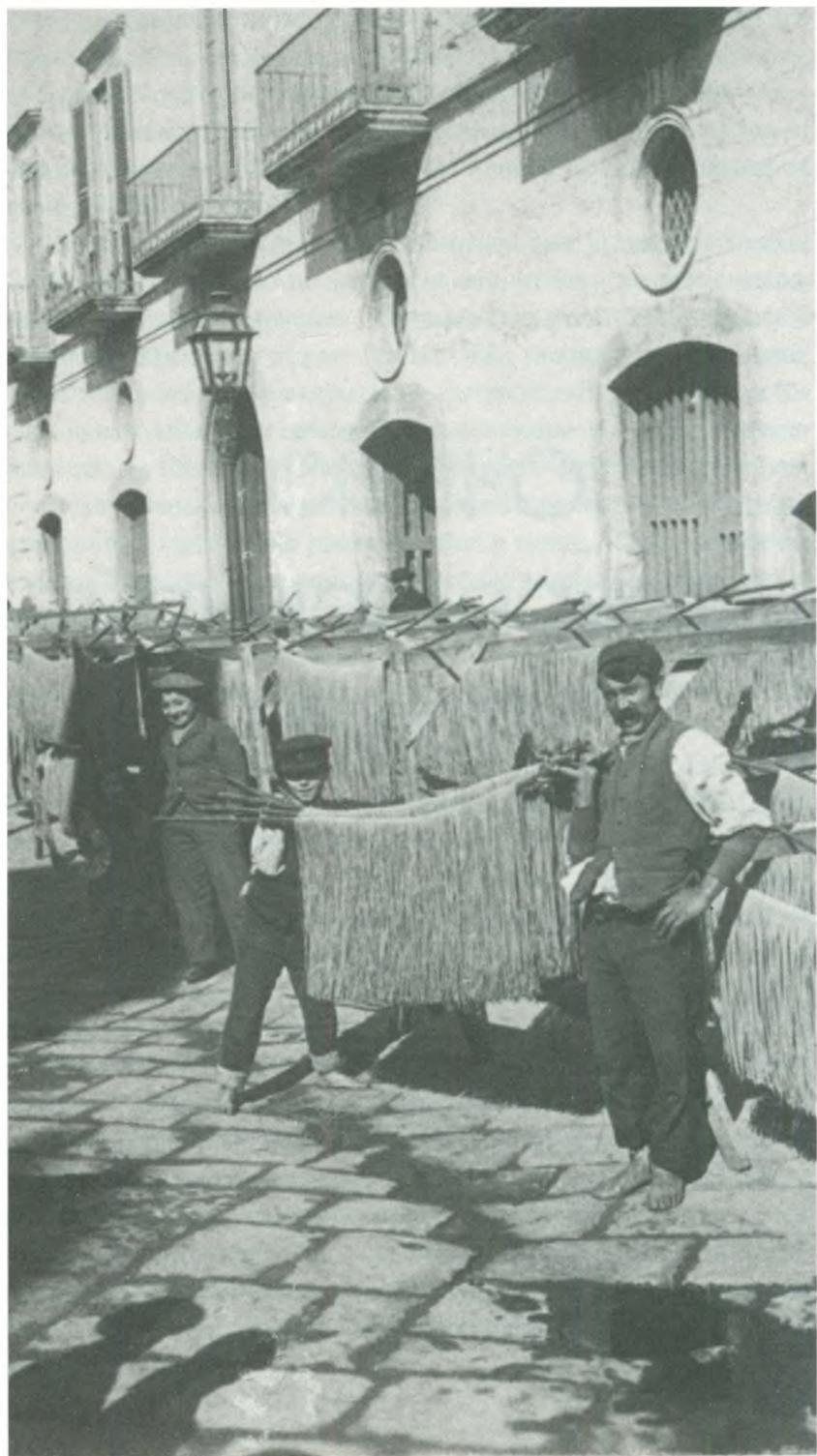
мира, для братства народов. Посылая русских экскурсантов во все страны Европы, в Америку, в Японию, на Восток, мы вырывали их из ограниченного мира российских переживаний, часто переживаний медвежьего уголка России, стремясь приобщить их к культуре мировой, сделать их гражданами вселенной» (Русские учителя за границей. Год шестой. М., 1915. С. 17).

Среди предшественников Осоргина нельзя не назвать Гоголя. Особенно это заметно по тому, как описан Рим, римский народ, римская кампанья, карнавал. Сближает двух писателей и любовь к римскому наречию, к поэзии Белли... Мы удержались от соблазна наполнить комментарии отсылками к отрывку «Рим» и письмам Гоголя, однако позволим себе обратить внимание на стилистическую близость: и у Гоголя, и у Осоргина лирическое гармонично сочетается с комическим, повествование получается удивительно театральным, живые герои легко превращаются в типы... Одно из замечательных качеств, о котором не пишет Осоргин, но которое стоит перенять у итальянцев, — умение «*sdrammatizzare*»: не нагнетать тоску, не упиваться печалью, а научиться спасительному искусству переходить от драмы к комедии. И конечно, никогда не отчаиваться и не опускать руки.

Порой Осоргин позволяет себе нелестно высказываться об Италии, чаще — говорит о ней с нежностью и признается в любви, хотя таких искренних признаний куда больше на страницах его поздних автобиографических книг — «Там, где был счастлив» (1928) и «Времена» (1955). К примеру, знаменитое сравнение Италии с домом: «Я очень любил Италию и прилежно ее изучал, не музейную, а современную мне, живую, Италию в труде, в песне, в нуждах и надеждах. Я написал о ее жизни две книги и рассказывал о ней в сотнях статей, печатавшихся в России. Города Италии были моими комнатами: Рим — рабочим кабинетом, Флоренция — библиотекой, Венеция — гостиной, Неаполь — террасой, с которой открывался такой прекрасный вид» («Времена»). И в то же время в «Очерках» у него вырывается полное боли признание: «Если нет своего счастья — то хоть чужим подышать». Так и мы вместе с Осоргиным можем подышать итальянским счастьем, а еще составить себе представление не только об Италии, которую видел Осоргин, но и о России, которую он мечтал увидеть.

А. Ямпольская

ОЧЕРКИ
современной
Италии



Così, divina Italia,
andar ti veggo verso la tua vita nuova...
G. d'Annunzio¹

¹ Così, divina Italia, sotto il giusto
tuo sole e nelle tenebre, munita
e cauta, col palladio su l'affusto,
andar ti veggo verso la tua vita
nuova, e del tuo silenzio far vigore,
e far grandezza d'ogni tua ferita.

Божественная Италия, и под справедливым / солнцем твоим и во мраке, / готовая ко всему и осторожная, с Афиной Палладой на лафете, — // я вижу, как ты движешься к новой жизни, / молчание укрепляет твою силу, / а всякая рана увеличивает твоё величие.

(Строки «Последней песни» из сборника «Песни о заморских деяниях», том IV, «Меропа», из цикла «Лауды небу, земле, морю и героям» Габриеле д'Аннунцио. Здесь и далее перевод цитат, если не указано иначе, — А. Я.)

В России д'Аннунцио известен как прозаик и драматург. Вернее, был известен в начале XX века, когда его переводили Балтрушайтис, Брюсов, Вяч. Иванов, его пьесы ставили Евреинов, Мейерхольд и Ленский, а декорации к спектаклям создавали Серов, Бакст, Добужинский, Билибин. Между тем он вошел в историю литературы Италии прежде всего как исключительно одаренный поэт, определивший облик последующей поэзии вместе с Джованни Пасколи (и вовсе неизвестным российскому читателю, за исключением немногочисленных любителей словесности). Ниже Осоргин посвящает ему отдельный очерк.

Д'Аннунцио намеревался сочинить семь книг «Лауд» — в честь Семи сестер, то есть звезд, входящих в созвездие Плеяды, однако свет увидели лишь книги в честь нимф Майи, Электры, Альционы (Алкионы), Меропы и Астеропы. Книга Меропы (1912) воспевает победы Италии в войне против Турции — захват Ливии и островов Додеканес в Эгейском море, то есть как раз заморские подвиги. Поэт рисует широкое эпическое полотно, на котором итальянцы представлены как христианское войско, на протяжении столетий сражавшееся против иноверцев — терпя досадные поражения (например, когда был захвачен Константинополь) или одерживая великие победы (как в битве при Лепанто). Одновременно во входящей в книгу «Песни о Дарданеллах» поэт вспоминает «Илиаду», подчеркивая тем самым, что Италия — законная наследница Древнего Рима и Древней Греции.

Вряд ли Осоргин выбрал подобный эпиграф, поскольку одобрял колониальную политику Италии, — скорее всего, ему просто понравились звучные, красивые стихи...

Предпосылаю своей книге эти несколько строк лишь потому, что боюсь ее заголовком обмануть ожидания читателя. Это не исследование о современной Италии, не плод изучения ее в кабинете, увешанном картами ее областей и заваленном изданиями *Ufficio del lavoro*¹. Книга эта — плод незаконной любви к стране одного из ее загостившихся поклонников. Любви незаконной, так как она не была любовью сыновней, — слишком славянин душой, он не мог и не может забыть о другой, родной по крови матери, не такой прекрасной и не такой — ох! — далеко не такой ласковой и приветливой. Но и не платоническая любовь водила рукой автора. Слишком живая и телесная, Италия не создана только для взглядов и восхищений. Хочется узнать и понять ее ближе; хочется даже сделать усилие, чтобы ее красивая внешность не создавала ей привилегии чересчур снисходительного, заранее пристрастного к ней отношения. Ей много дано — с нее много и взыщется. И лишь тому, кто едет сюда случайным, скучающим гостем, простительно думать, что за внешними прелестями Италии кроется внутренняя убогость ее бытия. Одно из непростительных, хотя легко объяснимых заблуждений.

Пора наконец начать знакомиться с Италией не по рассказам гидов и бедекеров, а на месте и серьезно. Она уже не малый ребенок, а государство с полувековой историей². Возраст — совсем юный для страны; но не забудьте, что южане развиваются быстрее нас. Та работа, которую выполнил итальянский народ за этот период времени, бодро, ретиво и любовно, заслуживает внимания и изучения более пристального и систематического,

¹ *Ufficio del lavoro* – Бюро труда; создано в 1902 году при Министерстве сельского хозяйства, промышленности и торговли для изучения рынка труда и условий работы. Собирало статистическую информацию о трудящихся в Италии и об итальянской эмиграции, а также выпускало собственный «Бюллетень».

² Единое Итальянское государство возникло в 1861 году, когда представитель Савойской династии король Сардинского королевства Виктор-Эммануил II был провозглашен королем Объединенной Италии. До этого политическая карта Апеннин на протяжении столетий напоминала лоскутное одеяло. Формирование единого государства продолжилось и после 1861 года: в 1866 году в него вошла Венеция, а в 1870 году столицу перенесли в Рим (до этого она находилась в Турине, а затем во Флоренции).

чем это делалось до сих пор и, кстати сказать, чем это, по ряду причин, было доступно автору этой книги, задача которого — лишь пробудить внимание к современной Италии без претензии вполне удовлетворить интерес к ней.

В самом деле, вспомните, что было полвека назад. Была прекрасная земля, разобранная по клочьям чужеземцами; был угнетенный народ, переходивший от деспота к деспоту, духовно и экономически порабощенный. Но были и благородные сердца, горевшие огнем рыцарского патриотизма, умевшие зажигать молодежь пламенем речи и личного бесстрашия. Было время великих конспираторов, в большинстве юных и безусых, пламенных поэтов родины и свободы, всегда готовых с красивым жестом и последним вдохновенным словом идти на плаху. Из недр старой, завоеванной, разбитой Италии вырастал крепкий побег «Молодой Италии», героически революционной, с великим Маццини во главе³. И вот, когда пришло время непосредственного

³ «Молодая Италия» («Giovine Italia») — подпольная революционная организация, основанная в 1831 году в Марселе Джузеппе Мадзини с целью освободить Италию от иноземного владычества и создать демократическую республику. Позднее вместе с «Молодой Германией», «Молодой Польшей», «Молодой Францией» и другими национальными объединениями влилась в «Молодую Европу» — Мадзини мечтал преобразовать не только свое отечество, но и весь континент. Члены «Молодой Италии» стремились к просвещению и воспитанию итальянцев, практическая же деятельность сводилась преимущественно к организации заговоров и восстаний, которые должны были подтолкнуть к революции. Однако власти пресекали подобные попытки и жестоко наказывали подпольщиков. Многих из них казнили, а Мадзини заочно приговорили к смерти. В 1848 году, когда революция наконец-то началась, «Молодая Италия», выполнив к тому времени свои задачи, прекратила существование. Джузеппе Мадзини (1805—1872) прожил бурную жизнь, воплотив романтический идеал революционера и борца за свободу. Его имя стало одним из символов Рисорджименто, то есть национального возрождения. Мадзини состоял в различных тайных обществах, пережил тюремное заключение и изгнание, принимал деятельное участие в политической борьбе и занимал ряд важных постов, в том числе был членом триумvirата, управлявшего в 1849 году Римской республикой. Как и многие итальянские революционеры, он был масоном, великим мастером Великого Востока Италии. Это, как и личность Мадзини, его приверженность идеалам свободы, справедливости, мира, самоотверженность и бескорыстность, не могло не вызвать симпатии Михаила Осоргина.

действия, — тогда из массы народа выдвинулась колоссальная, единственная в своем роде фигура народного вождя и героя, Джузеппе Гарибальди. Чем был Гарибальди — трудно даже выразить; он был, кажется, самим народом, лучшим, что было и есть в итальянском народе. Он был огромным, горячим, нервно бьющимся сердцем Италии и ее крепкой рукой. И пока Гарибальди метался, вдохновлял, побеждал, отнимал области, другие деятели героической эпохи скрепляли отнятое цементом патриотизма и расчетливой политики. Порой сердце боролось с разумом: мог ли Гарибальди выждать событий и дипломатических переговоров, когда все его помыслы рвались к Риму, без которого объединение Италии не было довершенным?⁴

Весной 1861 года первый итальянский парламент, а за ним и сенат объявили образовавшимся новое Итальянское королевство, а вслед за тем, 15 (27) марта, парламент — с идеально прекрасным неблагоразумием — объявил столицей Третьей Италии Рим, находившийся еще под властью папы⁵. Но державы, признав Италию, не признали ее права на Рим, и первые страницы ее истории отмечены страстной борьбой народного сердца с холодным государственным расчетом, —

⁴ Джузеппе Гарибальди (1807—1882) — легендарный итальянский революционер, жизнь которого напоминает приключенческий роман. Перечень походов и сражений, в которых он принял участие, стран и континентов, где он побывал, чинов и должностей, которые он занимал в разное время, растянулся бы на несколько страниц. Гарибальди был не только харизматичным лидером, но и талантливейшим полководцем. Недаром Авраам Линкольн предложил ему пост главнокомандующего армией, когда в Америке началась гражданская война. Если к Мадзини — философу, политику и плодовитому литератору — итальянцы относятся с почтением, Гарибальди при жизни, да и сегодня безоговорочно обожают. Почти в каждом итальянском городе есть его памятник или названная его именем улица, а сам Гарибальди даже стал законодателем моды — вспомним любимую народниками красную рубаху-гарибальдийку, полосатое пончо, завязанный мягким узлом шейный платок или знаменитую шапочку. Как Мадзини и многие деятели Рисорджименто, Гарибальди был масоном.

⁵ Третья Италия — то есть новая, объединенная Италия. Это понятие было особенно важно для прогрессивных, антиклерикальных сил, которые воспринимали взятие Рима не только как триумфальное завершение Рисорджименто, но и как начало нового исторического этапа.

борьбой, в которой победило героическое сердце. Гарибальди, с исторической фразой «Рим или смерть!» на устах, набрав добровольцев на севере, высадился в Сицилии, чтобы идти отсюда победоносным маршем вплоть до Капитолия. Правительство втайне сочувствовало и потакало народному герою, но лишь до первого протеста Франции. И резким диссонансом с общими желаниями и прекрасным вотумом парламента прозвучали слова избранного короля Виктора-Эммануила II: «Король, провозглашенный нацией, я знаю свои обязанности. Всякий призыв, исходящий не от меня, есть призыв к мятежу и гражданской войне». Гарибальди отвечал из Катании: «Я решил войти в Рим или умереть под его стенами. И в этом случае я верю, что вы отомстите достойно за мою смерть и довершите мое дело». Правительство двинуло против Гарибальди регулярное войско, окружило его отряд; народный герой был ранен и заключен в тюрьму. Это было самой темной страничкой в истории юного королевства⁶. К ней прибавились позже и другие. В сентябре 1864 года толпы народа в Турине кричали: «Хотим столицу в Риме!» Около 200 граждан заплатили жизнью и тяжелыми ранами за эту бурную патриотическую манифестацию⁷.

⁶ «Roma o morte!» («Рим или смерть!») — слова, с которыми Гарибальди обратился к своим сторонникам 19 июля 1862 года в сицилийской Марсале, призывая отправиться на Рим. В то время в Вечном городе сохранялась власть папы, опиравшегося на поддержку французских войск. Под давлением императора Наполеона III итальянский король, надеявшийся решить вопрос о Риме дипломатическим путем, объявил Гарибальди бунтовщиком и направил против него войска. При столкновении у горы Аспромонте Гарибальди был тяжело ранен в ногу и потом заключен в тюрьму, из которой вышел спустя пару месяцев. Ногу, а возможно, и жизнь Гарибальди спас знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов, находившийся в то время в Гейдельберге и приехавший осмотреть революционера. Он обнаружил пулю, которая засела в кости, и объяснил, как вести лечение, а заодно посоветовал Гарибальди сменить климат.

⁷ 21—22 сентября 1864 года, после «стратегического» решения короля перенести столицу во Флоренцию, туринцы, не ведавшие о тайных договоренностях с французской стороной, вышли на улицы с лозунгами «Турин или Рим!». Выступления были подавлены с неоправданной жестокостью. Вина за это лежит на неопытных стражах порядка, которые открыли стрельбу по безоружным гражданским и умудрились устроить перестрелку со случайно оказавшимся в месте событий армейским подразделением.

Понадобились десять лет, прежде чем мечта народа осуществилась. Кто осуществил ее? Конечно, Гарибальди, но лавры выпали не на его долю. Ему не препятствовали набирать добровольцев и побеждать, но после каждой победы его ждали ссылка и заточение. И последний удар папскому Риму, подготовленный до конца Гарибальди, был нанесен правительственными войсками, пробившими брешь в стене Рима, близ Porta Pia, 8 (20) сентября 1870 года. Народный плебисцит в папских владениях провозгласил их присоединение к Италии; за папой остался Ватикан, Латеран и имение Castel Gandolfo. Героический период окончился, и начался период политического и экономического созидания Третьей Италии⁸.

И вот теперь, полвека спустя, итальянец, по выражению одного политика, может скрестить руки на груди и гордо оглянуться назад, на пройденный путь. Это был не легкий путь! Вступая на него, молодая Италия имела перед собой

⁸ Porta Pia (Порта-Пиа) — ворота в северо-восточной части Аврелиановой стены Рима, возведенные папой Пием IV. Последний архитектурный проект Микеланджело, ворота неоднократно ремонтировали и перестраивали, поэтому их нынешний облик далек от первоначального. 20 сентября 1870 года через брешь, пробитую артиллерией в стене рядом с Порта-Пиа, в город ворвались передовые отряды берсальеров. Это событие знаменовало собой победу над Папским государством, взятие Рима и завершение Рисорджименто. В 1932 году по инициативе Муссолини перед воротами воздвигли памятник берсальерам.

3 октября 1870 года в Риме прошел плебисцит о присоединении к Итальянскому королевству. Абсолютное большинство его участников выразилось «за», о чем было торжественно объявлено на Капитолии. Официально же парламент принял решение о переносе столицы в Рим 26 января 1871 года. Однако на этом «римский вопрос» вовсе не был закрыт. В том же 1871 году был принят «закон о гарантиях», регулирующий положение папы и его права, в том числе власть над дворцами и садами Ватикана, Латераном, дворцом Канцелярии и замком Капель-Гандольфо — летней резиденцией, расположенной неподалеку от Рима, на Альбанских холмах. Все эти решения принимались в одностороннем порядке. Оскорбленный понтифик отверг предложенные гарантии и денежное содержание и объявил себя «ватиканским пленником» — в знак протеста на протяжении шестидесяти лет папы не покидали пределов Ватикана и территории, ограниченной Леонинской стеной. «Римский вопрос» урегулировали лишь в 1929 году, когда были подписаны Латеранские соглашения.

только развалины культуры. Ее север сулил много в будущем, но ничего не имел в настоящем; ее юг был страной разбоя и насилия; ее центр был развращен папским владычеством⁹. Надлежало насадить новую, молодую культуру, создать промышленность, дать народу заработок и просвещение, снять с его плеч непосильное бремя налогов, дать ему местную организацию, обратить раба и нищего в достаточного гражда-

⁹ Противопоставление севера, центра и юга страны имеет давнюю историю. Среди прочего оно обусловлено многовековой раздробленностью Италии и поздним формированием единого государства. К 1861 году и север и юг в основном имели развитое сельское хозяйство и торговлю, однако уже спустя пару десятков лет север мог похвастаться быстрым промышленным развитием, чего нельзя было сказать о юге. Это привело к существенному разрыву в доходах населения и подтолкнуло жителей юга к эмиграции, в том числе к переезду в северные районы. С тех пор власти страны пытаются решить «южный вопрос», однако разница между севером и югом (Рим и центральная Италия, по мнению северян, тоже относятся к югу) остается более чем заметной. В этой связи периодически раздаются призывы разделить Италию. Например, партия «Лига Севера» выступает за создание независимого государства Падания. Ниже и Осоргин говорит о севере и юге как о двух разных, почти враждебных странах. На бытовом уровне противостояние сводится к оскорбительным ярлыками и выяснению, кто кого кормит. Различия между севером и югом касаются не только экономики и уровня жизни, но и обычаев, культурных традиций, жизненного уклада, не говоря уже о языке (в Италии до сих пор широко используются диалекты, а литературный язык имеет заметную местную окраску).

Упомянув о разбое и насилии, Осоргин, вероятно, имеет в виду знаменитых южных «briganti». Разбоем занимались не только лихие по натуре люди, но и многие из тех, по кому больно ударили политические и экономические изменения. Поначалу, начиная с 1799 года, они бунтовали против власти Бурбонов и французов, а после объединения Италии — против новых властей и их политики, ухудшавшей положение крестьян и защищавшей крупных землевладельцев, против воинской повинности, повышения налогов и прочих подобных нововведений. Справиться с разбойниками удалось лишь к 1870 году, однако организованная преступность на юге Италии в той или иной форме существует до наших дней.

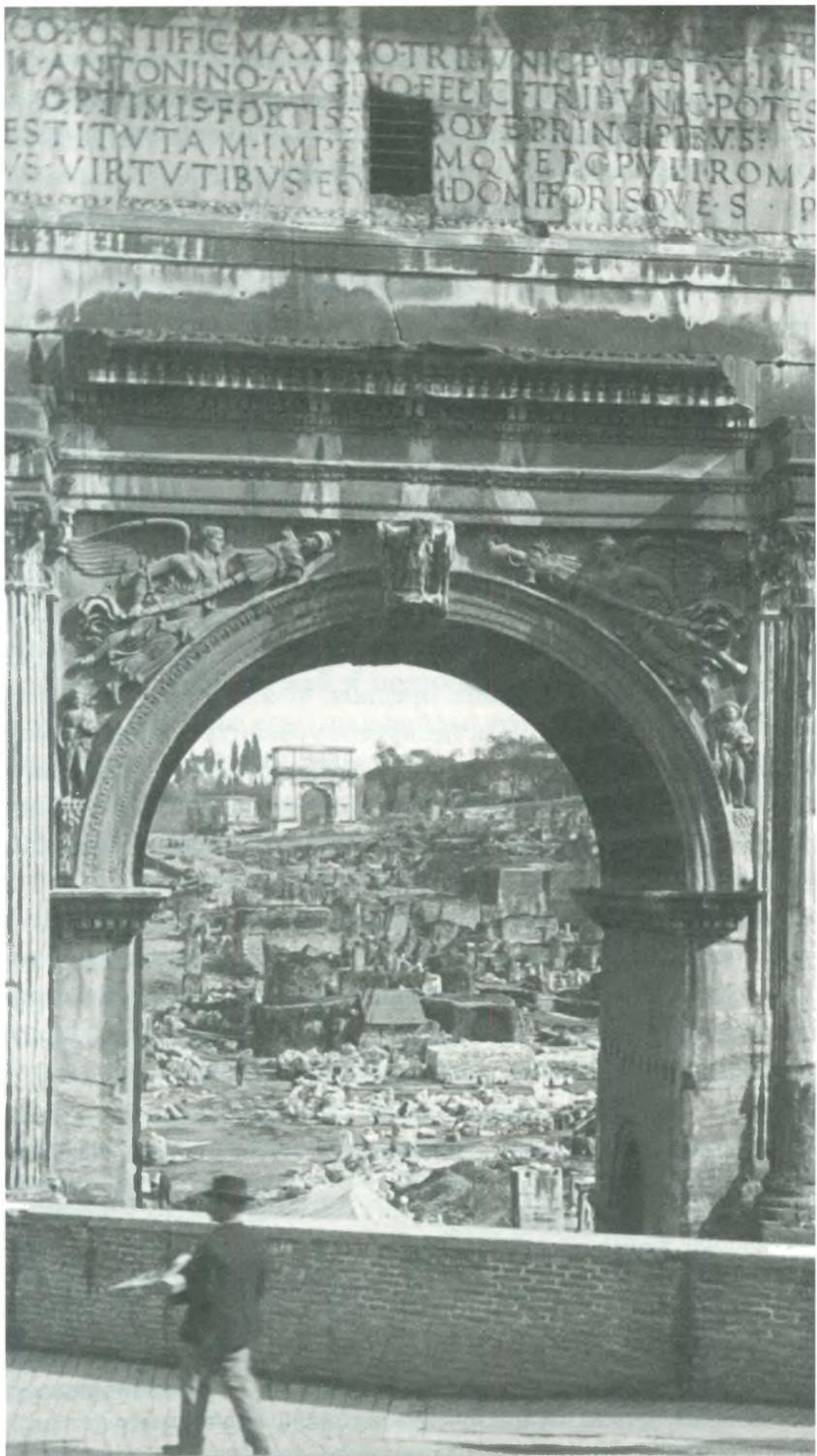
Под центром, который был «развращен папским владычеством», Осоргин имеет в виду Папскую область, границы которой менялись на протяжении истории и которую неоднократно упраздняли и восстанавливали. Так, если в 1859 году под властью папы еще находились Феррара, Болонья и Анкона, в 1860 году за ним осталось лишь *Patrimoni-um Petri* в узком смысле, то есть Рим и окрестности.

нина. Италия тех времен не была цельным куском металла, который можно шлифовать разом; она была спаяна из многих пород, из которых иные уже подвергались различным обработкам, другие оставались девственной рудой. Ее области говорили на разных диалектах, не понимая друг друга, жили разными обычаями, повиновались различным кодексам и имели каждая своих деспотов и своих героев¹⁰. Таким образом, перед строителями Третьей Италии стояла огромная работа, исполнить которую в полвека невозможно, — нужно несколько поколений. Но была и ближайшая задача: наметить пути и средства. И эту задачу Италия выполнила в совершенстве.

Только сравнив прошлое с настоящим, мы можем ясно видеть, что сделано колоссально много. Ряд областей, обособленных и культурно ничтожных, обратился в цельное оригинальное государство, быстро развивающееся и приобретающее силу и значение, способное сказать новое слово. Еще много шероховатостей и несглаженных углов, много недовершенных крыш и неукрепленных фундаментов, — но ясность общего плана и шумный гул бодрой работы говорят нам, что строительство Италии идет неустанно. Мы должны учесть также ее первые и ложные шаги, ее увлечение колониальной политикой, ее политическую неустойчивость первых десятилетий; должны учесть то, что лишь немногим больше десяти лет ее народ пользуется политической свободой при демократическом правительстве¹¹. И сделанное за эти десять лет нельзя назвать иначе, как работой гиганта. Об этом

¹⁰ По данным лингвиста Туллио Де Мауро, на момент объединения страны на итальянском языке говорило лишь 2,5% населения. Известно, что в годы Первой мировой войны в итальянской армии служили переводчики, помогавшие общаться южанам и северянам. Языковое объединение Италии произошло в XX веке благодаря распространению грамотности, внутренней миграции, а также радио и телевидению.

¹¹ Вскоре после объединения Италия задумалась о захвате чужих земель, что отнюдь не вызвало понимания у таких могущественных колониальных держав, как Великобритания или Нидерланды. Тем не менее кое в чем Италия преуспела: в 1885 году она аннексировала Эритрею, в 1889 году — юг Сомали, а в 1911—1912 годах, после войны с Турцией, — Ливию и острова Додеканес.



говорит промышленность ее севера, ее общественные организации, ее просвещенный демократизм, ее удивительные образчики социальных лабораторий, где создаются новые формы сотрудничества, экономических отношений, братского взаимодействия и взаимопомощи. Нет сомнения, что к сказанным уже ею новым словам она прибавит еще многое, дав Европе удивительный образчик творчества духа радостного и трудолюбивого. Страна солнца, рабства и лени в полвека обратилась в страну солнца, свободы и труда, бодрого и неутомимого.

Правда, ей пришлось сдерживать на время свой поэтический пыл, ту склонность к элегии и красивому вздоху, которая так свойственна итальянской душе. Современный итальянец более делец и архитектор, чем поэт и артист; музы современной Италии отдыхают или отделяются пустяками; слаба ее литература, и невысоко парит ее современное искусство¹². Но это лишь временно, пока создаются стены будущего здания; к моменту отделки его фронтона родятся и великие мастера, достойные потомки своих предков. И это не пророчество, это — неизбежность. Там, где красота разлита повсюду самой природой, где ребенок играет у подножия античных монументов, где юноша в школе впитывает прелесть бессмертных творений бессмертных национальных творцов, — там сам воздух родит песню и солнечный луч — картину.

Итак, не балованный судьбой ребенок, а гражданин и муж перед нами. Но еще жив ребенок в гражданине, который как будто от природы не способен стариться. Его сердце доверчиво влечет его в сторону вечной радости, которую полна природа страны, и в этом секрет очарования Италии¹³.

¹²Трудно согласиться с Осоргиным: итальянцы и в прошлые столетия были умелыми дельцами, торговцами и банкирами, а не только поэтами и художниками. Суждения о слабости изобразительного искусства и литературы начала XX века оставим на совести автора. В конце концов, это дело вкуса: для одних большая итальянская литература закончилась на Ариосто, другие ценят и современников Осоргина — д'Аннунцио, Пиранделло или Зевево.

¹³ Не случайно, разрабатывая маршруты для экскурсий российских учителей по Италии, Осоргин непременно старался показать девственную, а не только облагоустроенную человеком природу.

На пути к зрелости эта юная страна делает и нас взрослыми детьми. Она очищает нас от серых и темных дум и забот, она напоминает нам о героических временах с их ясной логикой и прямодушным действием. Ведь сама она еще так полна классического героизма! Попробуйте в наш век практического смысла найти другой народ, который мог бы так единодушно ликовать и радоваться жизни, так пламенно вспоминать героев своего объединения, так искренно открывать объятия грядущему. Другого такого народа нет! И нельзя, невозможно не слиться душой с его радостью, когда он справляет один из своих гражданских праздников, День рождения Рима или День рождения всего королевства¹⁴.

В дни таких семейных торжеств объединенной Италии хочется позабыть о всех ее больших и маленьких, серьезных и смешных злобах дня, отрешиться от критического и порою пристрастно-критического отношения к ее думам и переживаниям, перестать улыбаться пафосу и фразерству ее государственных мужей и поэтов; хочется слиться с праздничной толпой ее улиц, радоваться ее радостью и улыбаться ее добродушной и беззаботной улыбкой. Маленькой стране солнца, искусства и свободы хочется пожелать столько счастья и благополучия, сколько может вместить доброе и открытое сердце ее народа; и за тепло, за ласковый привет, за бесконечный ряд высоких эстетических переживаний, щедро даруемых ею нам, иностранцам, хочется сказать ей большое, искреннее, сердечное спасибо.

Лучший и самый торжественный свой праздник, полувековой юбилей объединения, Италия ознаменовала международными выставками в трех главных городах; она хотела этим привлечь к своему торжеству и ино-

¹⁴ *Dies Romana* (День рождения Рима) отмечается 21 апреля — в день, когда, по легенде, в 753 году Ромул основал город. После долгого перерыва в эпоху Рисорджименто праздник возродили, позднее Муссолини объявил его общенародным. И в том и в другом случае это вытекало из стремления подчеркнуть преемственность с древними римлянами. Заодно при Муссолини 21 апреля объявили Днем труда, отменив празднование Первого мая. После 1945 года День рождения Рима понизили до местного, городского праздника.

странцев¹⁵. Я не возьмусь судить, что вынесли иностранцы из этих выставок, сумели ли они за бутафорской роскошью довольно безвкусных и дешевых павильонов почувствовать подлинную и изящную душу народа, способного на большее, чем он сумел похвастаться на этих международных витринах. Но то, что дает иностранцу сама Италия, я наблюдал бесконечное число раз за те семь лет, что имел счастье быть ее постоянным влюбленным гостем. Она не дает ровного покоя и не навеивает чуткого сна, как навеивает его русская степь или березовая роща; она не возбуждает нервы до экстаза, как огромные центры Европы, как этот неподражаемый Париж; она тревожит душу сладостным, ласковым и дрожащим ощущением красоты, уничтожая границу между действительностью и сказкой, между видимым и желанным¹⁶. Я не знавал никого, кто, раз побывав в Италии, не хотел бы сюда вернуться, но зато знаю многих, бывших ее недолгими гостями, которые грезят ею под русским небом, сами не зная точно, в чем ее очарование, чем она их околдовала. Чем действительно? Мне кажется — всем сразу! Ласковым теплом, лазурью света, нежными, всегда юными красками пейзажей, горизонтом своих морей, историческим прошлым, героическим недавним, тайнами своих бесценных галерей и музеев, стройностью мраморных богов и их храмов, красотой своего языка и простой мелодии и бесконечным радушием народа, доброго, пылкого и впечатлительного.

¹⁵ О создании Итальянского королевства было объявлено 17 марта 1861 года. В 1911 году в честь пятидесятилетия этого события устроили выставки в трех столицах — Турине, Флоренции и Риме. В Турине прошла Всемирная выставка, где основное внимание уделялось промышленности и прочим достижениям экономики, в Риме — целый ряд выставок, в том числе с международным участием, посвященных искусству и культуре. По этому случаю официально открыли величественное здание Галереи современного искусства, а также Витториано — помпезный монумент первому королю Италии. Во Флоренции устроили выставку итальянского портрета с конца XVI века до 1861 года, а также Международную цветочную выставку.

¹⁶ Противопоставление Парижа и Рима вполне ожидаемо, а вот то, что предпочтение отдано Риму, — нет. Вспомним, однако, что говорил об этом Гоголь в отрывке «Рим»: «...Париж со всем своим блеском и шумом скоро сделался для него тягостной пустыней...»

Мне кажется, я открою секрет Италии, если скажу, что в ней, в сумме народных переживаний, в результате подсчета горя и радостей, — ощущение счастья берет перевес над несчастьем¹⁷. Пусть это будет свойством неглубокого духа, но это так удивительно, так заманчиво и так редко, что неизбежно привлекает и очаровывает. И потому Италия — единственная страна, которая может чужестранцу заменять родину если не в действительности, то хотя бы путем сладкого обмана. Если нет своего счастья — то хоть чужим подышать.

Завиден удел того, кто, ставя в заголовке имя Италии, оживляет на страницах своей книги лишь поэтические и художественные образы любимой страны, преимущественно образы прошлого, живущие и поныне. На русском языке написана такая книга, и в дальнейшем я о ней упоминаю не раз¹⁸. Но образы прошлого все же — тени без плоти и крови; сад, и посеянный цветущий и благоухающий, нельзя воссоздать лишь нежными меланхолическими тонами его очаровательной осени. Под сень его деревьев доносится звук оживающей улицы, по аллеям его ходит новый, молодой, еще неопытный садовник, неутомимой рукой возвращающий новые цветы и новые деревья. И когда ваш глаз, пресыщенный затейливыми узорами плюща на пьедестале статуй, переплетом поникших осенних роз и отрицающих время иммортелей¹⁹, захочет живых красок жизни, когда ухо ваше, устав ловить шепот падающих в аллее осенних листьев, запросит звуков города, — пусть молодой садовник расскажет вам про свою жизнь, свой труд и свои надежды. Ибо для него это не менее важно, чем было для его предков их поразительное творчество, ибо он — законный преемник не только их земли, но и их идей и идеалов.

¹⁷ «Ощущение счастья» — и вновь вспоминается Гоголь: «Вот мое мнение! Кто был в Италии, тот скажи «прости» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю. Словом, Европа в сравнении с Италией все равно, что день пасмурный в сравнении с днем солнечным».

¹⁸ Такая книга — «Образы Италии» П. П. Муратова.

¹⁹ Иммортель — итальянский бессмертник, пряный аромат которого напоминает карри.

Сказать два слова о новых зодчих и садовниках современной Италии²⁰ — единственная цель дальнейших страниц, которые не писались по выработанному плану, в строгой системе материала, а обработаны в книгу в значительной части из статей, главным образом журнальных, напечатанных в течение последних пяти-шести лет. Но не моя вина, если и образы прошлого Италии иногда легкой тенью скользнут в рассказе о ее современном. Молодая страна, часто изменяя своему прошлому, все же не отреклась от него, все же любит его и им гордится. Ее палаццо-модерн увешаны портретами предков; при постройке ее жилых домов выкапывают из земли античные статуи; ее новая культура создается на прекрасных и ценных обломках старины²¹. Дань образам Италии — дань законная, хотя бы не они были целью. И нет, по-моему, лучшего образа Италии современной, как группа из живых чумазных итальянских ребятишек, играющих струями средневекового фонтана на залитой солнцем площади Вечного города. Слава прошлому, и да живет будущее, полное бодрых упований и неистраченной энергии!

Рим, 22 февраля 1913

²⁰ Зодчие и садовники современной Италии — откровенно масонский образ.

²¹ Как не вспомнить сцену из фильма Феллини «Рим», когда в ходе строительства метро обнаруживают римские памятники.

Часть первая



Из окна вагона

Молодая Италия не принадлежит к числу стран, которыми интересуются глубоко и серьезно. Ее красивая внешность является причиной поверхностного к ней отношения, и обычный путешественник ограничивается беглым осмотром ее красивых пейзажей и художественных коллекций, совершенно не желая остановить взор и мысль на любопытнейших феноменах ее развивающейся жизни. Это очень обидно, тем более что Италия — чрезвычайно интересная страна во многих отношениях, хоть и не легкая для изучения¹. Любопытна она и тем, что ее общественная жизнь не сконцентрирована в одном каком-нибудь пункте, а разлита по всей стране в многообразных живых и характерных формах. Таким образом, путешественник, проезжая Италию от этапа к этапу, минует ряд самостоятельных и, так сказать, автономных культурных пунктов, заслуживающих особого внимания, независимо от

¹ Согласимся с Осоргиным: Италия — отнюдь не легкая для изучения страна. Заезжему иностранцу она обыкновенно являет лишь то, что он ожидает увидеть. Впрочем, это можно сказать про любую страну, смирившуюся с широким потоком туристов.

своего исторического значения, своих памятников, музеев и живописного положения².

В данную минуту я говорю, впрочем, не об изучении Италии, а лишь о сознательном к ней отношении путешественника.

Приятно чувствовать себя в Италии не форестьером, а местным аборигеном; от этого страна много выигрывает в глазах наблюдателя. И особенно выигрывает ее современность. Можно уже не так внимательно вглядываться в ее антики, не так усердно, до утомления, вкушать художественную пищу в ее музеях. И в то же время поля, бегущие мимо окон вагона, приобретают особый интерес, помимо интереса красивой, ласковой или суровой, утрюмой или добродушной, но всегда живописной картинкой. Вот, например, ее многие считают некультурной страной, эту Италию. Но все побережье Лигурии, весь Пьемонт, вся Ломбардия и в особенности вся Тоскана говорят противное. Это не германская шахматная доска однообразно распланированных полей; здесь меньше строевого порядка, но не меньше земледельческой дисциплины. И все же на неровной волнистой почве эти правильные посадки кажутся живописными. А вдали невысокие горы, тоже возделанные, тоже разбитые на участки и усаженные карликами-деревьями, перебросившими гирлянды винограда одно на другое. Да и не в одной культуре земли дело — дело в культуре народа. Не забудьте, проезжая от Феррары до Равенны, припомнить, что здесь уже много лет идет аграрная борьба между помещиками, арендаторами-испольщиками и пришлыми земледельческими батраками, — борьба сложная, затяжная, оригинальная по девизам и замыслам борющихся, борьба, которой мне не описать в этих беглых заметках,

² Наличие обладающих равным достоинством «автономных культурных пунктов» диковинно для россиянина. В его представлении есть занимающая особое положение столица — Москва, рядом с ней стоит северная, культурная столица — Петербург, прочие же города, независимо от древности и культурного богатства, находятся на втором плане. Житель Милана, Турина, Неаполя и городов меньшего размера не обременен комплексом неполноценности перед римлянином, отнюдь. Любовь к малой родине в Италии называют *campanilismo*: если у нас всякий кулик свое болото хвалит — всякий итальянец нахваливает свою кампанилу.

писанных на ходу поезда. Но, глядя на английскую чету на противоположном диване, равнодушно, даже несколько презрительно взирающую на эти поля и рассыпанные по ним фермы, я не могу не упомянуть, что равенское аграрное движение вписывает в мировую историю страницу новых, еще нигде не виданных отношений, ставит вопросы, какие ставились лишь теоретиками социально-экономических наук, но раньше никогда еще не решались практически. Таков, например, вопрос о социализации орудий земледельческого производства (в данном случае — молотилок), об исключительном праве рабочих организаций на пользование этими машинами при обработке полей, о лишении этого права собственников и арендаторов³.

Но посмотрите, как чудесно смешиваются в Италии настроения нового с пережитым, впечатления повседневной борьбы — с образами ушедших веков. Немного ближе подвинулись холмы Тосканы — и уже вспоминаются незабвенные

³ На протяжении XIX века облик этой части Италии изменился: благодаря работам по мелиорации, прежде всего осушению болот, значительно увеличилась площадь земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. С другой стороны, все больше территорий оказывалось в руках предприимчивых капиталистических собственников, которые постепенно вытесняли ведущих хозяйство по старинке феодалов и которые стремились повысить эффективность благодаря использованию машин, привлечению агрономов и т.д. Увеличение площади обрабатываемых земель привлекало в эти места батраков (мужчин, женщин и несовершеннолетних), в том числе из других регионов Италии. Они соглашались работать в тяжелых условиях за низкую плату. Нередко это приводило к конфликтам с землевладельцами, а также с арендаторами, которые жили и трудились на здешних «фермах», отдавая хозяевам часть урожая. Во второй половине XIX — начале XX века сельскохозяйственные рабочие развернули борьбу за свои права, добиваясь повышения оплаты, улучшения условий труда, гарантий занятости и т.д. В этом им активно помогали профсоюзы и итальянские социалисты. Власти со своей стороны самым жестоким образом подавляли бунты и забастовки. Движение сельскохозяйственных рабочих достигло такого размаха, что вошло в историю страны. Что касается молотилок, как и всякая техника, они представляли угрозу для низкоквалифицированной рабочей силы. Поэтому упоминаемые Осоргиным «рабочие организации», стремясь обеспечить занятость и выдержать конкуренцию, требовали оставить за собой исключительное право на использование машин.

образы Фра Беато и Джотто, полные спокойствия и благочестия, на фоне этих холмов со взбегающими на них домиками и крепостными стенами, с монастырем наверху⁴.

Иная жизнь кругом, но образы природы вечны, над ними бессильно время. С этих холмов спускаются в долину спокойствие и красота, вечная ласковая красота Италии. С них спустится новый художественный гений, пройдет поля, придет в город, создаст новые храмы новому искусству, скрепит его с творениями ушедших веков крепкой связью неумирающей красоты, единственного критерия искусства...

Поезд мой миновал Тоскану. Теперь дорога идет близ моря, по берегу Генуэзского залива. Морщатся мои англичане, им не нравится, что ласковые картины исчезли, что теперь поезд ныряет из туннеля в туннель, что нельзя открыть окно, так как в него летит угольная пыль. Море выглянет и исчезнет, бурное и серое под лазурным небом. Да, сейчас любоваться нечем. Но тем более есть время удивляться. Ведь рука человека прорыла эти бесчисленные туннели, рука того самого итальянца, которого эти англичане считают лентяем. Знаете, что делает этот лентяй, вот именно здешний, лигурец? Он полгода киркой и лопатой обрабатывает твердую, неблагоприятную каменистую почву, отрицая плут; да плутом

⁴ Фра Беато — Фра Беато Анджелико (в миру — Гвидо ди Пьетро, в постриге — брат Джованни да Фьезоле, 1400—1455). Прозвание Анджелико, то есть «ангельский», восходит к Вазари, который признавал: «Все изображенные святые мужи и жены не только кажутся живыми людьми с тонким нежным выражением лица, но и самый колорит этого произведения представляется творением руки святого или ангела, подобного тем, что изображены на картине, почему этого поистине святого человека всегда по справедливости и называют братом Джованни Анджелико». Официально причислен к лику блаженных в 1983 году, годом спустя канонизирован и признан покровителем художников.

Джотто ди Бондоне (1266—1337) считается основателем итальянской живописи. Само имя Джотто — сокращение от Амброджотто или Анджелотто (в последнем случае он и Фра Беато становятся почти тезками). Тот же Вазари писал, что Джотто создал в жизни много прекрасных творений, а также был «не менее добрым христианином».

Оба художника — уроженцы Тосканы, соседи: Гвидо, сын Пьетро, появился на свет в городке Виккьо близ Флоренции, поступил в доминиканский монастырь во Фьезоле; Джотто, сын Бондоне, родился в деревне Веспиньяно, неподалеку от того самого Виккьо.

тут ничего и не сделаешь! Нужно рукой раздробить каждый кусок земли, рукой выбрать камни, разрыхлить землю в порошок, очистить от корней сорных трав, унавозить. Будущей весной зацветут заново окопанные плодовые деревья, в оливах застрекочут цикады, потянутся зеленые усики винограда, цепляясь за переплеты проволок. Ради этого местный лентяй полгода не выпускает из рук лопаты⁵. Но прошел сезон — лентяю нечего делать; с остальным управится его семья и без его руководства. И тогда он собирает пожитки и едет в Геную, где в порту ждет эмигрантский пароход. Он увезет лигурийского лентяя в Америку на весь итальянский зимний сезон. Он увезет много здоровых итальянских рабочих, иных — навсегда, иных — надолго, но значительную часть лишь на сезон, и больший процент последних — лигурийцы⁶. Минует сезон — они вернутся домой с запасом де-

⁵ Английские туристы издавна стремились в Италию. Начиная с XVIII века в разных городах возникали настоящие английские колонии. Ехидные флорентинцы даже придумали для понаехавших англичан название «anglobeseri» (от «besero» — шумный, нахальный простолудин-флорентинец). Если сначала речь шла о совершавших гран-тур знатных господах или писателях и художниках, которые искали вдохновение и образцы для подражания, то в начале XX века туризм становится массовым. Осоргин исходит из того, что средний англичанин считает итальянца лентяем, которому посчастливилось родиться в земном раю. Однако всякий, кто видел своими глазами Лигурию, тамошние виноградники и оливковые рощи, не может не восхищаться трудолюбием и смекалкой местных жителей.

⁶ В истории Италии было несколько волн эмиграции. Первая, так называемая «великая эмиграция» началась сразу же после создания Объединенной Италии, а закончилась с установлением фашизма: итальянцы отправлялись во Францию, Германию, Швейцарию, Южную и Северную Америку (Бразилия, Аргентина, Уругвай, США, Канада), в Австралию, а с конца XIX века и в Африку (Египет, Тунис, Марокко и др.). Одни уезжали на время, другие — навсегда. По оценкам, до Первой мировой войны Италию покинули порядка 9 миллионов человек — огромное число, если учесть, что на момент возникновения Итальянского королевства его население составляло около 26 миллионов. Многие молодые мужчины отправлялись в Южное полушарие как сезонные сельскохозяйственные рабочие. В XIX веке эмигрировали в основном с севера, затем инициативу перехватил юг страны. Как заявил один из итальянских эмигрантов в ответ министру, призывавшему быть патриотами и никуда не уезжать, «что вы называете нацией, господин

нег и неистраченного здоровья, вновь возьмутся за лопату. Итальянский рабочий не так силен и не так выдрессирован, как английский; но он вынослив и неутомим, он настойчив в работе и нетребователен к праздничным дням. Недостаток ежедневного утреннего бифштекса он восполняет неизменной пасташюттой в полдень, полентой — при передышках и фьяской кислого *vinello*⁷.

И именно благодаря такой настойчивости в труде создаются виллы на восточной Ривьере⁸. Америка — золотое дно для работника, не признающего усталости. Те, кто имеет возможность пробыть там подольше, временно передав свои участки в аренду, возвращаются на эти участки с накопленным капиталом и сформировавшейся психологией маленьких рантье или если им повезло, то и больших. Здесь, на родине, их величают американцами. Я знаю на Ривьере нескольких рантье, бывших раньше земледельческими рабочими; у них свои виллы, выстроенные в довольно безвкусном стиле модерн; их жены и дочери учатся играть на рояле вальс и последнюю новинку неаполитанской *piedigrott*'ы⁹,

министр? Массу несчастных? Мы выращиваем зерно, но не едим белый хлеб. Выращиваем виноград, но не пьем вино. Разводим скотину, но не едим мясо. И, несмотря на это, вы советуете нам не покидать родину. Разве можно назвать родиной землю, где не прожить своим трудом?»

⁷ *Pastasciutta* (букв. «сухая паста») — макаронное изделие без бульона; *polenta* — круто заваренная кукурузная каша, мамалыга. И то и другое — блюда простой, бедной кухни, разнообразие в которую вносят соусы, мясные и прочие добавки. Фьяска — бутыл в соломенной оплетке, которую удобно носить с собой; *vinello* — низкосортное и, как утверждает Осоргин, кисловатое винишко.

⁸ Лигурийская ривьера — полоса земли, тянущаяся между морем и горами. Ривьера делится на восточную и западную, линия раздела проходит через Геную.

⁹ Неаполитанская *piedigrotta* — Фестиваль неаполитанской песни, далекий предок Фестиваля итальянской песни в Сан-Ремо. Официальным днем его рождения считается 8 сентября 1839 года, когда победила песня «*Te vojo bene assai*» («Я так люблю тебя»). Не путать со знаменитой песней «Карузо», которую сочинил Лучо Далла и припев которой начинается с тех же слов). Автор музыки неизвестен, хотя подозрения падают на Гаэтано Доницетти. С тех пор и до наших дней фестиваль проводится ежегодно, ему во многом обязаны популярностью «классические» неаполитанские

носят по праздникам кружевные платья, говорят немного по-испански, чаще на аргентинском испанском жаргоне¹⁰. Отец по старой привычке и из патриотизма курит трубку скверного национального табака, но вас угощает настоящей гаваной и заграничным ликером¹¹. Если гостей нет, он носит дома фуфайку и брюки, но на улицу выходит непременно в крахмальном узком воротничке на красной рабочей шее; сын же этого «американца» по обличью и языку уже совершенно европеец и мечтает зимой повеселиться в Париже¹².

песни. Название Пьедигротта связано с гротом Поццуоли, то есть древнеримским туннелем под холмом Позиллипо. Празднования 8 сентября, в день Рождества Богородицы, проводились здесь еще в XV веке. Впрочем, летописцы фестиваля, ссылаясь на Светония, утверждают, что его символическим основателем был император Нерон, пожелавший порадовать неаполитанцев своим вокальным искусством.

¹⁰ Вспоминается поэма Джованни Пасколи «Italy», посвященная уехавшим в Америку (правда, не в Южную, а в Северную) эмигрантам, которые и с которыми уже разговаривают на смеси итальянского и английского:

«*Ioè, bona cianza!..*» «*Ghita, state bene!..*»

«*Good bye!*» «*L'avete presa la ticchetta?*»

«*Oh, yes.*» <...>

«Джо, удачи!» «Гита, будьте здоровы!» / «Прощайте!» «Билет-то взяли?» / «О, да».

¹¹ Считается, что семена табака попали в Италию в 1579 году благодаря кардиналу Просперо ди Санта-Кроче, папскому нунцию в Лиссабоне. Затем табак стали выращивать в Тоскане, Умбрии, на Сицилии и в других частях страны, появились первые фабрики по производству нюхательного и жевательного табака, сигар и сигарет. Марка сигарет «*Le Nazionali*», «папирос четвертого качества», появилась в 1891 году. Для сегодняшних итальянцев это дешевые сигареты, которые курили их дедушки.

¹² Париж в годы *Belle époque* притягивал и деятелей культуры, и обычных итальянцев, которым их страна казалась провинциальной и скучной. Недаром именно в Париже работали Амедео Модильяни, Джорджо Де Кирико и Альберто Савинио, Филиппо Де Пизис, Джино Северини и многие другие художники. В Париж стремились литераторы. Например, Альдо Палаццески, вложивший слова восхищения французской столицей в уста комичной флорентинской графини:

— В Париже курят опиум...

— Так то в Париже...

Коммуна сменяет коммуны¹³. Лигурия край благодатный, и здесь лучше других живется священникам. Большинство коммун — клерикального состава муниципальных советов. Однако близко Генуя с ее крепкими рабочими организациями, и кое-где на побережье социалисты уже основали свои опорные пункты. Здесь борьба нелегка, так как местное население живет доходами от курортных форестьеров (иностранцев), а форестьер, охотно любуясь католическими процессиями детей, побаивается шумных рабочих демонстраций. Однако частенько по главной улице Нерви движутся загорелые лица со знаменами и красной гвоздикой в петличке, а в Рапалло, случается, шумят и анархисты; между тем все это — главные курорты Ривьеры. В Стурле фабрикуется антимилитаристский журнал *La Rase*, выходящий в Генуе; в Сестри-Леванте на улицах можно встретить надпись: «Да здравствует социальная революция». Борьба идет по всему побережью...¹⁴

— Уверен, мода дойдет и до нас.
— Дойдет, но, увы, не дошла сейчас.
Модного тут не найти с огнем —
мы живем вчерашним, а не завтрашним днем...

(Визит к графине Еве Пиццардини Ба)

¹³ Итальянская коммуна, *il comune*, не связана с коммунистическими убеждениями. В Италии это низовая территориальная единица, обладающая административной и финансовой автономией, — населенный пункт и прилегающая территория. Коммуна как форма самоуправления возникла в западной Европе около 1000 года нашей эры и сохранилась до наших дней. Само название *comune* указывает на общность людей и общее, совместное владение. Глава коммуны — мэр (*sindaco*), законодательный орган — совет коммуны (*consiglio comunale*).

¹⁴ Нерви, Рапалло, Сестри-Леванте — приморские городки в Лигурии, Стурла — рыбацкая деревушка, ныне входящая в Геную. Журнал «*La Rase*» («Мир») существовал с 1903 по 1914 год как орган молодых социалистов, выступавших против милитаризма — не потому, что военные расходы могли стать для Италии непосильной ношей, а потому, что военный путь решения проблем был для них неприемлемым. Важнейшей задачей журнала была борьба за мир. Для этого его сотрудники вели агитацию среди солдат, чтобы те перестали защищать богачей и не стреляли в рабочих во время демонстраций и забастовок. В то же время журналисты разоблачали нарушения со стороны армейского начальства и затрагивали тему эмиграции как способа избежать службы по призыву.



Туннель за туннелем. Велик тот муравей, который прокопал эти горы! Этого муравья выписывали и в Россию, когда пролагали дорогу на Кавказе¹⁵. Этот муравей заполонил Швейцарию, свою буржуазную соседку. Он создал в Аргентине вторую Италию; он поставляет ресторанный прислугу в Лондон; он во всем мире приложил руку к каменным и землекопным работам. Ему нельзя не сделать упрека: в нем слишком развита страсть к путешествию, если только она побуждает его к обезлюдению юга Италии, откуда население толпами уходит в далекие промыслы. Есть целые провинции, где ежегодно уменьшается не только относительная, но и абсолютная цифра населения (Базиликата). Но только не страсть к путешествию этому причиной. Население бежит

Издание выходило немалым тиражом — от 2000 до 4000 тысяч экземпляров. Пацифизм воспринимался тогдашним руководством страны как серьезная опасность. Недаром военный министр предостерегал премьера Джолитти: «В Генуе печатают выходящий два раза в месяц журнал под названием «La Rasse», которым руководит некий Эцио Барталини. Издание является откровенно антимилиитаристским, его единственная задача — поносить и дискредитировать вооруженные силы, сеять среди народа и солдат чувство ненависти и отвращения к военной жизни».

¹⁵ В XIX — начале XX века итальянцы, покидавшие родину в поисках лучшей доли, нередко отправлялись и в Россию, причем не только люди искусства. Многие были задействованы в работах по прокладке железной дороги вокруг озера Байкал. Эмиграция в Россию достигла такого масштаба, что итальянские власти отправили в нашу страну профессора Сальваторе Минокки на месте изучить положение соотечественников. В своем докладе Минокки оценил его весьма положительно: итальянцам отдавали предпочтение при приеме на работу как людям надежным и не склонным к пьянству, им лучше платили и назначали на ответственные должности. С развитием в России железных дорог итальянцы устремились и на Кавказ. Они принимали участие в строительстве Сурамского (4 км, закончен в 1896 году) и Александропольского (3 км, закончен в 1889 году) туннелей на линии Тифлис — Эривань (Тбилиси — Ереван). По сведениям дипломатов, в 1880 году на Кавказе находилось не более 200 итальянцев, после начала строительства Транскавказской железной дороги их число удвоилось, а через десять лет достигло 1200. В России итальянцы неплохо зарабатывали: 6—10 лир в день — мастер-каменщик, 6—10 — горнорабочие. Для сравнения: в эти же годы мужчины-батраки, трудившиеся на полях близ Феррары, получали в летний сезон 1 лиру в день, а женщины и подработки — вдвое меньше.

к заработку от безработицы, от дурных порядков, от того жизненного неустройства, которое в наши дни присуще югу Италии чуть не более, чем в былые времена. И оттуда, с каблука и носка полуострова, народ уезжает всегда на долгий срок, очень часто — навсегда, почти половина действительно не возвращается. Нужды нет! Там, в Америке, эти пришлые итальянцы создают другую Италию, похожую на свою прародительницу и доблестями, и пороками.

Не моя вина, что мой поезд, сбившись с пути в Геную, попал на юг полуострова. Я готов вернуться обратно и нагнать потерянное время. Мысль всегда быстрее поезда, тем более итальянского¹⁶. И тем быстрее мысль путешественника, убежавшего от римской летней жары¹⁷.

И однако — делаю привал на лигурийском побережье.

На морском пляже писать гораздо удобнее, чем на ходу поезда; не потому, что нет тряски, а потому, что здесь мысль не так отвлекается. Направо и налево — песок и гладкие камушки, впереди — даль моря, вчера бурного, сегодня спокойного. И на самом горизонте — корабль, тот самый корабль, который увозит в далекую Америку лигурийского лентяя.

Мысль оставляет в покое итальянского эмигранта. Капризная, она хочет остановиться на эмигранте русском, на небольших русских поселках, сегодня образующихся, завтра распадающихся, в разных пунктах генуэзского побережья¹⁸.

¹⁶ Увы, итальянская железная дорога и сегодня далека от точности швейцарских часов, а некоторые категории поездов как будто специально придуманы для склонных к созерцанию и размышлениям путешественников.

¹⁷ Летом римляне спасаются от духоты и жары — кто на море, кто в горах. Особенно в августе, когда жизнь в столице замирает.

¹⁸ Приехав в Италию в 1906 году, Осоргин поселился в местечке Сори близ Генуи вместе с другими русскими эмигрантами. Жили они коммуной, возглавлял которую известный экономист Карл Романович Кочаровский; среди поселенцев было немало беглых каторжан. Виллу Мария предоставил им безвозмездно симпатизирующий революционерам состоятельный хозяин-итальянец. В первое время все виделось Осоргину в розовом свете, он много писал и публиковался как писатель и журналист. Оставаясь убежденным эсером, в 1907 году он по

Образуются эти поселки просто и всегда случайно. Обычно кто-нибудь из более предприимчивых и более усталых отселяется от большого центра эмигрантской жизни, чтобы немного пожить одному. Большие курорты не дают покоя, да они и не всякому доступны. И вот в одной из маленьких коммун поселяется русская семья, встречаемая местным населением с неизменным приветом. Скромные по одежде и по обхождению, быстрые в усвоении языка, неизменно говорящие на lei не только с прислугой, но и с крестьянскими детьми, они так не подходят под знакомый итальянцу тип форестьера-иностранца, что привлекают всеобщее удивленное внимание¹⁹. Они достаточно непрактичны в хозяй-

партийным делам уехал на несколько месяцев в Париж, затем вернулся в Италию. По возвращении эмигрантская жизнь неожиданно показалась ему пустой, полной склок, словоблудия, засасывающей, как тряпина. В статье «Личное мнение» он обратился к товарищам с призывом «не организационные вопросы решать и не думать глубокомысленно над тем, почему мы не победили, а нас побили, и какой системы револьвер покупать на будущее время. Важно понять время и откликнуться на его запросы, решая их по совести и разумению. Не думать, что нашли или что имели, — а искать, искать, искать. Ничего не презирая a priori, ничего не отрицая с налету, ничего не осуждая предвзято, — всюду искать ответа, радостно встречать каждую новую мысль, жадно впитывать каждую новую идею... Кто не идет вперед, тот идет назад, хотя бы стоял на месте: таков единственно верный из старых парадоксов...».

В начале 1908 года Осоргин, перебравшийся к тому времени в Рим, вновь ненадолго вернулся в Сори, но вскоре присоединился к русской колонии в Кави-ди-Лаванья, также неподалеку от Генуи, куда он будет приезжать летом в последующие годы. Воспоминания о пребывании в Кави оставил и Б. Зайцев.

* Обращение в третьем лице женского рода — особенно вежливая форма в итальянском языке; обычно говорят voi (второе лицо множ. ч.). (Звездочками отмечены примечания первой публикации. — Ред.)

¹⁹ Стоит пояснить, что, употребляя итальянское «Lei», аналог нашего «Вы» при обращении к одному человеку, итальянцы вовсе не называют своего собеседника, будь то женщина или мужчина, «она». Как объясняет лингвист Лука Серианни, используя уважительное «Voi» (аналог русского «Вы»), итальянец подчеркивает, что по достоинству и авторитету стоящий перед ним равен нескольким людям; обращаясь на «Lei», он показывает, что настолько уважает собеседника и признает его превосходство, что не осмеливается обратиться к нему напрямую, а прибегает к третьему лицу (как «signoria», «eccellenza», т.е. произнося нечто вроде «Ваша милость»

ственной экономии, непривычны к дешевой пище — пасте, зелени, ракушкам, фруктам; они много едят мяса, которое дорого, готовят его на сливочном масле, что уже роскошь, истребляют невероятное для итальянца количество сахара, покупая в городе чай, этот странный и безвкусный напиток. И в то же время, в пище живя по-барски, они в одежде не отличают праздников от будней, не надевают по воскресеньям шляп и корсетов и не гуляют с праздным видом чопорными парами на закате солнца. Притом, оставаясь господами по интересам, по обращению, по привычке поздно ложиться и поздно вставать, по отсутствию определенных занятий, по массе получаемых писем, они нередко сами ходят к колодцу за водой, даже сами моют белье, готовят пищу, метут комнаты²⁰. Еще удивительнее для итальянцев отсутствие у этих странных людей разделения дела женского и дела мужского: и те и другие ходят в лавочку за покупками, нянчат ребят, читают книжки и курят. И когда жена, без мужа, гуляет поздно вечером по пляжу с приятелем мужа, муж не ищет ее, не смотрит круглыми глазами, не делает ей сцен ревности. Станный народ! Но хороший народ, особенно в небольшом количестве. В массе он делается несколько беспокойным для соседей: пьет много вина в будни и поет хором после десяти часов, когда полагается быть уже в постели. При этом иногда мужчины и женщины вступают в жаркие споры и спорят о чем-то по целым вечерам, «словно равные»²¹.

или «Ваше сиятельство»). Форма «Lei» считается литературной, форма «Voi» при обращении к одному человеку еще несколько десятилетий назад была широко распространена и сохраняется в некоторых регионах до сих пор. Впрочем, итальянцы куда быстрее и охотнее, чем русские, переходят на «tu» («ты»), несмотря на разницу в возрасте и социальном положении. Герои Осоргина проявляли чрезмерную вежливость: обращение на «Lei» к прислуге недемократически подчеркивало социальную дистанцию, а детишек и вовсе могло напугать.

²⁰ Что до манер и привычек русских эмигрантов, со времен Осоргина мало что изменилось: русские по-прежнему много готовят на сливочном, а не на оливковом масле, пьют чай в жару и в холод, любят поздно ложиться и поздно вставать... Оставим читателю удовольствие сравнить себя с нарисованным портретом.

²¹ Замечание о необычном поведении русских мужчин и женщин связано с тем, что во времена Осоргина итальянки почти во всем

Знал я несколько русских эмигрантских поселков на восточной Ривьере. Обычно создаваясь постепенно, они распались сразу. Пока есть какой-нибудь естественный объединяющий центр, чаще всего семья «старожилов», — поселок держится. Он тем прочнее, чем естественнее подбор: родные, давние друзья, земляки. Но, как всегда бывает в русских поселениях, с их разрастанием в них начинает появляться антиобщественный элемент — люди другого круга, случайные визитеры поселка, оторвавшиеся от больших эмигрантских центров не в силу усталости и разочарования, а лишь на время, ради намерения побывать в Италии. Откуда-нибудь из «проклятого Парижа» они привозят с собой «принципиальные вопросы», партийные и групповые сплетни, дешевые конспиративные повадки, в которых нет решительно никакой надобности, — и таким образом в колонию попадает микроб разложения, микроб той поистине ужасной болезни, которою заражены крупные эмигрантские пункты. Бывает, конечно, что поселки умирают и более естественной смертью: больные (а их всегда значительный процент) излечиваются или уезжают доживать свои дни в большие города, отбывшие срок заграничной высылки возвращаются на родину, «старожилы» передвигаются куда-нибудь в другое место образовывать новую ячейку эмигрантской жизни.

Вообще в Италии русских политических эмигрантов чрезвычайно мало, что объясняется отчасти сравнительной дороговизной жизни и неприспособленностью ее для русских привычек. Даже в таких больших городах, как Рим, эмигрантов почти совершенно нет. Непрочность же пробных поселков в большой степени зависит от слишком слабого развития в русских общественной жилки: большая любовь «водить компанию» — и полное неумение организовываться на

зависели от отцов и мужей. Закон запрещал им самостоятельно принимать решения юридического и коммерческого характера, поступать на государственную службу, брать на себя ответственность за детей. Разумеется, они не принимали участия в выборах. Официально положение закона о том, что мужчина — глава семейства, имеющий власть над женой и детьми, отменили лишь в 1975 году. Кстати, большой вклад в борьбу итальянок за права внесли в свое время русские революционерки Анна Кулишова и Анджелика Балабанова.

началах терпимости и взаимного уважения. Среди русских за границей это наблюдается повсюду; при том огромном количестве невольных и добровольных эмигрантов, постоянно живущих здесь студентов, певцов, художников можно наизусть перечислить все русские легальные организации, да и они обычно впадают довольно жалкое существование. Сравните с удивительной способностью к самоорганизации англичан или немцев! Даже в Италии трудно найти курорт и нельзя найти значительного города, где бы кучка иностранных поселенцев не организовала свой маленький клуб, читальню, столовую, общественную контору для приискания квартир, студий для художников, занятий для ищущих труда, помощи для неимущих. Но есть еще одно важное обстоятельство. Оно кроется в удивительном невнимании русских, в частности русских эмигрантов, к стране, которая оказывает им гостеприимство. Живя в чужой стране, интересной уже тем, что она — свободная страна, они не выказывают ни желания, ни способности войти в ее интересы, не заводят связей с населением, по-прежнему держатся своим стадом, своими прошлыми переживаниями и своими слабыми будущими надеждами. Вместо того чтобы приглядеться пристальнее, поучиться, подумать, главное — посравнить, они в самом подлинном смысле слова «сидят у моря и ждут погоды». В лучшем случае — пойдут на митинг послушать звонкие речи рабочих лидеров из адвокатов; но сама жизнь, жизнь рабочего, как и жизнь обывателя, остается им чуждой и незнакомой. И это при том интересе, с каким некогда в России они хватали брошюрки иностранных социологов, надеясь найти в них ответы и указания, при том апломбе, с каким у нас в России говорят о загранице как о крае, изученном нами вдоль и поперек, навязшем в зубах даже статистическими таблицами, читаемыми наизусть.

Все это создает оторванность эмигрантов не только от интересов родины, но и вообще от жизненных интересов, толкая их на путь варки в собственном соку, на путь групповых, кастовых интриг и разного рода «товарищеских судов»²². Кто

²² Слова о «товарищеском суде» также отсылают к биографии Осоргина: суд над ним состоялся летом 1911 года, став для обвиняемого полной неожиданностью. К тому времени Осоргин вполне обжился в

соприкасался с эмигрантскими колониями Парижа, Женевы и других центров, тот знает, до какой мерзости запустения дошла там жизнь, в какой невылазный тупик она уперлась^{* 23}.

Италии, он много печатался как журналист, занимался организацией экскурсий для учителей и, хотя и поддерживал тесные связи с эсерами, забросил революционную работу. Ему не простили дерзости иметь «личное мнение», не совпадающее с линией партии, обвинили в плагиате (речь шла о тексте, написанном для антологии «История нашего времени», который издательство братьев Гранат выпустило в Санкт-Петербурге в 1910—1911 годах), в пособничестве жуликам (при организации экскурсий для учителей), а также в непорядочности: Осоргин якобы отнял место корреспондента газеты «Русские ведомости» у своего предшественника и перехватывал у других русских частные уроки. В придачу ко всему его обвинили в клевете на итальянский народ: дескать, он очернял Италию, описывая ее политическую и культурную жизнь... Осоргин не признал обвинений, но убедить других в собственной невинности не сумел, поэтому был вынужден напечатать ответ на клеветнические обвинения в газете «Утро России». В его долгой эмигрантской жизни «суд» стал одним из самых отвратительных эпизодов.

* К этим строкам, писанным еще в 1910 году, мне приятно добавить, что последнее время внесло дух оживления и обновления в общественную жизнь русской эмиграции. Показателем этого был «Конгресс русских культурных и экономических организаций» в Риме в марте 1913 г., отмеченный русской периодической печатью.

²³ Русская эмиграция, в том числе политическая эмиграция, о которой рассказывает Осоргин, подробно изучена и описана в рамках проекта «Русские в Италии». Как отмечают координаторы проекта Антонелла Д'Амелия и Даниела Рицци, «в отличие от Франции, Германии или славянских стран, где русские создавали собственные организации, образовательные учреждения, органы печати, издательства и библиотеки, диаспору в Италии можно сравнить не с широкой рекой, а с множеством ручейков, разбежавшихся по стране и затерявшихся среди холмов и долин итальянской истории первой половины XX в.». Наблюдения Осоргина о поведении русских эмигрантов за границей и о стремлении «держаться своим стадом» весьма любопытны. Читателю есть над чем поразмыслить. Мы же позволим себе вновь процитировать координаторов проекта «Русские в Италии»: «Возвращаясь к сравнению с русским Парижем, Прагой или Берлином, нельзя не признать, что там эмиграция из России стала куда более заметным явлением, а наличие русских организаций в сфере культуры и других областях какое-то время позволяло эмигрантам сохранять за границей собственную, «настоящую» Россию. Эмиграция в Италию по своему характеру иная: она куда скромнее в количественном отношении, также не стоит забывать, что наша страна в скором времени превратилась в тоталитарное государство. Многие эмигранты пробыли

Мой поезд идет дальше, теперь уже от моря к горам. Там, в Тоскане и Лигурии, было земледелие — здесь, в Пьемонте, расцветает промышленность. Дорога по-прежнему живописна, но уже в другом духе. Миновав туннели, поезд мчится среди обработанных полей, садов и виноградников. Здесь чувствуется высокая культура и вспоминается контраст сухих и запущенных полей южной Италии. Север и юг — две разных страны, даже две враждебных страны.

— Если бы не юг, мы имели бы социалистический парламент, — говорят северяне.

— Мы платим те же налоги и не получаем за это ничего; своим тяжелым трудом мы кормим этот гордый север, — говорят южане.

Правы и те и другие. Юг поставляет реакционеров и клерикалов в палату²⁴, юг — очаг безграмотности и суеверия. Но виноват ли юг, если он забыт Богом и правительством? Горячее солнце жжет его плодородную почву, которую он не в силах орошать искусственно; его горы обезлесены, его акведуки лишь в проекте; в его провинции посылаются в виде наказания худшие чиновники; его администрация состоит на откупе у латифундистов; для него непосильны налоги, которые без труда платит север; его коммуны не могут содержать достаточного числа элементарных школ, и вполне понятно, что он доводит процент безграмотных до колоссальной цифры²⁵.

здесь несколько лет, а затем уехали в другие страны Европы или в США. Те же, кто осели в Италии, не столько стремились создать сплоченную общину, сколько, оставаясь русскими, вливались в итальянское общество, однако при этом их вклад в нашу культуру и искусство оказался, возможно, даже весомее, чем в других странах».

В оправдание русских эмигрантов укажем в качестве положительного примера римскую Библиотеку-читальню имени Н. В. Гоголя, которая открылась в 1903 году и которая сыграла в жизни русской общины важнейшую роль: здесь не только устраивали лекции, выставки и концерты — в годы революции и Гражданской войны при библиотеке появились бюро труда, столовая для малоимущих, был организован Комитет помощи русским, а в 1921 году — Русское собрание.

²⁴ Речь идет о палате депутатов парламента.

²⁵ Элементарная школа (scuola elementare) — начальная школа. Процент безграмотных: в 1861 году, на момент создания Объединен-

Но север — гордость Италии. Мой поезд прорезывает вдоль узкий клин Ломбардии, врезавшийся с севера на юг между промышленным Пьемонтом с его столицей Туринном и Эмилией с ее замечательными сельскохозяйственными начинаниями и ее «социалистической лабораторией»²⁶. Да, здесь чувствуется Европа, как это ни убийственно для глаз путешественника, наивно ищущего повсюду в Италии девственной природы. Здесь рука человека уже использовала стихийные силы природы, уже приспособила к своим нуждам почти все живописные водопады, возместив их даровой силой полное отсутствие каменного угля и развив электрическую энергию настолько, что даже маленькие сельские коммуны, перескочив через газ, освещают свои улицы яркими лампочками и вольтовой дугой. Здесь каждый клочок земли экономится, удобряется, орошается и приносит плод. Плохим украшением сельского пейзажа служат эти фабричные трубы, — но ведь легкомысленно было бы искать нетронутого пейзажа в промышленной полосе! Положительно, скучающему путешественнику здесь нечего делать; наблюдатель же должен устремить свою мысль на развитие итальянской кооперации, на быстрый рост общественных молочных, сыроварен, шелкового производства, на стройность и нарождающуюся мощь рабочих и крестьянских организаций, на сложность борьбы человека с природой, труда — с капиталом²⁷.

ной Италии, 75% населения было безграмотным, при этом если в Калабрии и на Сицилии эта цифра достигала около 90%, в Пьемонте речь шла о 50—60%. Государство принимало решительные меры, в результате ко второму десятилетию XX века в северных областях число неграмотных будет не превышать 10%, однако в южных областях сохранится в районе 50%.

²⁶ Il laboratorio socialista (социалистическая лаборатория) — определение, данное области Эмилия Джованни Дзиборди, политиком и журналистом, главным редактором газеты социалистов «La Giustizia» («Справедливость»). В конце XIX века здесь стремительно развивалось рабочее движение и были широко распространены социалистические настроения. И сегодня Эмилия-Романья остается самым «красным» регионом страны.

²⁷ И вновь Осоргин подчеркивает, что он не турист, а вдумчивый наблюдатель, который стремится взять лучшее из итальянского опыта и применить у себя на родине. Таковым, по его замыслу, должен быть и читатель его книги.

Турин остается в стороне нашего пути; это печально, так как он, скучный для туриста, очень интересен для исследователя развивающейся итальянской общественности²⁸. Здесь вскоре после «Миланской революции» 1898 года началось завоевание левыми партиями городского совета и в данное время имеется ряд любопытных муниципальных предприятий; благодаря социалистам здесь в муниципальном контракте обязательно вводится оговорка относительно минимума заработной платы и максимума часов работы; здесь процент безграмотности для мальчиков от 6 лет опустился до цифры 10 при средней 48,5% по государству²⁹.

Однако меня, городского жителя, тянет на лоно природы, в маленькие местечки. Там жизнь своеобразная, полная интересов, полная контрастов. Вот, например, неподалеку от швейцарской границы — маленькая коммуна, казалось бы, ничем не замечательная; а между тем в ней есть *casa del diavolo* — дом дьявола, сам по себе мало интересный, но наводящий на размышления³⁰. Много писано о суеверии

²⁸ Позволим себе поспорить с Осоргиным. В Турине есть памятники разных эпох, начиная с древнеримских. Правда, поскольку уже с XVI века Турин серьезно перестраивали, в нем по сравнению с другими итальянскими городами сохранилось не так много памятников Средневековья и Возрождения, обычно поражающих воображение наших соотечественников. По своему облику Турин действительно скорее французский, чем итальянский. К тому же здесь много зданий в стиле модерн, который, как нам уже известно, Осоргин не жаловал. Прибавим в защиту Турина, что несколько его палаццо и замков включены в перечень Всемирного наследия ЮНЕСКО.

²⁹ Миланская революция 1898 года. 6—9 мая 1898 года миланские трудящиеся вышли на улицы, протестуя против невыносимых условий труда и роста цен на продовольствие. Власти испугались и объявили в городе осадное положение, передав управление генералу Фьоренцо Баве Беккарису. Тот жестоко подавил выступления, в том числе применив в городе артиллерию, что значительно увеличило число жертв. Спустя два года анархист Гаэтано Бреши отомстил за погибших в Милане, убив короля Умберто I по прозвищу Картечный король.

³⁰ *La casa del diavolo* — самый знаменитый итальянский Дом дьявола; находится в Умбрии, неподалеку от Перуджи. Вообще же по всей Италии разбросано немало «домов дьявола», «мостов дьявола» и прочей чертовщины. Впрочем, если верить словарю Академии Круска, отсылка к дьяволу, пребывающему, как известно, в аду, могла просто означать

итальянцев, но почти всегда по поводу юга, некультурного, малограмотного, обиженного судьбой и обойденного заботами правительства. Между севером и югом разница огромна: там, на юге, процент безграмотности доходит до 80 на целый округ, а в меньших политических делениях — чуть не до 100; здесь, в Пьемонте, безграмотных всего 17 на 100, и, например, в мелькнувшей мимо окна моего вагона коммуне с домом дьявола почти все умеют читать и писать. Ее население живет отхожим промыслом, отправляясь на зиму в Париж и Лион; мужчины, помимо своего диалекта, говорят на двух иностранных языках³¹. Наблюдается некоторая зажиточность; потребности гораздо шире обычного уровня, удовлетворение их свободнее, дух населения совершенно независим.

И вот в доме одного из самых зажиточных обывателей завелась чертовщина: со всех сторон посыпались камни в комнаты. Сам хозяин, его семья и другие достоверные свидетели уверяют, что камни падают не только из окон внутрь и из крыши на пол, но и из-под пола прыгают вверх, и притом камни горячие, несомненно адского происхождения. Продолжалось это недели три, и днем и ночью, пока наконец хозяин дома со своей семьей не заблагорассудил выбраться из дома; но то же продолжалось и без него. Едва разнесся об этом слух, как к дому повалила толпа местных жителей и окрестных крестьян. Явилась, конечно, и полиция, но ее прогнали камнями — на этот раз уже не нечистая сила, а местная молодежь. Затем решили пригласить священника. Во время торжественного изгнания нечистой силы она не проявляла себя агрессивно; для шутки кто-то из молодых пустил камнем в попа, но виновного тотчас вывели, узнав в нем антиклерикала из молодых рабочих. Поп решил, что во всем виновата одна колдунья, имя которой он назвать не может

удаленное, малодоступное и потому малопривлекательное место — наше «у черта на куличках».

³¹ Вероятно, на французском и немецком. Напомним, что в эпоху Осоргина знание литературного итальянского языка оставалось прерогативой образованных слоев населения, большинство в повседневной жизни обходилось местным диалектом.

до самой ее смерти. Эту колдунью он вызвал затем ночью в церковь и выпытал у нее тайну. Оказалось, что все вышло из-за пустяка: колдунья заговорила одно озеро, воспретив мыть в нем белье, а хозяйка дома, не подозревая этого, продолжала мыть; оттого и стали падать адские камни и раздаваться удары в стены и пол. Впрочем, несмотря на такое исчерпывающее объяснение, данное местным священником, нечистая сила не угомонилась. Тогда за разъяснение дела взялась наука в лице одного молодого туринского учителя, специально для того приехавшего в местечко. Туринский учитель объяснил все самыми обычными и хорошо ему знакомыми явлениями спиритизма, но все же нечистой силы не изгнал; да, впрочем, он за это дело и не брался. Один из местных жителей, описывавший мне эти происшествия, не без гордости прибавил, что теперь ожидаются синьоры из Рима для окончательного уяснения причин той вольности, которую позволяет себе нечистая сила в доме порядочного человека.

Все это, конечно, слишком обычно, чтобы иметь специальный интерес; но вспомните, как во время засухи в Бари местный муниципалитет, при участии гражданских инженеров, доверил изыскание артезианских колодцев гадалщику по палочке из ольхи и как этот гадалщик указал место для начатия работ под памятником королю Гумберту³²; вспомните кипение крови святого Януария³³, игру по снам в государственную лотерею³⁴, массу шарлатанских проделок католи-

³² Конная статуя короля Умберто I, погибшего в Монце от руки анархиста Гаэтано Бреши. Помпезный монумент, работа скульптора Филиппо Чифарьелло, был торжественно открыт в 1905 году.

Вероятно, Осоргин ссылается на лозоходца. Подобный способ искать подземные воды считается антинаучным и даже эзотерическим.

³³ Святой Януарий — покровитель Неаполя. Начиная с 1389 года несколько раз в год свершается чудо: кровь святого, хранящаяся в закрытой ампуле в сокровищнице собора Святого Януария, разжижается, а иногда даже закипает. Считается, что, если этого не происходит, быть беде.

³⁴ По правилам игрок ставит на одно или несколько чисел, а затем сопоставляет их с результатами розыгрыша. Популярный способ угадать счастливые числа — толкование снов: например, любовному сну соответствует число 7, однако сну о неразделенной любви — 29.

ческого духовенства — и попробуйте найти существенную разницу между культурным севером и некультурным югом! Одну черточку различия я, пожалуй, указал бы: на юге чертовщины боятся, на севере же она возбуждает более любопытства, чем страха. Жители описанного мною местечка очень заинтригованы, горячо обсуждают событие, доискиваясь его причин, но абсолютно не высказывают никакой тревоги; перепуган только сам хозяин дома да его жена, явившаяся, по словам попа, главной виновницей раздражения нечистой силы. И еще одно замечание: там, где суеверие, — обязательно является на сцену поддерживающей его священник; там, где силен клерикализм, — неизменно проявляет себя и нечистая сила. Может быть, в этом и разгадка: для Италии мало одних школ; нужно, чтобы эти школы стали светскими. Но в этих дорожных заметках на ходу поезда мне хотелось бы воздержаться по возможности от общих выводов³⁵.

Хотя наш поезд и миновал Турин, но особенно жалеть об этом не приходится, так как мы приближаемся к Милану, этому культурнейшему из центров Италии. Конечно, Милан — столица цивилизованной Италии, как Неаполь — столица южной темноты; на долю Рима остается как будто лишь официальное представительство, парламент, Ватикан и предания о славе дней былых (правда, чудесные предания!). Общественный узел завязался в Милане. Здесь рождаются идеи, которые завтра разольются по всей Италии; здесь возникают начинания, которым лишь позже суждено осуществиться в разных ее концах в форме обществ, партий, кооперативов, просветительных учреждений, издательств. Здесь выходят лучшие, по крайней мере по богатству содержания, итальянские политические газеты *Corriere della Sera* и *Secolo*. Только в Милане могло зародиться и вырасти такое учреждение, как знаменитая *Umanitaria*, связавшая в одно целое бесконечный ряд общественно-просветительных предприятий³⁶.

³⁵ Общий вывод сделан, не надо лукавить. Осоргин никогда не упускает случая ехидно отозваться о католической церкви.

³⁶ Газета «*Il Corriere della sera*» («Вечерний курьер») выходит с 1876 года по наши дни, «*Il Secolo*» («Столетие») выходила с 1866 по 1927 год и была самой популярной газетой на рубеже веков. «*La*

Потребность в Милане ощущается везде и повсюду. Если вам не удастся найти в Риме или Флоренции нужную вам книгу — обращайтесь в Милан, этот центр издательских фирм. Если вас интересует история развития в Италии внешкольного образования, статистика эмиграции, бюджет кредитных учреждений, вопросы сельского хозяйства, новые течения литературы, театральные новинки, музыка, мода, женское движение и пр. и пр. — обращайтесь в Милан, который даст вам ответ на все. Милан — столица современной культурной Италии, т.е. ее севера; но все же лишь Рим, великий старый Рим, оказывается объединителем всех итальянских городов и областей, независимо от их географического положения и степени цивилизации, — Рим, с его традициями, с его мраморами, бесценными музеями, немножко монотонной жизнью. И в соперничестве других городов он — вне конкурса, как вне конкурса и его мировая слава. Когда миланские патриоты кричат: «Да здравствует Милан!» — римляне с полным правом и гордостью отвечают им: «Да здравствует Италия!» — ибо Рим и Италия — синонимы.

Но Рим далеко, да и Милан остался уже позади. В конце концов, не только в этих крупных городских центрах бьется пульс итальянской общественности. Небольшая ломбардская коммуна Лоди первая познакомилась с операциями Народного банка, учрежденного в ней Луццатти³⁷; коммуна

Società Umanitaria) («Гуманитарное общество») — благотворительное учреждение, основанное в 1893 году на средства предпринимателя и мецената Просперо Моизэ Лории и существующее до сих пор. По замыслу его создателей, общество было призвано «помогать обездоленным улучшить свое положение, обеспечивая им поддержку, работу и обучение, а также стремиться к развитию образования, общества и культуры во всех сферах индивидуальной и коллективной жизни». Среди прочего общество вело строительство жилья для бедных, создавало финансовые институты, поддерживавшие кооперативное движение, организовывало биржи труда, курсы профессиональной подготовки, библиотеки, помогало эмигрантам и т.д.

³⁷ *La Banca Popolare di Lodi* (Народный банк Лоди) основан в 1864 году Тициано Дзалли и Луиджи Луццатти; первый в Италии народный, то есть кооперативный, банк. Луиджи Луццатти (1841—1927) — видный политик и экономист, возглавлявший в 1910—1911 годах правительство страны.

Сан-Рокко создала лучшую крестьянскую организацию, послужившую образцом для нынешних «лиг улучшения» (*leghe di miglioramento*), коллективно распределяющих труд и заработок³⁸. Все это — незначительные местечки, мимо которых небрежно пробегают прямые поезда и колокольни которых не привлекают рассеянного взора иностранцев. У них нет истории, у них нет преданий; усилия единиц выделяют их из тысячи таких же маленьких местечек, чтобы отметить их имя лишь в специальных исследованиях современных экономистов; их имена не попадут в бедкер, и тем не менее огромна их роль в культурном развитии страны и ее молодого хозяйства.

Брешия, Верона... Если бы я не спешил в Венецию, я бы предложил вам переменить поезд на маленький пароход, готовый отплыть вглубь озера Гарда. Туда, к границе Италии, где ночью прожектор из австрийской Ривы раздражает обывателя маленьких прибрежных коммун...³⁹

³⁸ *Lega di miglioramento agrario* (Лига улучшения сельского хозяйства) основана в 1890 году в Сан-Рокко, неподалеку от Мантуи. Как правильно указывает Осоргин, организация, опиравшаяся на поддержку социалистов, добивалась справедливого распределения работы и заработка. Это был первый пример подобного рода в Италии, и лига сыграла заметную роль в рабочем движении. В 1974 году в честь нее на центральной площади Сан-Рокко поставили памятник.

³⁹ Советуем читателю и сегодня не отказать себе в удовольствии попутешествовать на кораблике. Рива-дель-Гарда, городок в северной оконечности озера, во времена Осоргина принадлежал Австрии, сегодня он относится к итальянской провинции Тренто. Ирредентизм, распространившийся в Италии во второй половине XIX — начале XX века, предполагал присоединение к королевству всех земель, заселенных итальянцами, — прежде всего Трентино и Тироля. Впрочем, аппетиты ирредентистов этим не ограничивались: они претендовали на Южный Тироль, Истрию, Горицию, Далмацию, а также на Фиуме, Корсику, Мальту, Ниццу и даже Итальянскую Швейцарию.

Один из русских учителей, вверенный заботам Осоргина, вспоминал плавание по Гарде: «На каждом шагу по пути пестреют живописные группы по-праздничному разодетых семейств с милыми черноглазыми ребятишками». Пароходная публика «делается все живее, все шумливее... Напоминает что-то родное, праздничное — русское... Лица румянее и оживленнее, смех громче и заразительнее... То и дело мелькают в руках стаканчики с темным «кьянти», раздаются возгласы «*Vostra saluta!*», «*Prego!*». «Наконец, под веселые звуки гармоники слышится топот ног, образуются на палубе танцующие группы <...>. Но дело плохо идет —

Увы! Я не геолог и не могу остановить внимание читателя на пластах и слоях высоких утесов, глядящих в синюю воду озера; но лимоны здесь великолепны, и их культура придает местечкам оригинальный вид. Однако любопытнее всего проследить здесь высшее напряжение итальянского ирредентизма. Форестьера это интересует мало, разве что он — австриец. Но если вы рискнете побеседовать здесь с местным аборигеном (говорю — рискнете, так как местный диалект довольно убийственен!), то вы убедитесь в полной готовности итальянца потягаться силами с дружественной соседней державой. Здесь над дверями магазинов и над воротами частных домов вы нередко встретите надпись: «Да здравствует Тренто и Триест!» и местный синдак⁴⁰, а то и артиллерийский офицер (потихоньку, конечно) покажут вам коробочку ирредентистских спичек, т.е. обыкновенных скверных восковых спичек, но с изображением на коробочке географической карты «увеличенной Италии» с включением отнятых Австрией земель. И надпись будет гласить: «Таковы естественные пределы Италии, и к этим пределам она вновь должна вернуться». И, узнав в вас русского, вам скажут многозначительно:

— Ваша родина далека... Но, знаете, часто друзья далекие более искренни, чем притворяющиеся друзьями соседи...

Но Боже мой, при чем тут Австрия, когда озеро Гарда завоевано Германией! Ведь нет тут маленького местечка, где бы не внедрил немец в собственном отеле. Право же, это мирное завоевание гораздо неприятнее того факта, что северный кусочек озера принадлежит к австрийской территории. Тут даже и вывесок итальянских почти не видно. И я готов всем сердцем присоединиться к национальному проекту двойного повышения налога на иностранные вывески, предложенному в палате; кстати, инициатор проекта в своих мотивах

танцоры быстро утомляются: видно, «кьянти» действует на ноги не хуже, чем наша «монополька» <...> какими близкими, своими кажутся теперь эти итальянцы...» (Заметим, что тосканское вино кьянти здесь вряд ли пили. Скорее бардолино или вальполичелла. «Prego» — «Прошу», «Vostra salute!» — «Ваше здоровье!»)

⁴⁰ Синдак — sindaco, то есть мэр.

упоминал особо об озере Гарда, чем вызвал аплодисменты всей палаты⁴¹.

Оставив в покое итальянский ирредентизм и австрийские поползновения, мы могли бы, миновав все курорты озера, проехать до маленького местечка Мальчезино⁴². В нем интересного мало, но оно памятно мне по двум годам, когда там летом образовывался кусочек России. Большой отель на самом берегу был полон русскими экскурсантами, посланными сюда московской комиссией образовательных экскурсий. В те два года я неизменно ездил на Гарду посмотреть Россию. Среди других экскурсантов это были, по моему мнению, счастливицы. Быть может, случилось, что они тосковали по большим заграничным центрам; но зато здесь столько природы, столько покоя, так величественны горы, так прозрачна вода синего озера, что могли позавидовать им их товарищи, галопом проезжавшие чрез Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, усталые от вечной беготни по жаре и от впечатлений, которые они едва ли в силах усвоить. Отдых на озере Гарда мне представлялся одним из удачнейших опытов московской комиссии. И не будь рамки мои ограничены итальянскими интересами, я бы дольше остановился на образе жизни здесь этой милой русской молодежи, в которой, особенно

⁴¹ И сегодня на Гарде повсюду слышна немецкая речь: Многие проводят здесь лето, иные и вовсе переселяются в Италию, благо жизнь здесь дешевле, чем в Германии.

⁴² Malcesine (Мальчезине) — городок, расположенный в живописнейшем месте на берегу Гарды; сегодня его население составляет 3,5 тысячи человек. Здесь возвышается знаменитый замок Скалигеров; ради великолепного вида стоит подняться на гору Бальдо по канатной дороге.

Страстный любитель художеств наверняка заподозрит, что русские учителя предпочитали не знакомиться с красотами природы и с современной Италией, а проводить все время в музеях, церквях, галереях... Вовсе нет, и это подтверждают воспоминания участницы экскурсионных поездок: «Группа прослушала две длинных лекции: одну в соборе Св. Марка, о мозаиках и византийском влиянии, а другую во дворце дождей. <...> Эти две солидные лекции оказались не по силам экскурсантам: большинство дам еще делало вид, что интересуется, и кое-что поспешно записывало за лектором, а многие из мужчин погибли довольно откровенно...»

в первый год, встретил столько интереса к жизни Италии и столько отзывчивости к вопросам быта приютившей их страны, что я никогда не сравню ее с остальной массой форестьеров, блуждающих по озерам и пляжам Италии с глубоким видом превосходства своей расы над «вырождающимся латинским племенем». Приветствую этот интерес! Между Италией и Россией, двумя земледельческими странами, есть много точек соприкосновения, как бы ни различны были их политические структуры. А впрочем, отойдем в глубь истории лишь на десять лет: разве не была тогда Италия такой же страной властвующего меньшинства? И разве не свободна она теперь?

Итак, мы в Венеции. Каналы, гондолы, серенатины, все еще живущие отзвуки нелепого процесса Тарновской⁴³. Венеция обладает способностью наскучивать на третий день пребывания в ней. Если хотите, она интересна, но в ней слишком много дешевых эффектов, чтобы захотелось серьезно говорить об этом оригинальном, но не типичном итальянском городе⁴⁴.

Город, где половину населения составляют иностранцы, а другая половина живет на счет иностранцев; город, поражающий прекрасной мраморной облицовкой фасадов своих

⁴³ С именем Марии Николаевны О'Рурк (по мужу — Тарновской, по корням — ирландки) связано громкое судебное разбирательство, проходившее в 1910 году в Венеции. Согласно плану, разработанному ее любовником Прилуковым (адвокатом, специалистом по гражданским и коммерческим делам), Тарновская подговорила другого своего любовника, Наумова (дворянина, сына пермского губернатора), убить своего третьего любовника, графа Комаровского, который перед этим завещал ей огромное состояние. Следствие длилось более двух лет, в его ходе допросили свыше двухсот свидетелей, привлекали экспертов, в том числе девяти психиатров. О скандальном «русском деле» даже собирався снять фильм Лукино Висконти. Скорее всего, Осоргин называет процесс «нелепым» потому, что история Тарновской отражала распространенный в те годы образ русских — рабов страстей и пороков, склонных к экстравагантным поступкам.

⁴⁴ Многое в описании Осоргина верно, а все-таки хочется защитить Венецию... Но стоит ли? Вряд ли читатель согласен, что она «скучна и невыносима»... Кстати, Осоргин почти дословно повторяет обвинения, которые выдвигали Венеции футуристы.

палаццо и в узеньких каналах и улочках скрывающий их боковые, грубо и экономно сложенные кирпичные стены; город, который ночью, при лунном свете, кажется волшебной и роскошной сказкой, а ранним утром, когда еще спят форестьеры, дает почувствовать, что не на одном только юге Италии свила гнездо беднота. Венеция — это международный клуб прожигающих жизнь, школа той преступности высокого полета, которая чаще доставляет острые наслаждения и дешевые лавры, чем приводит на скамью подсудимых.

Но в каждом городе можно найти что-нибудь по своему вкусу и своему интересу. Венеция скучна и невыносима, особенно летом, но близ нее, на острове Мурано, есть один храм, а в нем есть чудесная мозаика — Мадонна чистого византийского стиля⁴⁵. Не связанный программой, не склонный к специальным наблюдениям и выводам, я считаю себя вправе перебрасываться мыслью от итальянских земледельцев к русским эмигрантам, от пьемонтской чертовщины к византийской Мадонне. Все равно везде и во всем проглянет черточка итальянского характера, маленькая психологическая черточка, которая часто важнее изучения статистических таблиц. И я благодарю Мадонну за то, что она познакомила меня с церковным сторожем; маленькое знакомство, убедившее меня в том, что в итальянце действительно присутствует природное художественное чутье, что он действительно от природы поклонник красоты и служитель искусства. А ведь как раз в противоположном могла убедить выставка итальянского искусства в Риме!

Старый сторож встречает меня при самом входе в храм. Он уже хочет начать давать мне объяснения в порядке бедкера, но я его прошу прежде всего показать мне Мадонну. Вялое лицо старика сразу преображается; из гида он делается художником. Мадонна помещается в куполе над главным

⁴⁵ Мадонна чистого византийского стиля — мозаика в апсиде романского собора Санта-Мария э Донато. Изображение Богоматери Оранты на золотом фоне датируется первой половиной XII века и по стилю близко мозаикам в венецианском соборе Святого Марка. По мнению В. Н. Лазарева, мозаика выполнена западным мастером, получившим воспитание в греческих мастерских.



алтарем; чтобы рассмотреть ее получше, мы обходим алтарь и забираемся в совершенно темный угол церкви. Здесь садимся на лавку, заваленную разными материями и предметами для украшения церкви по случаю праздника, откидываем головы вверх и долго смотрим. Старик откровенно выражает недовольство, что праздничный наряд церкви убавил в ней света и сильно затемнил Мадонну.

То, что я не останавливался на пустяках, а прямо пошел к цели, видимо, расположило ко мне старика. Он говорит с тем увлечением и ораторским талантом, которые присущи итальянцам всех классов. Еще в молодые годы он работал здесь с одним англичанином, помогая ему в снятии копии с Мадонны. Англичанин был не ремесленник, а художник, изучал византийское искусство и к Мадонне относился с набожным восхищением. Там, под самым куполом, они работали вместе не менее полугода, а за это время церковный сторож не только успел понять многое, что раньше ему было недоступно, но и научиться немного английскому языку. Затем англичанин уехал, лишь изредка впоследствии навещая Венецию и Мурано, а сторожу выпало на долю провести в этом храме всю жизнь. И была бы эта жизнь однообразна и тосклива, если бы не освещалась присутствием вечной, высокой, неземной красоты мозаичной Мадонны в куполе главного алтаря.

Однажды, когда у сторожа уже подросли дети, был пристроен сын и на выданье дочь, в храм зашла кучка англичан, но не обычных путешественников, а больших, по-видимому, знатоков искусства. Они смотрели на Мадонну, и из их разговора старик понял, что они сравнивали ее с другими мозаиками византийского канона, уверяя, что есть тут же, в Италии, Мадонны еще лучше, еще строже и прекраснее. Он спросил — где; ему назвали два-три места. И с той поры старик загрустил; его мучила ревность. Единственной мечтой его жизни стало посмотреть этих чужих Мадонн и сравнить их с кумиром его жизни. Выдав замуж дочь и оставшись одиноким, он стал понемногу копить деньги, откладывая гроши из скудного жалованья и подачек форестьеров. Копил три-четыре года, пока не накопил

шестьсот франков⁴⁶. Дело в том, что планы его теперь расширились: он решил осмотреть в Италии все храмы, где сохранились следы влияния византийского канона. Прикапывая деньги, он не опускал случая расспросить об этом всех случайных посетителей храма, особенно людей «бывалых» и художников. К концу срока его художественный багаж пополнился основательными знаниями, и он мог предпринять задуманное путешествие. На свое горе, он был неграмотен, а грамота могла бы теперь очень пригодиться; но хорошая память восполняла и этот пробел.

И вот он начал свое путешествие. Нужно удивляться, с какой исчерпывающей полнотой он осуществил свой план! Помимо церквей и музейных мозаик, всем более или менее известных, он называл мне крошечные храмики в забытых городах, осмотренные им с той же тщательностью, как и кафедральные соборы. Он мог смело утверждать, что не упустил ничего, и уж во всяком случае — ни одной Мадонны. И вот уже два года, как он вернулся из своих странствований, чтобы вновь сделаться сторожем муранского храма, чтобы здесь кончить свои дни.

— Ну что же, нашли вы Мадонну лучше этой?

Старик смотрит на меня со счастливой, немного снисходительной усмешкой.

— Нигде нет такой, а лучше и быть не может. Есть много прекрасных, прямо оторваться невозможно, но такой другой нигде не может быть. Единственная и по красоте своей небесной — ни с чем не сравнимая. Провел я близ нее всю свою жизнь, здесь и умру счастливым, потому что теперь знаю, что нет красоты выше моей Мадонны.

И опять мы смотрим вверх, долго, не отрываясь. Его восторженность передается и мне. Строгим, чистым взором смотрит на нас Мадонна; в этом взоре не может быть земных

⁴⁶ В 1865 году по инициативе Франции образовался Латинский валютный союз, в который вошли Бельгия, Швейцария, Италия, Греция и другие страны и который просуществовал до Первой мировой войны. Его члены договорились о стандартном соотношении серебра и золота в монетах, чтобы ими можно было расплачиваться во всех странах союза. Вероятно, чтобы читателю было понятнее, Осоргин часто указывает цены во франках и сантимах, хотя в Италии были в ходу лиры и центезимо.

помыслов, ничего временного, случайного. Да, это — вечная, строжайшая, чистейшая красота...

Когда мы выходим из храма, сторож не хочет взять от меня франка; если бы я смотрел и все другое — тогда так. А за Мадонну он не может взять денег. Да ему и не нужно сейчас; что хотел сделать — сделал; сам — одинок, дети пристроены; только одно и осталось: умереть здесь, близ прекрасной Мадонны, равной которой нет во всей Италии, а надо полагать — и во всем мире...

Пока черная гондола, мерно покачиваясь на зеркальной поверхности лагуны, везет меня обратно в Венецию, я невольно закрываю глаза и вижу перед собою все ту же муранскую Мадонну. И думаю о старике-стороже, влюбленном в ее красоту. Ведь казалось бы, ему менее, чем другим, должно быть доступно понимание вечного и чистого в искусстве, ему, лишь на старости лет впервые совершившему свою «образовательную поездку», да еще с предвзятой целью и естественной ревностью. А между тем истинный художник — он, а не те сотни образованных мастеров, которых мы видим на выставках современного искусства. Пусть даже он пристрастен к своему кумиру — но все же есть, значит, у него свой собственный, незыблемый критерий прекрасного, который никогда не позволит ему в оценке произведения искусства пойти по ложному пути, случайно уклонившись в сторону. И мне хочется верить, что в нем, сыне народа, осталось целым и неповрежденным то чувство, которое было присуще итальянскому народу, пока он не вступил на путь промышленных вождений, отразившихся и на области искусства. Не скажу, чтобы современные выставки были лишены всякого интереса. Нет, по ним любопытно проследить отражение разных влияний, степень уклона художественного критерия от прямой, намеченной искусством древних и эпохой Возрождения; но все это — интерес исторический, изучательский, так сказать. Глазу не на что заглядеться и не на чем отдохнуть; он занят оценкой техники итальянского художника, определением относительной стоимости его картины, размеров вложенного в нее труда, но он отказывается любоваться не рассуждая, как, не рассуждая, любитесь церковный сторож на свою возлюбленную Мадонну. Помню на римской

выставке скульптуру, изображающую нагого человека с колесом в руках; это, видите ли, должно олицетворять авиацию, так как нельзя же современной выставке обойтись без отражения современных успехов воздухоплавательной техники! Ну что общего с искусством может иметь подобная вещь, как бы тщательно и анатомически безукоризненно она ни была выполнена? Дело, конечно, не в содержании, а в том, какой тонкий расчет приводит художника к мысли использовать такую злободневную тему. Не желание ли получить заказ на оборудование зала какого-нибудь авиационного клуба? Не расчет ли, что его «отзывчивость» на темы дня будет отмечена газетами? А в русском павильоне на международной выставке в Риме была вывешена небольшая масляная картинка «Итальянский король открывает русский павильон». Я видел ее на другой день после открытия павильона королем; к сожалению, не помню, была ли она вывешена в самый день открытия. Что же это такое? Конкурс быстроты работы? Но ведь известно, что на придворных обедах придворный фотограф успеваеет к концу обеда изготовить для всех приглашенных снимок обеденного стола со всеми присутствовавшими за ним. Художник, при всей бойкости его кисти, все равно не сможет угнаться за фотографом. И во всяком случае — что же общего с искусством имеет это промышленное производство картин и статуй? Между тем итальянцы своей парадной юбилейной выставкой 1911 года с несомненностью доказали, что уклон их художественного критерия грозит полным падением искусства, что фабрика поглотила художника, что соответствующая традиция Италии просто-напросто — пустой звук без всякого значения⁴⁷. И не будь налицо церков-

⁴⁷ Мы уже убедились, что Осоргин не ценил современное искусство. Поразительно, что он ничего не рассказывает о художественной части Всемирной выставки, о том, что было показано в Риме. А ведь там, к примеру, были представлены картины Густава Климта, наделавшие много шума. Что касается итальянского участия, оно вообще-то было весьма консервативным: в основном мастера второго эшелона, верные реализму, максимум приверженцы символизма и дивизионизма. Мало что предвещало грядущие громкие перемены. Не рассказывает Осоргин и о русском павильоне, кроме анекдотичной истории про художника-подхалима (к сожалению, его имя установить не удалось). Россия же выступила весьма достойно: в двухэтажном павильоне, построенном

ного сторожа, готового жизнь положить за византийскую Мадонну, стало бы очень грустно за будущее итальянского искусства. Теперь же есть хоть надежда: то, что заглохло в социальных верхах, то по-прежнему теплится в нетронутых душах народа, не испорченного промышленным духом современности. Джотто был пастухом⁴⁸, простолюдинами были многие другие великие итальянские художники; из недр народа выйдут новые благовестники нового возрождения, которое сменит современный упадок итальянского искусства. Как и все области жизни, эта область ждет своего пророка. Прошлое не может вернуться, но не может и умереть, и славные художественные традиции Италии рано или поздно воскреснут обновленными.

Для чего я заставляю вас проехать со мной небольшой круг по культурной части Италии? Очень просто! Ведь вы, случайный путешественник, смотрите ее именно из окна

В. А. Шуко в неоклассическом стиле и богато убранном (мебель доставили из Елагинского дворца в Петербурге), показали как старое, так и новое русское искусство (от работ Д. Г. Левицкого с портретами воспитанниц Смольного до академистов, передвижников, представителей «Мира искусств» и «Голубой розы»). В то время русское искусство в Италии почти не знали, павильон вызывал любопытство. Там можно было увидеть работы В. Сурикова, В. и К. Маковских, Н. Богданова-Бельского, В. Васнецова, И. Грабаря, К. Коровина, Ф. Малявина, К. Юона, Н. Дубовского, М. Нестерова (его «Мечтатели» и «Вечерний звон» производили на зрителей особое впечатление). И. Репину и В. Серову отдали по целому залу, показали также работы Л. Бакста, А. Бенуа, М. Добужинского, А. Ремизова, Б. Кустодиева и многих других; в павильоне имелись разделы графики и скульптуры. В рамках приуроченной к выставке культурной программы в Рим впервые приехал на гастроли «Русский балет» С. Дягилева. Открытие русского павильона прошло пышно: на него прибыла итальянская монаршая чета, встретившаяся с великим князем Борисом и великой княгиней Марией Павловной, являвшейся в то время президентом Академии художеств.

⁴⁸ И вновь обратимся к Вазари: «Когда же Джотто достиг девятилетнего возраста, обнаруживая во всех своих еще ребяческих действиях быстроту и живость ума необычайные... Бондоне дал ему под присмотр несколько овец, и, когда он пас их на усадьбе то там то здесь, будучи побуждаем природной склонностью к искусству рисования, постоянно что-нибудь рисовал на скалах, на земле или на песке, либо с натуры, либо то, что приходило ему в голову». Ну а дальше на мальчика наткнулся Чимабуэ, увидел нарисованную с натуры овцу, подивился и позвал себе в ученики.

вагона. И тогда ближайший холм скрывает от вас и города, и поля, и дали. Если бы, с педантичностью исследователя, я сразу открыл пред вами таблицы сравнительной статистики — сознайтесь: вы бы уклонились от дальнейшей беседы! И вы были бы правы. По книгам изучают немца с его философией и его армией, англичанина с его конституцией, утренним ростбифом и тред-юнионами. Но Италия не укладывается в переплет сухой книги. Нет-нет да и выглянет из-под этого переплета непослушная страница, и улыбнется лазурью неба, и разомнется простенькой мелодией Сорренто⁴⁹, и подмигнет летучей лукавой фразой. Но разве значит это, что она не серьезна, эта страна мировой истории, эта родина вселенских гениев? Молодая страна, создавшаяся на величавых обломках седой старины, она слишком жива и жизненна, чтобы быть достоянием архивов и статистических кабинетов. Сегодня она уже не то, чем была вчера; завтра ее не узнает видевший ее сегодня. Лишь живя среди ее народа, можно изучить ее; лишь близость к ней открывает глаза педанту, привыкшему считать весь мир развивающимся по неизменным законам и по одной системе. Вот почему я счел бы ошибкой дать текст, не дав к нему больших картин и маленьких заставок и концовок, набросанных часто совсем бегло и случайно, хотя бы на ходу поезда, хотя бы и в окно вагона.

⁴⁹ «Torna a Sorrento», то есть «Вернись в Сорренто», во времена Осоргина — новомодный шлягер. Самая известная на свете неаполитанская песня (поспорит с ней разве что «O sole mio») написана в 1902 году. Популярность она завоевала после исполнения на фестивале в Пьедиротте, а посвящена... тогдашнему премьер-министру Италии, которого мэтр столь оригинальным способом уговаривал открыть в Сорренто почтовое отделение.



Италия показная и подлинная¹

Между «я бывал в Италии» и «я знаю Италию» существует, конечно, колоссальная разница. Не помогает и «я читал об Италии», так как литература о современной Италии чрезвычайно скудна, а на русском языке почти абсолютно ничего не существует, кроме разбросанных по журналам и газетам случайных статей. Последнее обстоятельство чрезвычайно затрудняет подготовку к путешествию по

¹ Эта глава может показаться читателю скучной — и оттого, что в ней Осоргин возвращается к излюбленным темам, вновь и вновь повторяя проговоренное выше, и оттого, что он сосредотачивается на анализе общественной и отчасти экономической жизни, а это, признаемся честно, не основной предмет интереса поклонников Италии. Тем не менее именно эта глава — центральная в книге, Италия здесь — зеркало для России. Осоргин вглядывается в него, стараясь отыскать то, что пригодится на родной почве. Сегодня, более века спустя, его рассуждения могут показаться наивными, но в чем Осоргину не откажешь, так это в убежденности, в искреннем стремлении сделать жизнь людей легче и лучше. За этими строками — не только образ современной Осоргину Италии, но и не менее выпуклый образ дореволюционной России и русского интеллигента начала столетия.

И конечно же, по манере думать и писать Осоргин — журналист, а вовсе не претендующий на объективность ученый. Он исходит из заранее выстроенной схемы, противопоставляя «показное» и «подлинное», «север» и «юг», «старое» и «новое», неосознанно подгоняя под набросанную черно-белую картинку всю многоцветную действительность. Он клеймит туристов, которые пробуждают в итальянцах «холопскую услужливость» и привносят в итальянскую жизнь «разврат», но беспощаден и к итальянцам, наживающимся на туристах и готовым многое принести «в жертву серебряной лире», т.е. звонким монетам.

Италии, хотя, с другой стороны, самое путешествие делается еще более заманчивым: приходится ехать в страну, прошлое которой известно нам со школьной скамьи и о настоящем которой обычные сведения ниже чем поверхностны². Что действительно известно об Италии среднему русскому путешественнику, подъезжающему из Вены к Понтеббе?³ Что ее небо лазурно, что ее климат мягок, что все итальянки прекрасны, что итальянский народ ленив, жуликоват, пылок и музыкален? И он, этот путник, приезжает в Италию в надежде увидеть чуть не девственную природу, национальные костюмы, пластические движения, развешанные для просушки на улице макароны и тому подобное⁴. Возможно, что его первое разочарование сменится очарованием более высокого качества, но все же ему придется расстаться с некоторыми предвзятыми суждениями об Италии и итальянцах. Но, прибавлю я, расставшись с суждениями предвзятыми, он еще не приобретет верных, так как беглый осмотр Италии даст ему лишь представление об Италии показной; истинная Италия останется по-прежнему загадкой.

И в этом нет ничего удивительного, так как современная Италия, Италия сегодняшнего дня, родилась недавно; история ее последнего десятилетия и есть первый этап ее самостоятельной истории, так как до сих пор ее общественные классы не имели возможности свободно развивать свою

² Для русских учителей, совершавших образовательные поездки по Апеннинскому полуострову, Осоргин подготовил внушительный «Список книг по маршрутам». В него входили работы по истории искусства («Очерки истории Римской империи» Р. Виппера, статья И. Гревса о Флоренции, «Начало итальянского Возрождения» А. Дживелегова, «Образы Италии» П. Муратова, «История Италии в Новое время» Е. Тарле и др.), а также художественная литература, например роман Д. Мережковского «Воскресшие боги».

³ Pontebba (Понтебба) — городок в области Фриули-Венеция-Джулия, рядом с которым тянулась граница между Итальянским королевством и Австро-Венгерской империей. В XIX веке в этих местах проложили железную дорогу, через Понтеббу следовали поезда, направляющиеся из Вены в Удине, а затем в Венецию.

⁴ В наши дни макаронные изделия обычно подсушивают другими способами, но еще в первой половине XX века это делали на улице, причем даже крупные производители.

инициативу. До 1900 года в Италии возможно было то, что возможно сейчас в России; но с начала XX века она вступила в семью свободных народов, и изучение ее приобрело для нас особый специфический интерес⁵.

Кажется, нет другой страны, где на малом протяжении территории умещалось бы такое разнообразие географических и климатических данных, бытовых условий, характеров, обычаев, нравов, диалектов населения, как в небольшой и интересной Италии. Двигаясь с севера на юг, от промышленного Пьемонта к полудикой Калабрии и разбойничьей Сицилии, можно наглядно проследить развитие и упадок современной культуры, поскольку под этим именем разумеется сумма завоеваний человеческого духа, сумевшего проложить туннели сквозь горные кряжи, использовать водную энергию для электрических станций⁶, просветить ум народа школой и привить ему политическое сознание. Если мне позволят картинное сравнение — европейская культура окрасила материковую часть Италии, лишь пятнами залилась на верхнюю и среднюю часть полуострова и почти не тронула юга. Что же касается острова Сицилии, то существующий и поныне, пусть карикатурный, сицилийский сепаратизм — далеко не беспочвенное явление: в культурно-политическом смысле Сицилия почти так же оторвана от остальной Италии, как и в географическом⁷.

⁵ К власти пришли либералы, началась эпоха премьер-министра Джованни Джолитти, продлившаяся до 1914 года. Жестокое подавление народных бунтов осталось в прошлом, было признано право трудящихся создавать собственные организации и устраивать забастовки с экономическими требованиями, приняты меры по защите детского и женского труда и т.п., социалисты участвовали в работе правительства. В 1912 году ввели всеобщее избирательное право среди мужчин.

⁶ Первая в Италии гидроэлектростанция была построена в 1895 году в Падерно, Ломбардия.

⁷ Сицилийский сепаратизм уходит корнями в далекое прошлое; из событий, относительно близких по времени к Осоргину, упомянем легендарное восстание с республиканскими лозунгами в Палермо, которое продлилось семь с половиной дней, с 16 по 22 сентября 1866 года. Для его подавления власти использовали армейский контингент численностью 40000 человек, город обстреливали военные корабли. Чтобы понять причины сицилийского сепаратизма, который Осоргин

Даже и теперь, спустя пятьдесят лет по объединении итальянских государств в единое королевство, еще рано говорить об итальянской нации как о целом. В каждой провинции есть свой патриотизм и своя гордость, каждый горожанин считает свой город особо отмеченным историей и особо славным в летописях отечества. И конечно, невозможно убедить миланца в том, что европеизация его столицы отняла у нее характерно итальянское, или римлянина — в том, что Вечный город славен только прошлым и слишком мало дает настоящему. Прежняя фактическая раздельность выродилась теперь в своеобразный провинциальный патриотизм, большею частью только смешной и наивный, но в известных отношениях крайне вредный для общегосударственной жизни. И лучшим показателем этой неполноты слияния итальянцев в одну нацию служит разница в наречиях, доходящая до того, что природный тосканец едва понимает природного генуэзца или неаполитанца, несмотря на небольшое расстояние, их разделяющее. Поэтому изучать быт Италии — значит изучать быт и нравы каждой отдельной провинции, порою даже отдельной коммуны.

Итальянцам хотелось бы, чтобы националистический (но не национальный!) подъем, сказавшийся так ярко в начале ее войны с Турцией⁸, был признан за доказательство образования в королевстве единой и единомыслящей нации.

обзывает «карикатурным», прислушаемся к свидетельству историка П. Алатри: «Чиновники, большинство из которых было выходцами с севера... часто относились к вверенному их заботам населению как к находящимся на более низкой ступени развития, как к варварам или полуварварам...» К пренебрежению, обидному для жителей этой древней земли, прибавлялись негативные последствия вхождения Сицилии в Объединенную Италию: растущая нищета, полицейщина, непосильные налоги.

⁸ Война с Турцией, или Ливийская война (1911—1912), в которой Италия захватила Триполитанию и Киренаику, а также архипелаг Додеканес. Итальянская пресса убеждала соотечественников, что игра стоит свеч, потому что Ливия богата природными ресурсами, а страдающее от турецкого гнета население воспримет итальянцев как освободителей. Итало-турецкая война также примечательна тем, что в ее ходе впервые в военных целях применили авиацию, в том числе для бомбардировки.

К сожалению, такое заключение было бы преждевременным. Увлечение воинственными кликами и бряцанием оружия, пусть всеобщее и единодушное, еще ничего не доказывает. Поклонение Марсу как раз относится к разряду тех культов, которые одинаково присущи и племенам, и нациям — и маленьким племенам больше, чем культурным нациям. Общенациональное приветствие любой маленькой культурной реформе значило бы больше, чем аплодисменты колониальной афере. Впрочем, более тщательный анализ отношений различных итальянских областей к войне за колонию должен показать, насколько различны побуждения того же Пьемонта от надежд, возлагаемых на колонию калабрийцем. Одному мерещится новый рынок для фабричного сбыта, другому грезится близкая земля для эмиграции из отечества. Что общего в их надеждах? Быть может, общее лишь одно — грядущее обоим разочарование.

Но, отрицая в Италии создавшуюся нацию, мы не можем отрицать ее в потенции. Знаменитая фраза Меттерниха «L'Italie n'est qu'une expression géographique»⁹ давно уже утратила всякий смысл. Много печальных страниц истории Италии подтверждают обособленность ее областей — но зато много великих имен и событий ее старой и новой истории служат для нее объединяющим цементом. Она объединилась на отрицании мелких иноземных царьков и на стремлении к независимости. Ее объединил свойственный всем итальянским народностям дух свободы и жажды общественности. Ее объединили имена общеитальянских народных поэтов, мыслителей, художников, общность религии, преданий и традиций старины¹⁰. И, при всей разнице в диалектах, про-

⁹ «Италия — географическое понятие, определение, касающееся языка, но не имеющие политического значения, которое идеологи революции пытаются ему придать» — фраза австрийского канцлера Клеменса фон Меттерниха. По мнению историков, сам Меттерних, поддерживавший идею конфедеративного устройства государств, не вкладывал в эти слова негативного значения. Уместно вспомнить и другую крылатую фразу, принадлежащую Массимо д'Адзельо: «Мы создали Италию, теперь мы должны создать итальянцев».

¹⁰ Что касается преданий и традиций старины, к общеитальянскому наследию можно отнести то, что связано с Древним Римом. Фольклор же имеет ярко выраженную местную окраску.

стое сопоставление с другими, более сплоченными нациями вырисовывает общий тип итальянца, тип уже достаточно определившийся и, нужно прибавить, многообещающий.

Не задаваясь целью детального изучения Италии, я бы разделил ее не по границам провинций и не по полосам развития промышленности, как это делается исследователями. Для того чтобы составить себе общий облик страны лазурного неба, лучше всего разделить ее на две неравные части: Италию показную и Италию подлинную. Поскольку первая несложна и легка для понимания, а потому исчерпана, постольку вторая сложна, разнообразна и малоизвестна. Италия показная — это та живописная историческая страна, которую создал спрос богатого форестьера, обвел границами бедекер и изобразил во всех видах фотографический аппарат. Это — Италия на открытых письмах. От крупных пограничных пунктов страны идет сеть протоптанных дорог, по которым круглый год бесконечными лентами тянутся иностранцы со всех пунктов земного шара, где только есть агентство путешествий Кука и продается знаменитая книжка в красном переплете¹¹. Одних влечет сюда страсть к путешествиям, других — любопытство, третьих — скука, четвертых — любовь к искусству и старине, пятых — просто инерция. Вся эта разношерстная масса форестьеров разливается по артериям, заранее определенным, скопляясь в пунктах, особо отмеченных в несравненной книжке. Для некоторых пунктов существуют специальные сезоны, и к этому времени сюда стекается из глубины самой Италии все продажное и все жаждущее наживы. В глазах итальянца форестьер — человек, карманы которого полны ненужных ему денег, который неопытен в житейских делах и доверчив в денежных расчетах, который сыплет золото за право посмотреть на закат солнца именно с того, а не с этого камешка, верит болтовне хитрого гида, как священному преданию, покупает в качестве *antichità* черепок горшка прошлогодней выделки

¹¹ Открытые письма — почтовые открытки. Знаменитая книжка в красном переплете — бедекер. Превосходные путеводители, которые издавал Карл Бедекер, выходили в красных обложках. История туризма в современном понимании начинается в Италии в середине XVIII века, в эпоху гран-тура, однако массовым туризм становится с появлением железных дорог.

и т.п.¹² Одним словом, форестьер глуп, но весьма полезен, и умному человеку не грешно от него нажать. И вот такой психологией проникается все население тех пунктов, через которые пролегает форестьерская тяга. Той же психологией проникаются городские управления посещаемых центров, в том же направлении работает правительство. Чтобы тяга форестьеров не ослабела, необходимо предоставить им все удобства, которыми они пользуются в своей стране: возможно исправнее содержать дороги, открывать отделения банков, застраивать отелями живописные места, поддерживать руины, ставить скамейки на подъемах для страдающих одышкой, разбивать скверы и публичные сады, содержать оркестры музыки, покровительствовать агентствам и «международным обществам благоустройства» и т.п. Надо устроить все так, чтобы форестьер за свои деньги чувствовал себя как дома — полным хозяином положения. И вот мало-помалу живописный уголок Ривьеры, или островок близ южного побережья, или средневековый городок обращаются в какую-то международную гостиницу, а все местное население — в добровольных и нечистых на руку лакеев богатого иностранного барина. Неизменной является только красота природы: синева неба, величие моря, дикость обрывистого берега, непорочность античного мрамора — одним словом, то вечное, чего не в силах переделать холопская услужливость.

Не в силах? К сожалению, сила этой своеобразной цивилизации слишком велика: уже обезобразила рука человека морской берег, проложив по нему дорожки со скамейками — традиционную курортную «марину»¹³. На вершине Monte Portofino, выдвинутой в Генуэзский залив, она поставила ресторан и провела к нему автомобильный путь; к Arco Naturale на о. Капри она сделала безобразный спуск с площадками для фотографов-любителей¹⁴; она починила антич-

¹² Antichità — древность. Вспоминается рассказ Альберто Моравиа «Римская монета», герои которой пытаются всучить наивному приезжему подделку.

¹³ Marina — порт, набережная и прочее, расположенные у моря.

¹⁴ Monte di Portofino — гора Портофино, самая высокая точка одноименного мыса. Arco Naturale — т.н. Природная арка, скала на острове Капри, откуда открывается великолепный вид.

ные статуи римских музеев, чтобы изящный вкус форестьера не оскорблялся отбитым носом и стыдливость его не страдала от неприкрытых частей тела¹⁵. Дух «великого Бернини» — скульптора Средних веков, приделавшего две колокольни к чудному римскому Пантеону (удаленные впоследствии так называемые «ослиные уши») — живет в современном итальянце, готовом в жертву серебряной лире принести златострунную лиру Аполлона...¹⁶

Форестьер несет деньги — форестьер же вносит и разврат. Путешествующий иностранец оставляет дома все хорошие черты своей нации и за границей сливается с прочей интернациональной толпой в одну вечно движущуюся массу, жаждущую тех или иных, невинных или пикантных наслаждений, за которые она щедро платит. Сообразно с этим и итальянец, забывая свои лучшие традиции, применяется ко вкусу потребителя и идет на все, что сулит ему барыш: фиглярничает, унижается, обмеривает, обвешивает, вступает в сделки с совестью и «для большей понятности» ломает свой язык на английский манер. В результате форестьер получает, конечно, искомое наслаждение, но он не видит настоящего итальянца и подлинной Италии — он видит лишь Италию показную, специально форестьерскую. И глубоко ошибочно было бы судить об Италии по тем этапам форестьерского движения, к которым принадлежат теперь, кроме чисто курортных мест, и такие важные пункты, как Рим, Флоренция,

¹⁵ Как известно, есть разные взгляды на реставрацию, в соответствии с которыми памятники или сохраняют в том виде, в котором они дошли до потомков, или стараются вернуть им первоначальный облик, или ищут компромиссные решения. Пожалуй, самый громкий пример цензуры обнаженной натуры — частичная переделка фрески Микеланджело «Страшный суд». В середине XVI века даже вышла папская булла, предписывавшая прикрывать срамные места драпировкой или фиговым листом. Осоргин подробнее пишет об этом ниже.

¹⁶ Джанлоренцо Бернини (1598—1680) — архитектор и скульптор эпохи барокко. В 1624 году по указу папы Урбана VIII бронзовые детали Пантеона сняли, чтобы использовать металл для спроектированного Бернини балдахина в соборе Святого Петра. Тот же папа велел архитектору пристроить к Пантеону, дабы придать ему более христианский вид, две невысокие колоколенки, которые прозвали «ослиные уши»; в 1883 году их убрали.

Венеция, Неаполь. А между тем это постоянно делается. В широкой публике распространено, например, понятие об итальянце как о жулике от природы, всегда готовом вам подсунуть фальшивую монету и надуть вас на товаре. Венецианского гондольера и угодливого сторожа музея принимают за тип итальянца, забывая, что именно иноземное влияние путешествующих господ и переделывает честных малых в эту отвратительную и наглую лакейскую породу.

Но есть другая Италия, недоступная взору форестьера, да и не интересующая его. Это — Италия земледельцев, рабочих, мастеровых, торговцев, общественных деятелей, политических борцов, служителей искусства¹⁷. Вне пределов форестьерской тяги и независимо от ее тлетворного влияния итальянец живет своей собственной, трудовой, сложной и еще слишком темной жизнью. Тут же близ Рима, на прекрасном и печальном *Agro Romano*, люди борются с природой, борются с бедностью, силятся выйти из темноты и добиться хотя бы понимания того, отчего так странно сложилась их трудовая жизнь, что обширные поля, расстилающиеся перед их глазами, вспаханные их руками, кормят не их¹⁸. Волнистая поверхность великого «*pian selvaggio*»¹⁹, окружающего Рим, где на высоких местах чернеют остатки мавзолеев, памятников и акведуков, в своих впадинах скрывают от глаз форестьера,

¹⁷ Любопытнейший перечень, многое говорящий о взглядах Осоргина. Чтобы лучше их понять, попробуем догадаться, кого и по каким причинам он в него не включил.

¹⁸ *Agro Romano* (букв. «Римское поле») — земли, лежащие вокруг Рима и исторически находящиеся под его властью. В конце XIX века здесь начали работы по осушению болот, в том числе чтобы победить малярию. Стоит перечистить «Рим» Гоголя, чтобы представить себе здешние пейзажи: «Часто оставлял он город для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другие чудеса. Прекрасны были эти немые пустынные римские поля, усеянные останками древних храмов, с невыразимым спокойствием расстилавшиеся вокруг, где пламеня сплошным золотом от слившихся вместе желтых цветков, где блеща жаром раздутого угля от пунцовых листков дикого мака. ...Соединялись они прямо с горизонтом одной резкой ровной линией, арки водопроводов казались стоящими на воздухе и как бы наклеенными на блистающем серебряном небе». Живописное описание окрестностей Рима можно найти и у Муратова.

¹⁹ *Pian selvaggio* — дикая равнина.

пересекающего эту равнину на поезде или автомобиле, жалкие лачужки, крытые соломой и хворостом, выстроенные из того же хвороста и соломы. Это даже не избушки, а шалаши, а между тем под их гостеприимным кровом тысячи людей проводят большую часть года, поднимаясь в горы лишь после уборки полей — до новых посевов. Центр мира, Вечный город, Мекка поклонников искусства древности, окружен кольцом полей, где люди еще не вышли из рабства, где свирепствует малярия и почти нет грамотных. Несколько десятков самоотверженных лиц, народных учителей, делят участь обитателей лачужек, пытаюсь обучать их детей тут же под открытым небом или под кое-как сколоченными навесами. На несколько десятков деревушек один учитель, и о постоянных школьных сооружениях думать нельзя; учитель переходит от одной группы хуторов к другой — истинный сеятель «Римского поля».

Вот восточная Ривьера, совсем уже обратившаяся в какое-то «иностранный побережье». Бесконечная морская даль, крутые обрывистые берега, серые кудри олив, раскидистые ветви фиговых деревьев, сады пальм, богатые виллы, десяток больших курортов. Вдоль берега тянется прекрасное широкое шоссе; население живет с достатком, питаясь форестьерской щедростью. Но отойдите от моря в глубь гор — и картина меняется. Я бродил в горах Ривьеры и видел, как люди исполняли там обязанности ослов на слишком крутых тропинках. Обливаясь потом, по 30-градусной жаре, они таскали на самый верх гор на голове трехведерные бочки... с простой водой, так как природа не балует итальянцев этой влагой. И это в благодатной Лигурии, вблизи богатейшего порта! Кажется, нигде в Европе не найдется столько лысых женщин, как в Италии, где человеческая голова служит прежде всего для поднятия тяжести и лишь потом для размышлений о тягостях жизни²⁰.

²⁰ Сегодня подобную картину увидишь не часто, но раньше итальянки действительно носили грузы на голове. Кстати, так вес распределяется правильнее и меньше устаешь. К примеру, торговки растительным маслом таскали на голове тридцатилитровые кувшины. Правда, подобные грузы водружали не прямо на голову, а на обернутую тканью деревянную подставку.

А ведь Лигурия — край обильный и обеспеченный, окруженный заботами природы и правительства. Истинное итальянское горе живет на юге полуострова, в Апулии, Калабрии, Базиликате. Природа позаботилась снабдить Рим источниками для его прекрасных фонтанов, но она забыла о целых областях, где народ в буквальном смысле умирает от безводья²¹. В 1908 году Апулия, после трехмесячной засухи, осталась без глотка питьевой воды, которую пришлось доставлять пароходами из Венеции и Генуи, и это явление происходит здесь так же хронически, как у нас неурожай. Но и неурожай здесь хроническое явление, так как без дождей сохнут побеги олив и виноград созревает в зачаточном состоянии. Не радость и слишком обильный урожай винограда: он рождает винный кризис, опять-таки хроническое бедствие в Италии. А между тем природа здесь роскошна, и человеку нужно лишь добавить то, что забыла ее творческая рука, — провести акведуки, как это уже давно решено в принципе, но только в принципе.

Да, в древности люди были предприимчивее. Я выше сказал, что природа щедра к Риму; это не совсем верно. Если мы наслаждаемся теперь обилием воды римских фонтанов, каскадами фонтана Треви, радугой в струях двух гигантских фонтанов на площади Св. Петра, то все это сделано людьми. Со всех гор, окружающих римскую Кампанию, лучами тянутся к Риму водопроводы. Эти гигантские сооружения древности лишь использованы нашими современниками. Остатки акведуков, разбросанные по Agro Romano, свидетельствуют об энергии древних, делавших для украшения одного города и пригородных вилл то, чего не могут сделать современные итальянцы для спасения от засухи и для утоления жажды целой провинции. Но думает ли форестьер, слушая шум четырех каскадов воды, вливающих в бассейн фонтана

²¹ Достаточно взглянуть на карту Италии, чтобы убедиться в неравномерном распределении водных ресурсов. И в наши дни южные области периодически сталкиваются с недостатком воды. Ниже Осоргин восхищается римскими фонтанами, но удивительные примеры инженерной мысли есть и на юге — например, старинная система водоснабжения в знаменитой Матере.

св. Павла на Джаниколо²², — думает ли он в это время о городке Бари, где знойным летом взрослые люди убивают мальчика, чтобы завладеть кувшином воды, который он несет больной матери? А между тем не один такой факт зарегистрирован там в годы засухи.

Я нарочно упоминаю об этих частных бедствиях, чтобы подчеркнуть, что природа Италии, которая восхищает форестьера, является часто врагом итальянского труженика. Вообще нужно заметить, что географические и климатические данные страны далеко не столь благоприятны, как это многие думают, и во всяком случае в борьбе за существование итальянцу приходится проходить суровую, а подчас и жестокую школу. Достаточно припомнить, что почти десятую часть территории этой земледельческой по преимуществу страны занимают живописные, но бесплодные скалы и почти треть ее составляют горы, почва которых, частью по своим природным качествам, частью в силу систематического обезлесения, слабо производительна. К этому нужно прибавить еще малярию в самых плодородных местностях, градобития, порою уничтожающие посевы в целой провинции.

Исполняя предписания красной книжки, форестьер заглянет, конечно, в один из переулков неаполитанской набережной, — заглянет и отвернется с негодованием. Узкие переулочки, лишенные света из-за высоких стен, затенены еще бельем, развешанным на протянутых из окна в противоположное окно веревках, — целая крыша из белья. Среди невероятной грязи тут же на улице кипит рабочая суতোлка: кузнецы, сапожники, плетельщицы циновок, паяльщики — все работают на мостовой, на которой люди, лошади и ослы слились в живую, шумную, кипящую массу. В иных домах прямо в стене проделано отверстие, через которое выливаются грязь и отбросы на узкую улицу, почти недоступную

²² Фонтан Аква-Паола на Яникуле был возведен в 1610—1614 годах в конечной точке акведука Траяна, который отреставрировали по воле папы Павла V (в его честь и назван фонтан). Нынешний облик, спроектированный архитектором Карло Фонтаной, относится к концу XVII века: пять мощных струй льются в мраморные чаши, из которых вода попадает в большой полукруглый бассейн.

для проезда одного извозчичьего экипажа. Две сестры — грязь и бедность — здесь царят безраздельно. И аккуратный немец в спортсменских чулках, бросив взгляд на этот очаг заразы, произносит свой суд: итальянец *от природы* грязен, нечистоплотен, некультурен и проч. К тому же заключению придет он и в Риме, заглянув на дворик затибрской стороны или пройдя по переулку где-нибудь близ Ватикана или синагоги²³. И конечно, он будет относительно прав, но только относительно. Во-первых, слишком смело было бы обобщать итальянскую нечистоплотность. Встречаются в Италии коммуны, удивительные по чистоте и опрятности, даже по-немецки аккуратные: маленькая чистенькая площадь, обсаженная подстриженными деревьями, с неизбежным памятником Гарибальди в центре, белый стильный муниципальный дом²⁴, тщательно подметенные улицы, протертые тальком окна ресторанов²⁵, в которых не видно пьяных, симметрично расклеенные казенные объявления... Правда, таких коммун немного. Во-первых, в искусстве перетряхивать постели, ковры и коврики итальянские хозяйки могут поспорить с немецкими, и даже присутствие во всех окнах развешенного белья — характерная особенность итальянских домов — также свидетельствует не о неряшливости, а скорее о чистоплотности. Но главное, виноват ли итальянец в том, что он грязен? При той нищете, которая свила гнездо в том же Неаполе, при той небрежности, с которой правительство относится к нуждам южного населения, невозможно требовать от итальянца аккуратности финляндской хозяйки, привязывающей к висячей лампе особую шерстинку, на которую, по ее наблюдениям, должны охотно садиться мухи и которая брезгливо меняется раз в неделю. Правда, южный итальянец сушит свои

²³ Затибрская сторона — римский район Трастевере. Синагога была построена в первые годы XX века в старом еврейском гетто.

²⁴ Муниципальный дом — il municipio, мэрия.

²⁵ Простой способ добиться чистоты и блеска оконных стекол — протереть их тряпочкой, смоченной водой, в которой разведен тальк.

макароны на пыльном заборе и ест их пальцами²⁶, но зато он не убивает всю свою жизнь на щепетильную закраску царпин на мебели и изобретение маленьких клозетов для мух; и право же, как ни элегантен Гельсингфорс²⁷, а Неаполь богаче содержанием!

«Страна вечного искусства, страна великих мыслителей старых времен, центр, откуда воссиял миру свет вечных истин...» Так думает наивный путешественник, переезжая границу в Модане и Понтеббе²⁸. А между тем эта родина гениальнейших и просвещеннейших умов, имена которых вписаны в историю, насчитывает теперь 48% безграмотных, причем по отдельным местностям процент этот возрастает до 78,7% (Калабрия). Даже в некоторых городах, как было, например, в погибшей Мессине²⁹, процент безграмотных достигает 60%. И это при наличности политической свободы, в стране, где не требуется политической благонадежности, чтобы иметь право рассказать ближнему своему о таинственных знаках А. В. С.³⁰ И это в стране, где номинально еще с 1859 года введено всеобщее обучение. Нельзя

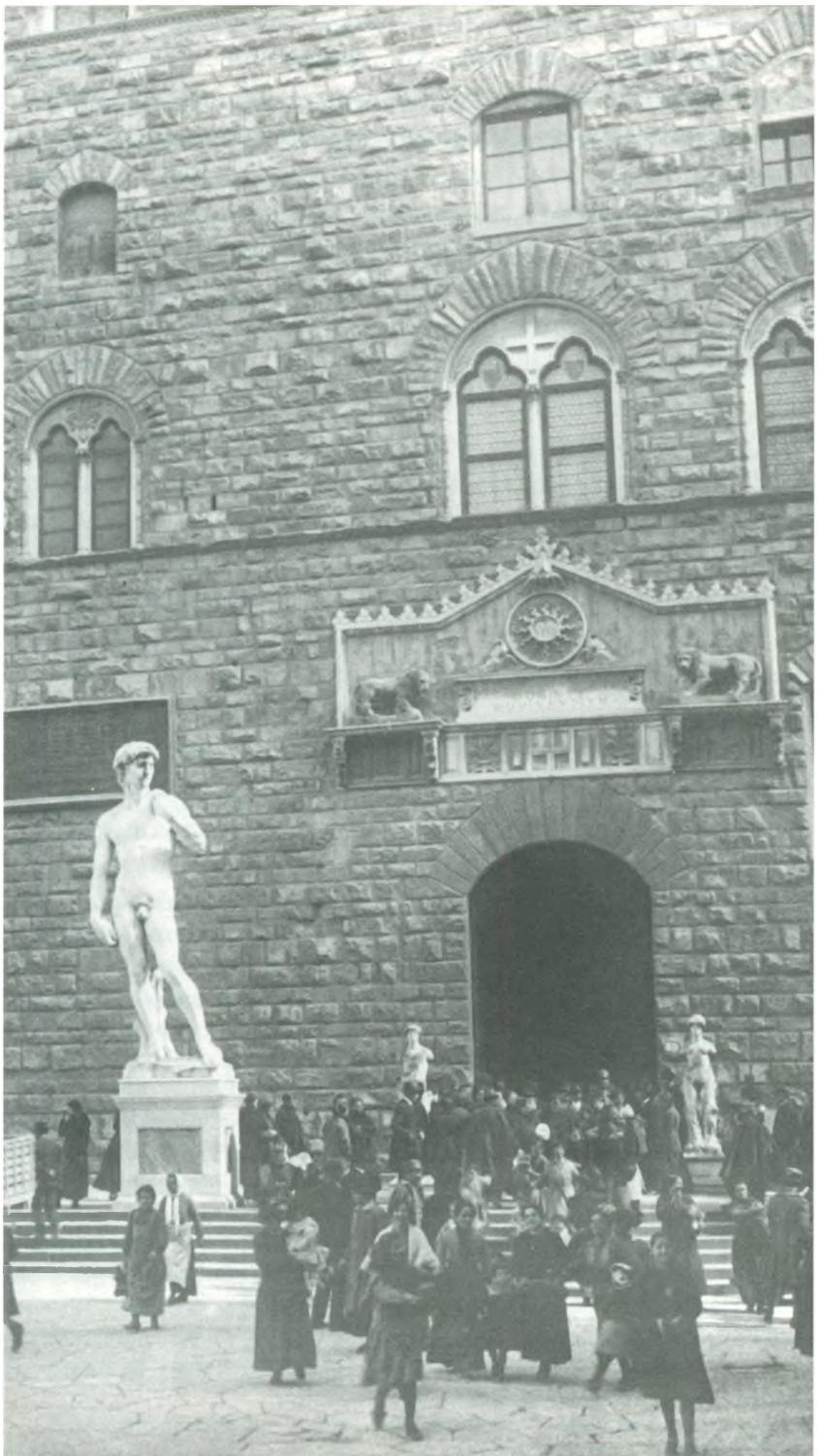
²⁶ Про сушку макарон сказано выше (правда, обычно для этого использовали специальные приспособления, а не заборы). Кстати, в неаполитанской кухне до XVIII века макароны и вермишель ели с сахаром и корицей, это было сладкое и отнюдь не дешевое блюдо. Затем макароны превратились в стрит-фуд: торговали ими прямо на улице, накладывая в бумажные кулечки. Сдобренные небольшим количеством масла, сыром, перцем и солью макароны ели руками; соус из томатов, которые поначалу считали ядовитыми плодами декоративных растений, появился позднее. Макароны брали рукой, затем поднимали ее повыше, запрокидывали голову и разжимали пальцы — еда падала прямо в рот.

²⁷ Гельсингфорс — шведский вариант названия города Хельсинки; употреблялся в русском языке до 1926 года.

²⁸ Модан — населенный пункт на границе Франции и Италии, где проходит железная дорога; о Понтеббе см. примечание 3 на с. 68.

²⁹ В 1908 году произошло сильнейшее в европейской истории землетрясение, которое разрушило несколько городов, включая Мессину. Первыми на помощь жителям Мессины пришли русские военные моряки с кораблей, которые совершали учебное плавание и стояли в порту на Сицилии.

³⁰ Таинственные знаки А. В. С. — первые буквы латинского алфавита.



сказать, чтобы итальянское Министерство народного просвещения было бездеятельно. Напротив, 37 министров, сменивших друг друга с 1856 г., выпустили в свет невероятное количество циркуляров, уничтожающих один другой, и создали целое войско попечителей и инспекторов, должностящих применять в жизни эти циркуляры. Русских не удивит, конечно — как удивляет остальную Европу, — что самое косное, на формализме построенное министерство в Италии — это именно министерство Минервы, как оно здесь называется³¹. Печальнее всего то, что и коммуны с меньшей расчетливостью ассигнуют средства на замощение улиц и устройство фонтанов, чем на городские школы. Даже правительственные инспектора свидетельствуют, что городские администраторы являются злейшими врагами народного просвещения, особенно на юге. Знаменитый дяляновский циркуляр о кухаркиных сыновьях нашел бы немало сторонников среди сицилийской буржуазии³²; здесь высказываются против обязательности всеобщего обучения именно ввиду того, что это приводит к общественной нивелировке и ставит сына крестьянина на одну доску — или по крайней мере садит на одну скамейку³³ — с сыном барина. Народное образование продолжает оставаться главным образом в руках духовенства, которое пре-

³¹ Так прозвали Министерство образования, потому что с 1873 года до двадцатых годов прошлого столетия оно располагалось в римском палаццо делла Минерва (а не потому, что его служащие отличались редкой мудростью).

³² Выражение «кухаркины дети» связано с известным циркуляром, изданным в 1887 году российским министром просвещения И. Д. Деляновым и одобренным Александром III. Циркуляр предписывал допускать в гимназии исключительно детей из обеспеченных семейств, за которыми ведется правильный «домашний надзор» и которым предоставлены «необходимые для занятий удобства». «При неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат».

³³ То есть сажает за одну парту.

подает прежде всего показную мораль, а затем немножко и грамоту³⁴.

В последнее время некоторые большие коммуны ведут борьбу за светскую школу. Но могут ли они успешно бороться с «черными воронами»³⁵, которые принимают ребенка чуть не голым, одевают его, учат бесплатно и выпускают лицемерно набожным и действительно приспособленным к жизни? Нужно много сил и много средств, чтобы сузить сферу влияния престола св. Петра. О частной же инициативе говорить не приходится, так как она развита мало, при отсутствии всякой поддержки со стороны казны. В конце концов не много значат школы в стране, где крестьянин должен выгадывать лишний кусок хлеба на труде ребенка, ворошащего сено, а рабочий может посылать десятилетнего сына на шелковую или бумагопрядильную фабрику. Если есть в Италии много местностей без школы, то есть также немало школ без

³⁴ С объединения Италии началось постепенное строительство единой государственной, независимой от церкви школы. В середине столетия обязательными были два из четырех классов начальной школы, после чего можно было пойти в техникум или в платную гимназию, чтобы продолжить обучение и в дальнейшем поступить в университет. В 1877 году начальная школа предусматривала уже пять лет обучения, из которых три обязательные, а для родителей, которые не желали отдавать детей в учение, ввели наказание. Содержание учебных программ тоже менялось: все меньше места отводилось религии, все больше — естественным наукам, что не могло не вызвать недовольства церкви. В начале XX века государство обязало коммуны открывать начальные школы, поддерживая при этом детей из малоимущих семей. Споры о школьном образовании не утихали многие годы: представители левых сил призывали перевести школу из ведения коммун в ведение государства, разработать единые учебные программы, уравнять оплату труда учителей и таким образом сгладить различие между севером и югом, богатыми и бедными коммунами. Наконец в 1911 году начальная школа стала государственной. Закон также предусматривал создание попечительских советов, которым вменялось в обязанность снабжать детей бедноты учебниками, одеждой, обувью и т.д. Как верно отмечает Осоргин, против реформ часто выступала не только церковь, но и состоятельные люди. Им не нравилось, что образование переставало быть прерогативой избранных.

³⁵ «Черный ворон» — церковнослужитель, как правило одетый в черное.

учеников. В некоторых коммунах число учащихся доходит лишь до 25% полного комплекта.

Как я уже сказал, в Италии с 1859 года, конечно лишь номинально, существует обязательное обучение, впрочем, лишь для детей от 6 до 10 лет и только до предела третьего класса элементарной школы; принудительность образования есть лишь пустой звук, и нарушения закона настолько общеприняты, что по этому поводу никогда даже не возбуждалось преследований. Да и странно было бы привлекать к ответственности родителей, раз ни правительство, ни коммуны не создали числа школ, достаточного для исполнения предписаний закона! В то время как воспитание детей до 6 лет предоставляется всецело частной инициативе, элементарная народная школа почти так же всецело вверена заведыванию коммун, и государство приходит на помощь общественным учреждениям лишь в самой незначительной степени и в исключительных случаях.

При такой системе возникает прежде всего крайнее неравенство в распределении грамотности. Судьба народного просвещения ставится в зависимость от средств данной коммуны и от состава муниципального совета. Большие города, особенно главные города северных провинций, добились сильного понижения процента безграмотности, тогда как маленькие коммуны и почти весь юг превысили среднюю по государству цифру безграмотности до крайних пределов. При этом констатировано, особенно на юге, не только равнодушное, но прямо враждебное отношение коммунальных властей к делу просвещения. Такое отношение отчасти оправдывается тем, что постройка и содержание школ не по средствам бедным итальянским коммунам, иногда закрывающим свои школы лишь потому, что на их отопление нет средств. Нечего и говорить, что инвентарь таких школ более чем жалок, а учительский персонал сплошь и рядом не получает даже и условленного мизерного жалованья. В результате, по подсчету Луццатти³⁶, сделанному в 1909 году, для выполнения закона об обязательном обучении на юге необходимы 38 тысяч хорошо оборудованных школ, тогда как имеется в

³⁶ О Луиджи Луццатти см. выше примечание 37 на с. 53.

наличности только 19 тысяч, из которых большинство ниже всякой критики.

По поводу существующей системы народного просвещения давно уже возникла горячая полемика между сторонниками передачи народных школ в ведение государства и защитниками децентрализованной системы, причем и последние, конечно, настаивали на серьезнейших реформах. Результатом этих двух течений был недавно утвержденный палатой закон, возлагающий на казну значительную часть расходов по содержанию элементарной школы (раньше расходы целиком падали на городские управления) и отдающий школы под совместный контроль государства и городов.

Безграмотность везде дружит с суеверием, но Италия в этом отношении побивает рекорд всех цивилизованных стран. Вятскому мужику еще простительно верить в нечистую силу, с которой, впрочем, он ухитряется уживаться любовно, — но неаполитанскому горожанину гораздо менее простительно верить в кипение крови св. Януария и возможность увидеть во сне выигрышные номера правительственной лотереи. На суеверии итальянца играют (в буквальном смысле) не только остроумные проходимцы, но и само государство. Упомяну хотя бы о lotto — лотерее, содержимой казной и служащей для обирания карманов беднейших классов населения. Эта игра процветает по всей Италии, но главным плательщиком «налога на дураков» (*tassa sugli imbecilli*) является юг³⁷. Для соблазна игроков государственные лавочки вывешивают внутри помещения и на наружных дверях «счастливые номера», специально вычисленные на ближайшую субботу по гороскопам, по «закону вероятности», по числам данного месяца. Внутри имеются рулетки, повернув которые игрок получает судьбой указанный ему номер, имеются книги с весьма основательным толкованием снов, а кроме того, каждый чиновник может указать вам цифру, соответствующую вашему видению. Масса шарлатанов, из которых иные достигли заслуженной известности как знатоки черной магии, рассылают по всей Италии печатное

³⁷ Лотерея стала государственной в 1863 году. Фразу «Лотерея — налог на дураков» приписывают первому премьер-министру Италии Камилло ди Кавуру.

предложение услуг за умеренное вознаграждение: две лиры гонорара (на почтовые расходы), и обыватель бесплатно получит от них указание какого-нибудь *terno secco* с верным выигрышем в несколько тысяч. И обыватель посылает, ошибается в расчетах, вновь посылает, меняет мага, обманывает самого себя и систематически отдает государству свой заработок. В Неаполе, по статистике 1910 года, каждый житель уплачивает 13 фр. 75 сант. этого скрытого налога; другими словами, семья в пять человек платит государству 68 фр. 75 сант. ежегодно за этот бессовестный обман³⁸. Статистика ставок указывает, что главным игроком является беднота, несущая в правительственную лавочку последний грош, и из этих грошей казна сколачивает 46 миллионов годового налога! К этим цифрам прибавить нечего.

У безграмотности есть еще сестра — преступность, борьба с которой в Италии так же малоуспешна, как и с первой. Тяжеловесный механизм юстиции, как бы ни была тяжела его карающая рука, не может, конечно, считаться надежным средством к исправлению нравов, тем более что итальянцам вообще свойственен исторически сложившийся взгляд на власть как на необходимое зло. Меня в данном случае интересуют лишь два характерных, близких по духу явления итальянской жизни, так щекочущие любопытство путешественников: неаполитанская каморра и сицилийская мафия, эти два исторических тайных общества. Каморра, издавна свившая себе гнездо в столице южной Италии, многим пред-

³⁸ *Terno secco* — комбинация из трех чисел в лотерее, при этом играющий не делает других ставок. Неаполитанцы — фанатичные игроки. Впрочем, страсть к лотерее свойственна всем итальянцам. Например, у ломбардца Карло Досси есть короткий рассказ, который так и называется — «Лотерея». Его героини — консьержки, единственная улада которых — выбирать три числа, а после ждать розыгрыша, мечтая, как они купят домик у озера и наполнят его коврами, зеркалами и всякими изящными вещицами. Моралистам, которые осуждают неизменно остающихся в проигрыше консьержек, Досси возражает: «У человека, особенно у бедняка, чтобы не пошатнуться, имеется немало опор кроме собственных ног. Первейшая из них — надежда. А стоит она, коли я ничего не путаю, всего пятьдесят центезимо в неделю».

ставляется явлением чрезвычайно таинственным, почти мистическим³⁹. Неуловимый, но тесный союз между людьми разных социальных положений, особые ритуалы, необыкновенная сила сопротивления, державшая в повиновении всю администрацию вплоть до высших ее представителей, — все это с виду очень занимательно и даже, пожалуй, красиво. Но только с виду. В действительности сила каморры очень преувеличена, ее ритуалы — простая комедия, ее состав — подонки общества, набранные как из высших, так и из низших его слоев и тесно сплоченные общностью низменных интересов. Низшая каморра, вербуемая из мелких и крупных воров, проституток, убийц и прочих «бывших людей», не могла бы существовать без дружеской поддержки так называемой «высокой каморры», продающей административные должности и покупающей депутатские кресла. Связывает каморристов не ритуал, а просто общая выгода больших и малых разбойников, которые, покрывая и помогая друг другу, держат в страхе обывателя. Прибавлю, что в последнее время каморра потерпела большой урон в связи с недавним, знаменитым в итальянских судебных летописях «процессом Куоколо», длившимся больше года⁴⁰.

Сицилийская мафия как явление гораздо интереснее. Это не столько организация, сколько столкновение культуры с веками выработанными обычаями. Но и здесь ореол, окружающий мафию в глазах форестьера, необходимо сбросить. Под этим именем часто понимают разбойничьи шайки, составленные из крестьян, борющихся чуть ли не за идеал социальной справедливости. Возьмите учебник или дешевый энциклопедический словарь, и вы прочтете там, что мафия — «сицилийское тайное общество, ставящее своей задачей

³⁹ Столица южной Италии — то есть Неаполь. Рассказать о мафии и каморре в кратком комментарии — непосильная задача. Отсылаем читателя к книгам Роберто Савьяно (о каморре) и Леонардо Шаши (о сицилийской мафии), которые переведены на русский язык.

⁴⁰ Первый судебный процесс, когда на скамье подсудимых оказались члены неаполитанской каморры, обвиняемые в двойном убийстве — вора Дженнаро Куоколо и его жены. Суд проходил в 1911—1912 годах в Витербо и закончился вынесением суровых приговоров. Ниже Осоргин подробно о нем рассказывает.

охрану низших слоев населения от несправедливости и притеснений, не стесняющееся средствами и при случае пускающее в ход убийства и грабежи» (словарь Павленкова)⁴¹. Здесь верно только последнее. От прежних благородных разбойников, подвиги которых облакались в героическую дымку, не осталось и признака. Банды современной мафии вербуются главным образом из средних классов земледельческого населения и служат не защитой крестьянства от помещиков, а, наоборот, помощью латифундисту, выжимающему из крестьянина последний пот. Мафия, естественно, враждебна объединению Италии, так как оно лишило местные коммунальные власти их прежнего неограниченного влияния на население. В 1849 году мафия подавила начавшееся в Сицилии освободительное движение и возвратила остров деспотизму Бурбонов⁴². В 1860 году, в период экспедиции гарибальдийской тысячи, она терроризировала сицилийское крестьянство⁴³. В 1894 году она восстала против проекта Криспи об экспроприации латифундий⁴⁴. Центр мафии и основа ее власти — муниципалитеты, которые вербуются из ее ставленников. Это ведется со времени Бурбонов, система правления которых именно и заключалась в предоставлении местной администрации полной свободы выжимать соки из населения. В распоряжении этих муниципальных мафиозов имеется доходнейшая статья — *dazio consumo* (октруа),

⁴¹ Осоргин ссылается на однотомный Энциклопедический словарь Ф. Ф. Павленкова, очень популярный в России. Словарь содержал около 35000 терминов; первое издание увидело свет в 1899 году в Петербурге.

⁴² Речь идет о Сицилийской революции 1848—1849 годов, неудачной попытке свергнуть власть короля Обеих Сицилий Фердинанда II, которому после беспощадного артиллерийского обстрела Мессины дали прозвище «король-бомба». Говоря о роли мафии, Осоргин, вероятно, имеет в виду, что Бурбоны использовали ее для поддержания собственного порядка. Члены мафии были среди полицейских, часто именно им поручали преследовать политически неблагонадежных граждан.

⁴³ В 1860—1861 годах Гарибальди с тысячей сторонников высадился на Сицилии. Он разбил войска Бурбонов, в итоге территория Королевства Обеих Сицилий была присоединена к новому итальянскому государству.

⁴⁴ Премьер-министр Франческо Криспи предложил проект реформы, который вызвал у сицилийских землевладельцев решительный протест.

которая и составляет основной фонд для их операций⁴⁵. Конечно, налог на пищевые продукты падает на беднейшие классы населения, тем более что в некоторых сицилийских коммунах муниципальные чиновники пользуются привилегией свободного провоза съестных припасов, т.е. попросту привилегией контрабанды. Таким образом, весь прежний ореол сицилийских разбойников давно уже отошел в область предания и современные мафиозы представляют из себя лишь род аристократии преступников, узаконенную обычаем шайку казнокрадов и угнетателей населения. От прежнего кодекса мафии осталась, быть может, лишь упорная ненависть мафиозов к писаным законам и правительственной юрисдикции. Того, кто обратился к суду с жалобой на обидчика, даже на убийцу, общественное мнение подвергает остракизму. Донос или выдача преступника считаются величайшим бесчестьем, хотя бы выдавший на суде сделал свое показание, чтобы избавиться от незаслуженной им пожизненной каторги. Эта мораль мафиозов имеет глубокие корни в обычаях сицилийцев, чем, конечно, и объясняется ее живучесть. Одновременно с отрицанием судов и писаных законов обычай одобряет самосуд и «вендетту» во всех видах, не исключая и мести родовой. Не совсем обычно звучат для нашего уха такие газетные сообщения: «В коммуне такой-то местный обыватель А убил В, с которым был в давней вражде. Брат убитого посажен в тюрьму», — обычный прием судебной власти, чтобы воспрепятствовать кровавой мести⁴⁶. Впрочем, нужно заметить, что не везде судебные власти решаются идти на такие меры, так как судейские места в Сицилии обычно также занимают мафиозами.

⁴⁵ Dazio di consumo (октруа, *фр.* octroi) — ввозная пошлина на продукты питания и некоторые товары, важнейший источник пополнения коммунальной казны.

⁴⁶ Осоргин пишет об омерте — «кодексе чести» у мафии, законе, предписывающем держать язык за зубами. Считается, что слово «omertà» произошло от «umiltà», т.е. «смирение». Преступную организацию называли «società dell'umiltà», т.е. «общество смирения», подчинения главарю и установленным им порядкам. Свидетели преступления не должны были раскрывать рта, чтобы не помогать официальному расследованию и не препятствовать мести.

Вендетта — отмщение, в том числе кровавая месть.

Такова печальная действительность, вопреки ореолу таинственности и романтичности, которыми окружены южные бандиты в глазах путешествующего буржуа-форестьера. Быть может, спросят, как может существовать каморра и мафия в наше время, в стране парламентского режима? Вот это-то именно и любопытнее всего. Дело в том, что и неаполитанская каморра, и сицилийская мафия, сбросив свои романтические плащи, давно уже занялись главным образом и больше всего избирательной борьбой, как административной, так и политической. Возможность их дальнейшего существования стоит в непосредственной зависимости от состава законодательных органов и министерского кабинета, и этот состав пока им благоприятен. Юг, где без содействия или против воли этих современных бандитов почти ни один депутат не может получить кресла в палате, является главным поставщиком министерского большинства, а во времена, еще не столь отдаленные, чуть не весь кабинет министров состоял из мафиозов и каморристов. Таким образом, главное зло заключается не столько в непосредственных подвигах мафиозов, сколько в теснейших узах, связывающих мафию с министерской «высокой каморрой».

Я остановился здесь на нескольких случайно подобранных и почти не связанных между собою явлениях итальянской жизни, преимущественно на тех, в которых ярко различны две стороны: показная и подлинная. Показная — это та, которая существует в представлении путешественника по Италии, знакомящегося со страной по бедкеру и по старым преданиям, давно уже не имеющим под собой почвы. Подлинная же сторона явлений как раз меньше всего интересует наблюдателя и в то же время более всего интересна и многообразна. Но, противопоставляя лубочным картинкам воображаемой Италии ее суровую действительность, я не имею в виду возбудить отрицательное отношение к итальянской действительности. Совсем напротив. Безграмотность, суеверие, преступность, подкупы «народных избранников» — все это существует, но не этим исчерпывается жизнь, как не этим она и определяется. Не исчерпывается она и законодательной работой парламента, так как вообще итальянская политическая жизнь — лишь осколок с политической

жизни Франции и для Италии отнюдь не характерна. Правда, подлинная итальянская свобода гораздо шире действующей конституции, и дух свободы господствует над писанным законом⁴⁷. Но, привыкнув к смене правителей и правительств, итальянский народ мало ими интересуется и проявляет в общем крайнюю аполитичность, предпочитая заниматься нуждами своего городка, чем вопросами «государственной важности»⁴⁸. И на выручку огромной и непроизводительной государственной машине, насчитывающей больше тормозов, чем зубчатых колес, приходит общественная инициатива и самодеятельность. Нет области, где бы она не вытеснила своим энергичным вмешательством толчею государственных предначертаний. Именно она, эта общественная самопомощь, и представляет ту сторону итальянской жизни, которая для нас полна живого интереса, — тогда как у политиков и чиновников, с их планами и методами, нам учиться решительно нечему⁴⁹.

⁴⁷ Действующая конституция — Альбертинский статут — первоначально дарована своим подданным королем Сардинии Карлом Альбертом; затем она стала конституцией Объединенной Италии. Ее текст создан по образцу французской Хартии 1830 года; со временем в конституцию вносились изменения. Официально она действовала до 1948 года, когда вступила в силу конституция Итальянской республики.

⁴⁸ Возможно, крайняя аполитичность и была характерна для современников Осоргина, но про нынешних итальянцев этого не скажешь.

⁴⁹ Общественная инициатива и самодеятельность — вот что восхищает Осоргина, вот чему он призывает учиться у итальянцев. И с ним невозможно не согласиться! Итальянцы воспринимают как моральный долг выражение сочувствия и поддержки тем, кто в этом нуждается, они мгновенно объединяются и действуют, если того требуют обстоятельства. Осоргин считает это частью национального характера. Вероятно, он прав, но вряд ли стоит сбрасывать со счетов роль католической церкви, к которой наш автор относится безо всякой симпатии, но которая на самом деле всегда уделяла большое внимание работе в обществе. Не случайно Данте поместил сразу за воротами ада «...жалких душ, что прожили, не зная / ни славы, ни позора смертных дел» — людей ничтожных, равнодушных, пассивных наблюдателей, вместе с подобной им «дурной стаей ангелов». Приговор Вергилия гласит: «Их память на земле невоскресима; / От них и суд, и милость отошли. / Они не стоят слов: взгляни — и мимо!» (Перевод М. Лозинского.)

Характернейшими чертами итальянской самодеятельности являются скромность ее начинаний, прочность ее основ, выдержанность ее развития и уверенность в будущей огромной роли сегодняшнего маленького почина. Залогом прочности ее служит столько же правительственная терпимость к общественной инициативе, сколько и широкая взаимопомощь самых различных по типу и задачам общественных предприятий.

Когда в Италии зарождается какое-нибудь новое начинание, его инициаторы обычно начертывают колоссальную программу будущих преуспеваний и очень умеренную смету ближайших задач. В их программе-максимум неизменно говорится и о величии Италии, и о всеобщем братстве, и о служении человечеству, и о вечных идеалах общественной жизни, и о прочих высоких материях. При этом приобретается знамя, заказываются значки для членов, одним из которых сочиняется и гимн нового товарищества. Но этим смущаться не следует: это лишь обстановка. Наряду с этим имеется и программа-минимум, пункты которой находятся в полном равновесии с кассовой наличностью и скромными силами участников. Помпа нужна лишь для привлечения к новому делу общественного внимания и для удовлетворения природной склонности итальянцев к мишуре и побрякушкам. Но едва завертелись колесики нового маленького механизма, вокруг них начинает формироваться скромная, чисто деловая обстановка, чуждая всякой помпы. В Италии нет таких богачей, которые вкладывали бы в культурное общественное начинание огромные капиталы. С двумя-тремястами франков в кармане здесь уже приступают к устройству библиотеки, элементарной школы, взаимовспомогательной кассы, трудового кооператива, а то и к изданию газеты. Мне, например, пришлось посетить редакцию еженедельной газеты, выходящей аккуратно уже пятый год; редакция эта помещалась в столовой самого редактора-издателя, который был и ее деятельным сотрудником, отец которого тут же складывал получаемые из типографии номера и налеплял ярлыки, а мать таскала газеты на почту; газета эта выходит и по сей час в одном из северных городов и, следовательно, кем-нибудь читается, кому-нибудь нужна. Кто знаком с организацией

итальянского мелкого кредита, тот знает, что зачастую все счетоводство сельской кассы⁵⁰, вместе с наличными суммами, умещается если не в жилетном кармане, то во всяком случае в одном ящике письменного стола, а между тем какую огромную роль играют эти кассы в жизни страны!

Мне вспоминаются различные российские предприятия общественного характера. Редко-редко начинаются они при наличности небольшого сбережения; обычно наоборот — сначала копят суммы, а потом уже сразу готовится что-нибудь грандиозное, и при этом первая забота инициаторов — добиться крупной субсидии от казны или города. Правда, велика разница между Италией и Россией, и методы этих стран, естественно, должны быть различны. Правда и то, что у нас, чтобы подать нищему две копейки, нужно предварительно подать кому следует прошение на гербовой бумаге. Но все же у нас наблюдается какая-то несмелость в инициативе и неуверенность в достаточности своих наличных сил. Итальянцы рассуждают иначе. Они начинают с ничего плюс единица; через некоторое время нуль с единицей образуют десять, о чем составляется подробнейший отчет и посылается всем лицам и учреждениям, кого только это может интересовать. Тогда же начинается генеральный смотр нового учреждения. Если смотр сошел хорошо, несколько учреждений того же типа, но годами постарше дают в складчину маленькую субсидию, которая помогает их меньшему брату встать на ноги; вместе с тем этого меньшего брата записывают в семью полноправных членов. И вот, опираясь на старших, он растет, пока сам не приобретет способности, выплатив долги, помогать в свою очередь родившимся позднее. Потом местные ячейки образуют провинциальный союз. Потом провинциальные союзы съезжаются и образуют национальную федерацию. Это уже сила. Итальянские национальные союзы и федерации пользуются большими привилегиями. Такие организации, как кооперативный союз, как лига касс взаимного вспоможения, как союзы учительский, железнодорожных служа-

⁵⁰ Сельская касса (la cassa di prestanza agraria) — учреждение, выдававшее кредиты на ведение сельского хозяйства. Сельские кассы получили широкое распространение в Италии в конце XIX века.

щих, гражданский, чиновников, типографов, металлургов и другие профессиональные, не только заставляют законодателей и общество считаться с мнением их конгрессов, но при случае диктуют правительству правила поведения⁵¹. Такие организации имеют свои органы печати, своих депутатов, а иногда депутатские группы (напр., «Парламентская лига друзей кооперации»⁵²); на их очередные съезды считают долгом являться министры соответствующих ведомств и слетаются корреспонденты со всей Италии. И подобных национальных федераций в Италии очень много. И вот, лишь достигнув такого влиятельного и видного положения, общественные организации предъявляют муниципальным органам и правительству требования различных привилегий, но отнюдь не начинают с этого. Характерно, например, что только прочно укрепившиеся и развившие свои функции общества обращаются к властям за официальной легализацией; более мелкие довольствуются фактом своего существования, не чувствуя потребности в законной санкции. Это, с одной стороны, чрезвычайно затрудняет учет общественных сил, но с другой — облегчает созидание мелких общественных единиц, не обставляя их рождение излишними формальностями. Конечно, причина такой легкости начинаний всякого рода лежит в признании полной свободы союзов, которою действительно пользуется Италия за последние десять лет.

⁵¹ Итальянские профсоюзы формировались на протяжении XIX века, а в XX веке уже появились их конфедерации. Свое влияние профсоюзы не утратили и сегодня, однако, как справедливо отмечает Осоргин, важны не только они, но и бесчисленные общественные союзы, объединения, ассоциации по тому или иному признаку, с той или иной задачей. В качестве положительного примера можно привести Итальянскую ассоциацию славистов, Кружок римских русистов или Ассоциацию устных и письменных переводчиков, которая в том числе отстаивает права ее членов. Аналогичные российские организации зачастую существуют благодаря энтузиазму отдельных лиц, а не профессиональной солидарности. Возможно, дело в том, что в Италии эта традиция восходит к средневековым цехам.

⁵² Вероятно, Осоргин имел в виду «Il gruppo parlamentare degli amici della cooperazione», о которой он мог прочесть в любимом бюллетене «Ufficio del lavoro» за 1905 год.

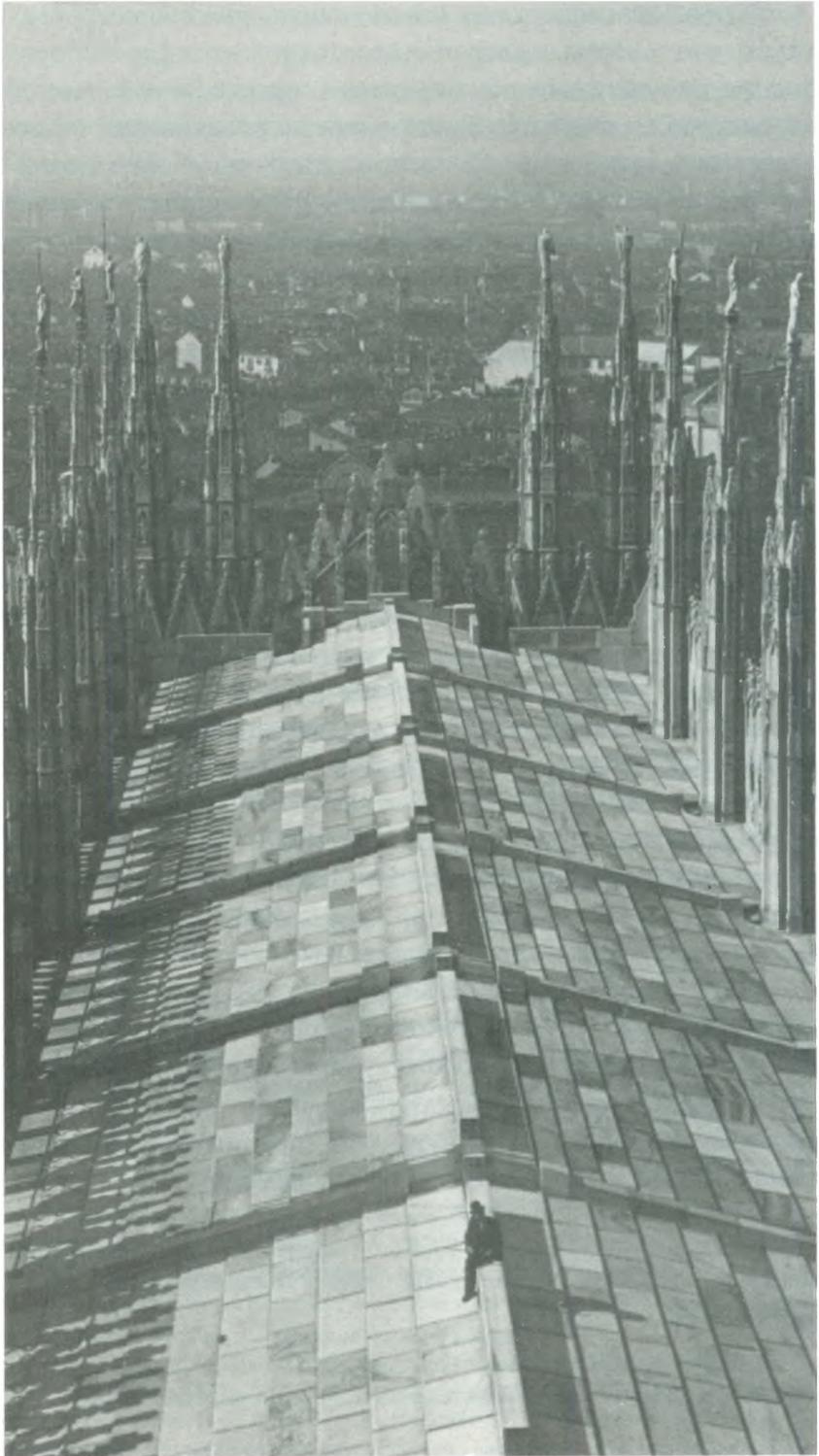
Обычай взаимопомощи и взаимоподдержки, о котором я только что говорил, не ограничивается узкими сферами профессии или точными рамками задач, преследуемых данной зародившейся ячейкой. Такой узкости итальянская общественность не признает. Если народные банки и сберегательные кассы с особой охотой содействуют учреждению мелкого народного кредита, то с такою же готовностью они помогают встать на ноги всякому хорошему начинанию, будь то библиотека, народный университет, производительный кооператив, потребительная лавка, общество постройки домов для рабочих и т.п. Зарождается, предположим, родительский кружок или школьный кооператив — и тотчас местная камера труда⁵³ предоставляет ему свое помещение для собраний, книгопродавческий союз открывает ему кредит на учебники, взаимовспомогательное общество⁵⁴ субсидирует его для образования «фонда завтраков для школьников» и т.д. Все это мелочи: десятки, редко сотни лир. Но из мелочей составляются суммы, нужные на первое время, а главное — дорогá поддержка и уверенность в дальнейшем ее продолжении. Такое, напр., общество, как знаменитая миланская *Umanitaria*⁵⁵, вполне, так сказать, энциклопедично в деле товарищеской помощи начинаниям всякого рода; нужно лишь, чтобы начинание это было гуманно, прогрессивно и жизненно — и в помощи ему не бывает отказа. И можно сказать, что всякое общество, прочно вставшее на ноги, считает дело помощи младшим собратьям своею священной обязанностью.

Такой обычай круговой поруки и тесного товарищества — лучшая черта итальянской общественности. Именно она, а не механическое объединение областей сплачивает итальянские народности в единую нацию, а всю Италию — в единое королевство. Не будь этой объединяющей и действенной силы, Италия была бы случайным союзом обла-

⁵³ Палата труда (*Camera del lavoro*) — территориальная организация по защите прав трудящихся. Первые палаты появились в 1891 году в Пьяченце, Милане и Турине.

⁵⁴ Взаимовспомогательное общество (*Società di mutuo soccorso*) — общество взаимопомощи; появились в Италии в середине XIX века.

⁵⁵ О «*La Società Umanitaria*» см. выше примечание 36 на с. 52.



стей, мертвым и лишенным будущности, каким ее и сейчас еще считают те, кто внимательно следит за ее парламентскими скандалчиками, не замечая повседневной общественной жизни⁵⁶. Ведь в данном случае перед нами не одни предположения, а реальное существование переплетенной сети кружков, союзов, обществ, лиг, федераций как в периоде зарождения, так и в периоде полного расцвета. И если припомнить, что все это создано в течение каких-нибудь десяти лет, что редкая организация насчитывает возраст, восходящий за этап «миланской революции», что два года, 1899—1900-й, следовавшие за этой революцией, были эпохой подавления всяких начинаний и разрушения всяких общественных основ, то успех нужно признать действительно колоссальным⁵⁷. Я не привожу здесь цифр, но, думаю, достаточно упомянуть о свыше десяти тысячах кооперативов разного рода при 34 миллионах населения небольшой территории, чтобы показать, что Италия, в известном отношении, страна далеко не отсталая и ее современная история не лишена поучительности.

Живучесть итальянских общественных начинаний и достигнутая ими в короткое время степень расцвета заставляют надеяться, что приближается вторая стадия их развития. Зародившись в пору правительственного противодействия, они сразу расцвели в десятилетие полной терпимости, укрепившись настолько, что теперь государство должно уже подумать о поощрении их. Объясняется это упрочением в сознании народа важности союзных предприятий, на которых уже сейчас базируется современная жизнь. Не считаться с этим правительство не может, так как, при всей своей бездеятельности, оно в Италии неизбежно демократично. Ни один депутат, ни один министр не может обойти вопроса о своем отношении к кооперативному движению и мелкому кредиту. От государственного такта и практического смысла власть имущих будет зависеть использование уже достигнутых отдельными общественными ячейками

⁵⁶ Осоргин, безусловно, пристрастен, однако нельзя не отдать должное оригинальности его мысли.

⁵⁷ О Миланской революции см. выше примечание 29 на с. 49.

результатов в целях общегосударственной пользы. Поскольку государство даст общественным группам материальную и моральную поддержку, оставив за ними свободу действий, постольку успех дела будет обеспечен; но поскольку оно захочет вмешаться в ход развития общественных предприятий, обставив формальностями их зарождение, их уставы, их отчетность и т.д., постольку и материальная помощь окажется бесплодной. Здесь легко возможна обычная ошибка центральной власти — стремление к нивелировке и схематизированию общественных починов, которым оно хочет покровительствовать. Однако нужно надеяться, что такой ошибки не произойдет.

Впрочем, итальянцы вовсе не склонны чересчур предаваться мечтам о помощи свыше; они полагаются более на свои силы и предпочитают, встав на ноги, требовать, чем, чувствуя слабость, просить. В этом, быть может, и лежит залог прочности их общественных начинаний, и в этом, во всяком случае, причина самостоятельности этих последних, так как всякая протекция свыше тем самым ограничивает самостоятельность низов. Поэтому и развитие итальянской активной общественной самопомощи зависит не столько от того или другого отношения правительства к обществам, союзам, федерациям с их бесконечно разнообразными задачами, сколько от прогресса общественной культуры⁵⁸. Связь распространения образования с развитием активной общественной жизни можно наглядно показать на карте итальянского королевства. Север покрыт сетью всевозможных товарищеских предприятий, средняя Италия сразу понижает их процент, юг имеет лишь их зародыши. И это настолько последовательно, насколько последовательно понижение грамотности с севера на юг, от 83% в Пьемонте до 22% в Калабрии. Поэтому-то перед Италией и стоит так грозно южный вопрос, или «вопрос о морализации юга», как окрестили его во дни владычества Джолитти, извлекшего из «южной имморальности» большие выгоды в смысле укрепления своей

⁵⁸ Вот почему Осоргин уделяет такое внимание образованию. Ниже он объясняет, почему образование и народное просвещение — залог благополучия и процветания общества.

власти⁵⁹. И потому же, говоря об итальянской общественной инициативе, приходится особо упомянуть о севере, с его благоприятными условиями и развитой общественностью, и о юге, где эта общественность лишь только зарождается и где ее успехи всецело зависят от общего культурного развития края.

Юг — пасынок Италии. На юг и его население сваливаются все беды. На юге повсеместно и откровенно подкупаются избирательские голоса; на юге выделываются фальшивые монеты и успешно конкурируют с настоящими; на юге совершаются самые кровавые преступления; на юге безраздельно господствуют попы и клерикалы; юг ведет азартнейшую игру в государственные и частные лотереи; на юге происходят аграрные движения стихийного типа; на юге правосудие отправляется нечестными чиновниками и во внутреннем управлении царит произвол; южные коммуны не хотят строить школ; на юге каморра и мафия; у южан менее развит череп⁶⁰; даже землетрясения облюбовали юг! Казалось бы, все это должно было пробудить к югу особенное внимание и сочувствие. Казалось бы, общественные оздоровители должны толпами переселяться в этот обиженный судьбою край. Но в действительности ничего подобного не наблюдается. До сих пор немногочисленным друзьям юга приходится тратить силы на доказательство того, что юг, в сущности, не виноват в своей отсталости и в своих бедах, а виноват в них скорее север, на который исключительно направлены заботы правительства. Да и большая имморальность юга еще под сомнением. Подкупы голосов имеют место и на севере, но только производятся более тонко и «по-европейски», а не в форме грубого всовывания в руку соответствующих денежных знаков. В параллель южным кровавым драмам север дает образчики опять же тонких европейских мошенничеств, и разница

⁵⁹ Вероятно, Осоргин имеет в виду скандал, вызванный вышедшей в 1910 году книгой Г. Сальвемини, который назвал Джолитти «министром преступного мира» и привел доказательства его связи с мафиози.

⁶⁰ Возможно, Осоргин отсылает нас к трудам Чезаре Ломброзо, связывавшего особенности внешности с наклонностями и чертами характера.

только в том, что его бандиты более «воспитанны» и носят цилиндры. Процветание на юге lotto компенсируется биржевой игрой на севере⁶¹. Что же касается до дурного управления, влияния клерикалов, отсутствия школ, слабого развития общественных начинаний, то можно ли винить в этом само южное население и объяснять это дефектами в строении черепов местных жителей? Правительство издавна практикует перевод с севера на юг чиновников, как по дряхлости и неспособности, так и в наказание за взяточничество и другие прорухи. То же правительство всячески покровительствует азартной игре, которую само и заведует. Оно же оставляет безнаказанными самые яркие образчики произвола и насилия местных властей, примерами которых пестрит местная хроника. С другой стороны, и «общество» ограничивается только одними словами негодования, не желая шевельнуть пальцем для «морализации юга». Врачи, учителя, адвокаты, судьи, литераторы — все они стремятся в Пьемонт, Ломбардию, Тоскану, Рим, где их ждет заработок и возможность выдвинуться, сделать карьеру, завоевать депутатское кресло, а может быть, и портфель министра. На юге же остаются лишь те, кто не очень гонится за славой, предпочитая ловить рыбу в мутной воде. И все-таки виноватым почему-то оказывается юг, которому северяне готовы поставить в вину даже гибель Мессины и Реджио⁶².

И вот, очевидно, тот же принцип самопомощи должен будет спасти и юг, забытый не только правительством, но и братьями северянами. *Educhiamo noi stessi!* — Займемся сами своим воспитанием! — таков новый лозунг передовых элементов юга. Не скрывая от себя трудности предстоящей задачи, южане видят, что единственное средство — действовать самим, и действовать по тем же методам, как это практикуется в общественных начинаниях севера: сначала хоть что-нибудь маленькое и прочное, затем широкая реклама начатого и призыв к братской помощи, наконец — движение в пользу всевозможных союзов и федераций. Таким

⁶¹ Миланская биржа существует с 1808 года.

⁶² О Мессинском землетрясении, в ходе которого также пострадал город Реджо-ди-Калабрия, см. выше примечание 29 на с. 80.

маленьким почином является, например, организация народных библиотек, начало которой положено на юге только в 1909 году⁶³.

Интересно взглянуть, на каком невозделанном поле приходится сеять просвещение южанам. Доклад одного из подвижников дела, прочитанный на первом национальном римском конгрессе народных библиотек (в 1908 году), рисует картину сицилийского быта с его «анальфabetизмом»⁶⁴, суевериями и веками выработанными привычками. Докладчик указывает, что книга, если даже и дать ее населению Сицилии, не сразу найдет себе читателей уже потому, что безграмотность достигает здесь, особенно в деревнях, 85, а то и 100%. Провинция Сиракузы, например, представляет из себя обширное царство полной безграмотности. Но и там, где есть зачатки грамотности, дело просвещения находится в руках духовенства, не столько учащего азбуке, сколько сеющего суеверия и предрассудки, главным образом на религиозной почве. Так, например, повсеместно в Сицилии рожениц по совету попов немедленно таскают в церковь ради «облегчения послеродового периода»; девочкам выжимают груди, чтобы они сделались впоследствии хорошими кормилицами; женщинам рекомендуется трижды прыгать крест-накрест через путаные мотки ниток — ради излечения месячных болей и т.п. Достаточно отметить религиозно-половой характер подобных суеверий, чтобы обнаружить влияние развращенного католичества, представляемого развращенным духовенством. Относительно провинции Катании, например, это определено доказано. Нет недостатка и в предрассудках светского характера, хотя бы из той же «медицинской» области: для излечения золотухи полагается съесть в супе три головных паразита; против болезней горла рекомендуется обвертывать шею грязным чулком; кровотечение из носа останавливается вдыханием угольной пыли и т.д.

⁶³ Народные, то есть открытые для широкой публики, библиотеки (Biblioteche popolari) появились в Италии в 1861 году. В 1908 году в Риме прошел съезд таких библиотек, которые создали федерацию. К 1914 году в нее входило уже около полутора тысяч членов.

⁶⁴ Analfabetismo — безграмотность.

О диких религиозных процессиях ради борьбы с засухой, сопровождающихся воплями, вырыванием волос, самоистязанием и проч., не приходится и говорить; это явление распространено не в одной только Италии⁶⁵. Таким образом, в некоторых сицилийских областях, как, например, в Кальтанисетте и Джирдженти⁶⁶, нет даже смысла учреждать библиотеки; скорее следует позаботиться об аптеке и хотя бы захудалом враче. В тех местностях юга, где пользуется спросом хоть сколько-нибудь и хоть какая-нибудь книга, спрос этот удовлетворяется почти исключительно «Цветочками св. Франциска», «Мадонной печеного хлеба» (*Madonna del Pane Cotto*), «Священными гимнами» Мандзони и тому подобной литературой, оставшейся от книгохранилищ уничтоженных теперь религиозных корпораций⁶⁷. Изредка попадаются в подобных библиотеках светские книги Барилли, Фогаццаро и других писателей-моралистов, но из современных писателей нельзя встретить ни Кардуччи, ни Ады Негри, ни Матильды

⁶⁵ Верный себе, Осоргин продолжает клеймить католическую церковь, не проводя различий между верой и суевериями. Диковинные с точки зрения современной медицины способы лечения были распространены и в России. Например, умывать от бессонницы ребенка водой, в которой после ужина мыли ложки, или собирать в бутылку первый град как средство от всех болезней. Обычай устраивать процессии, моля высшие силы о дожде, имеет древнейшие корни.

⁶⁶ Кальтаниссетта, Агридженто (Джирдженти) — сицилийские провинции.

⁶⁷ «Цветочки св. Франциска Ассизского» — флорилегиум, то есть подобный букету сборник рассказов о величайшем итальянском святом и его сподвижниках.

«Мадонна печеного хлеба» (*Madonna del Pane Cotto*). По всей видимости, Осоргин отсылает к легенде о явлении Мадонны: когда XVIII веке в Новолитерно распространился мор, Мадонна явилась пастушке Джованне и дала ей хлеб, дарующий излечение.

«Священные гимны» (*Inni sacri*) — стихотворения, написанные выдающимся итальянским поэтом и писателем, одним из создателей литературного языка, Алессандро Мандзони (1785—1873), после перехода в католичество; посвящены важнейшим христианским праздникам — Рождеству, Страстям Христовым, Воскресению и др.

В 1866 году по решению правительства страны монастыри были закрыты, а их собственность национализирована. Принадлежавшие им книги обычно переходили народным библиотекам.

Серао, ни Габриеле д'Аннунцио, ни Джованни Пасколи; все это запрещенный плод, все это сеет неверие и ересь антиклерикализма!⁶⁸ Подобно школам немногочисленные библиотеки находятся всецело в заведывании духовенства; в некоторых коммунах, как, например, в Ачиреале⁶⁹, нельзя даже брать книг из коммунальной библиотеки без предварительного одобрения каждой данной книги для каждого данного лица соответствующим духовным лицом. Окончательно и бесповоротно преданы анафеме все книги содержания критического, труды по социологии и вообще сочинения образовательные. В результате библиотеки посещаются почти исключительно молодыми священниками, пользующимися этим своеобразным подбором литературы для сочинения проповедей. Библиотек же народных в общепринятом смысле в Сицилии совершенно не существует; докладчик упоминает лишь об одной «так называемой народной библиотеке» (*così detta biblioteca popolare*) которая, по слухам, существует в провинции Палермо и насчитывает до 2875 томов. Помимо библиотек спрос на книги удовлетворяется исключительно описаниями похождения Ринальдо и Орланда, легендарных героев времен Карла Великого⁷⁰. Те, кто не умеет читать, удовлетворяются наглядными лубочными изображениями подвигов героев рыцарской эпохи, сказания о которых до сих пор распеваются на манер древних рапсодий. Наконец, в большом ходу сельские театрики, часто под открытым небом, где разыгрываются кровавые пьесы, поединки на коротких ножах, невероятные страсти,

⁶⁸ Осоргин имеет в виду Антона-Джулио Барилли, соратника Гарибальди и плодовитого романиста. Джозуэ Кардуччи — выдающийся поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии. Ада Негри и Матильда Серао — талантливые писательницы и поэтессы начала века. Об Антонио Фогаццаро и Джованни Пасколи Осоргин подробно пишет ниже.

⁶⁹ Ачиреале (Acireale) — город в провинции Катания.

⁷⁰ Ринальд Монтальбанский — персонаж Каролингского эпоса, позднее — один из центральных персонажей поэмы Маттео Боярдо «Влюбленный Роланд» и Лудовико Ариосто «Неистовый Роланд». Орландо, или Роланд, — также один из главных героев Каролингского эпоса; о нем повествуют французская «Песнь о Роланде», поэмы Луиджи Пульчи, Маттео Боярдо и «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто. Ринальдо и Орландо — марионетки знаменитого сицилийского кукольного театра.

мафианские и каморристские подвиги и т.п. Собственно, эти театрики и являются единственными школами для детей, подростков и взрослых — но только школами преступности.

При таких условиях трудно ожидать развития на юге, особенно в островной Италии, общественной самодеятельности. И действительно, самопомощь темного и нищего населения проявляется здесь не организовано, а чисто стихийно, иногда — в форме аграрных вспышек⁷¹, постоянно — в форме массовой эмиграции за океан. Есть провинции, где год от года уменьшается абсолютная цифра населения, относительное же уменьшение наблюдается на юге повсюду. Интересно, что большинство эмигрантов с юга покидает родину навсегда, переселяясь преимущественно в Америку. Однако в последнее время даже и в этой отверженной и забытой половине Итальянского королевства наряду с движением стихийным зачинается более или менее планомерная общественная организация. При этом, как часто случается с культурно отсталыми местностями, они принимают в некоторых случаях сразу сложные общественные формы, минуя стадии подготовительные. Укажу здесь хотя бы на общества коллективного найма и обработки земли (*affitanze collettive*), развивающиеся на крайнем юге. Общества эти чрезвычайно интересны и бывают двух типов. Одни из них распределяют снятые в аренду земли между своими членами так, что каждый является как бы собственником своей парцеллы⁷² и сам ее возделывает; смысл коллективного найма в данном случае заключается лишь в устранении съемщика-посредника (*gabelotto*), этой язвы итальянского земледелия, снимающего сразу большие участки земли для раздачи их в субаренду с лихвой⁷³. Другие общества распространяют принцип коллективизма и на обработку, ставя себе целью «коллективно снимать земли и культивировать их, определяя долю участия каждого члена, который пожелает извлечь выгоду из своего труда без посредника-эксплуататора и без обычной конкуренции между земледельческими

⁷¹ Аграрные вспышки — крестьянские бунты.

⁷² Парцелла (*parcella*) — надел, земельный участок.

⁷³ *Gabelotto* (габеллотто) — на Сицилии арендатор, в свою очередь дававший земельные наделы в субаренду.

рабочими»^{*}. Общества этого типа стараются преследовать также и цели просветительные путем лекций и конференций по сельскому хозяйству, выписки и издания брошюр и проч. и поддерживают тесное общение с рабочими организациями других типов, преимущественно социалистическими. Кроме этих обществ крестьянско-пролетарского характера, на юге развиваются сельскохозяйственные консорции с задачами очень обширными и успешно осуществляемыми. Такими мерами само население старается помочь себе, не дожидаясь, пока правительство приступит к выполнению законодательных предначертаний о сельском хозяйстве на юге.

В этом беглом очерке итальянской общественной самостоятельности на севере и юге, которую я противопоставляю бездеятельности и слабости правительственных центров, мне пришлось коснуться лишь немногих примеров той и другой, изобразив их взаимоотношение более или менее аллегорически. Но перед нами встает еще один важный вопрос: насколько самый состав итальянского общества способен к созидательной работе? Насколько здесь велико и сильно внутренней творческой силой ядро интеллигентов, или «интеллектуалов», как здесь выражается большинство?⁷⁴ Мы, русские, привыкли производить учет общественных сил главным образом количеством и дееспособностью именно «интеллектуалов», считая остальную «сознательную» и «полусознательную» массу за *quantité négligeable*⁷⁵. Но в Италии нельзя быть таким взыскательным. Здесь нет нашей междусловной интеллигенции с ее традициями, с ее самоотверженностью и ее неустойчивой психикой. Здесь очень мудрено найти такого беззаветного и аскетического подвижника, который согласился бы посвятить всю свою жизнь просвещению какого-нибудь медвежьего угла, не ожидая в награду даже некролога в местной газете. Здесь в общественных

* Из устава «Società agricola cooperativa di Monte San Giuliano» (Сельскохозяйственное кооперативное общество Монте-Сан-Джулиано. Трапани, Сицилия. — А. Я.)

⁷⁴ В итальянском языке есть слово «*intelligentzia*», восходящее к русскому слову, но обозначающее интеллектуальный класс любой страны и нации. Рассуждения Осоргина об итальянской и русской интеллигенции, о ее психологии и поведении весьма заняты.

⁷⁵ *Quantité négligeable* (*фр.*) — ничтожно малая величина.

начинаниях, наряду с «интеллектуалами» и предпочтительно пред ними, принимают участие элементы сознательные и полусознательные, и настоящие «интеллектуалы» являются зачастую лишь обстановкой. Это, конечно, печально, но это искупается удивительно выгодными качествами итальянского темперамента. То, что у нас делают ради подвига, здесь выполняют из любви к суетливой деятельности и постоянному общению, из соперничества между единицами, ячейками, коммунами, провинциями, севером и югом. Отчасти это плохо, так как итальянец с одинаковой охотой суетится около футбольного мяча и около народной школы; но, с другой стороны, лишь этот темперамент позволяет ему чувствовать себя героем и общественным деятелем, раз ему удалось пустить в ход хотя бы одно маленькое колесико общественного механизма. И поэтому здесь нет «малых дел» и не существует презрительного выражения «культурничество»: всякое деяние благо. Но, конечно, я был бы несправедлив, не упомянув о роли крупных интеллигентных единиц, которым принадлежит главная инициатива в общественных начинаниях. И в Италии они пользуются не меньшим почетом, чем у нас, даже относительно большим, так как различие в политических и партийных убеждениях редко вызывает здесь несправедливое отношение к инакомыслящим и принижение их общественной роли⁷⁶.

Дело в том, что при общем низком культурном уровне итальянского населения, при меньшем, сравнительно, имущественном неравенстве классов, при наличности выработанного временем общего отрицательно-равнодушного отношения к посулам палаты и правительства — в демократической Италии нет того контраста между классами образованными и народом, какой наблюдается у нас, не говоря уже о том, что здесь доступ к народу свободен всякому, кому заблагорассудится к нему подойти с целью простого общения или с целью просветительной. И это отражается на характере и развитии общественных начинаний, сводя к минимуму процент предприятий, как мертворожденных по причине их интеллигентской обособленности, так и погибших в силу недостатка в интеллигентных руководителях. Союз общественный понимается

⁷⁶ Теория малых дел возникла в России в конце XIX века среди народников. Под культурничеством подразумевалась всякая культурная работа, не связанная с политикой.

здесь шире, и само понятие «общество» с течением времени все более и более приближается к более всеобъемлющему и более целостному понятию «народ». Вот почему у этой маленькой, бедной, некультурной, темной, хотя и полной солнечного света страны нам все же есть чему поучиться⁷⁷.

Много, слишком много теней в итальянской жизни, а между тем и, может быть, именно поэтому нельзя не относиться с глубокой симпатией к этому интересному народу. Быт его не узнается по книгам, как нельзя изучить по учебнику его язык. Нужно войти в его собственную жизнь, чтобы полюбить его даже за его недостатки. Итальянец по природе добродушен, откровенен, даже немножко излишне болтлив и всегда готов открыть свою душу первому встречному, кто ему понравится. В нем нет американской предприимчивости, но нет и английского чванства; он не обладает находчивостью француза, но и не придет в восторг от немецкого остроумия. Если в республиканской Франции традиционные слова *liberté, égalité, fraternité*⁷⁸ остались теперь только на монетах да над дверьми полицейских участков, то в монархической Италии дух свободы гораздо шире конституции и господствует над ней. Зачастую раб в обыденной жизни, итальянец никогда не забывает о том, что его раса — господская и что в былые дни каждый иностранец был для римлянина только варваром. Но пусть даже современный итальянец по своей духовной структуре является лишь карикатурой на древнего римлянина — все же народ, переживший такую сложную и многострадальную жизнь, заслуживает того, чтобы картины его сегодняшнего быта не оставлялись без внимания. Было бы слишком жаль, если бы памятники старины и античные мраморы музеев заслоняли собою лицо итальянца наших дней с его радостями и горем, с его сложными переживаниями и его порывами пробиться из темноты на дорогу света и культуры.

⁷⁷ Вновь Осоргин объясняет свой замысел, и вновь вспоминается «Рим» Гоголя с рассуждениями об итальянцах: «Здесь он *il popolo*, а не чернь, и носит в своей природе прямые начала времен первоначальных квиритов». Гоголь словно заранее отвечает Осоргину: «Все это показывало ему стихии народа сильного, непочатого, для которого как будто готовилось какое-то поприще впереди».

⁷⁸ *Liberté, égalité, fraternité* (фр.) — свобода, равенство, братство.



ИТАЛЬЯНЦЫ

Интересный народ итальянцы? Вот вопрос, который приходится слышать постоянно. Ну как тут ответить в кратких словах? Всякий народ, как и всякий человек, интересен ровно постольку, поскольку вы к нему приблизились и его изучили. Один красив, другой безобразен, третий глубок, четвертый мелочен, но как объект изучения всякий любопытен, и тем любопытнее, чем труднее разобраться в его индивидуальных чертах. Да, и итальянцы интересны, как интересны французы и русские. Но народ... народа итальянского еще нет; есть римляне, есть миланцы, сицилийцы, неаполитанцы; говорят они на разных диалектах, поклоняются разным предкам и преданиям, а общих богов у них еще мало. Гарибальди — да, он *народный* герой; но Данте... он лишь национальный гений, гений будущей итальянской нации; недостает еще двадцати тысяч школ, чтобы Данте стал народным поэтом. Барбанера, великий астролог и маг, автор обиходного календаря, толкователь снов и предсказатель погоды¹, более популярен, чем Данте. Он, главное, удобо-

¹ Популярный астрологический календарь и альманах, выходящие с 1762 года до наших дней, носят название *Barbanera* (букв. «Черная борода»). Такие календари обычно вешают на кухне: наряду с народными приметами, астрономическими и астрологическими наблюдениями и мудрыми изречениями для каждого дня в них приводится подобающая пословица и кулинарный рецепт.

Как не вспомнить некрасовские строки:

Эх! эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)

понятнее; к нему не требуется многотомных комментариев, для толкования его излишни подстрочники: раз сказано, что будет небольшое землетрясение, оно будет вопреки всем сомнениям ученых скептиков, отрицающих возможность подобных предсказаний. Барбанера народен, а Данте поднимают из могилы только для того, чтобы доказать наличие в Италии сплоченной нации. И конечно, блестяще доказывают противное².

Поэтому я не берусь говорить об итальянском народе, а буду говорить лишь об итальянцах. Итальянцы — это крестьяне, рабочие, министры, кооператоры, адвокаты, кондуктора, журналисты, разносчики, извозчики, гондольеры, рыбаки, кабатчики, лакеи, депутаты, солдаты и все прочие. Брать их оптом и класть в одну реторту — невозможно. Делать по отношению к ним обобщающие выводы — преждевременно. И вместо критического, этнографического, антропологического анализа я позволю себе дать здесь несколько... снимков с натуры. <...>

<...> Перед нами группа первых людей государства. Еще лет десять-пятнадцать назад надпись над ней гласила бы: «Высокая каморра»; сейчас она именуется «Кабинет министров». Времена сильно переменялись. В то время как Криспи не нуждался в большинстве и прочих демократических выдумках, Джолитти, этот пастырь добрый, делал свое scacco-matto³ всегда при помощи послушного парламентского стада. Что такое Джолитти? Бюрократ со студенческой

Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?

² В 1865 году громко отпраздновали шестисотлетие со дня рождения Данте: поэт выступал в роли доброго гения, оберегающего молодую страну и свой город, Флоренцию, которая как раз стала столицей. С тех пор повелось торжественно отмечать день рождения и смерти Данте, особенно круглые даты.

³ Scacco-matto — шах и мат.

скамьи, сидевший спокойно в «присутствии» в те дни, когда патриотический подъем переодевал даже и чиновников в гарибальдийские рубашки. Сподвижник Криспи, в числе других подставивший ему ножку. Скромный семьянин, оскандалившийся в знаменитом деле «Римского банка», обнаружившем миллионные субсидии министрам и депутатам большинства. По сию пору влиятельный человек, убежавший в 1893 году в Берлин от следствия по делу банка и *чуть было* не погубивший этим бегством своей карьеры⁴. Но это все пустяки. Интересно то, что Джолитти не только либерал, но и левый! В 1910 году Джолитти пал за левизну! Злые языки утверждали, что сгубили его «морские конвенции»⁵ — неудавшаяся правительственная афера; но посмотрите парламентские отчеты — и вы увидите, что отставка Джолитти была сопряжена с неудачей законопроектов о понижении налогов на сахар; об увеличении обложения наследств и ренты и о введении подоходного налога. В Италии падает потребление сахара: он слишком дорог и недоступен бедному населению. Джолитти хотел дать беднякам сахару — и пал жертвой своего добросердечья!⁶ Но и этого мало. Кто более всего

⁴ Дело Римского банка (1892—1894) — первый громкий коррупционный скандал в истории Объединенной Италии, вследствие которого Римский банк был объявлен банкротом, а правительство ушло в отставку. Новое правительство, которое возглавил Криспи, начало расследование, обвинив Джолитти во всех грехах. Дальнейшие события разворачивались так, как и положено в итальянской комедии: Джолитти вовсе не пытался уклониться от расследования, однако предъявил бумаги, из которых следовало, что выгодополучателем в скандальной истории была... родня Криспи! Пока премьер неистовствовал и придумывал, как бы загнать противника в угол, арестовать и бросить в тюрьму, тот отнюдь не бежал в Берлин, как пишет Осоргин, а отбыл туда на неделю, чтобы навестить дочь. Когда же Джолитти вызвали в суд, он немедленно вернулся на родину.

⁵ Морские конвенции — попытка реформировать морской транспорт и связать его с железными дорогами, чтобы обеспечить растущую потребность государства в перевозке грузов и пассажиров. Джолитти обвинили в том, что он попытался поручить этот выгодный проект «своим» людям.

⁶ Любопытно, что и во времена Осоргина надежным показателем экономического благополучия служило потребление сахара.

приветствовал рабочую политику Джолитти, особенно в комбинации Джолитти — Цанарделли?⁷ Социалисты! И нельзя отрицать, что только при нем начала осуществляться свобода рабочих организаций и всевозможных политических и экономических союзов, сеть которых за эти десять лет покрылась Италия. Но при нем стреляли в рабочих? Нужды нет. При блаженной памяти благороднейшем из министров, покойном Рудини, стреляли гораздо больше!⁸ При нем выборы строятся на откровенных подкупах? Да, но при Крипи дело обстояло гораздо откровеннее! Нет, Джолитти положительно «левый»! Иначе крайней левой не могла бы прийти мысль так горячо поддерживать его министерство до самого последнего года. «Долой джолиттизм, но да здравствует Джолитти!» — кричали социалисты. А на одном из конгрессов социалистической партии, если не ошибаюсь — на имольском, по предложению Энрико Ферри, тоже «социалиста», была вынесена резолюция с приветствием «политике либеральной буржуазии»⁹.

Когда два года тому назад пал Джолитти — его стадо разбелось, хотя отставной пастух и следил за ним из-за куста. Сто дней, роковые сто дней Сидней Соннино трубил в рожок, но овцы не признали нового хозяина. Овцы-то признали бы, да быки противились. «Кто ты? — спрашивали они. — Клерикал или антиклерикал?» «Я — аклерикал», — уклончиво отвечал Соннино. Но *tertium non datur*: и министр-президент, он же и министр внутренних дел, провалился между двумя министерскими креслами, уронив оба портфеля¹⁰. На смену

⁷ Джузеппе Дзанарделли (1826—1903) — председатель совета министров Италии, предшественник Джованни Джолитти; до и после премьерства занимал важные государственные посты.

⁸ Вероятно, Осоргин имеет в виду Антонио Стараббу, маркиза ди Рудини (1839—1908), возглавлявшего за свою долгую политическую карьеру несколько министерств, в том числе занимавшего пост главы кабинета министров.

⁹ Конгресс прошел в Имоле в 1902 году. Энрико Ферри (1856—1929) — крупный деятель итальянского социалистического движения.

¹⁰ Сидней Соннино (1847—1922) — с 11.12.1909 по 31.03.1910 премьер-министр и одновременно министр внутренних дел.

ему явился Луиджи Луццатти. Высокая, полная, основательная фигура с седой бородой и слегка откинутой головой. Оппозиционная пресса неизменно, с ироническим почтением, называла его *Onorevole Statista* (имейте в виду, что *Statista* не значит статист, а значит государственный муж). Кто позже, те называют Луццатти *равоне*, что значит павлин¹¹. Гордую или величественную группу составлял кабинет Луццатти. В центре — ученый консерватор либерального образа мыслей, по бокам — такие фигуры, как честный радикал Сакки, как министр просвещения Кредаро, почтенный профессор, бывший председатель «Учительского союза»¹². Это уже не «высокая каморра», не свора политиканствующих разночинцев; это высокая коллегия государственных мужей, имеющая законное полномочие вершить государственные дела. А из-за куста по-прежнему выставлялся классически грубый нос отставного пастуха Джолитти. И жутко было царственному павлину, и думал он: «Достиг я высшей власти... а счастья нет в душе моей...»¹³ И думал не напрасно. Талантливый ученый оказался слишком плохим политиком. В результате его недолгого правления с ясностью обнаружилось, что он был возведен на президентский престол лишь для того, чтобы показать полную невозможность для Италии существовать без

Читатель, интересующийся политической историей Италии, наверняка предпочтет обратиться к серьезным научным трудам — например, к работам отечественного историка В. П. Любина, изучавшего итальянский социализм. Мы же вновь отдадим должное журналистскому таланту Осоргина, живо и театрально рисующего сценки из политической жизни.

Tertium non datur (лат.) — «Третьего не дано».

¹¹ *Onorevole Statista* — достопочтенный государственный муж. *Onorevole* — обращение к депутату парламента, *statista* происходит от слова *stato*, государство. *Ravone* — павлин, т.е. человек кичливый и чванливый.

¹² Этторе Сакки (1851—1924) — министр общественных работ в кабинете Луццатти, глава Итальянской радикальной партии, существовавшей с 1904 по 1922 год.

Национальный союз школьных учителей был основан в 1901 году Луиджи Кредаро и, по его замыслу, должен был оставаться вне политики.

¹³ Осоргин напоминает нам о терзаниях пушкинского Бориса Годунова.

политического главенства Джолитти; и действительно, вскоре Диктатор Третьей Италии¹⁴ вновь явился на сцену, вновь прочно уселся в свое кресло и взял дирижерскую палочку.

Падение кабинета и замена его новым в большинстве случаев столь же мало отзывается на благополучии населения, как повышение или понижение таких-то акций — на нашем с вами, читатель, кармане (не предполагая в вас рантье!). О таких великих событиях не стоило бы и говорить, если бы они попутно не давали любопытных бытовых картинок, иллюстрирующих вообще отношение итальянца к политике.

Вот, например, маленький, хотя и старый годами чиновник военного министерства, «окончивший курс газеты «Messaggero»¹⁵». При известии о падении Джолитти он кричит «ура!».

— Чему вы, собственно, радуетесь?

— Туда ему и дорога! Ведь он же — вор и гонитель просвещения! Держал руку попов! Клерикал проклятый!

И он же приветствует министерство Соннино.

— О! Это — *testa d'ingegno*!¹⁶ Это — великий государственный муж! Уж он попам спуску не даст!

Любопытно то, что Джолитти, при всех его недостатках, хорош одним: он — антиклерикал, и все его министерство было антиклерикальным. Что же касается до Соннино, с большим трудом составившего кабинет из бесцветных и второстепенных людей (за исключением, впрочем, Луццатти), то его девиз уже очерчен мною выше: «не антиклерикализм, не филоклерикализм, но аклерикализм». Но быть в Италии «аклерикалом» значит... ничего не значить! Практически же означает — быть халифом на час. Я понимаю, что можно быть сторонником смертной казни и можно быть ее противником; можно даже, пожалуй, подобно Энрико Ферри, быть ее теоретическим сторонником (как последователю Ломброзо) и практическим противником (как социали-

¹⁴ Диктатор Третьей Италии — т.е. Джованни Джолитти.

¹⁵ Газета «Il Messaggero» («Вестник»), выражавшая умеренно прогрессивные позиции, настороженно восприняла готовность Джолитти сотрудничать с социалистами и католиками.

¹⁶ *Testa d'ingegno* — человек умный, сообразительный.

сту); но взирать на нее бесстрастно, когда от тебя зависит ее функционирование или отмена, словно бы невозможно!¹⁷ А вряд ли будет преувеличением сказать, что для культурной жизни Италии вопрос о лаицизации школы и лаицизации политики¹⁸ есть кардинальный вопрос, подлинный вопрос о двух столбах с перекладиной¹⁹. Соннино напрасно пытался сесть между двумя стульями, тем более что он на этом месте уже сидел в 1906 году, хоть и недолго — всего три месяца; опыт, следовательно, имелся. И однако публика, при всем своем антиклерикализме, аплодировала консерватору «аклерикалу» Соннино, сменившему «левого» — антиклерикала Джолитти. Я, конечно, не стал бы заключать об этом из слов случайного представителя публики; нет, таково общее настроение, поскольку итальянец среднего класса вообще отзывается на политику. И объясняется это очень просто: кто бы ни свалился с президентского кресла — ему яростно и аппетитно свищут; кто бы ни взошел на горизонте — ему аплодируют, будь он типичнейший халиф на час. Это — характернейшая черта итальянской психологии. И она легко объяснима. Итальянская политика построена на таких основах, что ожидать каких-нибудь важных и крупных реформ от какого бы то ни было состава правительства никому не приходит в голову. Пал Джолитти — его добивает общественное мнение, ибо он ведь ничего доброго не сделал. Пал Соннино — и его проводили теми же свистками, так как и он был лишь обстановкой в государственной жизни. Но так как он «свалил» Джолитти, то ему аплодировали, как аплодировали Джолитти, когда он поборол Луццатти. Что же касается до направления их политики, то обывательскую публику это мало интересует. Да и разве может она разобраться в такой

¹⁷ В отличие от Чезаре Ломброзо, сосредоточившегося на антропологических особенностях преступников, Энрико Ферри признавал важность психологических и социальных факторов.

¹⁸ Лаицизация — процесс освобождения общественной жизни от влияния религии и церковных организаций. О создании светских, независимых от церкви школ см. примечание 34 на с. 83.

¹⁹ Два столба с перекладиной — виселица, орудие смертной казни.

тонкости, как «аклерикализм»? В глазах итальянца тот, кому полагается свистать, — друг попов, а кому аплодируют — их несомненный жестокий гонитель. А так ли это в действительности — публике разбираться недосуг, да и лень; ведь в конце-то концов все равно, кто занимает президентское место! И она, нужно сознаться, рассуждает довольно основательно. Впрочем, в приведенном примере играло роль и то, что Соннино — человек незапятнанной репутации, тогда как Джолитти, как о нем печатно мягко выражаются, «хотя и не вор, но покровитель воров». «Истинное отечество Джованни Джолитти есть тюрьма «Реджина Чели», — писал некогда Rastignac вдогонку бежавшему в Берлин министру. — Смелее же, смелее, вернись, храбрый изменник! Отечество ждет тебя!»²⁰ Но ведь Италия — страна великого Макиавелли, и сам Джолитти некогда заявил, что «в делах управления государством совесть роли не играет». Так что, собственно, репутация членов кабинета не может играть особой роли в итальянской политике. А уж это-то итальянцам прекрасно известно.

В то время как кандидат в президенты ждет падения президента, к портфелям здравствующих министров вечно протянуты вечно жаждущие руки нескольких десятков «ministeriabili». Слово это переводится сложно: «те, кто не прочь стать министрами и имеют на это некоторые шансы». Далеко не всем министриабиллям удастся со временем носить портфель; многим не удастся даже подержаться за него. Поэтому борьба между ними всегда ожесточенна. Перед ними стоит вопрос: как выдвинуться? И вот одни лают на слона, другие лягают больного льва, третьи, наоборот, улыбаются обоим, каждому — соответствующей стороной лица: Луццатти — правой, Джолитти — левой. Улыбаются они также избирателям; некоторые почтительно кланяются королю — ибо ведь он призывает.

²⁰ Реджина Чели (Regina Coeli) — знаменитая римская тюрьма, занявшая помещение бывшего монастыря Пресвятой Девы Марии, Царицы Небесной, и унаследовавшая его название.

Растиньяк — псевдоним Винченцо Морелло (1860—1933), итальянского журналиста, писателя, политика. Изначально — персонаж романов Бальзака, удачливый выскочка.

От инстинктивного наклона головы в сторону Квиринала²¹ не могут удержаться порою и социалисты. Правда, лидер социалистов Биссолати, приглашенный королем для беседы по поводу его кандидатуры в министры, явился во дворец в пиджаке и серых фильдекосовых перчатках²². Но также социалистом, и не менее крупным, чем Биссолати, был и Энрико Ферри, депутат, адвокат, профессор, криминалист, ломброзианец, европейская известность и прочее. <...>

— È in casa il compagno Ferri? Дома товарищ Ферри? — спрашивает оборванный пролетарий, позвонив у двери социалистического депутата.

— L' onorevole Enrico Ferri è in casa! Достопочтенный (титул депутата) Энрико Ферри дома! — отвечает вымуштрованная горничная.

Враги Ферри говорят, что с пролетарской психологией трудно мирится наличность лакеев, приносящих на серебряном подносе визитные карточки посетителей; но, во-первых, это личная жизнь, не подлежащая контролю партии, а во-вторых, Энрико Ферри — депутат, профессор, адвокат и т.д., что ставит его вне общего уровня. Наблюдается также некоторая непоследовательность в его ученых умозаключениях. Выше я уже упомянул, что, как представитель позитивной науки, последователь Дарвина и ученик Ломброзо, Ферри высказывается теоретически за смертную казнь преступников с явными признаками вырождения; однако, как гуманный и культурный человек, он практически против смертной казни. Но вряд ли это несоответствие теории и практике может быть поставлено в вину Энрико Ферри. Гораздо любопытнее, пожалуй, заявление, сделанное им лет восемь назад в социалистической прессе: он объявил, что не мешало бы произ-

²¹ Квиринал — начиная с 1870 года официальная резиденция итальянского короля.

²² Леонида Биссолати (1857—1920) — один из основателей Итальянской реформистской социалистической партии, которая поддерживала политику Джолитти.

Фильдекос (по-итальянски *filo di Scozia*) — тонкая хлопчатобумажная пряжа (производилась в основном в Шотландии), из которой изготавливали трикотажные изделия — более дешевые, чем изделия из персидской нити, фильдеперса.

водить антропологическое исследование депутатов, поддерживающих министерство, и депутатов от оппозиции. В те времена Ферри, очевидно, предполагал обнаружить у первых не только приросшие мочки ушей и меньший вес мозга, но и отсутствие на затылке шишек государственной мудрости. Несколько позже, на конгрессе в Имоле, он приветствовал исключение из партии Де Меринса за то, что тот был на похоронах короля, ибо «тот, кто воздаёт почести монарху, не может больше считаться социалистом». И вот этот самый Энрико Ферри на другой день после падения Джолитти напечатал статью, начинающуюся словами: «Если бы король оказал мне честь вопросом, какое правительство желательно для страны, я бы ответил...»

Разумеется, произошел некоторый переполох в социалистических рядах. Удивил не поворот в позиции Ферри, а решительность поворота и выбор момента. Припомнили, впрочем, что еще незадолго до падения кабинета Ферри намекал на то, что социалисты вовсе не должны быть неизбежно антимонархистами, ибо, в конце концов, «монарх даже лучше президента республики, так как независим от влияния партий». Однако припомнили и выступление Ферри на болонском конгрессе против принципа допустимости участия социалистов в составе правительства. И вот теперь Ферри приглашал короля, хотя и не оказавшего ему чести приглашением побеседовать, призвать министерство, составленное из талантливых представителей левой и... крайней левой!

На счастье Ферри, ему удалось тогда дешево отделаться от своих избирателей, привлечших его к своему суду за этот вольт²³, и от «товарищей социалистов», поднявших вопрос об уместности Ферри в рядах партии. Первых он победил блестящей речью, вторых... вторые сами отступились, так как в то время ветер, унесший и развеявший пуританизм Ферри, начал проникать и в ряды остальных парламентских социалистов. Однако позже, когда Ферри, некогда решительный противник войны, и в особенности войн колониальных, и в частности — давно замышлявшейся триполитанской аван-

²³ Вольт — здесь: подтасовка, резкий поворот.

тюре, внезапно обратился в ярого националиста, фанатически кричащего: «Viva Tripoli italiana!»²⁴ — его социалистическая карьера оказалась завершенной. В этот момент застаёт его мой рассказ; быть может, выход книги застанет его уже на чаемом посту министра юстиции...

— Предатель! — кричат социалисты. — Предатель наших высоких традиций!

Но ведь в глубине души сам лидер парламентской группы, *onorevole compagno*²⁵ Биссолати, понимает, что времена меняются. Кто знает, что будет завтра? Клемансо, например... А Бриан, Бриан! И глуше, тише раздаются негодующие возгласы, а затем и совсем замирают. Спит товарищ Биссолати и грезит: «Турати — президент, Де Феличе — военный министр (он же и был на войне корреспондентом!). Анна Кулишова... как с ней быть?.. Иваноэ Бономи придется дать народное просвещение, я, положим, министр публичных работ, Ферри же дадим портфель иностранных дел как тонкому дипломату. О, если бы! *Se il... popolo mi avesse fatto l'onore!* Тогда мы немедленно создадим социалистический строй...»²⁶ И в унисон Биссолати о том же грезят еще два десятка министриабилей, сонно шепча губами, как девушка во французском анекдоте, сладостное: *quand, quand, quand...*²⁷

Оставим, однако, высокие сферы итальянских политиков и перейдем к обыкновенным смертным. Но не к народу — прошу это помнить, — а к тем личностям, что плавают на поверхности народной массы в виде накипи, рождающихся, лопающихся и вновь вскакивающих пузырей. Ибо ведь о таких мы говорили и выше!

²⁴ Да здравствует итальянский Триполи!

²⁵ *Onorevole compagno* — почтенный товарищ.

²⁶ Жорж Клемансо, Аристид Бриан — французские премьер-министры. Филиппо Турати, Джузеппе Де Феличе, Иваноэ Бономи — видные итальянские социалисты.

Se il popolo mi avesse fatto l'onore! — «Если бы народ сделал мне честь!»

²⁷ *Quand (фр.)* — когда. Жаль, что Осоргин не пересказывает анекдот!

Кто бывал в Риме, тот бывал и в caffè Aragno²⁸. Кто бывал в caffè Aragno, тот видел внутри его высоких зал и снаружи, за столиками на панели, людей разных возрастов, но одного типа, с выраженьем ожиданья на лице. Если исключить несколько солидных завсегдатаев кафе, имеющих положение и вес, — остальные представляют из себя однородную массу чающих движения воды. Без ежедневного визита в caffè Aragno не создается никакая кандидатура и никакое предприятие не оканчивается успехом. Здесь центр Рима и, следовательно, Италии; отсюда протянуты нити в Монтечиторио, в Квиринал, в Ватикан, в акционерные предприятия. Нечто вроде неофициальной конторы, поставляющей государству талантливых деятелей.

Оригинальное явление. Большинство этих жаждущих — адвокаты. Итальянский *avvocato* — далеко не то, что наш присяжный поверенный. Не знаю, какой процент дипломированных юристов, принятых в адвокатское сословие, занимается ведением чужих дел; думаю, что незначительный. Но зато *avvocato* имеется везде. Из 508 депутатов парламента 292 адвоката; такой же приблизительно процент представляют они и в муниципальных советах. Директор газеты — непременно адвокат; редакторы отделов — почти всегда; постоянные сотрудники, корреспонденты, хроникеры — большею частью. В последнее время, особенно в больших городах, все полицейские комиссары — адвокаты, не говоря уже о префектах полиции. В любом министерстве все более или менее видные должности заняты этой породой крючкотворов (*legulei*²⁹), если употребить выражение Луиджи Луццатти, который тоже адвокат. *Avvocato* проник всюду, а в залах caffè Aragno ждет своей карьеры густая толпа еще не пристроив-

²⁸ Caffè Aragno (кафе «Араньо») — одно из знаменитых римских кафе на виа дель Корсо, существовавшее с 1886 по 1955 год. Осоргин описывает его как место, где собирались итальянские политики и высшие государственные чины, однако туда также заходили деятели литературы и искусства. Свое название кафе получило по имени первого владельца — Джузеппе Араньо. Его упоминают в своих воспоминаниях многие русские путешественники.

²⁹ *Leguleio* — адвокат, юрист и проч., которого можно назвать крючкотвором и коекакником.



шихся юристов, из которых каждый рассчитывает со временем из *egregio avvocato* обратиться в *onorevole deputato*³⁰. Если вы вздумаете пойти в Риме на какое-нибудь пролетарское собрание, занятое обсуждением предстоящей стачки или формы протеста по случаю расправы полицейских с безработными, вы почти не рискуете услышать там нескладную речь рабочего. Быть может, не в крахмальном воротничке, а в рубашке «*fantasia*»³¹, но выступит перед вами тот же неизменный *avvocato*, пробравшийся и сюда. Я помню в Риме первый съезд крестьян Лациума по поводу охраны *usi civici* (патриархального земельного института)³²; конгрессисты — в большинстве простые мужики, с загорелой шеей и загрубевшими руками; но на эстраде адвокат сменял адвоката, и юридические хитроspлетения лились рекой, благо и речь должна была идти о сложных вопросах поземельного владения. Наконец один из конгрессистов не выдержал и заявил: «Какой это крестьянский съезд? Это — адвокатский съезд! А мы, истые крестьяне, даже и понять ничего не можем»³³.

За адвокатом следует *professore*. Вообще в Италии всякий человек из общества должен быть кем-нибудь: *avvocato*, *ingegnere*, *professore*, *dottore*, *deputato*, *colonnello* (полковник), *tenente* (поручик), *comendatore* (гражданский титул), *maestro* (учитель) и т.д. Человек без титула — человек без уважения; просто синьором быть неудобно. В частности, титул *professore* прилагается направо и налево. Хотя учитель народной школы — только *maestro*, но и ему позволяется польститься, назвав его *professore*. Учитель городской и средней школы — *professore* по праву, а университетский профессор принужден прибавлять к этому званию имя высшего

³⁰ То есть из «уважаемого адвоката» превратиться в «достопочтенного депутата».

³¹ То есть в не строгой белой, а в свободной по расцветке и фасону рубашке.

³² *Uso civico* — право использования жителями коммуны земель для их обработки, охоты, заготовки древесины и т.д.

³³ Вспоминается персонаж романа Алессандро Мандзони «Обрученные» — адвокат по прозвищу Крючоктвор.

учебного заведения, где он преподает. Всякий, кто дает кому-нибудь уроки чего-нибудь, будь то пение, музыка, гимнастика, живопись, езда на велосипеде, иностранный язык, именуется *professore* по всей справедливости. Афиши кинематографов гласят: «Во время проекций играет оркестр из двенадцати профессоров». Если вы не *professore*, а просто хотите заниматься в библиотеке, тогда вы *dottore*, как и в том случае, если вы окончили университет. Если, наконец, вы родились в сорочке и имеете свой родовой титул, то он побеждает: тогда вы — *marchese*, *conte*, *principe*. А титулованных особ в Италии великое множество. Таким образом, в «порядочном обществе» имен почти не слышно; громко раздаются только звания, и произносятся они с особым старанием и особой любовью³⁴.

Но о *professore* нужно сказать особо. Итальянская учительская среда выдвигает интеллигентов, которых нельзя ставить на одну доску с остальной массой лиц свободных профессий. Многие из них, не слишком заботясь о собственной карьере, отдают свои силы и даже свои скудные средства на дело школьного и внешкольного просвещения, в котором Италия так нуждается. Дело организации народных библиотек находится, например, почти всецело в их руках, хотя и сюда проникает иногда *avvocato* ради популярности и приглашается *deputato* ради придания делу веса и значения. Борьба с безграмотностью на юге и в римской Кампанье начата и ведется благодаря лишь истинной самоотверженности народных учителей, в последнее время отказавшихся от оплаты их труда и даже их разъездов по деревням малярийных местностей. Исключительно благодаря их бескорыстной энергии в римской Кампанье спасено дело вечерних и воскресных школ, едва не погубленное правительственным

³⁴ Со времен Осоргина ничего не изменилось: всякий почтенный гражданин, который по праву рождения не зовется маркизом (*marchese*), графом (*conte*), князем (*principe*), герцогом (*duca*) и т.п., просто обязан иметь военный или светский титул: адвокат, профессор, кавалер и т.п. Иностранцу легко запутаться: например, *professore*, как правильно подметил Осоргин, называют не только лицейского и университетского преподавателя, но и всякого, кто добился в своей области заметных успехов. Например, *professore d'orchestra* — музыкант, играющий в оркестре.

формализмом. И вообще, заработок итальянского учителя, в особенности учителя элементарной школы, так мал, что лишь любовь к делу заставляет учителя довольствоваться скудной оплатой труда и не искать заработка более легкого и благодарного.

Переходя к журналисту, мы встречаем фигуру довольно печальную. В общем, конечно, это все тот же *avvocato*, но уже на черной работе. Газетный и журнальный труд оплачивается в Италии очень низко; сотрудник газеты, желающий жить исключительно литературным трудом, должен иметь достаточный запас здоровья, энергии и беззастенчивости в выборе сюжетов и в их разработке. Не спасает и то, что газет вообще великое множество: предложение рабочих рук неизбежно всегда превышает спрос. И вот журналист мечется целый день по городу и городам, телеграфирует, пишет, производит «следствие», интервьюирует, интерпретирует, интерpellирует к общественному мнению³⁵, чтобы заработать сто франков в месяц. При подобных условиях нечего, конечно, думать о том, чтобы сотрудничать исключительно в органах, соответствующих убеждениям пишущего; иначе литераторам-социалистам, например, пришлось бы умереть с голоду, так как их органы не оплачивают сами себя, не говоря уже о сотрудниках. Я знаю синдикалистов и анархистов, работающих постоянно в крайне буржуазных органах и даже гордящихся таким сотрудничеством. «Я же ведь не подписываю статей! — оправдывается такой писатель. — А платят хорошо». Особо опасная фигура — интервьюер. Когда Рузвельт проезжал через Италию, одна неаполитанская газета напечатала длинейшее интервью с ним, и интервью довольно скандальное. Рузвельту пришлось длинным письмом в редакции газет объяснять, что ни этого, ни иного интервью ему никогда не пришлось иметь ни с одним итальянским корреспондентом и что эту выходку он считает «величайшим свинством».

Один итальянский литератор, молодой и популярный, с искренним восторгом рассказывал мне, как он перехитрил Максима Горького, и даже не только Максима Горького, но и его супругу.

³⁵ То есть обращается к общественному мнению.

— Никого не пускали к нему. А я обещал интервью. Что делать? Пришлось прикинуться французом. Пробрался я к нему с одним общим нашим знакомым, и оба мы поклялись, что я не журналист. Поговорили с полчаса, супруга переводила. А через два дня я огромное интервью с ним напечатал. Говорят, что он теперь не может слышать моего имени. Но зато я с газеты вместо обычных двадцати пяти — пятьдесят лир взял!

Тип интервьюера, конечно, интернационален. Но итальянец вкладывает в эту профессию особенно много души и игривости. И безмерно много воды вливает он в продукты своего интервьюерства. Конечно, значительную часть этой воды выкачивают из его статей в редакционной комнате, но ведь в расчете на это он и вливает ее с тем бóльшим запасом.

Строго говоря, и чиновник — тип интернациональный. Но, сравнивая русского чиновника с итальянским, не могу не отдать предпочтение последнему. В итальянских учреждениях внешнего формализма всегда достаточно, но зато внутренние отношения между сослуживцами разных рангов и между чиновниками и публикой гораздо мягче и душевнее; нет той свирепой официальности, какая царит у нас³⁶. Итальянский чиновник — все же свободный гражданин, имеющий право на участие в союзах, партиях, обществах. Если это иногда и может помешать его служебной карьере, то лишь в виде исключения; вообще же, субординация простирается лишь на часы службы, а никак не на свободное от занятий время, когда мелкий служитель столь же свободен, как и министр, а вернее — гораздо свободнее последнего. Но и в служебное время итальянский чиновник вовсе не склонен забывать, что он человек и, следовательно, ничто человеческое ему не чуждо. Вот, например, сценка, при которой мне пришлось присутствовать; кстати, она характерна столько

³⁶ Свирепая официальность... — блестящее определение! Осоргин рассказывает о том, с чем сам непосредственно сталкивается, что хорошо знает, — о работе журналистов и учителей, ну и конечно, о чиновниках! А чего можно ожидать от наследника Гоголя и Салтыкова-Щедрина?! В написанных с натуры сценках он, несомненно, намного убедительнее, чем в рассуждениях на отвлеченные темы.

же для итальянского добродушия, сколько и для итальянских почтовых порядков.

Как-то добрые друзья, жившие в маленьком местечке на Ривьере, просили меня справиться в центральной дирекции почт, почему им систематически не доставляют посылаемых из России переводом денег. Бесплодно обойдя ряд самых «подлежащих» отделений, я добрался наконец до самого важного начальника.

Он любезно вытребовал двух чиновников и несколько десятков томов дел и документов, и тут же, в его кабинете, мы принялись внимательно перебирать деловые бумаги, разыскивая следы исчезнувших денежных переводов. По поводу каждого русского города, на который мы наталкивались в делах, я принужден был давать начальнику разъяснения о количестве жителей и исторической роли города, особо — о количестве холерных случаев, отвечать на вопросы о порядках в России, о смертной казни, о нагайке и казаке, об окладах почтовых и иных чиновников, о русской прессе, денежной системе, костюмах, нравах и т.д. Таким образом, работа подвигалась не очень быстро. Так как чиновник был очень крупный, то помогавшие нам маленькие чиновники больше слушали, но в разговор не вступали. Вдруг директор хватается меня за рукав:

— Смотрите!

Смотрю в окно, смотрят и чиновники. Вижу на балконе приятную даму, глядящую на небо, и хочу уже высказать свое замечание по поводу этого зрелища, а кстати, предупреждая вопросы, прочесть лекцию о русских женщинах.

— Нет, не то! На небо смотрите! Да нет, отсюда плохо видно. Пойдемте на крышу.

И все мы бежим на плоскую крышу по каким-то лестницам, через какие-то двери с надписью «Вход воспрещается». На крыше, к моему удивлению, уже собрались чуть не все чиновники почтового ведомства. Оказывается — дирижабль военного ведомства, алюминиевый красавец, любимец римской публики. Тут уж никакая субординация не выдержит. Всякая работа заброшена, все служащие всех рангов сбились в кучу и машут платками; появление директора не производит ни малейшего впечатления.

На крыше мы проводим с четверть часа; затем все начинают неохотно расходиться. Разумеется, по пути я должен рассказать о русской авиации, в которой ничего не смыслу, и лишь по возвращении в кабинет на директора нисходит просветление.

— А знаете, между прочим, — говорит он, — ведь все это напрасно! Как давно посланы деньги вашим знакомым?

— В разное время; есть переводы, посланные с полгода назад.

— Ну я и говорю, что бессмысленно искать. Ведь у нас же ведомости за это время еще не получены. Вам нужно справиться в Венеции, через которую проходят все переводы из России. А у нас ведомости на прошлом годе кончаются. Я и забыл вас предупредить. Можно, конечно, еще поискать, но, повторяю, это бессмысленно.

И мы любезно прощаемся. Директор очень просит меня зайти как-нибудь еще раз поболтать.

Единственное, кажется, учреждение, где всецело царствует формализм, — это Министерство народного просвещения. По одному делу общественного характера мне пришлось перебивать во многих итальянских ведомствах, и только здесь я встретил типичную породу чиновника *pur sang*³⁷, только здесь на меня пахнуло не только Россией, но даже русской духовной консисторией³⁸.

Но все это, конечно, не означает, что итальянские учреждения идеальны. Напротив. Бумажный формализм заел все делопроизводство; на это справедливо жалуются давно и повсюду. Я же говорю здесь о людях, об этих добродушных и жизнерадостных итальянцах, так мало способных быть «чиновниками по убеждению».

Вообще, истинного итальянца нужно искать не в учреждении и даже не дома, а на улице, на площади, в ресторане. Домашняя жизнь одинакова во всех классах итальянского общества. В то время как у нас дом купца сильно разнится

³⁷ *Pur sang* (*фр.*) — чистокровный.

³⁸ В синодальный период Духовная консистория — орган епархиального управления под началом правящего архиерея; включал присутствие и канцелярию.

от квартиры интеллигента, здесь мы почти никакой разницы не встречаем. Может быть, интеллигент и не повесит в своей спальне такого огромного количества священных изображений (хотя может повесить не он, а его жена), но культ огромной опрятнейшей белоснежной постели останется прежним, как и культ обеденного стола и шкафа с посудой. Единственное различие в том, что у интеллигента могут найтись в квартире книги, в то время как вообще в Италии они не пользуются почетом и уважением; но о культуре книги, столь распространенном у нас, здесь не приходится и говорить: это лишь редчайшее исключение³⁹.

Возьмем, например, типичную комнату итальянского студента. Конечно, книги в ней есть, как есть и цветная студенческая шапочка⁴⁰. Но в большинстве случаев книги — учебники данной специальности. И вся обстановка менее всего приспособлена для занятий: та же грандиозная кровать, занимающая полкомнаты, вязаные косыночки на столе и на кресле⁴¹, дешевые стеклянные безделушки на комод, шкатулочка для писем, раскрашенные открытки веером на стенах. Комната, по которой не узнаешь, кто здесь живет — студент или приказчик; комната, лишенная всякой индивидуальности.

И это понятно. Там, где медицина, адвокатура, даже профессура — не общественное служение, а лишь профессия, ремесло, там и подготовка к ним есть лишь переходная стадия от жизни за счет родителей к жизни собственным заработком. Итальянские студенты очень «высоко держат знамя студенческих традиций», т.е. очень высокопарно говорят о товариществе, об университетской автономии. Но смысл их товарищества — не в духовном, идейном единении, как и смысл автономии — не в свободе науки. Нет, в их глазах студенческие годы — годы маленьких любовных похождения, когда прощается некоторая легкость отношений и их

³⁹ И опять со времен Осоргина ничего не изменилось.

⁴⁰ Вероятно, это фелука, названная так за сходство с одноименным парусником; цвет фелуки зависел от факультета.

⁴¹ Вязаные косыночки — вероятно, вязаные салфетки, обычно украшающие центр стола или спинку кресла.

быстрая смена. Истинный студент должен иметь несколько романов с модистками, несколько забавных приключений на лоне природы и в закрытых помещениях, дающих ему славу Дон Жуана и ввиду его молодости не бросающих на него тени. К моменту окончания университета все эти отношения он легко и решительно ликвидирует, чтобы вступить в жизнь уже с серьезными задачами: добиться определенного материального обеспечения, подкрепив его приличным браком. Грешить он может и после, но уже осторожно и обдуманно, отнюдь не бравлируя и не напоказ, как в студенческие годы. В том и разница между славной порой студенчества и зрелыми годами.

Таким образом, итальянский студент бесцветнее студента любой другой страны. Немецкий бурш⁴², с его исполованной в шутовских боях физиономией и налитым пивом лицом, часто бывает глубоко отвратителен, но все же чувствуется, что пиво и дуэль не единственные отличия немецкого студенчества от среды обычных смертных: в традициях его немало красоты, хотя бы внешней и не глубокой. Французский студент уже значительно ординарнее, но ему известна наука коллективного остроумия и массового веселья. Итальянец-студент, наоборот, удивительно умеет сохранить физиономию «просто молодого человека», и на улице его не отличишь от других просто молодых людей: та же соломенно-деревянная шляпа с черной лентой, тот же пиджачок с дешевой булавкой в цветном галстуке, те же пошловатые взгляды в сторону женщин, та же неинтеллигентность лица. Вообще, в Италии гораздо легче встретить оригинального старика, чем оригинального юношу. И это понятно и исторически объяснимо⁴³.

⁴² Bursche (нем.) — студент, член студенческой корпорации.

⁴³ Осоргин переносит «идеалистический» русский взгляд на итальянскую почву: если ранее он признавал заслуги школьных учителей, трудящихся на ниве народного просвещения, то профессионалам он решительно отказывает в возвышенных устремлениях. А рассказ о студенчестве и вовсе ограничивается любовными похождениями. Впрочем, до баталий 60-х годов XX века было еще далеко... Такой же, очень русский взгляд мы встретим ниже при оценке итальянских социалистов. Осоргин как будто не в состоянии смириться с тем, что

Я усиленно избегаю говорить о личностях, останавливаясь лишь на фигурах типичных и массовых. Делая теперь переход от студента к рабочему — переход довольно естественный для России и, сознаюсь, нелепый для Италии, — я вынужден поступить совершенно обратно отчасти и потому, что итальянская рабочая масса мне слишком мало знакома. Передо мной неотступно стоит фигура одного итальянского рабочего, с которым я познакомился в небольшом забастовавшем рабочем поселке. Низенький, коренастый, с полуседыми усами и подбородком домашнего бритья⁴⁴, в синих рабочих штанах и блузе, это был типичный индустриальный «сознательный» рабочий. Руки его мозолисты и грубы. Он — семейный, не крестит детей и намерен умереть без священника. Слава его в том, что он нигде не работает больше недели; если, приняв его по ошибке, его не рассчитывают тотчас же по получении о нем справок как о «беспокойном элементе», то он немедленно же сам проявляет свой непримиримый характер или единоличным протестом, или подговором рабочих к протесту массовому. Затем, не переставая усердно работать, о чем свидетельствуют его мозоли, как может засвидетельствовать и надсмотрщик, он попадает в выборный стачечный комитет данной фабрики и во главе делегации отправляется к хозяину с готовым листом требований. Он не крикун и не буян; он, наоборот, большой дипломат и практик. Если требования он представляет с некоторым запросом, это значит лишь, что он не считает постыдным впоследствии кое-что и уступить. Перед хозяином он стоит с головой непокрытой, но с взглядом прямым и упорным и говорит не цветисто, но не на диалекте, а на чистом языке, обстоятельно, подробно и солидно. Влияние его огромно, популярность велика и прочна, поэтому хозяева боятся его гораздо больше, чем толпы рабочих, которую нетрудно разогнать. Этого не прогонишь сразу и не объедешь на кривой; он примет и

можно состоять в социалистической партии и при этом быть не сознательным рабочим или профессиональным революционером, а обывателем, землевладельцем и даже депутатом. Жаль, что он не пишет, почему сказанное исторически объяснимо. Было бы любопытно узнать его доводы.

⁴⁴ У героя Осоргина нет денег на цирюльника.

условную подачку, но вслед за тем явится в свое время за уступкой безусловной. Добившись своего, он удовлетворяется победой и приглядывает другое место, так как знает, что отсюда его выгонят при первой возможности; поднимать же шум из-за своей собственной персоны — не в его правилах.

Этот тип родился в Италии недавно. До последнего времени рабочая масса выделяла мало личностей из своей среды, следуя за вожаками-профессионалами из других социальных классов. Лишь развитие итальянской промышленности, реализация политической свободы и знакомство с европейским рабочим движением (путем эмиграционных приливов и отливов) создало и в Италии тип европейского «сознательного» рабочего-пропагандиста. И тип этот — принадлежность севера, хотя встречается и в средней Италии; мой знакомый, например, именно и перекочевал с севера в римскую провинцию.

Пропагандист из интеллигентов не представляет такого интереса. Студенчество к рабочему движению не имеет ни малейшего отношения; профессионалы разного рода слишком заняты своими профессиями. Таким образом, при широком развитии пропаганды и стачкизма искренно и всецело занимаются политикой рабочего дела очень немногие; редко кто отдает ему свою душу, огромное большинство уделяет ему лишь свой досуг, охотно вмешиваясь в дела большие и громкие и неохотно помогая личным участием маленьким, незаметным группам рабочих. Поэтому в Италии чрезвычайно трудно найти пропагандиста образованного, с широкими взглядами и серьезной выдержкой, который бы работал не в расчете на рекламу и на депутатское место в будущем, а из искренних и скромных побуждений. Пропаганда рабочего дела ведется при помощи жалких, лишенных всякой ценности популярных брошюр и партийной прессы, которая также совершенно неудовлетворительна. Центральный орган социалистической партии, газета «Avanti», есть в конце концов обычный политический листок, полный шаблонных фраз и скудный содержанием⁴⁵. Такова же и пресса револю-

⁴⁵ Газета «Avanti» («Вперед») — печатный орган итальянских социалистов; основана в 1896 году, в 1926-м закрыта фашистскими властями, как и все оппозиционные издания; позднее неоднократно

ционных синдикалистов; не далеко ушли и профессиональные журналы. Вообще ни одна социалистическая газета не сумела сделаться настолько необходимой рабочему классу, чтобы содержать себя прилично, не прибегая постоянно к жалобным просьбам о материальной помощи со стороны читателей. Все это также легко объяснимо, если припомнить, что современный итальянский социалист видит центр тяжести социализма не в рабочем деле, а в реформаторской деятельности парламента и в завербовании в кадры партии как можно большего числа избирателей, будь то рабочие или буржуа.

Я не отклонюсь от темы, если скажу, что социалистическая партия, несмотря на свое крайнее поправление (или, вернее, благодаря ему), все же не утратила своего обаяния. Иначе трудно было бы объяснить нарощение такого количества типичных социалистов-буржуа и даже социалистов-рантье. Как-то в одном маленьком городке средней Италии мне пришлось провести два дня в обществе знакомого по Риму молодого социалиста, уроженца этого городка. Разумеется, он поспешил похвастаться предо мной теми завоеваниями, которые сделал социализм на его родине. Хотя сам он весьма популярен в рабочей среде, но несомненные «завоевания» касались исключительно среды обывательской. Обнаружилось пять социалистов в муниципальном совете, все — местные домовладельцы, все — мастера выпить и поиграть в трактире в *tressette*⁴⁶. Затем оказалось, что и сам хозяин гостиницы-трактира, толстый, краснолицый и пронырливый малый, — также чудесный товарищ-социалист. Мало того, за два дня я мог убедиться, что социализм вообще в большом ходу среди местных кабатчиков и есть даже один социалист-фабрикант. Признаюсь, эти завоевания не очень мне понравились, и никакой выгоды от них для рабочего класса я вычислить не мог, разве что кредит в трактире. Но это не случайное явление; по статистическим данным, от 50 до 60% итальянской

возрождалась и закрывалась. Некоторое время ее главным редактором был Бенито Муссолини, который ушел в отставку, когда сотрудники газеты отказались поддержать его призывы к войне.

⁴⁶ *Tressette* — семерик, популярная в Италии карточная игра.

социалистической партии составляют мелкие ремесленники, промышленники, лица свободных профессий, земельные собственники и проч. Чем это объясняется? Да все тем же — удачными количественно завоеваниями кресел народных представителей. Если депутат данного местечка — социалист или таковых несколько в муниципальном совете, то и кабатчику не безвыгодно купить партийную тессеру⁴⁷.

Я делюсь здесь с читателем тем, что узнал больше из жизни, чем по книгам. Необходимость жить преимущественно в городах лишала меня возможности частых и близких сношений с крестьянином, хотя именно крестьянство и лежит в основе понятия «народ». Книги характеризуют крестьянскую массу трудолюбивой, недоверчивой, консервативной, малоодаренной, безграмотной и фанатически религиозной. Думаю, что какие-нибудь обобщения в данном случае вообще невозможны, да и не нужны. Отдельно нужно ставить крестьянина Пьемонта и Ломбардии, более грамотного, более зажиточного, умеющего рассчитывать силы и средства для интенсивной работы; отдельно — земледельческого рабочего нижней Венеции, питающегося плохой полентой, считающего соль роскошью, суеверного и покорного. Но уже сосед его, равеннский крестьянин-батрак, не говоря уже о крестьянине-испольщике, пользуется большим благосостоянием и считает нужным причислить себя к какой-нибудь политической партии. Слишком мало общего между крестьянином из Тосканы, домовитым и консервативным, и расой горных пастухов Мархии⁴⁸, возвращающихся в свои дома только летом, на две-три недели. Безграмотные «гвитты»⁴⁹ римской Кампаньи, живущие полгода в горах и полгода во временных шалашах, питающиеся полентой, падалью да скудными овощами, имеют слишком мало общего с хитроватым типом крестьянина лигурийского побережья, наживающегося от иностранцев, любителей Ривьеры. Юг Италии, с его социальной неуравновешенностью и тяготением к эмиграции, дает еще больше

⁴⁷ Тессера — членский билет.

⁴⁸ Мархия — область Марке.

⁴⁹ Guitto — нищий, оборванец.



контрастов в крестьянской среде; общим явлением оказывается здесь лишь безграмотность и суеверие да резкость южного темперамента. Общего типа итальянского крестьянина нарисовать нельзя, да его и не существует, как не существует пока еще одной цельной итальянской нации. В этом отношении на поверхности маленькой Италии мы встречаем не меньше, а, я думаю, относительно гораздо больше контрастов и вариантов, чем на громадной площади России.

И эти контрасты и различия наблюдаются не в одной какой-нибудь среде — крестьянской, промышленной, рабочей или иной. Нет, их много повсюду. При крайнем развитии «кампанилизма» (местного патриотизма) один город Италии чрезвычайно разнится от другого. Возьмите Милан; это город европейский или желающий окончательно стать европейским; в этом его гордость. Здесь есть прекрасный «Пассаж»⁵⁰, называемый миланцами «самым большим в мире» (значительно меньше московских торговых рядов), есть ряд книжных магазинов, издаются лучшие газеты, процветает оперный и драматический театр, изучается парижская мода. Девиз Милана: прогресс. Отправьтесь в Венецию... Но этот город вообще не похож ни на один из существующих в мире. Это даже не город, а международный клуб, эффективнейший из ресторанов; с Италией он имеет мало общего. Далее проследуйте во Флоренцию, милый, спокойный, сосредоточенный губернский город «порядочных людей»⁵¹, образцовый город итальянской (но не европейской) культуры, покровитель серьезного искусства. Рим бесконечно своеобразен; все века, от Ромула до наших дней, в нем отразились и преломились удивительной игрой солнца на старом мраморе. Город обломков разных культур, в том числе и культуры модерн; город, где население принимает живое участие в вопросе, можно ли перекрасить желто-розовые балюстрады виллы Боргезе в белый тон; город, где слово «romano»⁵²

⁵⁰ Галерея Виктора-Эмануила II, возведенная в 1865—1877 годах по проекту Джузеппе Менгони, одно из передовых архитектурных сооружений своего времени.

⁵¹ Блестящее определение!

⁵² Romano — римский, римлянин.

звучит и сейчас так же гордо, как звучало в былые времена, и служит отличием римлянина от всякого «варвара» из провинции. Здесь канцелярский служащий, как и продавец открыток, с полным основанием гордятся своим римским носом, своей затибрской стороной, Колизеем, Яникульским холмом и резиденцией папы. Римлянину нет дела ни до миланской погони за прогрессом, ни до флорентийской скромной добропорядочности, ни до неаполитанской каморры; он уверен даже, что под Римом земля представляет особо толстую корку, страхующую город от возможного землетрясения. Рим — это сама Италия, сумма всей Италии, но не современно-промышленной, а Италии вне возраста, Италии вековой. И как непохож на него Неаполь, шумный, драчливый, распутный и жульнический, хотя порою прекрасный! Но и Неаполь — чисто итальянский город, в полную противоположность Милану, Турину и Венеции. Неаполь — *il paese di ciccagna*, обетованная страна сытого и веселого безделья; не так обстоит дело в действительности, но так мечтает южный итальянец, и так называет он свою любимую столицу⁵³. Неаполитанец — синоним романтического, веселого проходимца, как римлянин — гордого предками простака, как миланец — практичного господина в цилиндре. Идем дальше до Палермо, где встретим уже иную культуру или отсутствие культуры, где своеобразная Италия не имеет ничего общего ни с Европой, ни с итальянской метрополией, где многое — загадка даже для прилежных итальянских исследователей, которые до сих пор не знают, находится ли вся Сицилия под властью мафии, или этой мафии даже и не существует.

Это главные этапы; но еще интереснее, еще разнообразнее мелкие города Италии, как какая-нибудь массивная,

⁵³ *Il paese di ciccagna* — сказочная страна, где царит изобилие, а трудиться не нужно. Попасть в нее мечтали еще в Средние века, туда же рвался непутевый Пиноккьо, а оказался в стране дураков. Осоргин, вероятно, упоминает ее в связи с романом Матильде Серао, действие которого происходит в Неаполе и герои которого — азартные игроки в лотерею. В романе Серао признавалась: «Неаполитанский народ не пьет и потому не губит себя водкой, не умирает от белой горячки; его губит и убивает лотерея. Лотерея — как водка для неаполитанцев».

бесшумная, церковная Сьена, как прекрасно построенная и так странно скудная населением Феррара, как Ассизи, Сполето, эти замкнутые городки, забравшиеся на высокие холмы, как Витербо, городок со сросшимися, спаявшимися серыми домами и неуклюжими, но стильными фонтанами, прямо переносающий нас в Средние века. И везде — свой тип, свои нравы, свои характерные обычаи. И везде — свой патриотизм и свой диалект. Прекрасно и идеально правильно говорят в тосканской Сьене, но звучнее *lingua toscana in bocca romana*⁵⁴, а для страстной мелодии неаполитанский подчеркивающий диалект незаменим. И пусть итальянские моралисты с презрением отзываются об условном жаргоне южных каморристов и ссыльных, а на мой взгляд, это самый остроумный и образный из воровских жаргонов, известных специальной литературе.

Все это прекрасно, но как при таких условиях отвечать на общие вопросы: что такое современная Италия? что за народ итальянцы? Конгломерат культур, шкала типов и характеров. Все здесь глубоко интересно и все мало доступно изучению. Данте изучен досконально; каждое слово его комментировано рядом ученых — филологов и историков. Дейтельно изучают Гарибальди и его время. Знаменитый историк Гульельмо Ферреро не хочет более щадить ни Ромула, ни Рема, ни вскормившей их волчицы, легенда о которых так дорога Риму; он не хочет более, чтобы Вечный город родился независимым и вырос великим; он хочет обратить его в колонию одного из царственных албанских правителей⁵⁵.

⁵⁴ Формула «язык тосканца во рту римлянина» означает образцовый итальянский язык, родившийся в Тоскане, но доведенный до совершенства в Риме.

⁵⁵ Гульельмо Ферреро (1871—1942) — автор трудов по истории, включая пятитомный труд «Величие и упадок Рима». По приглашению Теодора Рузвельта читал лекции в США, публиковал свои сочинения на английском, в том числе книгу «Древний Рим и современная Америка». В 1910 году занял кафедру философии истории в Римском университете, что вызвало возмущение среди итальянских ученых, относившихся к его изысканиям с большим скепсисом. Упоминание об «албанских правителях» относится к Альбанским горам (или холмам) неподалеку от Рима (а не к стране Албании).

И хранители искусств требуют длинной «прогулки под почвой Рима», чтобы открыть все, что скрыто, все ценное вынести на поверхность земли во славу науки и музеям. Но кто в Италии думает о систематическом изучении народного быта?⁵⁶ Кому интересны обычаи, предания, нужды и невзгоды населения местечек, забравшихся в горы, спустившихся в малярийные поля? Кто интересуется югом не как пугалом морализаторов и полем для дешевого подкупа избирателей, а как краем самодовлеющего интереса? Никто или почти никто, за исключением слишком немногих исследователей, часто не имеющих средств издать свои труды. И если случайно забредшему иностранцу удастся иногда спасти чудесную фреску, в которую церковный сторож вбил гвозди для вешалки, то для изучения народа у него нет ни сил, ни времени, ни охоты; да и не может иностранец изучить чужой народ. Что же касается итальянцев, то их мечта — слить племена в нацию, ассимилировать характерные отличия, обесцветить народ внешней закваской европейской культуры. Ибо государство, по мнению современных умов, важнее личности.

Беллетристы, может быть? Да, они свой вклад сделали. Тот же местный патриотизм заставлял до последнего времени итальянского писателя брать сюжеты из быта своей родины, развивая их если не на диалекте, то с привкусом родного наречия. Так созданы лучшие итальянские новеллы и драмы. Но это течение уже уступает духу современности. Если Сальваторе ди Джакомо продолжает посвящать себя своей Сицилии, то Антонио Бельтрамелли, певец равеннских песчаных лугов, уже пытается достигнуть большего разработкой модных современных сюжетов⁵⁷. И яркие картины сменяются

⁵⁶ С народным бытом Осоргин мог при желании познакомиться в Риме, где в рамках Всемирной выставки была открыта экспозиция, посвященная этнографии и различным регионам страны.

⁵⁷ Сальваторе ди Джакомо (1860—1934) — поэт, прозаик и драматург, писавший преимущественно на неаполитанском диалекте (Осоргин немного промахнулся). Антонио Бельтрамелли (1879—1930) — плодовитый и популярный автор, прославившийся тревелогами, а также художественными произведениями, в которых описана жизнь в Романье. Позднее вместе с Маринетти и примкнувшими к ним товарищами сочинит приключенческий роман «Царь не умер» о спасении царской семьи после Октябрьской революции.

шаблонными гостиными этюдами, и в костюмы модного покроя и дурного тона облакаются герои современной литературы. Габриеле д'Аннунцио, конечно, очень талантлив, но за ним числится большой грех: это он первый стал родить «на всякий звук свой отклик в воздухе пустом». ⁵⁸ И после его «Быть может — да, быть может — нет» уже не быть может, а наверное ни один большой роман не обойдется без автомобиля, аэроплана или противоестественной родственной связи ⁵⁹. А народ так и будет оставлен без изучения, пока даже сардинцы не переменят свой традиционный черный костюм бандитов на пиджак с длинной тальей и отворотами до последней пуговицы... ⁶⁰

А теперь проведем маленькую параллель между единицами и массой, между итальянцами, пребывающими во тьме и невежестве, и итальянцами, вкусившими изысканных блюд современной культуры. Не ради общих выводов, Боже сохрани! Просто возьмем частный житейский случай и взглянем, как реагируют на него те и другие. И случай этот возьмем из любопытной области «защиты чести» и присяжного рыцарства. Маленькая параллель между *cavalleria rusticana* и *cavalleria parlamentare* ⁶¹.

Обычай «сельского поединка» с течением времени в Италии выводится, но случаи его, в особенности на юге, все же не так редки. В Риме в последний раз такой поединок произошел, насколько помню, между извозчиком и мясником. Оба

⁵⁸ Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Эхо».

⁵⁹ «Быть может — да, быть может — нет» (1910) — роман Габриеле д'Аннунцио; неоднократно переведен на русский язык.

⁶⁰ Прежде Осоргин упрекал в отсталости юг страны и Сицилию, а теперь досталось Сардинии! Символом современности выступает франтовской удлиненный пиджак с лацканами, хотя «костюм бандита», судя по фотографиям, выглядит вполне удобно и элегантно.

⁶¹ «*Cavalleria rusticana*», «Сельская честь» (букв. «Деревенское рыцарство»), — новелла Джованни Верги, а также написанная по ней опера Пьетро Масканьи. *Cavalleria parlamentare* — тоже про честь и рыцарство, но не на селе, а в парламенте.

они любили одну девушку и оба не считали возможным без нее жить. Так как она была одинаково благосклонна к обоим и с обоими одинаково играла, то стычки между соперниками были постоянны. Дошло до того, что вместе им жить на свете показалось тесным. Тогда, заключив временное перемирие, они договорились решить дело «сельским поединком». Не говоря никому ни слова, без всяких секундантов, они выбрали местом для дуэли один из чужих огородов на окраине города, а временем — ранний час, когда все еще спят. Но случилось, что поединок их видела одна женщина, со слов которой он и был сообщен газетам.

Они сошлись в назначенное время на небольшой ровной площадке огорода, сняли пиджаки и жилеты и пошли друг на друга, держа наготове большие отточенные ножи, какими мясники перерезывают горло быкам. Они не были обучены правилам фехтования, у них не было секундантов и врачей, и некому было крикнуть «alt»⁶², когда нанесена первая рана. Через несколько минут оба они уже обливались кровью, в дикой схватке бегая по грядам огорода. Нужно было резать друг друга до тех пор, пока один не упадет, обессиленный ранами и потерей крови, или не будет убит наповал одним ловким ударом ножа. Наконец крик перепуганной женщины, нечаянной свидетельницы кровавой стычки, прекратил поединок в тот самый момент, когда один из дуэлянтов ослабел от потери крови, которую он обильно полил огородные гряды. У него все же хватило еще силы перелезть через невысокий забор и скрыться в переулке, тогда как противник его побегал в противоположную сторону. Это было не случайностью, а предварительным уговором. И было еще одно условие: не выдавать друг друга, ни словом никому не промолвиться о поединке и идти на излечение — если оба случайно останутся живы — в разные больницы, объяснив свои раны нападением из-за угла шайки теппистов*. Случилось, однако, что обоих парней подобрали на улице и свезли в один и тот же приемный покой, и таким образом секрет был раскрыт, хотя они до конца продолжали упорно отрицать факт поединка, выдумывая разные невероятные истории.

⁶² Alt — «Стойте!»

* Тепписты — название итальянских апашей.

Вот картинка «сельского поединка» во всей его ужасной простоте. Я помню, что о нем дня три кричали газеты, энергично и напыщенно протестуя против такого пережитка варварства. По этому поводу было сказано немало превосходных слов о роли школы в деле воспитания гражданских добродетелей, о необходимости популярных лекций по этике и эстетике, о развращающем влиянии литературы, в частности — произведений Габриеле д'Аннунцио, на подрастающее поколение мясников и извозчиков, впрочем, не прочитавших ни одной строчки из творений безнравственного писателя.

— Как! — кричали газеты. — В двадцатом веке, в вечном городе мировой культуры, в этой колыбели морали, в этом питомнике гражданских чувств — и вдруг сельский поединок, который мы уже считали печальным заблуждением наших предков, отошедшим в область истории! Ужасно!

Я, кажется, не ошибусь, предположив, что именно этот случай ускорил подготовительные работы по организации в Риме общества морального воспитания населения путем лекций на окраинах города. Я не вспомню сейчас точного названия этого почтенного общества, все еще не начавшего функционировать. Но помню, что председательницей его состоит та самая маркиза, которая в своем печатном докладе по поводу «спасения погибших девушек» сделала любопытное открытие: «Невозможно говорить о правильном воспитании нравственности итальянских детей, особенно девочек, пока на улицах больших городов мужчины позволяют себе публично «останавливаться» в неприличных и соблазнительных позах».

И конечно, по поводу того же поединка крайняя левая кивнула на министерство; то в свою очередь не могло скрыть, что это — плод социалистической пропаганды; клерикалы не сомневались, что только с возвращением в школу Распятія⁶³ прекратятся эти ужасы. Кое-кто догадался, что во всем этом, в сущности говоря, виноваты попы.

Мало-помалу об этом случае сельского поединка забыли. Да и стоит ли помнить о двух имяреках, мяснике да извозчике, вздумавших решать вопросы чести рыцарским поедин-

⁶³ То есть с восстановлением церковного образования.

ком на чужом огороде? Не им, о, не им суждено возвратить нас к тем счастливым героическим временам, когда честь человека стоила больше его жизни, когда каждая Дульцинея могла быть уверена, что для ее рыцаря нет препон и преград, он сумеет, со шпагой в руке, защитить ее от дерзких намеков с чьей бы то ни было стороны! В наш культурный век для этого имеются офицеры и депутаты.

И вот одному депутату, да притом еще республиканцу, да еще старому и популярному, пришла печальная мысль вывести на свежую воду офицера, да притом еще генерала, да еще фаворита военного министерства.

— Не полагает ли военный министр, — ядовито интерpellировал в палате депутат Евгений Кьеза, — не полагает ли он, что генералы не менее своих подчиненных должны соблюдать величайшую разборчивость в своих знакомствах?

Поводом к интерpellации послужили близкие отношения генерала Фечиа ди Коссато с известной авантюристкой, вдовой Сименс, заподозренной в шпионстве⁶⁴.

Генерал Пруденте, товарищ министра военных дел, оправдывая свою фамилию⁶⁵, благоразумно заявляет, что правительство не полагает удобным отвечать на запрос депутата Кьезы. Хотя такого ответа ожидали все, и больше всех — депутат Кьеза, однако скандал происходит своим порядком. При этом Кьеза не может скрыть, что генерал Фечиа ди Коссато — большая каналья и, конечно, шпион, что товарищ министра, к сожалению, позорит министерство, которое, впрочем, уже опозорило себя покровительством шпионам и женщинам легкого поведения. «Бронзовое лицо»⁶⁶, под

⁶⁴ В 1909 году Эудженио Кьеза, подозревая итальянских военных в шпионаже в пользу Германии и Австрии, потребовал от Палаты депутатов расследовать связь между блистательной (и любвеобильной) светской дамой баронессой Элеонорой Фуссли-Сименс (наследницей знаменитых немецких промышленников) и генералом Луиджи Феча ди Коссато (за которого она, между прочим, позднее вышла замуж). Правительство отвечать на запрос отказалось, разразился громкий скандал, который подробно освещали газеты. Дуэль усталивали пять раз, драматическая история обернулась мыльной оперой.

⁶⁵ Prudente означает «осторожный».

⁶⁶ То есть физиономия как у статуи, и выражение лица не меняется, даже если ее хозяин жлет или притворяется.

которым скрывается гнев генерала Пруденте, его, Къезу, нимало не пугает, ибо он видал-таки на своем веку генералов из «Веселой вдовы»! Председатель палаты с Къезой ничего поделать не может — ни приглашениями «уважать регламент», ни дружескими окриками: «Ну довольно же, Къеза! Ведь вот осел, вот какой осел!» Таким образом, каждый участник парламентской перебранки защищает честь свою и честь итальянского воинства доступным ему способом.

Ясно, что генерал Пруденте должен вызвать Къезу на дуэль. Но этого мало. Так как, по мнению республиканского депутата, «времена герцогини Литта уже прошли»*, то племянник этой герцогини, секретарь того же министерства Морандо, находит уместным дать Къезе пощечину в кулуарах парламента. Къеза на это реагирует не менее энергично и, потирая левую щеку, уверяет корреспондентов, что «Морандо будет помнить силу его кулаков». Но так как авторитеты по вопросам о чести считают пощечину оскорбительнее кулака, то Къеза принужден вызвать Морандо на дуэль. Затем генерал Фечиа ди Коссато, мундир которого запачкан Къезой, посылает к нему секундантов — ни больше ни меньше как по телеграфу! Точно так же по телеграфу и сын герцогини Литта выражает желание оросить свою шпагу кровью республиканского депутата. Короче говоря, предстоял ряд кровавых побоищ, без которых не только честь итальянского войска, не только честь депутатов, министров и парламента, но и доброе имя культурной Италии остались бы навеки замаранными в глазах Европы и целого мира.

И вот дуэлянты высокого полета начинают приготовления. О том, составляли ли они духовные завещания и как прощались с семьей, идя «на бой кровавый, святой и правый»⁶⁷,

* Герцогиня Литта — историческая личность, хотя еще из недавней истории, не подлежащей в Италии широкому оглашению. Времена герцогини Литта, *vice versa*, — времена Гумберта I. (Эуджениа Аттендоло-Болоньини, герцогиня Литта Висконта Арезе, — любовница короля Умберто I. — А. Я.)

⁶⁷ Для юного читателя уточним: «На бой кровавый, святой и правый» — строка из революционной песни «Варшавянка», ставшей популярной после революции 1905 года. На русский ее перевел Г. Кржижановский во время заключения его в Бутырку.

нам ничего неизвестно. Газетные бюллетени обычно отмечали лишь, что депутат Къеза обедал сегодня в таком-то ресторане и ел то-то, а генерал Фечиа ди Косатто спокойно спал после завтрака в течение одного часа и восемнадцати минут. Но зато за секундантами был установлен журналистами строжайший надзор. Дуэль воспрещена законами страны, и, хотя бы собирались драться на дуэли сами законодатели, им приходится облекать свои приготовления величайшей таинственностью. Таинственность в данном случае заключалась в том, что перед квартирами четырех дуэлянтов и шестнадцати секундантов денно и ночью, в течение целой недели, стояли наготове автомобили всех больших итальянских газет. Было установлено ночное дежурство журналистов, по улицам и у городских ворот расставлены способнейшие репортеры, привратники получали подачками на чай целые состояния.

Если бы непосвященный прочел случайно одно из длинейших газетных описаний всех этих приготовлений, то у него невольно мелькнула бы мысль о государственном заговоре. «Ночь. В окнах потухли все огни. Улицы вымерли; только на площади, близ высокого дома с шикарным подъездом, бродят таинственные фигуры, да время от времени бесшумно прилетает велосипедист, шепотом спрашивает о новостях и улетает снова. А на углу черной вереницей протянулись молчаливые автомобили с фонарями, закрытыми черным покровом... Светает. Дрожа от холода, тем же тихим и упрямым шагом бродят по площади мрачные фигуры журналистов, в любую минуту готовых кинуться к автомобилям и лететь на поле сражения. Вот скрипнула дверь — и все бросаются к подъезду. Заспанный привратник, так неосторожно нарушивший предрассветную тишину, поспешно ретируется. Одна из фигур на углу, похожая на карабинера в штатском, берется за ручку своего велосипеда. Но нет, все тихо...» и т.д. и т.д.

А сценки! Вот из подъезда палаты выходит депутат Биссолати, лидер социалистической партии и секундант Евгения Къезы. Немедленно за ним, в десяти шагах, начинают следовать подозрительные личности в числе пяти-шести человек; эти подозрительные личности — конечно, те же журналисты и, быть может, его близкие друзья. И они прекрасно знают,

что Биссолати идет в редакцию «Avanti». Однако этикет требует, чтобы за секундантом внимательно следили, не дав ему возможности скрыться от репортеров и увезти своего дуэлянта на поле кровавого сражения, место которого будто бы неизвестно. Вся эта таинственность настолько бросается в глаза, что публика сначала останавливается, а затем также присоединяется к кортежу. А по боковым улицам следуют автомобили с фотоаппаратами и журналистами в полном боевом порядке.

Наконец настает роковой день первой дуэли между Кьезой и Пруденте. Талантливые журналисты провели о дне, но место и час еще ни им, ни полиции неизвестны. Перед домом товарища министра дежурят двадцать автомобилей с сорока заряженными фотографическими аппаратами. Пресса победила! По следам внезапно выскочившего из ворот министерского автомобиля мчатся два десятка других, поднимающая невероятную пыль. От бешеной гонки кое-как спасаются женщины и дети; за городскими воротами задавливаются несколько кур и гусей. «Автомобиль чести» останавливается у загородного кабачка, двор которого снят для поединка. Там уже ждут несколько хирургов, их ассистентов, братьев милосердия, расставлены столы с медикаментами, бутылки с дезинфицирующими жидкостями, коробки с бинтами и ватой, носилки — целая больница. Увы, журналистов не пускают, им приходится лезть на забор. Фотографы размещаются на крыше.

Новый столб пыли. Это едет другой «автомобиль чести» и еще двадцать автомобилей прессы. Население сбегается смотреть на такое диво. Но отчего нет полиции? Очевидно, последнее обстоятельство беспокоит и секундантов. Хотя все уже в сборе, но они еще целый час тянут с формальностями: вымеривают шпаги, ободряют дуэлянтов, ни за что не желающих примириться и намеренных биться до последней капли крови, нюхают медикаменты, шепчутся, хмурят брови. Наконец, когда уже противники не могут дольше сдерживать в себе порыва ненависти и жажды крови, когда врачи вынули последнюю дюжину кровеостанавливающих бинтов, приезжает, запыхавшись, полицейский комиссар. Приходится, из уважения к закону, подчиниться его представителю. Увы!

Дуэль не состоялась! Городовой запретил товарищу министра изрубить в куски республиканского депутата! Вы думаете — все кончено? Ничуть! На следующий день вновь повторяется та же гонка. На этот раз дуэлянтам удается скрыться и на несколько минут опередить журналистов и комиссара. Дуэль происходит в частном доме, а чтобы подоспевшим журналистам было все-таки видно — на террасе. Бряцает оружие, и сыплются удары. В доказательство того, что это не шутка, а отчаянный бой не на жизнь, а на смерть, секундант Биссолати хватается за ногу полицейского комиссара, карабкающегося на лестницу террасы, и стаскивает его вниз. Ибо здесь частное помещение и полиции вход воспрещен...

Alt! — депутат Кьеца ранен. У него оцарапана щека, и он окружен профессорами и их ассистентами, вооруженными бинтами и бутылками. Нет! Он хочет продолжать! Секунданты совещаются. Ясное дело — продолжать нельзя! Царапина щеки, при наличии бутылки с карболкой, не смертельна, однако силы не равны! Ибо у одного дуэлянта щека оцарапана, а у другого дуэлянта щека не оцарапана. В конце концов составляется протокол о прекращении дуэли и о восстановлении чести обоих рыцарей — и оцарапанного, и неоцарапанного.

Да не подумает читатель, что я пишу карикатуру на действительные события! Ничуть! Это — чистейшая фотография! Это — одна из тех комедий, которые разыгрываются во всех парламентских странах с самыми серьезными лицами. И эти комедии чрезвычайно полезны. Вы посмотрите, как великолепно смываются при их помощи пятна с мундиров и сюртуков! По мнению Кьецы, например, Фечиа ди Коссато был до дуэли «канальей и шпионом», но после того, как Кьеца, на этот раз дравшийся успешнее, оцарапал генеральскую щеку (врачи не без труда нашли царапину), он диаметрально переменяет свое мнение и просит «каналью и шпиона» не сомневаться в его полном уважении. Пруденте, по мнению Кьецы, позорил министерство и покровительствовал шпионам; однако, получив царапину, Кьеца горячо пожал руку своего «симпатичного и уважаемого противника». Сам Кьеца получил пощечину от Монардо и намял ему бока; оказалось, однако, что они также глубоко друг друга уважают! Все репу-

тации восстановлены, все мундиры вычищены, щеки залечены, побои забыты. Скандалисты и драчуны, к всеобщему удовлетворению, оказались благороднейшими рыцарями и бесстрашными героями! Что депутаты крайней левой дерутся на дуэли, это, быть может, и не совсем похвально. Но Кье-зе можно простить это хотя бы за то, что он, штатский, сумел поцарапать генерала.

И эти современные герои, эти жалкие комедианты смеют говорить о некультурности мясника и извозчика, полосующих друг друга ножами! И эти ничтожные скандалисты из политических верхов причисляют себя к высшей категории «цивилизованных европейцев», рассуждают о морали, негодуют по поводу «сельских поединков», хотят читать лекции воспитательного характера! С помпой устраивая рекламу своей депутатской и генеральской чести, они, конечно, не подозревают, что по понятиям старого рыцарства, им уже недоступным, мясник и извозчик в данном случае имеют перед ними неизмеримое преимущество и могут смотреть на них как на презреннейших трусов и шутов. Можно признавать или не признавать дуэли. Но признающий ее неизбежно должен проникнуться той психологией прошлого, которая и создала поединок. Иначе «дело чести» обратится в жалкую и недостойную комедию, а пощечина будет гореть по-прежнему, и никакой царапиной ее не потушишь. А культурность... ну при чем тут культурность? Позвольте мне не согласиться с ходячими мнениями! Культурно или некультурно ревновать, ненавидеть, стреляться самому или стрелять в другого? Это — вопросы темперамента, а не воспитания, и культура тут совершенно ни при чем. Очень жаль, конечно, что в Италии происходят сельские поединки, но если, якобы под влиянием распространения культуры, они сменяются новомодными дуэлями, подобными описанной выше, то... Бог с ней, с *такой* культурой! Значит, она способна лишь превращать людей прямых и искренних в жалких и заносчивых шутов, выставляющих напоказ свои пощечины и свои царапины. Если нельзя без дуэли, то уж лучше резать друг друга, как мясник с извозчиком. Но только, повторяю, если нельзя без дуэлей...



За шесть лет жизни в Италии мне пришлось быть близким наблюдателем и референтом двух грандиозных и громоздких судебных процессов. Один из них сильно волновал и Россию, именно процесс Тарновской. О нем в свое время слишком много говорилось и писалось, чтобы я стал отводить ему место в этой книге. К тому же этот процесс имел к Италии столь же мало отношения, сколько и к России.

Правда, итальянцы полагали иначе: они думали, что на скамье подсудимых в Венеции сидела именно Россия, со всей странной психологией ее культурных слоев; именно с этой точки зрения их и интересовал особенно процесс Тарновской. Но были ли они правы?

Начиная с 1905 года, никогда еще в Италии не говорили и не писали так много о России, как за эти месяцы «процесса русских в Венеции». И никогда еще «русская душа» не выступала в таком неприглядном виде и таком безжалостном толковании. Злой судьбе нашей было угодно, чтобы три представителя дурной накипи на русском народе были приняты за истинные образчики пресловутой «*anima slava*», за коэффициент ее ценности и мерило ее честности. Из той цепи случайностей, что красивая женщина ирландской породы влюбила в себя и двинула на сомнительный подвиг юношу из дворянско-чиновничьей среды и адвоката-цивилиста, Италия, а за нею и Европа вообразили, что «славянская душа»

вполне высказалась в этом эффектном по внешности и шаблонном по внутреннему содержанию процессе. И ей, этой «славянской душе», отвели не пятое по счету, а первое, самое выдающееся, самое видное место на скамье подсудимых. Ее обвиняли с самой изумительной решительностью, ее защищали с самой необоснованной горячностью. И трудно сказать, от кого ей больше доставалось, — от обвинителей ли, или от защитников, от тех ли, кто ссылался на ее природную, естественную порочность, или от тех, кто видел в ней только добродетель, только самоотвержение и героизм. Ибо и для тех и для других «славянская душа» оставалась *tabula rasa* и ненайденным искомым, не найденным потому, что искали его не там, где оно живет: не в народе, а в накипи на русском народе¹.

Это не случайность. Общественное мнение о России всегда слагалось за границей фальшивым путем. Было время, когда Италия составляла себе представление о русских, исключительно наблюдая форестьеров, приезжавших из России любоваться ее красотами и посетить ее музеи. Русский в

¹ На суде защита пыталась оправдать действия подсудимых хрупкой психикой и телесными недугами. Так, по сообщению газет, защитник Наумова доказывал, что «его клиент был неоднократно гипнотизирован Тарновской в присутствии свидетелей» («Русское слово»). Защита самой Тарновской проникновенно описывала ее трагическое одиночество, попытки найти искренне любящего, заботливого спутника жизни, болезни и зависимость от эфира, морфия и кокаина. В том числе приводили мнение гинеколога проф. Босси, утверждавшего, что Тарновская «страдает мало известной, но типичной женской болезнью. Под влиянием этой болезни у женщины развивается мания «уничтожения» своих любовников» («Утро России»).

Образ Тарновской удивительно совпал с распространенным среди итальянцев представлением о роковой славянской (чаще всего русской) красавице, которое возникло в литературе еще в эпоху Верги и Пиранделло, но которое со временем приобрело масштабы эпидемии: в начале века Италия открывала для себя русский балет, русские актрисы выступали на театральной сцене, снимались в кино. Любопытно, что со временем у этого образа появился и комичный вариант. Так, в романе Альдо Палаццески «Сестры Матерасси» действует русская графиня — молодящаяся богатая старуха, проявляющая чрезмерный интерес к мужскому полу. Забавные русские дамы встречаются и у Альберто Савинио, и у Анны Банти. Пожалуй, и сегодня начитанный итальянец представляет типичную русскую женщину героиней Достоевского.

Tabula rasa (лат.) — букв. «выскобленная доска», нечто чистое, лишенное содержания.

глазах итальянца был всегда или князь, или граф, или во всяком случае «de», обладая очень толстым бумажником и давая на чай впятеро больше, чем всякий другой иностранец². Во время революции Италия познакомилась несколько — конечно, по газетам — с иной Россией³. Но сколько невероятного вздора узнала она о России наряду с крупными правды! Какое превратное понятие составила она о нашей стране и о нашей душе! Ее пресса не имеет достаточных средств для регулярной и непосредственной информации, и Россия изучалась в освещении прессы английской и главным образом французской, в то время как беспристрастие таких газет, как «Temps», «Matin», «Echo de Paris»⁴, не требует особых пояснений. В результате выяснились два положительных типа «русской души»: великодушный, щедрый князь и самоотверженный, героический нигилист; тип же отрицательный поглощен понятием *casac*, с его атрибутом *paгаika* и его единственной общественной ролью — *rogom*. В реакционный период итальянское воображение было прежде всего поражено понижением стоимости человеческой жизни в России, цифрами казней и самоубийств. В то же время иностранная пресса, почерпающая информацию в Петербурге, старается убедить за границу, что в России воцарился конституционный режим и что она быстрыми шагами идет к обновлению. Представьте теперь, какой сумбур должен получиться в голове итальянца, пытающегося представить себе и изобразить «русскую душу»! Комаровский, конечно, великодушный и щедрый князь, это ясно. Но кто такая Тарновская? Аристократка с нигилистической душой? Кто Наумов? Нечто вроде Раскольникова? Каким образом явный нигилист оказывается монар-

² «Во всяком случае «de» — то есть дворянин, фамилия которого, будь он французом, начиналась бы с «de», как де Тревиль или д'Артаньян. Говоря о восприятии русских в Италии, справедливости ради стоит упомянуть не только туристов, но и тех, кто прожил там долгое время и оставил заметный след, как Демидовы во Флоренции. Показная расточительность русских туристов еще недавно сместила итальянцев: не только манера давать на чай «впятеро больше», но и оставлять чаевые там, где это вовсе не принято, — например, в аптеке.

³ Речь идет о русской революции 1905 года.

⁴ Ежедневные газеты, выходившие до 40-х годов XX века.

хистом по убеждению? Пылка или, наоборот, расчетливо и холодно жестока *anima slava*? Что же такое, наконец, русская женщина? Прибавьте еще ходячую басню о том, что русская женщина дарит свою любовь всегда свободно, когда и кому вздумается, что в русском обществе в большом ходу обычай беспорядочного сожигия полов. Вот и попробуйте в этом разобраться! А между тем итальянцу очень хочется уяснить себе эту *anima slava* и в особенности *anima russa*. Поэтому, не имея других источников, он с особым рвением берется за психологический анализ венецианского процесса и, конечно, еще больше запутывается. Чему, как не этой путанице, можно приписать инцидент между представителями русской печати и адвокатом Дриусси, заподозрившем их в предвзятом отношении к его клиенту из-за политических счетов? Ведь до такой чепухи нужно было все же додуматься! А знаменитая экспертиза Морселли, указавшего на низость морального уровня русских женщин! Все это выводы заблудившихся исследователей дебрей славянской души...⁵

Мы в нашей иностранной политике вступили недавно на путь более близкого общения с Италией, по крайней мере официально⁶. Не думаю, чтобы такое официальное общение внесло что-нибудь в сферу взаимного понимания душ славянской и латинской. Но есть и пути иного общения, пути слияния духовных интересов. Если теперь еще рано было бы говорить о регулярной постановке за границу информации по вопросам русской жизни (это дело будущего), то мы по крайней мере должны подумать о другом: о том, чтобы нам,

⁵ Наумова защищал адвокат Дриусси, стычка которого с русскими журналистами попала в хронику процесса. Профессор Морселли, светило психиатрии, один из экспертов, осмотрел обвиняемую и диагностировал «истерию с самовнушением и склонностью к преступным деяниям». Следовательно, Тарновская должна была быть частично освобождена от ответственности. В своем выступлении профессор ссылаясь на наследственную и этническую предрасположенность к преступлениям. Он красочно описал вырождение российских аристократических семейств, в которых, по его мнению, невроз и психоз — обычное дело.

⁶ Россия одной из первых признала Итальянское королевство. О тесных отношениях между нашими странами свидетельствовало присутствие членов царской семьи на открытии русского павильона в Риме в 1911 году.

русским, не впадать в такие же грубые ошибки в своих суждениях о «латинской душе», в какие впадают иностранцы, рассуждая о нас. Что мы в этом также несколько грешны, это несомненно. Грешны мы по отношению к французу, порою судя о нем по бульварным романам, грешны по отношению к той же Италии, считая ее народ ленивым и склонным к жульничеству. Вряд ли кто будет опровергать, что такие поверхностные суждения все еще у нас достаточно распространены, и это обращение к самим себе научит нас не слишком строго судить итальянцев за их превратные о нас понятия. Мы еще недавно считали за *тип* итальянца жуликоватого гондольера или разносчика открыток, слушая басни о неаполитанских *lazzaroni* и т.д.⁷ Что же мудреного в том, что итальянцы, совершенно не знающие нашей истории, быта нашего народа, изучающие нашу политику по *Новому времени*⁸ и нашу жизнь по идиотским кинематографическим сценкам, еще и сегодня делают выводы о «русской душе», беря за материал злополучный процесс Тарновской?

Конечно, процесс русских, длившийся два месяца с половиной, дал немало картин итальянского суда, приглядеться к которым было бы не лишне. Между нашим судом и итальянским разница все же огромная; суд итальянский во многом превосходит наш, но в большем уступает. Один из его главных недостатков — его поразительная медленность. Уже процесс Тарновской дал этому иллюстрацию. Но его рекорд побит новым, уже чисто итальянским «процессом неаполитанской каморры», которым побиты вообще все рекорды процессуальной медленности, если не считать дело Джорндайса с Джорндайсом в «Холодном доме» Диккенса⁹. На этом

⁷ *Lazzarone* — от испанского *lazaro* (нищий, оборванец); восходит к библейскому Лазарю; в современном языке означает «каналья, прохиндей». Сначала испанцы называли так неаполитанских бедняков, которые в 1647 году участвовали в восстании под предводительством Мазаньелло.

⁸ «Новое время» — газета, выходившая в Петербурге в 1868—1917 годах. В эпоху Осоргина газета имела дурную репутацию как покорная властям и антисемитская. Николай Бердяев называл ее символом «литературного разврата и проституции».

⁹ «Джарндисы против Джарндисов» (*Jarndyce*) — тяжба, описанная в романе Ч. Диккенса.

процессе я остановлюсь далее не ради его самого, но ради интереса самого явления итальянской жизни, выражаемого словом «каморра». Но прежде, ради курьеза, упомяну еще об одном «процессе», газетное сообщение о котором произвело немалую сенсацию, правда, ненадолго.

Однажды в большой, серьезной и очень распространенной миланской газете «Corriere della Sera» была напечатана ночная телеграмма из Рима от собственного корреспондента; в телеграмме говорилось о предстоящем назначении к слушанию сенсационного дела некоего Пьетро Пьетри, обвиняемого в предумышленном братоубийстве. Насколько помню теперь, обстоятельства дела были таковы. 19 сентября 1870 года обитатели одного дома были встревожены выстрелом в одной из квартир. Явившись туда, они увидели трагическую сцену: на полу лежал залитый кровью восьмилетний мальчик Паоло Пьетри, а перед ним, с еще дымящимся отцовским пистолетом в руках, стоял его десятилетний брат Пьетро Пьетри. Родителей дома не было, мальчики играли одни, затем, по видимому, поссорились и старший убил младшего. Пьетро Пьетри был арестован и заключен в тюрьму, причем он, согласно протоколу, «не сделал попытки к бегству и не выказал раскаяния». На другой день, как известно, итальянские войска пробили брешь в стене Рима, и наступивший затем политический переворот несколько затянул следствие по делу Пьетро Пьетри. Только пять лет спустя следствие пошло быстрее, хотя преступник, не отрицая вины, продолжал не обнаруживать раскаяния. Осмотр квартиры, где случилось убийство, не дал никаких важных данных за давностью времени, а осмотр пистолета, приложенного к делу, навел следователя на кое-какие немаловажные мысли. Дело в том, что курок пистолета оказался заржавленным настолько, что лишь при страшном напряжении мускулов можно было произвести выстрел. Отсюда следователь справедливо заключил, что убийство совершено мальчиком в состоянии запальчивости и раздражения и не могло быть предумышленным. Опросили соседей, но разыскать всех их удалось не сразу, и дело несколько затянулось. Я не помню сейчас точных дат, но приблизительно к 19 сентября 1883 года дело было следствием закончено. Преступник, которому исполнилось ровно 23 года, продолжал

находиться в предварительном заключении, не обнаруживая признаков раскаяния. Назначение дела к слушанию затормозилось реформой уголовного процесса. Когда спустя пять лет дело было обращено к исследованию по новой методе, то выяснились новые данные чрезвычайной важности. При новом освидетельствовании вещественных доказательств оказалось, что пуля, извлеченная из трупа убитого, носила ясные отпечатки зубов. Руководясь правилами научной полиции, следователь сравнил эти уличающие следы с нарочно сделанными восковыми слепками зубов преступника, которому исполнилось уже 29 лет; обнаружилось, что отпечатки не тождественны. Тогда было приступлено к разысканию могилы несчастной жертвы, на что ушло немало времени. Тем временем следователь по этому делу (уже четвертый по счету) умер, новый же следователь счел нужным тщательно ознакомиться с разросшимся в несколько томов делом и сделать некоторые дополнения. Наконец около 19 сентября 1895 года удалось разыскать могилу убитого, и не напрасно: зубы отрытого скелета мальчика как раз подходили к отпечаткам на пуле. Прежнее обвинение Пьетро Пьетри в убийстве брата в запальчивости сменилось более тяжким. Следователь пришел к убеждению, что убийство было не только преднамеренным, но и сопровождалось зверским истязанием будущей жертвы: преступник угрозами заставлял восьмилетнего брата грызть ту пулю, которою он намеревался его убить. Таким образом, дело, почти уже законченное, вновь было обращено к исследованию, причем решено было тщательно допросить свидетелей, которые могли слышать крики истязуемой жертвы. К сожалению, большая часть свидетелей уже умерла, а двое оставшихся находились в Америке. Известно, что допрос свидетелей, живущих за границей, сопряжен с длинной перепиской, и не мудрено, что дело затянулось. Однако благодаря энергии следователя (уже седьмого по счету) в распорядительном заседании римской судебной палаты 19 сентября 1908 года постановлено было в возможно ближайший срок назначить к слушанию дело по обвинению Пьетро Пьетри — которому в этот день исполнилось 48 лет и который находился в предварительном заключении — в преднамеренном и зверском убийстве малолетнего брата Паоло Пьетри.

Если этот сенсационный процесс похож на анекдот, то здесь нет ничего удивительного: это и есть только анекдот. Но любопытно то, что этому поверила солиднейшая итальянская газета, поместившая ночную телеграмму своего корреспондента и излившая по поводу ее несколько слов гражданской скорби. Только через два дня я прочел в той же газете опровержение строк в пять, напечатанное мельчайшим шрифтом и гласившее, что римский корреспондент газеты был введен в заблуждение соответствующей заметкой газеты «L'Italie»¹⁰, которая лишь для увеселения читателей поместила эту бестактную и неостроумную шутку.

Однако мне этот анекдот не кажется ни бестактным, ни остроумным. Он хорошо характеризует не только деятельность судебных установлений, но и вообще темп итальянской правительственной машины. Канцелярщина и великое перепроизводство чиновников, смена которых совпадает со сменой каждого министерства, тормозят жизнь страны, нуждающейся в радикальных и планомерных реформах. По счастью, на выручку этой огромной и непроизводительной машине приходит общественная инициатива и самодеятельность. Нет области, где бы она не вытесняла своим энергичным вмешательством толчею государственных предначертаний. Именно она, эта общественная самопомощь, и представляет ту сторону итальянской жизни, которая для нас полна живого интереса, — тогда как у политиков и чиновников, с их планами и методами, нам учиться решительно нечему.

В сущности, анекдот, приведенный мною выше, не так уж и нелеп. Нечто подобное происходило на моих глазах в городке Витербо, где в течение года и четырех месяцев тянулся процесс каморристов, пять лет с лишним просидевших в предварительном заключении, причем часть подсудимых (22 человека) успела до окончания суда отбыть максимум наказания, грозившего им в случае обвинения. Это в своем роде единственный случай в практике современных судов!

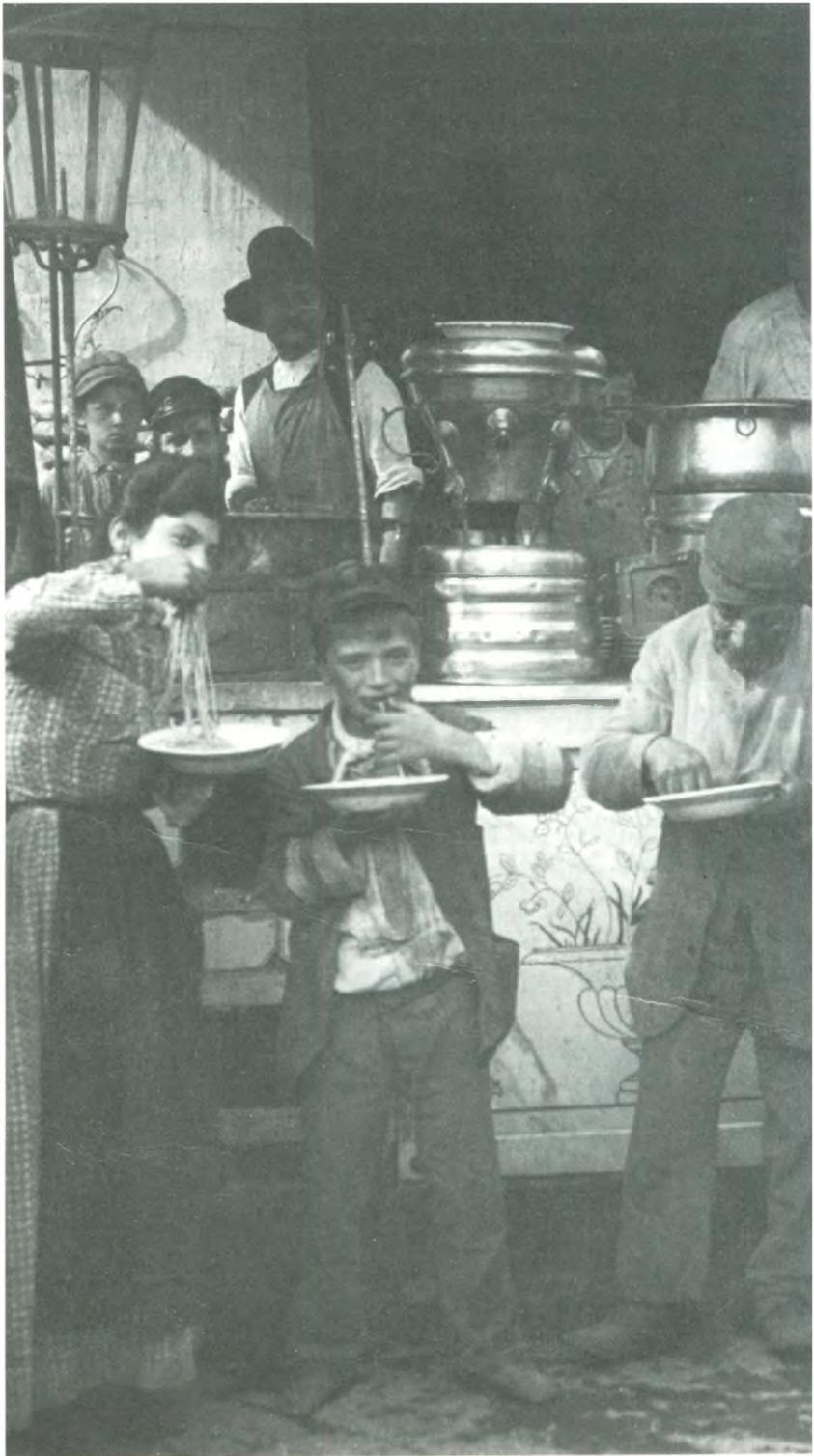
¹⁰ «L'Italie» («Италия») — политическая ежедневная газета на французском языке (ее девиз: «Независимость Италии — альянс с Францией»); выходила с 1860 по 1915 год.

К чести итальянского правосудия, нужно сказать, что с этим курьезным вопросом об отбытии наказания необвиненными преступниками ему удалось покончить благополучно: необвиненных преступников выпустили в день отбытия ими предельного срока; еще до приговора им зачтены были 40 тысяч арестантских дней, проведенных ими под арестом!

Правда, процесс каморры — совершенно исключительный процесс, как исключительное явление и сама каморра. Чрезвычайно жалко, что Россия, так жадно следившая за ничтожным по существу, по участникам и по общественной важности процессом Тарновской, почти не уделила внимания процессу каморры, давшему нам ряд картин неаполитанского социального быта.

В кратких чертах я напомним завязку драмы, создавшей этот процесс-монстр. Подробно я реферировал и ее и самое судище на страницах «Русских ведомостей» в 1910, 1911 и 1912 годах.

6 июня 1906 года, в один и тот же день, были зверски убиты супруги Дженнаро Куоколо и Мария Кутинелли. Первый убит в местечке Торре-дель-Греко близ Неаполя, жена же его — в самом Неаполе, на их квартире. Оба они были деятельными членами каморры, и убийство их является наказанием, наложенным на них трибуналом каморры за предательство. По обвинению в убийстве были сначала арестованы несколько лиц, в день убийства Куоколо пировавших поблизости от места его убийства, в кабачке «Mimi a mare». Однако вскоре, благодаря ложному доносу каморриста-священника Чиро Витоцци на других лиц, прежние подозреваемые были выпущены. Затем путем предательства одного из прикосновенных к делу каморристов, некоего Аббаттемаджо, выяснилось, что убийство было организовано именно выпущенными на свободу лицами, а приговор об убийстве исходил от каморристского трибунала, состав которого был целиком выяснен. Выпущенные были вновь арестованы, а вместе с ними и еще несколько десятков членов тайного общества, не исключая и священника, обвинявшегося затем в ложном доносе с целью спутать правосудие. Главными лицами процесса являлись, кроме названных Витоцци и Аббаттемаджо, еще фактический глава каморры, носящий



кличку Эрриконе¹¹, ее номинальный глава Фуччи, затем смелый и отчаянный авантюрист «профессор Рапи», Дженнаро де Маринис, Никола Морра, Джузеппе Сальви и др. Свидетельскую прикосновенность к делу имели несколько неаполитанских аристократов, депутатов, чиновников, адвокатов и коммерсантов. Бумажно-судебное следствие за пять лет разрослось настолько, что для охраны документов, весящих 80 килограммов, были приставлены два карабинера. Для огромного числа имеющих прибыть свидетелей город Витербо открыл специальный дешевый приют и экономическую кухню. К этому процессу-монстру пришлось, конечно, специально приспособлять залу судебных заседаний (внутренность средневековой церкви), где была устроена громадная железная клетка для обвиняемых и особая, маленькая, для Аббаттемаджо, которого не спасла от суда его откровенность в показаниях, но которого старательно оберегали от мести его бывших товарищей.

Грандиозный «процесс неаполитанской каморры» интересен тем, что герои его — не простые преступники, но представители еще не ушедшего в область преданий, а доживающего в темных кварталах Неаполя самоуправного социального порядка. Подобно знаменитому процессу члена сицилийской мафии, депутата Палиццоло, процесс убийц Куоколо должен был пролить свет на вопрос о жизнеспособности тайных организаций южной Италии¹². Будет ли он впоследствии иметь морализующее значение и явится ли он, как

¹¹ Эрриконе (т.е. «большой Энрико») — кличка главы каморры Энрико Альфано.

¹² Раффаэле Палиццоло (1843—1910), видный сицилийский политик, неоднократно избирался депутатом парламента. Известный связями с мафией, был обвинен в организации жестокого убийства маркиза Нотарбартоло, генерального директора Банка Сицилии, в управляющий совет которого входил сам Палиццоло. На этом процессе впервые заговорили вслух о тесной связи между мафией и политикой на Сицилии и во всей Италии. Палиццоло был признан виновным и осужден на тридцать лет тюрьмы, однако суд высшей инстанции отменил приговор за недостатком доказательств. Когда Палиццоло вернулся на Сицилию, его встретили как героя, не позволившего запятнать честь острова. Позднее он написал автобиографию «Мои тюрьмы» и посетил Нью-Йорк, где его с восторгом приняли сицилийские эмигранты.

надеются итальянцы, этапом оздоровления юга, я не берусь решать; думаю, однако, что социальные язвы лечатся не трибуналом и не ссылкой в каторгу их ярких представителей, а иными радикальными, культурными мероприятиями. Но сам по себе, помимо своей исключительной мировой сенсации, процесс этот может быть интересен всякому, даже не моралисту, кого интересуют современная Италия, ее развивающаяся общественная жизнь и этапы ее тернистого пути к завоеванию культуры.

Однако, не задаваясь целью излагать здесь ход процесса — для этого нужен даже не специальный том, а специальные тома! — я имею в виду рассказать только, что такое каморра, поскольку мы ее знаем по специальным исследованиям ученых и на основании данных, выяснившихся в процессе.

Хотя нынешняя каморра не только утратила свою историческую физиономию, но и успела превратиться в свою полную противоположность, однако существа ее нельзя понять без исторических справок. К сожалению, к истории ее примешивается много легенд, мешающих созданию единой и стройной теории ее происхождения. Несомненно одно: каморра — испанского происхождения, как и самое слово «каморра» (*camorra*), означающее на кастильском наречии *спор*. Это объясняется так: когда возникает спор между двумя противниками, вступает третье лицо и по праву сильного постановляет свое решение, причем ему и поступает львиная доля объекта спора на основании *права каморры* (*diritto di camorra*)^{*}. В связи с этим кастильским неологизмом стоит слово «*гамурра*», означающее короткую жакетку, служившую традиционной одеждой не только средневековым испанским разбойникам (*gamurri*), но и позднейшим итальянским каморристам. Весьма вероятно, что именно эти *gamurri* и были предками современных неаполитанских героев дна. В свое время они были истинными господами средневековой Испании. *Gamurri* не действовали разрозненно и случайно, но объединялись в общества и федерации, имея свои уставы и

* *Mare Monnier. La Camorra. 1863; Ferd. Russo e E. Serao. La Camorra. Napoli, 1907.*

обычай, свои законы и ритуалы. Нередко испанские монархи прибегали к их услугам по соображениям политической и религиозной борьбы, и вообще организации их были волей или неволей терпимы. Гамурры были, прежде всего, хозяевами дорог и застав; для проезда или провоза товаров и съестных припасов приходилось неизбежно входить с ними в соглашение, и обычай устанавливал даже особую таксу за проезд, провоз и прогон скота, причем такса эта варьировалась для богатых и бедных на началах справедливости и понижалась в случае неурожая, засухи и других экономических бедствий. Существовали при этом рогатки внутренние и рогатки внешние; первые собирали дань в пользу отдельных обществ каморры, вторые — в пользу их федераций. Некоторые общества приобрели большую известность своим великодушием и защитой интересов бедняков¹³. Андалузское общество *Garduna*, описанное Сервантесом в его «Дон Кихоте», окружено ореолом славы в народных преданиях и песнях. Важно прибавить, что испанские каморристы того времени (XV—XVI веков) были подлинными «гидальго», безусловно запрещающая воровство, наказывая воров и вступая в открытый бой с неорганизованными разбойничьими бандами; в этом отношении они играли роль добровольных защитников населения. Нельзя не подметить также некоторую связь между ними и позднейшими сицилийскими мафиозами, еще не выродившимися в современную вульгарную разбойничью массу¹⁴.

¹³ Осоргин пересказывает доступные ему источники (в том числе см. сделанные им примечания). С тех пор появилось немало исследований феномена каморры. Большинство историков уже не возлагают всю вину на испанцев, считается, что каморра все же родилась в Кампании в XVI—XVII веках, а само слово «самогга» восходит к «с'а'-могга» — буквально «вместе с бандой». По другой гипотезе, это слово произошло от названия азартной игры, в которую любили играть солдатня и бандиты, от налога на азартные игры и даже от библейской Гоморры. Впрочем, версия, которую изложил Осоргин, окончательно не отвергнута.

¹⁴ Считается, что Гардунья (*Garduña*) возникла во времена Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской, т.е. в конце XV века. Эта преступная организация также описана в художественной литературе. Например, Сервантес рассказывает о преступном братстве Мониподью в истории о Ринконете и Кортадильо из книги «Назидательные новеллы».

Все это было, прошло и к современным неаполитанским каморристам имеет лишь историческое, весьма отдаленное отношение. Уже их более близкие предки, каморристы Неаполя времен Бурбонов, были не столько бравыми «гидальго», сколько контрабандистами и разбойниками вульгарного типа. Сохраняя внешние черты испанского устава и прежнюю иерархию, «*onorata società*» («почетное общество» — официальное название каморры) сильно пострадала от развращающего союза с центральной властью, которая почти открыто признавала тайную организацию. Нередко каморра оказывалась правой рукой правительства в его реакционных предприятиях, в особенности в опасные для власти моменты. За это власть терпела «право каморры» на беспошлинный ввоз товаров, главным образом — рогатого скота, когда товары эти находились под покровительством главарей тайной организации; в конце концов, ей приходилось закрывать глаза и на нарушение законов о контрабанде, так как большинство таможенных и портовых служащих были каморристами или их ставленниками. Но, помимо существования своего «контрабандного права», каморристы не брезгали и другими проявлениями права сильного: эксплуатацией проституции, ростовщичеством, воровскими подвигами и, главное, прямым обложением запуганного обывателя. Эти последние черты и перешли в целостном и развитом виде в характер каморры современной.

Для того чтобы правильно понять каморру наших дней, нужно строго отличать ее от так называемой *mala vita*, т.е. массы празднующегося и темного неаполитанского плебса, живущего не столько личным трудом, сколько за счет чужой собственности и чужого заработка¹⁵. Смешение этих понятий, вообще очень распространенное даже среди специально изучающих быт южной Италии, ведет к отождествлению каморристской организации с беспорядочной толпой *malviventi*, т.е. мелких воров, проституток, нищих, пропойц, гадателей, юродивых и т.п. *Mala vita* есть только среда, из которой преимущественно вербуются каморристы,

¹⁵ *Mala vita* — букв. «дурная жизнь». Речь идет о людях, ведущих жизнь, которая противоречит нормам закона и морали.

и в то же время — масса, которую они преимущественно эксплуатируют. В то время как кража, мошенничество и прочие подобного рода деяния являются лишь случайными, удачными или неудачными проявлениями, так сказать, идеалов *mala vita*, «право каморры» осуществляется не в факте кражи, а в *эксплуатации* самих крадущих, вообще — в отчислении в свою личную пользу или в пользу организации того или иного процента продуктов «труда» воров, грабителей, проституток и т.п. С другой стороны, «право каморры» может проявляться, например, в требовании эквивалента или известного процента стоимости украденного имущества, когда оно возвращается потерпевшему по его жалобе, обращенной к местному начальнику каморры. Проявляется оно также в прямом налоге на извозчицью биржу, магазин, владельца дома, когда каморра за известный взнос обеспечивает плательщикам этого оригинального налога известную безопасность функций и защиту в нужных случаях. Не всегда, конечно, бывает легко установить границу между квалифицированным каморристским деянием и обычным деликтом; но характернейшим признаком первого служит *организованное самоуправство*, основанное на общепризнанном в данной среде обычае. Только невниманием к историческому происхождению каморры и к филологии самого ее названия можно объяснить, почему до сих пор, насколько мне известно, никто из исследователей неаполитанской каморры не установил прочно этого принципиального различия между внешними проявлениями деятельности *onorata società* как организации и *mala vita* как среды.

«Каждый почтенный мужчина (*hombre honrado*), обладающей острым глазом, чутким ухом, быстрыми ногами и находчивым языком, может сделаться членом общества». Так гласила первая статья испанской «Garduna». Те же качества считает достаточными для вступления в общество и современная каморра. Но не всякий, даже и обладающей этими качествами, может немедленно сделаться каморристом в строгом смысле слова. Рекруты каморры проходят длин-

ную подготовительную школу жизни. Еще в качестве *bacilli della mala vita*, грязными, оборванными, «ничьими детьми», они присматриваются к своеобразному социальному жизненпорядку где-нибудь в трущобах *Imbreciata*, знаменитого исторического неаполитанского квартала публичных домов и каморристских притонов. Здесь они вырабатывают в себе приспособляемость к жизненным перипетиям, устраиваясь на ночь под забором, ловко утаскивая булку с лотка разносчика, швыряя из-за угла камнем в полицейского агента, устраивая примерные сражения. В качестве *palatini*, как называют они себя в честь французских паладинов, они усердно, на выпрошенные у иностранцев сольди, посещают народные драматические театры, где любимым сценическим сюжетом являются преувеличенные подвиги прославленных каморристов, как испанских, так и неаполитанских¹⁶.

Очень рано они настолько усваивают приемы взрослых *malviventi*, что ухитряются не только существовать мелкими кражами, но и воспринимать некоторые наслаждения из шумной уличной неаполитанской жизни. Попадая затем за решетку для малолетних преступников, они уже обеспечивают себе дальнейшую карьеру, быстро усваивая все, что может дать развращающая тюремная среда. «*La Concordia*», тюрьма для малолетних, недаром зовется «академией» будущих каморристов. Попасть туда считается большим почетом. Здесь заключенные-мальчики, под руководством более опытных

¹⁶ Здесь и ниже Осоргин приводит множество терминов, относящихся к каморре и ее иерархии. Поясним некоторые из них. *Bacilli della malavita* — «бациллы», то есть те, кому еще только предстоит вырасти и пойти опасной дорожкой. *Имбреччата (Imbrecciata)* — район; начинался за Капуанскими воротами, назван так, потому что его улицы были покрыты галькой (*breccia*). Неаполитанская тюрьма «*Ла Конкордия*» существовала с 1854 по 1904 год. *Onorata società* (Достопочтенное общество) — название каморры, подчеркивающее то, что ее члены блюдут честь и не болтают лишнего. *Raganza* — изначально «группа солдат», *guaglione* — парень, *picciotto* — молодой человек (как *piccolo* — малыш). Слово *gavetta* означает солдатский котелок, отсюда — человек, занимающий в иерархии самую низкую ступень; его «половинка», *mezza-gavetta*, — еще меньше. *Tamburo* — барабан, отсюда значение «барабанщик» (как правило, барабанщиками становились молоденькие солдаты). *Intrico* — клубок, пучок, отсюда — главный в группе или на определенной территории. *Malandrino* — разбойник, бандит.

из своей среды, организуют миниатюру каморры взрослых, распределяя сообразно проявленным качествам и оказанным заслугам обычные каморристские титулы, устраивая поединки на ножах, изучая устав и обычаи, приучая себя к выдержанной дисциплине. При выходе на волю воспитанник «академии» спешит зарекомендовать себя каким-нибудь своеобразным подвигом, чтобы приобрести право войти в разряд испытуемых *onorata società*. Ловкий удар ножом, месть любовнице за измену (обычно — *sfregio*, разрез щеки), участие в крупном воровском деле — все это открывает ему двери в один из отделов (*paranza*) каморры. Таким образом он приобретает прозвище *guaglione e mala vita* или *giuvanotto annurato**

Но это еще не титул члена каморры, а просто почетная кличка. Только испытание на деле дает ему степень *picciotto*, так сказать, члена-соревнователя. *Picciotto* также еще не настоящей каморрист, так как он не пользуется общественным дивидендом, а наоборот, сам обязан как делать периодические взносы в общую кассу, так и делиться продуктами своей воровской энергии. Если его непосредственные начальники дают ему небольшую долю общего достояния, то этим он пользуется как подарком, а не в силу «права каморры», которое ему еще не принадлежит. В каморристы он возводится торжественно, в особенности если это назначение имеет место в стенах тюрьмы или в местах ссылки, где обычаи и ритуалы каморры соблюдаются со всей строгостью. Позволю себе привести здесь часть текста формул из устава каморры, сообщенного недавно известным исследователем тюремной среды Эмануэле Мирабелла**. Эти ритуалы интересны как отражение рыцарских обычаев Испании и чрезвычайно характерны по обстановочности, до которой так падки итальянцы. Самый текст взят из подлинного каморристского «требника», написанного на жаргоне.

* «Почетный молодец». Все каморристские термины приводятся здесь на неаполитанском диалекте или на специальном жаргоне тюремной каморры.

** *Emanuele Mirabella. Mala vita, gergo, camorra e costumi degli affiliati. Napoli, 1910.*

«Едва picciotto прибывает на остров (т.е. в место ссылки), он должен тотчас представиться дежурному picciotto; при этом он уведомляется, что на острове picciotto называется mezza-gavetta. Дежурный спрашивает:

— Кто вы и что вам угодно?

— Я mezza-gavetta X и прошу вас сообщить обществу новость, что прибыл mezza-gavetta, свободный от всяких обязанностей.

— Будет исполнено!

Дежурный mezza-gavetta сообщает новость дежурному tamburo (чин каморриста), а тот — intrico (начальник отдела или камеры; в Неаполе — начальник одного из двенадцати кварталов), который приказывает собрать общество. На собрание вызывается прибывший, который спрашивает:

— Разрешается?

Начальник отвечает:

— Пожалуйста!

— Общество одно или с тамбурами во главе?

— С тамбурами во главе.

— Благодарю все общество медзагаветт и целую руки всем тамбурам, которые делают мне честь принятием меня.

— Представьте ваши документы!

Приезжий рассказывает, на каком острове или в какой тюрьме он получил звание медзагаветты.

— Скажите мне теперь, откуда явилось общество? — спрашивает начальник.

— Испания, Неаполь и Сицилия!

— И каково его происхождение?

— Три кавалера, испанец, неаполитанец и сицилиец, играли в цехины, а их оруженосцы прислуживали им и стояли на страже. Вдруг, когда испанец уже вытащил из кармана последнюю ставку, так как все проиграл, он схватил из денег выигравшего двадцать процентов его выигрыша, говоря: я беру это себе в качестве того, что мне следует по праву и смыслу каморры, и я считаю себя вправе брать это здесь, и не здесь, и в любом месте, где бы я ни был, как добром, так и силой.

— И чем это кончилось?

— Кончилось тем, что три кавалера вошли между собой в соглашение и основали общество каморристов, завербовав в него своих оруженосцев¹⁷.

— Сколько ключей имеет каморра?

— Три. Золотой, серебряный и железный.

— И для чего они служат?

— Золотой служит для Бога, серебряный — для общества, железный — чтобы замыкать бесчестных мерзавцев.

— Но что же дало вам общество, когда сделало вас членом?

— Три цветка.

— Что они из себя представляют?

— Один — честь, другой — качество разбойника (malandrineria) и третий — тайну.

— Но чего же вы, наконец, хотите?

— Хочу послужить почтенному составу общества.

— Вам будет разрешено... Угодно еще что-нибудь?

— Хочу исполнять мой долг.

— Исполняйте ваш долг!

Тогда медзагаветта целует в руку всех тамбуров и в лицо всех медзагаветт.

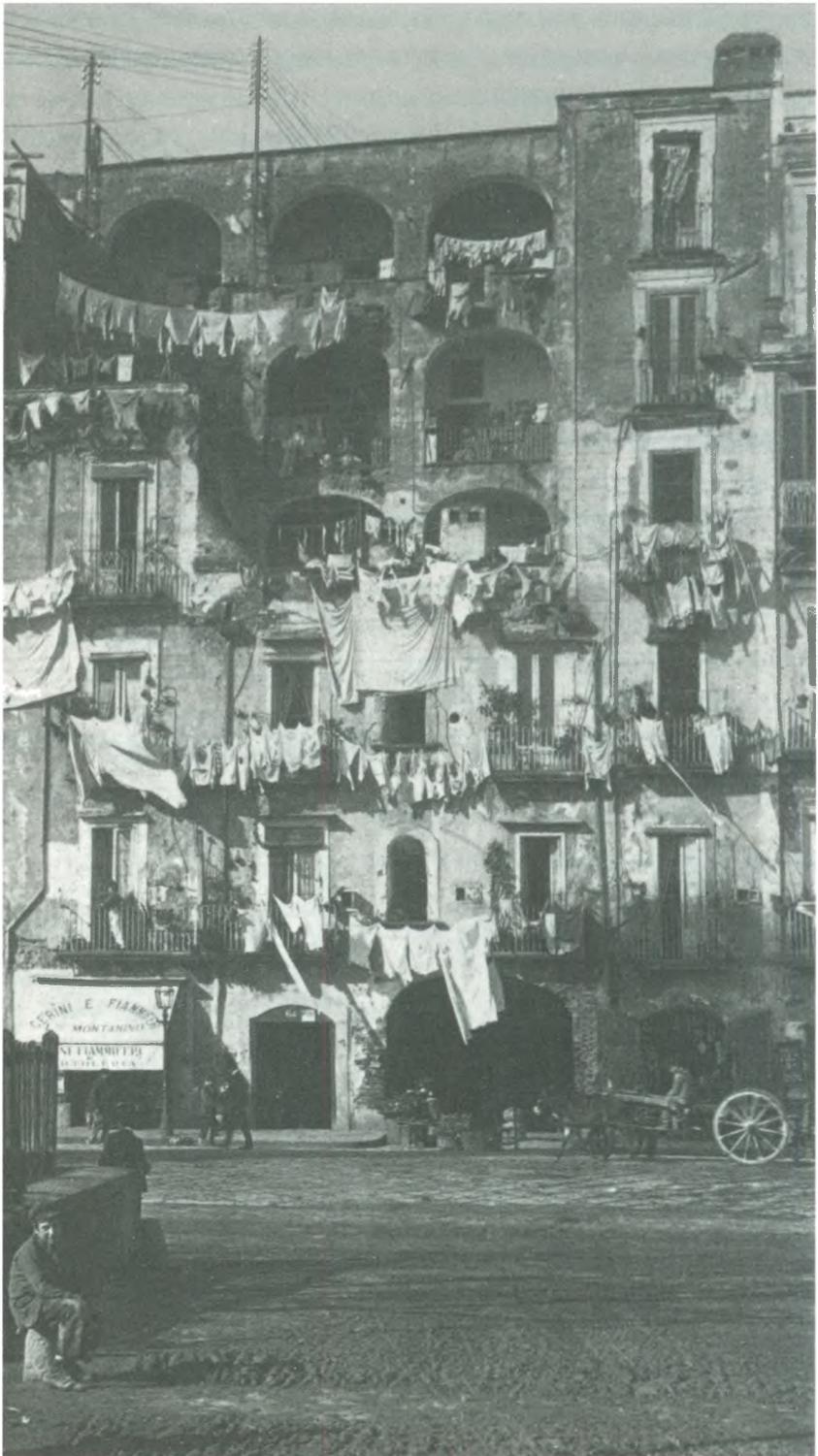
— Прикажете еще что-нибудь?

— Больше ни единой просьбы.

— Можете идти».

Обряд целования руки высших по рангу свидетельствует о подчинении и дисциплине. Действительно, подчинение это доходит до того, что медзагаветта не только должен —

¹⁷ Известна и другая версия легенды. Жили-были три брата, три благородных испанца, члены Гардуньи, — Оссо, Мастросо и Карканьосо. Над их сестрой надругался приближенный короля, и они отмстили, убив обидчика. Отбывая наказание в тюрьме на острове Фавиньяна, неподалеку от Сицилии, они придумали законы и обычаи нового тайного сообщества, для членов которого главными были честь, кровь и война. Спустя тридцать лет братья вышли на свободу. Оссо остался на Сицилии и основал мафию, Мастросо вернулся в Калабрию и основал там ндрангету, Карканьосо же основал в Кампании каморру. По легенде, братья были весьма набожны, прежде чем приступить к созданию трех сообществ, они осенили себя крестным знаменем и обратились к святым покровителям: Оссо — к Иисусу Христу, Мастросо — к Архангелу Михаилу, Карканьосо — к Апостолу Петру.



по уставу — исполнять для тамбура всякую работу (носить ему воду, чистить башмаки, стирать белье, убирать постель и пр.), но и вообще подчиняться любой его прихоти беспрекословно и без права апелляции, довольствуясь подачками каморриста. По свидетельству Мирабеллы, подчинение это доходит до крайних степеней унижения, вплоть до удовлетворений противоестественных наклонностей каморристов, развращенных условиями замкнутой тюремной жизни. Картины с натуры, рисуемые итальянским антропологом, совершенно непередаваемы.

Но *picciotto*, он же *mezza-gavetta*, может сам достигнуть степени каморриста. Это производство обязательно сопровождается сложным ритуалом. Предварительно он должен сделать в общую кассу взнос в размере 27 1/2 лиры (такса для степени каморриста), после чего поступает на три дня в обучение уставу и формулам к одному из тамбуров. Затем назначается собрание, на которое приносится таз с пятью кинжалами (или самодельным холодным оружием), один из которых длиннее других. Под тазом разостлан красный платок, оружие покрывается белым. После ряда установленных формул вопросов и ответов один из кинжалов вручается кандидату в каморристы, второй — его учителю, два другие — их секундантам, пятый — начальнику (интрику). Затем происходит дуэль между кандидатом и его учителем до первой раны (рану наносят всегда в руку). Если кандидат ранил противника, дуэль прекращается секундантами. Победитель высасывает немного крови из раны противника, жмет ему руку и целует его в лицо (т.е. уже как равный). Затем на руку кандидата навязывается белый платок, его противник наносит ему ножом легкий удар под перевязкой и в свою очередь высасывает кровь. Далее кандидат дарит белый платок своему учителю-противнику, рубашку свою — начальнику, и наконец его баллотируют и провозглашают *tamburo*, т.е. каморристом. В заключение дается *una splendida tavoletta* (роскошный обед) в честь нового товарища.

Каморристская иерархия довольно сложна. Верховная власть принадлежит главе всей каморры, который может быть на воле или в тюрьме. Случается, особенно в послед-

ние годы, что у каморры оказываются два высших начальника, один — избранный неаполитанскими каморристами, другой — избранный тюрьмой; но это ненормальное явление, и между соперниками неизбежна борьба не на жизнь, а на смерть. Раньше борьба разрешалась обычно при помощи дуэли на ножах (*dibattimento*); теперь же, с разложением общества, пускаются в ход интриги и даже предательство. Верховному главе (*capintesta*) подчинены начальники кварталов (*capintrini*) и все прочие чины, как кассир каморры (*contaiolo*), учителя (*mastri*) и рядовые каморристы. В тюрьме, где главного начальника заменяет старший каморрист, приобретающий звание начальника отдела (*intrico*), иерархия сложнее: здесь имеется помощник главы (*greffo*), кассир, старший из тамбуров (*tamburo o camola*), учителя из тамбуров (*tamburi mastri*), простые каморристы (*bottiglie* — «бутылки»), почетные члены общества (*onorati*), возводимые в эту степень за старостью и болезненностью. Наконец следует подчиненная им масса *медзагаветт*, т.е. недавно приписанных к каморре, но не выслужившихся еще до чинов*. Если прибавить сюда еще промежуточные степени (например, *mezza-bottiglia*, т.е. полукаморрист) и временные звания секундантов, дежурных по камере и т.п., то получится целый штат больших и малых чиновников, разобраться среди которых нелегко, особенно ввиду больших различий между кличками на воле (на диалекте) и в тюрьме (на жаргоне). Понятно поэтому, что особым почетом пользуются старые и опытные учителя (*mastri* или *masti*), которые специально занимаются преподаванием устава общества, формул, ритуалов, обычаев дуэли, стрельбы в цель, приемов мести или наказания при помощи *sfregio* (разреза щеки отточенной монетой или бритвой), а также воровских приемов, от карманной кражи до вооруженного разбоя.

* Собственно *медзагаветты*, носящие на воле название *picciotti*, принадлежат вместе с «почетными молодцами» (*giuvanotti annurati*) к так называемому младшему обществу (*società minore*), тогда как *camorristi* причисляются к старшему обществу (*società maggiore*). Оба эти общества и составляют в целом каморру, которой присвоены современные названия *società dell'umirtà* или *bella società riformata* (*Dott. A. De Blasio. Usi e costumi dei camorristi. Napoli, 1897.*)

Каморра имеет два закона, наследованные ею от самых отдаленных испанских предков: закон писанный, составлявший до последнего времени секрет каморры (*frieno*), и закон моральный, выражающийся словом *omertà*. Нарушение последнего влечет за собою неизбежное наказание, присуждаемое особым трибуналом¹⁸.

Omertà, филологически не объясненное и в то же время самое почтенное слово каморристского лексикона, выражает собою принцип хранения каморристом тайн организации. Слово это настолько всеобъемлюще, что его можно понять лишь на примерах. Так, *omertà* обязывает каморриста следовать строго преданиям *onorata società*; оно внушает ему защищать честь свою и общество от всякого на него посягательства и сторицей мстить обидчику как лично, так и в лице его потомства и родни; оно безусловно воспрещает прибегать к помощи и защите органов правительственной власти, хотя бы в момент опасности для жизни; оно воспрещает выдавать властям секреты организации, свою и чужую в ней роль, даже на смертном одре называть имя своего убийцы; оно обрекает предателя и доносчика на неминуемую гибель от руки его сочленов, будь то в тюрьме или на воле. Коротко говоря, *omertà* является величайшим качеством истинного каморриста, отличая его от всей массы граждан; именно эквивалентом этой *omertà* как отказа от государственной защиты является «право каморры» как организованное самоуправство. Итальянские исследователи каморры далеко не правы и во всяком случае не беспристрастны, отказывая каморре в элементарных понятиях о нравственности; нет сомнения, что принцип *omertà* есть крепкий моральный устой, без которого каморристская организация давно бы распалась и слилась с прочей массой неаполитанских *malviventi*. Нет сомнения и в том, что этот исторический моральный пережиток, во всей его живучести, характеризует и наше время, не исключившее надобность в нем для социальных низов; необходимость в органе самоуправления можно объяснить только дефектами органов управления, что мы действительно и наблюдаем особенно

¹⁸ О слове *omertà* см. выше примечание 46 на с. 89.

резко в южной Италии. Прибавлю кстати, что *omertà* является основным принципом также и сицилийской мафии.

Как я уже сказал, нарушение принципа *omertà* влечет за собою товарищеский трибунал и — при осуждении — наказание смертью. Очень сожалею, что масштаб очерка не позволяет мне привести выдержки из протокола одного из недавних трибуналов, тем более что он любопытен не только по слогу, но и по методу конспиративных обозначений. Имена подсудимого и членов трибунала заменены здесь их графически изображенными кличками: так, например, обвиняемый обозначается примитивным рисунком сердца и собаки (*core 'e cane* — его кличка), имена судей — рисунками руки, фонаря, полицейской фуражки, профилем монаха-капуцина и т.д. Резолюция выражена черепом. Действительно, осужденный каморрист был убит. Осудивший его трибунал назывался *La Gran Mamma*¹⁹ и имел свои собственные «гербовые бумаги» с изображением и подписью:

ЗАЛ ПРАВОСУДИЯ

Закон равен для всех,
Ибо мамы (*le mamme*) судят
Не пером, как королевские суды,
Но сердцем и умом*.

Образчик каморристского трибунала мы имели и в процессе Куоколо, убитого за нарушение *omertà*. Самый трибунал обычно составляется — под председательством *capintesta* — из 12 *capintrini* или, за отсутствием некоторых из них, из двух старейших коморристов от каждого квартала, не представленного прямым начальником. Выполнение резолюции поручается как опытным каморристам (в трудных случаях), так я простым *picciotti* и *giuvanotti annurati*, которые своей исполнительностью и ловкостью в исполнении таких поручений создают себе дальнейшую карьеру. Сам начальник каморры и начальники кварталов обычно не «ма-

¹⁹ Суд каморры назывался *Mamma* (Мама) или *Granmamma* (Великая мама), над которыми главенствовала *Mamma Santissima* (Святейшая мама). Его устройство описано в уставе каморры.

* *A. De Blasio. Nel Paese della Camorra (L'imbrecciata). Napoli, 1901.*

рают рук» в крови предателей, ограничиваясь приказами и руководством.

В прежнее время каморра не стремилась к численному расширению своих рядов, строго подбирая членов и не смешиваясь с массой *malviventi*. Так, например, Дженнаро Куокколо, который был *basista* (антрепренер и организатор краж)²⁰, не имел бы раньше доступа в ряды каморры в силу своего основного промысла, тогда как теперь он был ее деятельным членом. Истинный каморрист не ворует, но эксплуатирует и вора, и обокраденного. В Неаполе и теперь еще не редки случаи обращения частных лиц к каморре с просьбой разыскать украденное, что и исполняется, если будет сочтено справедливым; при этом с просителя взыскивается часть стоимости украденного и делится между главой каморры, главой квартала, общей кассой и укравшим. Но если укравший не принадлежит к организации, то вещь возвращается потерпевшему без всякого эквивалента, лишь за небольшой подарок главе каморры, а попавшегося вора каморристы жестоко наказывают. Этот порядок держится потому, что он удобен и для каморристов, и для населения, так как первым он создает авторитет, а население предпочитает непосредственное обращение к каморре полицейской волоките, которая никогда не приводит к благоприятным результатам. Любопытно, что иногда бывают вынуждены обращаться к каморре даже такие лица, как... министр внутренних дел. Так, например, когда в 1901 году была обокрадена жена министра, баронесса Никотера-Рикко, полиция ничего не могла сделать, и только обращением к *capintesta*, знаменитому Чиччо Капуччо (Ciccio Capuccio), удалось вернуть драгоценности баронессы²¹. Такой же случай был с графом Пиронти, в то время ге-

²⁰ Базиста (*basista*, от слова *base*) помогал организовывать разбойничьи нападения или ограбления, добывая необходимые сведения; лично в преступлениях не участвовал.

²¹ Ciccio Capuccio, Чиччо Капуччо (не Чиччо Капуччо и не Чиччио Капуччио), — некоронованный «король Неаполя», обновивший каморру. Например, он обязал ее членов иметь для прикрытия легальную работу, а также требовал отказаться от публичных дуэлей, привлекавших лишнее внимание. Члены каморры до того боялись его, что предпочитали покончить с собой, лишь бы не предстать перед судом Капуччо.

неральным прокурором и государственным канцлером²², у которого в зале суда была украдена золотая табакерка, возвращенная ему лишь вследствие его обращения к одному из каморристских чинов. Через несколько дней табакерка невидимой рукой была положена ему на письменный стол. И таких случаев, особенно в прежнее время, было немало.

От каморристов следует отличать так называемых *guarri*²³, авантюристов высокого пошиба, которые в свое время (теперь истинных *guarri* уже нет) держали в страхе не только население Неаполя, но и самую каморру. Это были независимые единичные личности, искавшие ссор и столкновений где возможно и при первом возражении пускавшие в ход кинжал. Влияние некоторых *guarri* было так велико, что они одним своим словом заставляли каморристов возвращать добытое вымогательством и таким образом являлись в глазах населения рыцарями и защитниками угнетенных. Общим у них с каморристами было отвращение к законной правительственной власти, принцип *omertà* и методы воздействия.

Как я уже сказал, каморра имеет лишь одного верховного вождя (*capintesta*). Правда, ссыльные и заключенные в тюрьме могут избрать другого, но, по букве каморристского закона, он пользуется этим званием лишь до выхода из тюрьмы. Истинный же *capintesta*, избираемый на один год из каморристов квартала *Porta Capuana*²⁴, живет всегда в самом Неаполе. Было бы трудно установить преемственность этих царей неаполитанского дна, но слава некоторых из них пережила их самих. Если бы мы проследили здесь биографии этих людей, то увидели бы, как постепенно понижается уровень требований, предъявляемых главе каморры, и насколько мельче и ничтожнее становятся ее рыцари. Одним из известнейших и долговечных начальников каморры был *Tore 'e Criscienzo*, правление которого совпало с объединением Италии.

²² Микеле Пиронти (1814—1885) — политик, занимал ряд государственных должностей.

²³ *Guarro* — бандит, громила, от испанского *guaro* — смельчак, лихой, бедовый.

²⁴ Район, расположенный у Капуанских ворот в Неаполе.

Когда в 1860 году Гарибальди вошел в Неаполь, бурбонская полиция была распущена, временное правительство организовало новую, пригласив для этого больших каморристов, авантюристов и *guarri*. Начальником полиции был назначен знаменитый *guarro* Никола Айосса. Большой знаток каморристской среды, Айосса объявил ей войну, лишил ее привилегии контрабанды и наконец добрался и до самого *Tore 'e Criscienzo*²⁵. Интересно, что полицейский комиссар, прежде чем арестовать главаря каморры, вспомнил свою прежнюю удаль и принял вызов на дуэль, объявленный ему каморристом. Между ними в уединенном месте произошла *zumpata* (дуэль) на ножах²⁶, во время которой каморрист был ранен и признал себя пленником, пообещав комиссару отомстить ему по выходе из тюрьмы. Впоследствии *Tore 'e Criscienzo* был обвинен товарищами в измене принципу *omertà*, так как он обратился к новому правительству с просьбой о помиловании; наивный каморрист оправдывался тем, что он обращается к своим *друзьям*, так как раньше, при Бурбонах, ему пришлось сидеть в тюрьме вместе с политическими революционерами, теперь победившими и, как он был уверен, ставшими во главе правительства. Другим выдающимся *capintesta*, уже в недавние времена, был знаменитейший в летописях каморры *Ciccio Saruccio*, сделавшийся главою еще в тюрьме, прямо из «почетных молодцов», и сохранивший свою власть на воле. При нем обновленная каморра достигла расцвета, и на похоронах его (в 1893 году) были десятки тысяч населения неаполитанских кварталов. Последним вы-

²⁵ *Tore 'e Criscienzo* (Salvatore de Crescenzo), Сальваторе де Крешенцо, — самый знаменитый каморрист XIX века. Один из членов каморры, поддержавших Гарибальди и занимавшихся поначалу при новом правительстве охраной общественного порядка. Никола Йосса (Nikola Jossa) — не менее легендарный персонаж; удостоился чести быть изображенным на неаполитанских игральных картах. Его часто путают с Луиджи Айосса — «железным префектом», боровшимся в Неаполе с организованной преступностью.

²⁶ Название «дзумпата» (*la zumpata* — от глагола *zumpare*, прыгать) связано с тем, что участники дуэли двигались, как дерущиеся коты, — кружа друг перед другом почти на цыпочках и неожиданно наскакивая на противника. Дрались на особых складных ножах, которые было легко спрятать в одежде.

дающимся *capintesta* был Totonno 'o Pappavallo, силач и бесстрашный рыцарь преступности. Устранив на дуэли своего соперника, он впоследствии сам был устранен новоизбранным Эрриконе, одним из главных героев вышеупомянутого процесса в Витербо. Последняя дуэль была очень любопытна для характеристики упадка каморристских обычаев. Старый каморрист явился на назначенное место, вооруженный только традиционным длинным ножом. Молодой Эрриконе, наоборот, вооружился револьвером. Старика так поразило это нарушение священных традиций, что он, не пуская в ход ножа, стал осыпать противника насмешками, говоря, что у него «молоко на губах не обсохло». Три раза Эрриконе стрелял в бывшего главаря каморры, и три раза собака последнего кусала Эрриконе в руку, вышибая револьвер и отклоняя выстрел в сторону. Дело кончилось пустой царапиной от пули, причем старик так и не пускал в ход оружия²⁷. Однако начальники кварталов признали Эрриконе победителем и избрали его *capintesta**. Это назначение сильно разочаровало поклонников классического периода каморры, и время «правления» Эрриконе носит все признаки разложения. Старые каморристы утверждают, что современные вожди лишь по ошибке называются каморристами, в действительности же являются простыми *malviventi*, позорящими «почетное общество».

Все изложенное мною выше является достоянием небогатой в общем литературы о каморре. Как я уже говорил, итальянские исследователи постоянно смешивают каморру с *mala vita*, подходя к ней при этом не как социологи, а как антропологи. Доверяться итальянским материалам приходится поэтому лишь с крайней осторожностью. Из иностранцев единственным знатоком каморры был француз Марк Моннье, но его книга издана еще в 1863 году. Создателем совре-

²⁷ Тотонно Паппавалло (Антонио) по прозвищу Попугай, которое он получил из-за крючковатого носа, был побежден на «дзумпате» Энрико Альфани (Эрриконе) — тем самым, который позднее предстал перед судом по делу об убийстве Дженнаро Куокколо. В описанной Осоргиным дуэли действительно принимал деятельное участие неаполитанский мастиф.

* *Ferd. Russo. La Camorra. Napoli, 1907.*

менного европейского представления о неаполитанской каморре является французский корреспондент Жан Каррер (Jean Carrère), любимец Рима и Парижа, чрезвычайно легковесный фельетонист нововременского типа, рассыпающий любезности «Третьей Италии» и создающий о ней самые превратные мнения*. Поэтому чрезвычайно интересно проследить во всех деталях процесс об убийстве Куоколо и его жены. Здесь на смену книжным материалам перед нами встает живая действительность. Перед нами проходят как рядовые члены каморры, так и ее генералы и прикосновенные к ней, но не входящие прямо в ее организацию лица. Так, например, следственный материал, подтвержденный судебным разбирательством, рисует Эрриконе как вульгарнейшего вымогателя и ростовщика. Вообще современный каморрист, оперируя среди *mala vita*, эксплуатирует прежде всего женщину. Сама по себе женщина не может входить в состав каморры или занимать какую-либо должность, но в качестве *'ppamturata*, т.е. любовницы, она пользуется защитой каморры наравне с матерями, женами и дочерьми членов**. В то же время *'ppamturata* — первый объект эксплуатации каморриста. Ей предписывается полное подчинение воле своего любовника в течение времени их союза, который по обычаю заключается на семь лет. «Любовница» всегда проститутка, может и обязана продавать себя, отдавая выручку господину, но она не может изменять ему, т.е. сходитьсь с другим по любви, в то время как для мужчины этого ограничения нет. Малейшее нарушение верности влечет за собою *sfregio*, обезображение лица разрезом; этого требует честь каморриста. Такое же наказание, если не большее, ждет всякого обидчика любовницы или любого члена семьи каморриста.

Вторым обычным доходом современных каморристских генералов является ростовщичество, которое тем более раз-

* См., напр., его слабую и вздорную статью «La Camorra» в парижском «Je sais tout», 15 апреля 1910.

** Это положение входит даже в устав каморры (§ 13). Интересно, что и в уставе испанской средневековой *Guarduna* был аналогичный параграф.

вито, что законом не преследуется^{*}. Наряду с ним идет тайная лотерея (piccolo lotto), которая является точной копией еженедельной правительственной лотереи, руководится ее методами и даже цифрами ее тиража. Затем следуют уже — как доход общественный — поборы с портовых выгрузчиков, извозчиков, уличных торговцев, магазинов и т.п. Наконец, кражи и поборы с воров, приписанных к организации, карточное шулерство, доходы от выборной агитации и т.п. Другими словами, современным вождям каморры присущи не только специфические виды каморристских доходов, но и все вообще методы противозаконной наживы.

О последнем методе стоит поговорить особо, так как именно о нем меньше всего упоминают итальянцы. В то время как классическая каморра служила иногда государству в качестве добровольной дружины и орудием, нынешняя служит лишь париям в их политической и административной борьбе. Так, например, каморристский отдел округа Монтекальварио в течение пятнадцати лет неизменно поставлял своего депутата в парламент. Клерикалы и титулованные избиратели Неаполя проводят своих кандидатов исключительно благодаря контрактам, заключаемым с каморристами, при помощи которых ведется избирательная агитация, покупаются голоса, угрозами устраняются соперники и подделываются выборы. Но главное, иногда прямо неограниченное участие каморры наблюдается при выборах в муниципальные советы Неаполя и окрестных коммун. Насколько высоко стоят фонды каморристов в этих учреждениях, видно хотя бы из кратких биографических данных о священнике-каморристе Чиро Витоцци, бывшем одной из заметнейших фигур процесса Куоколо. Витоцци был назначен капелланом холерного кладбища — должность, специально для него изобретенная неаполитанским муниципальным советом за его услуги при выборах. Затем новый состав совета, менее зависимый от каморры, сделал попытку удалить Витоцци от должности, которую тот манкировал. При следующих выборах Витоцци и его друзья

* Это очень характерно для итальянских законов, которые в то же время преследуют за неплатеж в отеле как за уголовное правонарушение!

(в том числе несколько видных лиц из общества) сумели целиком провалить состав совета, а новый совет не только восстановил попа-каморриста в его правах, но поручил его ведению все кладбища и предписал выдать ему жалование за все время с момента его удаления со службы. Подчинилась этому и епископская курия, невзирая на то что Витоцци открыто жил с любовницей, с которой прижил пятерых детей. Достаточно прибавить, что Витоцци являлся к своему начальнику-епископу вооруженный револьвером, который он не скрывал под сутаной*. В последнее время на наших глазах разыгрывались сцены каморристской агитации против избрания в парламент известного социалиста Чикотти²⁸. Та же деятельность, и еще в больших размерах, развивается сицилийской мафией, о чем мне приходилось упоминать выше в общем очерке современной Италии:

К сожалению, у нас еще нет достаточного материала, чтобы выяснить вполне отношения между каморрой и высшими и низшими административными лицами и учреждениями Италии и Неаполя, в частности — полицией. Это, быть может, самая интересная страничка ее истории. Но, к сожалению, в процесс Куоколо эта сторона вопроса была искусно скомкана и затенена далеко не беспристрастной магистратурой. Любопытно, что на почве следствия об убийстве Куоколо перессорились между собою чиновники судебной магистратуры, чины полиции и военные власти (карабиньерская часть). Вообще нет ни малейшего сомнения, что современная каморра не могла бы существовать без поддержки «высокой каморры», состав которой Неаполю приблизительно известен. Еще не отошли в область предания те времена, когда не только половина депутатов парламента, но и половина кабинета министров состояли из явных и тайных каморристов высокого пошиба. Еще очень недавно крайняя левая свистками и криками «убийца-каморрист!» принудила одного из вновь выбранных

* Dal delitto Cuocolo al processo della camorra // Il Secolo. 1910.

²⁸ Этторе Чикотти все же удалось стать членом Палаты депутатов, а затем и Сената.

депутатов покинуть зал заседаний. Таким образом, внешняя, выродившаяся каморра начинает напоминать нашу российскую черную сотню, также делящуюся на два слоя: высший и низший.

Низшая каморра уже оценена судом присяжных. Но суд общественного мнения, поскольку он умеет быть справедливым, должен будет подумать и о высших тайных представителях «*Bella società riformata*»...

Часть вторая



Чувство Рима

«**В** этом счастье, которое дает испытывать Рим, есть что-то похожее на счастье быть молодым, — ждать с трепетом каждого нового дня, засыпать с улыбкой, думая о завтра, верить в неистраченное богатство жизни, быть расточительным в своей радости, потому что всюду вокруг бьют ее неиссякаемые источники»¹.

Так определяет «чувство Рима» П. Муратов во втором томе его прекрасной книги «Образы Италии». Счастливое, красивое и неполное определение. Чувство Рима пытались объяснить очень многие, и очень большие, люди, но никто не смог и не сможет выразить словами того бесконечного, что дает Рим чувству. Проще всех поступил Гете, сказавший: «О, Рим, ты целый мир!..» Но и это ведь лишь восклицание, а не определение.

Я выпишу из той же книги еще одно прекрасное признание, принадлежащее Ж. Ж. Амперу. «Рим не такой город, как все другие города. У Рима есть очарование, которое трудно

¹ Эта глава — открытый диалог с книгой Муратова, которая была создана незадолго до «Очерков», но уже воспринималась как образцовый текст, обязательный к прочтению для всякого русского италофила. Впрочем, Осоргин не в силах писать «под Муратова», его конек — живые очерки, наблюдения за человеческими характерами, зарисовки с натуры, в чем-то близкие по манере Чехову. Куда больше, чем произведения литературы и изобразительного искусства, Осоргина занимали традиции, обычаи, исторические анекдоты и человеческая комедия в самом широком смысле.

определить и которое принадлежит только ему одному. Испытавшие силу этого очарования понимают друг друга с полуслова; для других это загадка. Некоторые наивно признаются, что для них непонятно таинственное обаяние, заставляющее привязываться к этому городу, как к живому существу. Другие, напротив, делают вид, что испытывают его, но, верные Риму, очень скоро распознают этих лжеобращенных и выслушивают их улыбаясь, как улыбается истинный ценитель живописи или музыки при виде знатока, рассматривающего против света картину, которая его восхищает, или неверно отбивающего такт арии, которая приводит его в восторг».

Это очень верно! Понявший, чувствующий испытывает гордость римлянина, и к пришельцу, еще не проникнувшемуся чувством Рима, он может относиться лишь как к варвару, внешний восторг которого невольно вызывает снисходительную улыбку. Перед вами прекрасное издание «Божественной комедии», сверкающее тиснением кожи и бронзой застежек; но если вам неведом язык божественного Данте, если вы читали лишь его бледные переводы — что стоят ваши восхищения! Только для того, кто сжился с Римом, кто проникся его поистине волшебным очарованием, уже нет надежды забыть Вечный город. Остальным эти восторги должны казаться наивными; и напрасно взывать к Вергилию: «*Maestro, il senso lor m'è duro*» (Учитель, смысл этих слов мне непонятен!); никакой поэт не может объяснить чувства, которое нужно пережить и которое определению не поддается.

Я не хочу пытаться определить чувство Рима, это непосильная задача. Но я бы сделал одну прибавку ко многим старым и новым определениям. Любовь к Риму — это любовь к родине; тоска по Риму — тоска по родине. Эта кажущаяся странность и есть, быть может, то особенное, что выделяет Рим из всех других городов мира. Рим — родина космополита, дом гражданина мира. И тот, чей дух блуждает, чье чувство не имеет в мире угла, который назывался бы домом, тот, раз побывав, стремится в Рим, с которым он уже связан навеки. Это непонятно? Это кажется наивным и преувеличенным? Да, для тех, у кого есть очаг, его удовлетворивший! Но с тем «мы говорим на разных языках».

Рим — родина духа блуждающего и ищущего. Тот, кому в мире холодно и неудобно, находит здесь тепло, ласку и привет. Тепло и ласка разлиты здесь повсюду; теплом и лаской веет от старых позолотевших глыб травертина, от улыбки четырех львов на площади Народа (piazza del Popolo), от пиний на вилле Боргезе, от фасадов старых церквей, маленького памятника Кола ди Риенцо, круглого храма Матуты на Тибре². Есть ласка и в Париже, но та ласка продажная; только Рим согревает бескорыстно, даря от избытка и от привычной расточительности. В нем такой запас света, прекрасных линий и нежных оттенков, что даже современный застроенный и урегулированный Рим еще имеет право быть щедрым по-царски.

Тот, кто дома видел только серое и среднее, находит здесь величие, которое подавило бы везде, но которое в Риме приглашает приблизиться и сдружиться. Грандиозный Колизей мог бы утратить своей циклопичностью и своей историей; в Риме же вы входите в него с улыбкой, так же смело днем, когда он залит солнцем, как и ночью, когда фантастический свет луны превращает эту колоссальную развалину в царство сказок волшебных, но не страшных. Сторож, проходя мимо вас с фонарем, не забывает сказать вам приветливое *buona sera*³, из города доносятся сюда звонки трамвая и звуки засыпающей жизни, и темные впадины древнего цирка, на арене которого когда-то обильно лилась кровь, не пугают вас и не вызывают тревожных мыслей. Чувство Рима, уже проникшее вас, смягчило резкость теней и населило провалы Колизея сказками добрыми.

Рим — старый любезник, но не теряющий достоинства. В нем есть все, на все вкусы, кроме пошлого. Любителя шум-

² Фонтан со львами в центре пьядца дель Пополо обрамляет египетский обелиск; беломраморные львы, также выполненные в египетском стиле, возлежат на усеченных пирамидах.

Бронзовая статуя Колы ди Риенцо работы Джиролами Мазини стоит на склоне Капитолийского холма.

Храм Матери Матуты, богини утренней зари и плодородия, находился на Бычьем форуме. Вероятно, Осоргин упоминает стоящий неподалеку знаменитый круглый храм Геркулеса, который долгое время считали храмом Весты.

³ Добрый вечер!

ной современной жизни он зовет к закату на Корсо Умберто и показывает ему, как римская толпа отрицает порядок движения и как люди и экипажи умеют двигаться рядом и попеременно, не беспокоя друг друга⁴. Он зовет мечтателя на площадку, с которой виден на ладони весь Форум в остатках мрамора и темная масса Палатина — направо. Затем он блеснет рядом тусклых огней по набережной Тибра, очертит на небе силуэт пиний на Монте-Пинчо или кипарисов в стороне Ватикана. С той же охотой он заманит вас в скромное кафе, где посетители говорят о делах войны и мира, о женах, дочерях и женщинах и сидят гораздо дольше, чем того требует пищеварение и хотели бы лакеи. Когда же вам захочется быстрым шагом сменить улицу переулком, он внезапно, все с той же охотой, покажет вам столько фонтанов, странных, причудливых, живописных, не экономных на воду, что вы невольно протянете ладонь к одной из струй. Тогда он вдруг пахнёт на вас пригорелым маслом пиццикерии — кусочной лавочки⁵ — и выведет к темному, роскошному палаццо, во дворе которого журчит вода в большой раковине барокко, затянувшейся темным мхом и завитой плющом. Промчится автомобиль, прозвенят бубенчики винной арбы, возвращающейся в деревню, и снова перед вами — либо античная развалина, либо модный магазин. Все это спутано, нагорожено, все связано общей жизнью, и все проникнуто единым и нераздельным, сладко волнующим чувством Рима.

И тогда Вечный город начинает делаться вам родным. Ну да, вы родились в нем и мыслью жили в нем всегда! Вы помните толпу рабов и патрициев, трибуны ораторов, статуи победителей в беге колесниц. Вы жили тут в эпоху развратных пап и шумных карнавалов, жуликов, солдат, монахов, художников, иностранных гостей и набожных старух. Во дни Гарибальди вы следили взором то за окном Пия IX, то за вечерними огня-

⁴ Корсо Умберто — нынешняя виа дель Корсо. Изначально улица называлась «corso», потому что здесь во время карнавала проходили лошадиные бега. После убийства Умберто I улицу называли его именем, затем, в 1944 году, переименовали в Корсо дель Пополо (заменяв короля на народ), но почти сразу вернули исконное название.

⁵ В таких магазинчиках торгуют сыром, колбасами и другими продуктами; название связано с тем, что в них продается острая на вкус еда.

ми лагеря на Яникульском холме; и тем же строгим и грозным силуэтом стоял замок св. Ангела, который вы помните еще иным, еще уставленным статуями и украшенным наверху мраморной колоннадой, когда он служил лишь мавзолеем праху императора Адриана⁶. Рим — ваша родина; когда-то какая-то нелепая, необъяснимая случайность унесла вас отсюда в другой край, который вы пытались любить, считая его родиной. Но это было лишь сном, тяжелым и напрасным! Там было холодно, неприятно, там всегда не хватало красоты, ласковости и той связи с веками ушедшими, но живыми, без которой самая жизнь кажется лишь случайностью, лишь ленточкой между двумя вечностями: из мрака на свет лишь на мгновение, чтобы опять — во мрак. Здесь — не то; здесь вы окружены предками и творениями предков, здесь все полно памяти, все связано с ближним и дальним прошлым связью тесной, необходимой, такой понятной и законной, такой возвышающей. Здесь вы — не затерявшаяся песчинка, не бесправный и обездоленный, не угнетатель и командующий, не выборщик и избиратель; здесь вы — просто и только гражданин вселенной, нашедший свой дом. И это чувство высокого подъема, свободной любви ко всему и всем безраздельно, жажды вечности и вечной красоты, это чувство, наполнившее вас, льющееся через края нашего сознания, — это чувство и есть чувство Рима.

Рим дает право быть влюбленным в жизнь; он освящает эту влюбленность, узаконяет ее, не делая ее смешной. Рим вообще узаконяет право на все романтическое, не позволяя никакому несложному чувству, никакому незатейливому пейзажу и слову быть вульгарным. Можно любить Москву (можно ли не любить?), но смешно быть влюбленным в Плющиху или Швивую горку⁷; в Риме можно обожать самую последнюю овощную лавочку в гетто, как здоровая душа обожает полдень, — обожать с пылкостью институтки и с религиозной глубиной прозрения

⁶ Согласно реконструкции, мавзолей Адриана напоминал этрусские захоронения и представлял собой стоящее на квадратном основании цилиндрическое сооружение, украшенное множеством статуй. Внутри был насыпной холм, на его вершине — высокий постамент, а на нем — колесница Гелиоса.

⁷ Шивая (Вшивая) горка — юго-западный склон Таганского холма в Заяузье. Вид на Швивую горку считался одним из живописнейших в Москве.

старого отшельника. В Риме можно верить в дружбу и, попла- тившись за это, продолжать верить; в Риме любовь окрашена в такую изысканную оправу мраморов и зелени, что она — всегда первая и единственная. Но все эти чувства, без которых вне Рима нет жизни, здесь — лишь приложение, лишь последняя капля, переполняющая чашу ощущений. Это потому, что в Риме нужны люди для оживления картины, но можно обойтись без человека. Голос его вполне заменяется шумом оживленной улицы, пустота ночной площади красноречивее его любовного молчания, а вечная ласка, так щедро разлитая повсюду, ценнее ласки минутной, которая завтра сменится усталостью и равно- душием. Здесь все вечное отрицает все временное. И вечный язык мировой культуры или мировых культур, понятный для всех наций и времен, делает излишним обмен словами, делает излишним самый язык; прелесть римского наречья есть так- же лишь лишняя роскошь в неисчерпаемом богатстве города. Здесь довольно, вполне довольно, не говоря, мыслить старыми, забытыми словами, какие повсюду, кроме Рима, вызвали бы улыбку и не были бы искренними.

Но Рим, старый любезник и угодник, требователен к сво- им влюбленным. Радости вашей ему мало — он хочет и ва- шей тоски. Любовь к Риму — любовь к родине, тоска по Риму — тоска по ней. Когда вы покидаете Рим, улыбка еще не сход- ит с вашего лица, и вы прощаетесь с ним весело и приветно; так же приветно он провожает вас акведуками и убегающим вдаль куполом св. Петра. Но пусть пред вами будут новые чудные картины и святые места искусства, пусть будет занят ваш ум и сердце не свободно — Рим напомнит о себе той тре- петной, неблагоприятной, необъяснимой *nostalgia*, в которую претворилось ваше чувство Рима. Это так странно и так лю- бопытно! Вас будет тянуть от родных, от ближайших друзей, от любимого и любимой к каменной арке, к каменным ко- лоннам, к знакомой лавке сырника, к маленькому барельефу свиньи, вделанному зачем-то и кем-то в стену дома на *via della Scrofa*⁸. Вы хотите бороться с этим чувством? На- прасное старание! Оно владеет вами еще сильнее. И все, кому чуждо чувство Рима, кто, не зная его, не верит ему, будут

⁸ *Via della Scrofa* — букв. «улица Свиньи». Название улицы, скорее всего, связано не с упоминаемым Осоргиным барельефом, а с названием находившейся здесь с XV века харчевни.

смеяться над вами и подозревать в ваших объяснениях что-то недоговоренное, нарочно припрятанное от чужих взоров. А вы, в своем славном, нелогичном порыве тоски по родине, будете все надежды возлагать лишь на то, что, покидая Рим, не забыли бросить традиционное сольдо в фонтан Треви, этот залог возврата по старой примете. И вы вернетесь, и вы вернетесь, все поборов и все принеся в дань той прихоти, которая есть продукт странной, необъяснимой тоски по нашей общей родине, тоски по Риму. Если вы не придете сюда, порвав все узы и победив все преграды, — я отрицаю вас, я не хочу знать вас, мы говорим на разных языках...

Чувство Рима обширно и многосторонне. Ошибается, кто думает, что оно всегда безоблачно; и лишь одна, возможно лучшая, сторона его выражена строками, цитированными мною в начале. Чувство Рима всеобъемлюще и многоцветно. Оно взвивается к небу, туда, куда глядит острием самый древний обелиск Рима, что на площади Санта-Мария Маджоре⁹; оно с высоты обрыва Пинчо рушится вниз и под землю вьется по галереям катакомб, не находя дороги, блуждая, теряясь, боясь остаться навсегда без света и воздуха. Когда же светит утреннее солнце и лучи его с веселым смехом отбрасываются широкими плитами травертина — спектр радости Рима богаче спектра радуги! Вот потому-то счастье быть в Риме может быть слишком полным, как свет солнца бывает слишком ярким для глаз. И когда это чувство слишком ослепит и наполнит, когда радость пройдет через все высоты и горе через все глубины, — тогда пресыщенное, напоенное, опаленное светом чувство может с тоскою воскликнуть:

— О, унеси меня из этого слишком прекрасного мира, избыточного света и пышной роскоши линий и красок в простую, захудалую и забытую русскую деревушку, где я не буду так слишком счастлив!

⁹ Рим — мировой чемпион по числу обелисков, из которых тринадцать — древние. Один из двух обелисков без надписей находится на Эсквiline, перед апсидой базилики Санта-Мария Маджоре (второй — на Квиринале); некогда они украшали вход в мавзолей Августа. Возможно, их привезли из Египта, возможно, изготовили в Риме, когда распространилась мода на все египетское.



Рим

Salve, dea Roma! Склонившись над остатками Форума, я брожу среди твоих разбросанных одежд со слезами радости и обожанья, о отечество, о божественная, о святая родительница!

Тобою я — гражданин Италии, тобой — поэт, о мать народов, давшая свой дух миру, запечатлевшая Италию своей славой!

Джозуэ Кардуччи¹

Когда вы встретите в России счастливец, недавно вернувшегося из заграничного путешествия, и поинтересуетесь его впечатлениями, он с разным чувством и неравным увлечением будет рассказывать вам о каждой стране, которую он посетил. Германия поразила его своей серьезностью и глубиной культуры, расчетливой холодностью своей жизни. Франции он не успел осмотреть, так как его отвлек Париж, этот единственный в своем роде город, этот пульс европейской жизни, этот не экономный в трате энергии и расходе жизненных сил прекрасный и разорительный город. Лондон подавил его столько же

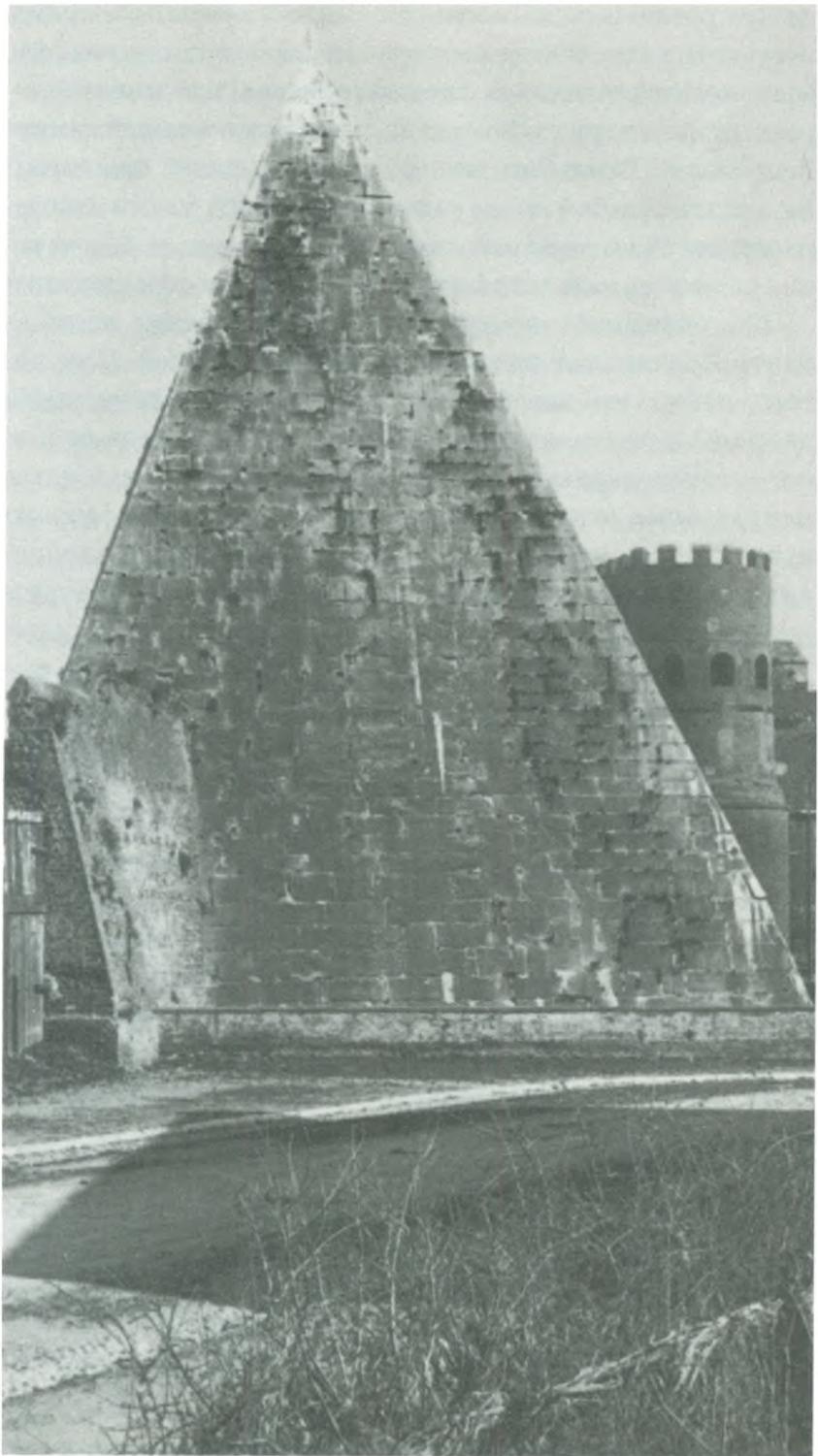
¹ Осоргин приводит в своем переводе два четверостишия из стихотворения Джозуэ Кардуччи «На годовщину основания Рима» (1877), вошедшего в сборник «Варварские оды». Под разбросанными одеждами имеются в виду развалины на Форуме, следы бывшего величия, которые пощадило время. Во второй строфе Кардуччи признается, что как гражданин нового государства и как поэт он воспитан на высоких образцах Древнего Рима.

своими туманами, сколько своей важностью; там слишком чувствуется то, к чему мы мало привыкли: что каждый человек, будь он в цилиндре или бекеше², имеет честь быть гражданином. Бельгия похожа на Францию, Швейцария красива и буржуазна от верхушки Монблана до дна Женевского озера. А вот Италия...

Об Италии говорят с улыбкой, междометиями, восклицательными знаками. В самом имени ее есть что-то очаровательное, как в именах ее городов: Венеция, Флоренция, Неаполь, Рим... Никто не объяснит вам, что, собственно, в ней прекрасно, что так притягивает к ней чужестранца. Ее природные красоты, быть может, слишком ласковы и причесаны, и береговые скалы достаточно однообразны; ее курорты порою прямо противны; крайне неблагоустроены ее способы передвижения, что всегда так отражается на психике путешественника. И все-таки она была и остается прекрасной страной, над которой почил особая щедрость солнца и особая улыбка небрежного художника — природы. Она одарена свыше и от избытка готова дарить всякому то, что он ищет: художнику — новые тона и краски, писателю — чуткие настроения, историку — живые картины веков минувших, певцу — гамму звуков и тонкое кружево легких мелодий, наблюдателю современности — целый калейдоскоп экономических и политических наслоений, веселую выставку общественных начинаний и смелых, оригинальных инициатив, усталому путнику — отдых, приют, привет, гостеприимство, теплоту, ласковую сердечность, разлитую невидимо повсюду — в зелени деревьев, в лазури неба, в тайниках народного духа...

Почти все, отправляясь в Италию, являются сюда преудобными в ее пользу и очень требовательными, и, несмотря на это, почти никто не покидает ее разочарованным. Пусть он встретит здесь не то, что ожидает, но зато он встретит много другого, о чем не мечтал. И уже за одно неожиданное впечатление можно ручаться: Италия покажется ему почему-то и чем-то родной. Это так понятно! Ведь в ней почил и отразились все культуры всех времен и народов,

² Бекеша — полушубок, теплая верхняя одежда, какую часто носили офицеры; название пошло от фамилии венгерского военачальника Бекеша.



из нее разошлись по всему миру идеи, мысли, образчики искусства; возможно ли не встретить в ней частицы родного, знакомого с детства, как с детства знакомы нам имена ее героев, от легендарного Ромула до еще живого в нашей памяти Гарибальди? Разве Рим, вечный Рим, не родной нам город? Разве с его судьбой не связана частица нашей мысли и нашего сердца? Разве он не естественный центр мира, хоть и не велик размером, хоть и не богат и не значителен по населению?

Но, оставаясь «центром мира», Рим прежде всего — центр Италии, как прошлой, так и современной. И не потому центр, что здесь высится Квиринал с королевским дворцом и на площадь Монтечиторио падает тень от старого здания парламента³; и не потому, что здесь находятся центральные отделения больших банков, железнодорожных обществ, что здесь Ватикан, приютивший «добровольного узника», главу мирового католичества⁴, что здесь живут министры Италии и представители иностранных держав. Все это делает Рим официальным центром, но еще не делает сердцем Италии. Точно так же не в Риме централизуется современная итальянская культура; культурным центром является Милан, город-модерн, где выходят лучшие периодические издания и книги, где общественная жизнь кипит ключом, давая редкие образчики кооперативной инициативы и просветительной деятельности, где низок процент безграмотности, где лучшая опера. Центром индустрии является Турин, столица севера, — в Риме же промышленности нет почти никакой. Но, средний по географическому положению, старейший по историческим преданиям, Рим является такою же душой Италии, как Москва для России. Вечный центр культур, он на обломках старого построил современность. В противоречивом разнообразии его жизни можно найти все наслоения переживаний Италии, от античного монумента до дома-модерн, от «сельского поединка» до парламентской дуэли, от южной

³ В палаццо Монтечиторио располагается Палата депутатов Итальянского парламента.

⁴ См. об этом примечание 8 на с. 20.

дикости до северной изощренности. У Рима, как и у остальных итальянских больших городов, есть свое, характерное и незабываемое. Но, в то время как Венеция напоминает нам веселый интернациональный клуб, Флоренция — благовоспитанный губернский город, погруженный в созерцание своих галерей, Неаполь — страну добродушного беспутства и пылкой красоты, — Рим включил в себя все, все претворил, все сгладил, все оттенил тенью своей вечности и своего природного, наследственного благородства. Несмотря на то что и современному итальянцу все еще не чужд местный патриотизм, заставляющий туринца свысока смотреть на миланца и обратно, несмотря на то что другие итальянские столицы во многих отношениях перегнали Рим, — перед авторитетом Вечного города преклоняются все. Нужно вспомнить историю, вспомнить, как полвека тому назад заседавший в Турине итальянский парламент имел смелость с прекрасным неблагоразумием провозгласить столицей Италии Рим, бывший тогда еще под властью папы и лишь спустя десять лет присоединенный к итальянскому королевству. Нужно вспомнить и то, как на это ответил Гарибальди, пошедший из Сицилии на Рим с бессмертной фразой: «Рим или смерть». Нужно посмотреть, с какой радостью и торжеством справляется в Италии день «рождения Рима» в апреле и день взятия Рима в сентябре, с какой гордостью произносится имя Вечного города, этой «прародительницы народов» и «матери Италии». И тогда станет понятнее, почему Рим был, есть и останется духовным центром Италии, ее верным, ровно бьющимся, нестареющим сердцем⁵.

⁵ Не хочется прерывать комментариями Осоргина, который на этих страницах дает волю чувствам. Не случайно он назвал воспоминания о жизни в Италии «Там, где был счастлив».

И все-таки Осоргин не в силах долго выдерживать серьезный тон, восхищаясь живущим в его сердце образом былой или нынешней Италии. Куда больше его увлекает то, что он видит своими глазами. А наблюдательности и остроумия ему не занимать!



Контрасты римской обывательщины

С морских пляжей, с гор, с живописных загородных вилл синьоры и их семейства переселяются в города, ибо летний сезон кончился. В порядочном обществе жизнь разбита на сезоны, что очень удобно. Кончился летний, начался зимний; дамы различают еще весенний и осенний. Так как в Италии нет такого контраста между временами года, как на севере, то сезоны узнаются лучше всего по шляпам и шляпкам. С первого октября, в то время как прочие *borghesi* донашивают еще солому, *signori* надевают котелки¹, цилиндры и мягкие шляпы, причем последние более приличествуют лицам свободных профессий; эти же лица иногда отпускают и бороду, тогда как официальное чиновничество бреется.

Вовсе это не пустяки! Все эти мелочи — мелочи лишь на первый взгляд; итальянец же знает, что это чрезвычайно важно. Не забудьте, что Италия желает быть страной цивилизованной, а в цивилизованной стране все предусмотрено. Итальянскому офицеру известно, что немецкий офицер носит усы à la Вильгельм II, заостренными кверху; поэтому и он носит усы à la Виктор-Эммануил III, распушенными на концах. Подражательное искусство офицеров доходит до

¹ *Borghese* — буржуа, мещанин; *signore* — господин, барин.

того, что кажется, будто они и рост себе искусственно понижают до королевских 1 метра и 60 сантиметров; и у всех их такой же серьезный и несколько хмурый вид. Инглезированные же штатские всегда старательно следили за последним костюмом покойного Эдуарда VII и последней породой цветка в его петличке, а более смелые расстегивали последнюю пуговицу жилета².

Говорят, что Рим — искусственный центр и не представляет Италии. В этом есть некоторая доля правды. Итальянская промышленность — в Турине и Милане, итальянская торговля — в Генуе, нищета — в Неаполе, безграмотность — на юге; в Риме нет ничего характерного для современной Италии, кроме экстерриториальной ватиканской твердыни. Но для меня Рим представляется с бытовой стороны прекраснейшей иллюстрацией к контрасту былого и настоящего, того, чем прекрасна Италия, и того, чем она скучна. Контраст тоги Цицерона и заглаженной складки на брюках министерского депутата в том или ином виде повторяется на каждом шагу. И когда в воскресный день, часа за два до заката солнца, весь Рим высыпает на улицу, я с удовольствием смотрю этот живой кинематограф противоречий³. За картиной разворачивается картина; нигде в мире не найти такого дивного фона для сегодняшних групп и сцен, как фон древних развалин, уцелевших монументальных античных зданий и средневековых церквей. Каждый камень здесь имеет историю, и в каждом извозчике есть капля крови *auriga*⁴, победителя в беге колесниц. Полководцы обратились в полковников, дискоболы в футболистов, народные трибуны в социалистических лидеров, триумфаторы в велосипедистов, великое в смешное, а все-таки великое чувствуется, и «не будь я русский, я желал бы быть итальянцем»: по крайней мере можно хоть предками похвастаться.

² Считается, что обычай восходит к английскому королю Эдуарду VII, который не застегивал нижнюю пуговицу жилета и пиджака, чтобы выглядеть непринужденно. Он также ввел моду на фетровые шляпы и стрелки на брюках.

³ В Риме, как и во многих итальянских городах, вечером жители выходят на «*struscio*» — неспешную прогулку по центру.

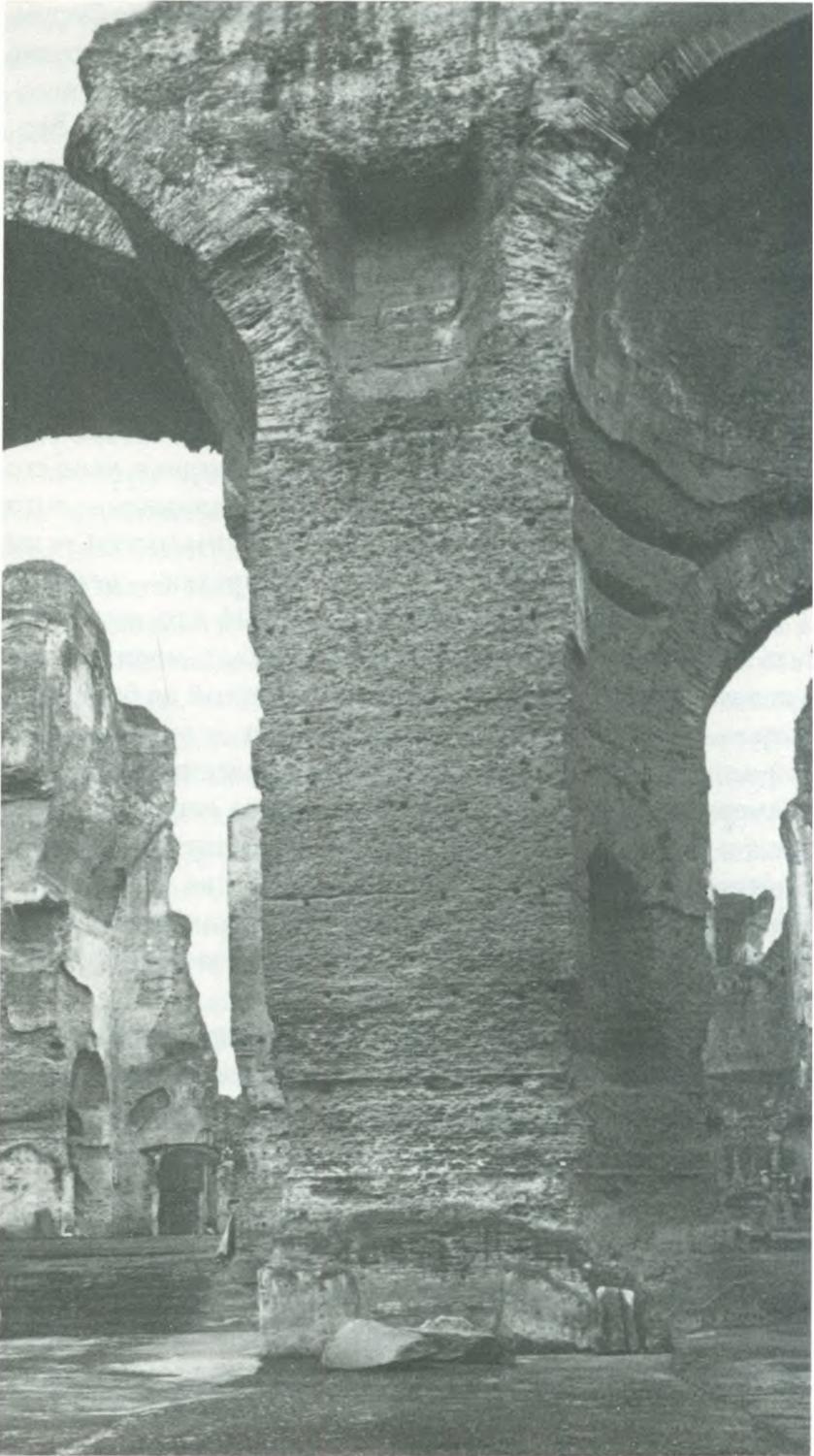
⁴ *Auriga* (лат.) — возница.

В воскресный день открыты бесплатно музеи, Форум, Палатин, замок Святого Ангела, термы Каракаллы и другие памятники старины. Итальянец любит мрамор, в особенности когда можно любоваться им бесплатно. Пракситель, Бернини, Канова — для него не важно различие, но богатство старины ему импонирует. В этот день чиновник ведет жену и детей продефилировать по залам национального музея, побродить среди белых камней Форума, посидеть на Бельведерской площадке Палатинского холма, откуда развертывается чудный вид на пригороды, на начало Аппиевой дороги, на кудрявую зелень садов, кипарисы кладбища, римскую Кампанью и панораму гор вдаль. И когда он объясняет эту картину приехавшему из провинции родственнику, лицо его торжественно и горделиво; с таким же выражением, с того же пункта, таким же провинциалам и дальним гостям те же холмы показывали много веков назад его предки — цезари.

Идет в музеи и священник. Обреченный всю жизнь носить на лице маску благочестия, перелистывать молитвенник и шептать губами Sancta Madonna, обреченный на безбрачие и отказ от человеческих радостей, он идет «с образовательной целью» в Капитолий и в сладком изумлении смотрит на мраморные прелести Венеры. Взгляните на него — он смутится и удалится с покрасневшим и посерьезневшим лицом, а потом, когда вы отойдете, снова вернется на то же место. Кто знает, быть может, в эту минуту, лаская похотливым взглядом бесчувственный мрамор, он сожалеет о своей доходной карьере⁵.

Идет в музеи и солдат, и это, безусловно, самый любопытный из посетителей. Приехал он из деревни, грамота ему неизвестна, воскресное утро некуда давать. По музеям он бродит с открытым ртом, отыскивая статуи менее искалеченные. Его интересует меч в руках Марса — как предмет более знакомый, барельеф битвы — как сюжет, заслуживающий внимания военного человека. Курьезную фигуру представляет маленький, безусый, тщедушный итальянский пехотинец, одетый в свой синий мишурный балахон, с помпоном на лакированном кепи, перед гигантской фигурой мраморного

⁵ И все же Осоргин — та еще язва!



воина с грозными мускулами и кудрявой бородой. Оживи этого воина всемогущий Юпитер, и он одной рукой расшвыряет целый батальон таких солдат вместе с их пушками и с их офицерами, похожими на своего короля. И потомок смотрит на предка с недоумевающим благоговением. Это не австрияк, которого мы шапками закидаем!

В России я никогда не встречал солдат в музее; в Италии они составляют значительный процент воскресной публики. Мало того: специальный закон разрешает нижним чинам, наряду с художниками, профессорами и воспитанниками художественных школ, посещать музеи бесплатно, хотя тот же закон не дает такого права, например, учителям народных школ. Почти каждое воскресенье на залитом солнцем Форуме можно видеть группы солдат и учеников военных школ, которым предлагается здесь образовательная лекция. Как характерно это для Италии, покровительницы искусства, где недавно отменена обязательность обучения солдат грамоте, где теперь, по букве регламента, «ротный командир должен заниматься со своей ротой «словесностью», когда имеет для этого свободное время» и где процент грамотности среди выпускных солдат заметно понизился. Но другое дело — рассказать им о былой военной доблести предков! Это для Франческо-Джузеппе (Франца-Иосифа⁶, императора австрийского) будет поопаснее!

Традиция приказывает, чтобы итальянец любил искусство. Поэтому в воскресные дни в некоторых музеях читается нечто вроде лекций. Приходит профессор, останавливается перед картиной или осколком и начинает говорить трем-четырем слушателям. По интеллигентному лицу видно, что это не простой гид; публика останавливается и прислушивается. Образуется кучка человек в двадцать-тридцать с постоянно меняющимся составом и вслед за добровольным оратором блуждает по залам. Речь его проста, популярна, довольно красива и интересна. Перед нами искренний любитель искусства, хорошо знающий его историю, придерживающийся старой школы, понимающий, с какими слушателями он имеет дело, умеющий

⁶ Во времена Осоргина еще было принято итальянизировать иностранные имена — например, Leone Tolstoj, Teodoro Dostoevskij.

говорить со случайной толпой. Если лекция его происходит где-нибудь среди развалин Палатина, оратор пересыпает свою речь лирическими отступлениями по поводу красоты открывающихся видов или шутками по адресу современности. Он никогда не упустит по поводу водопроводных труб в домике Ливии сказать два слова о состоянии городских водопроводов и о деятельности римского муниципального совета; он не углубляется в детали споров ученых-археологов по поводу того или иного камня, а предпочитает легкое изложение теории господствующей или своей собственной, не стесняясь откровенно пояснить, что тонкости разномыслий ученых «вы все равно не поймете». Он прав; все понимают, что он прав, и все им довольны. И результаты налицо: живописные развалины оживают, заселяются тенями древних патрициев и плебеев, быт которых и служит главной темой объяснения оратора. Своим случайным слушателям он внушает интерес к старине — к лучшему, что есть в Италии. Завтра этот интерес заглушится интересами дня, но сегодня благодушные обыватели вкусили пищи духовной. И благо им и их учителю!

Где, кроме Рима, с его 44% безграмотных, можно присутствовать при такой картине: заходит солнце, освещая золотом верхи громадного Колизея; внутри, лицом к арене, стоит молодой человек с тетрадкой в руке перед маленькой серой кучкой слушателей — рабочих, мастеровых, приказчиков, обывателей близлежащих кварталов; он читает им «Илиаду» в итальянском переводе и поясняет темные цвета; он толкует им роман Елены и Париса, характер Ахилла и Аяксов, восторженно декламирует прощание Гектора с Андромахой. И все серьезные, внимательно слушают, вставляют замечания, задают вопросы. Дома, за вечерним обедом, они будут излагать прослушанное своими словами жене и зашедшему в гости соседу. Потом сядут играть в лото или римские карты, где масти называются палками, саблями, чашами и деньгами. Какие чудные контрасты обывательской идиллии!

В бесплатные дни музеи закрываются рано. Под вечер городская публика собирается в садах виллы Боргезе, на площадке Монте-Пинчо, у памятника Гарибальди на Джаниколо. Гарибальди величественен; верхом на коне, он повернул голову в сторону Ватикана, который только отсюда

виден внизу, тогда как с других пунктов он доминирует над Римом. Если другие римские холмы воссоздают перед нами Рим древний, то Яникульский холм говорит о величии идеи объединенной Италии. Новая эпоха, эпоха романтизма и прекрасных патриотических фраз, чувствуется во всем, начиная от панорамы города и кончая венками и эффектными надписями на пьедестале памятника: «Гарибальди — Италия и Виктор-Эммануил», «Рим или смерть». Здесь в мирном обывателе просыпается воин, здесь он держит голову прямо, отсюда показывает «рогулю» Ватикану⁷ и кулак в том направлении, где приблизительно должна находиться страна этого изверга Франческо-Джузеппе, владеющего нашим Тренто и нашим Триестом. Но не одних патриотических поэтов может вдохновлять Джаниколо. Влюбленный студент также идет сюда и, спустившись площадкой ниже, садится на каменную скамейку под дубом Торквато Тассо, точнее — под сгнившим и источенным червями старым пнем, дупло которого заштукатурено, бока обмазаны варом, а на каменной подпорке красуется трогательная надпись на мраморной доске: «В тени этого дуба сидел Торквато Тассо, близкий к дыханию славы и смерти...» Отсюда сквозь зелень молодого дубка, посаженного к старому пню, виден весь Рим в его величии⁸. Кто здесь не сумеет написать вдохновенных стихов, тому лучше всего оставить это бесполезное занятие.

Не меньше поэзии в вилле Боргезе, любимом месте прогулок; при этом еще недавно здесь был зверинец, состоявший из десятка разбросанных по саду клеток: медведь, ягуар, газели, шакалы, ворона с галкой да клетка с мартышками. Последние привлекали толпу больше всего. Медведь итальянцам чужд, пантера им непонятна, мартышка же как-то роднее. И по целым часам они стояли перед клеткой, обмениваясь замечаниями и серьезно обсуждая семейные отношения обезьян: это — муж, та — его жена, а этот маленький,

⁷ Вероятно, Осоргин имеет в виду «рога», «козу», «подкову» — жест, имеющий много значений, нередко оскорбительный.

⁸ Старый дуб, под которым, по легенде, любил сидеть поэт, рос на Яникуле. В память о Тассо дерево долго сохраняли, позднее рядом построили амфитеатр, где проходят театральные представления.

вероятно, их сын. Обезьяньи ужимки невольно повторяются впечатлительной публикой, и порою казалось, что подлинными зрителями являлись бы именно мартышки, не будь они так заняты чисткой каштанов. Положительно, даже с этими наиболее отдаленными предками у современников сохранилось немало общего, как в способности к мимике, так и в живости характера! Недавно открыт тут же, неподалеку, заправский зоологический сад. Но вход туда всегда платен и потому толпе недоступен.

За горой садится солнце; вилла пустеет. Воскресная жизнь переносится в кабачки и балаганы. Сортом кабачка барин разнится от простого человека. Барин идет прежде всего в кафе «Араньо», занимающее очень определенную позицию: центр вселенной. «Центр мира — Рим, центр Рима — кафе «Араньо», — говорят римляне. Сюда к моменту выхода вечерних газет стягивается вся римская «политика»: министры, кандидаты в министры, депутаты, бывшие депутаты, адвокаты с практикой, адвокаты без практики, лидеры партий и их штаб, редакторы, фельетонисты, хроникеры и пр. Все постоянные посетители между собою знакомы, имеют свои постоянные залы, свои столики и свои разговоры. Это — место свиданий, деловых бесед, обмена новостями дня, завязывания нужных знакомств и выгодных дружеских отношений. Сюда из палаты посылаются курьеры, если для голосования не хватает законного числа депутатов, и сюда же вновь немедленно удаляются проголосовавшие; здесь интервьюеры набрасывают черновики для завтрашнего номера; здесь, одним словом, решаются судьбы отечества.

Художники, иностранцы, беллетристы имеют свое особое кафе. Охотнее всего посещается «Antico Caffè Greco», где некогда сидели Вагнер, Франц Лист, наш Гоголь и много великих, чьи медальоны украшают стены этого довольно плохонького ресторана⁹. Здесь же учредили свой наблюда-

⁹ Antico Caffè Greco на виа Кондотти открылось в 1760 году и работает до сих пор. Своим названием «Старинное греческое кафе» обязано первому хозяину, итальянскому левантийцу Николе делла Маддалена. Помимо упомянутых Осоргиным знаменитостей, здесь бывали художники-назарейцы, Шопенгауэр и Гофман, будущий папа Лев XIII и многие другие. В наши дни по средам в кафе заседают члены Общества романистов, изучающих культуру и традиции Рима.

тельный пост сыскные агенты польского и русского происхождения, поле деятельности которых в Риме весьма ограничено за малочисленностью демократической колонии. Среди посетителей преобладают немцы, шведы, норвежцы и поляки; итальянцев сравнительно мало.

Серая публика разбредается по кабачкам попроще. В стране винограда и виноделия кабачки на каждом шагу, и каждый из них имеет свой постоянный контингент посетителей. Это также маленькие центры мира; в них также собирается цвет квартала и обсуждаются вопросы дня. Многие из них оказываются резиденцией одного из бесчисленных народных кружков, и в таких случаях за прилавком стоит древно от знамени кружка, картон с девизом и на шкапу навалены грудой бумажные фонари. В дни юбилейные кружок при свете этих фонарей заседает в полном составе и пьет торжественно; в дни будничные заседают и пьют только наиболее деятельные члены. Цели кружков не ясны, писаных уставов не имеется, деятельность проявляется в дружеских беседах и в игре в карты и домино, названия же всегда очень эффектны и неожиданны: «Лгуны затибрской стороны», «Голубая кисть», «Основатели весны», «Молодчики с моста», «Счастье», «Лунное светило», «Лучше всех», «Идеальное царство», «Пробуждение молодости», «Любопытные с Прати», «Владельцы лачужки» и т.п. Есть названия еще более изысканные: «Профессора радикальной химии», «Молодые маркизы мира», «Три сосны и одни клещи». Наконец, целый ряд маленьких обществ открывает свои задачи самим своим наименованием: «Обжорная звезда», «Дай нам другой литр», «Против алкоголизма» (ироническое название) и пр. Некоторые из этих кружков присоединяют к своим задачам спорт всякого рода и в дни народных традиционных праздников участвуют в состязании за воротами города. Иные имеют даже форму, по крайней мере особые шапочки, и под вечер маршируют по городу под звуки собственного маленького оркестра мандолинистов и гитаристов, с собственным знаменем, в составе пятнадцати-двадцати членов, но с сознанием важности своей задачи.

Кабачки кружки — достояние не одних демократических кварталов. Я знал, например, кружок «эллинистов», за-

седавший в особой комнате дорогого ресторана; цели этого кружка были совершенно сходны с целями «Обжорной звезды», но членами его состояли пара депутатов, министр, несколько артистов, драматургов, журналистов и художников. Несколько времени тому назад распался любопытный «Кружок толстовцев», в состав которого входили видные литераторы и общественные деятели самого разнообразного политического направления, а целью которого была выпивка. Члены кружка получали «по выслуге лет» степени Peter, Vera Pavlovna, il Pope, il gran Dimitrich, il gran Mugik, il vecchissimo lavoratore¹⁰; лакей ресторана, где бы ни происходило заседание, неизменно звался Nikita. Идеальной резиденцией кружка считалась Москва, обычной же резиденцией была «изба», причем этим именем звалось всякое местонахождение не менее трех действительных членов при условии соблюдения установленных шутовских обрядов.

На углу бойкой улицы, среди серьезно и озабоченно слушающей толпы, на высокой трибуне с двумя ацетиленовыми рожками по бокам, вдохновенно говорит оратор. Лицо его побагровело от волнения, глаза вылезли на лоб, воротничок расстегнулся, он едва переводит дыхание и поминутно вытирает пот. Не иначе как отечество в опасности!.. Подойдите и послушайте.

«Синьоры! Я не буду говорить о росте промышленности в великой Италии, я не буду излагать вам истории ее развития или пророчить ей высокое будущее. Прошло то время, когда продукт английский, продукт французский, продукт немецкий, продукт австрийский, продукт американский, продукт... одним словом, продукт заграничный стоял выше национального итальянского. Синьоры и граждане! Вот пред вами коробка, содержимое которой мы сейчас увидим. Вы должны тщательно заметить ее внешность, запомнить ее внешность, запомнить форму и номер, чтобы навсегда застраховать себя от обмана. Взгляните вы, синьор, теперь вы, синьора, все ли видели? Я прочту еще раз. Теперь... Теперь скажите, горожа-

¹⁰ Il Pope — поп, il gran Mugik — великий Мужик, il vecchissimo lavoratore — старик-рабочий. Кружки по интересам или для занятий спортом до сих пор чрезвычайно популярны у итальянцев, в том числе у людей «третьего возраста».

не, виноват ли старик, быть может, принесший жизнь на алтарь отечества, в том, что ослабили его глаза, что уже трудна ему мелкая печать, что строки лежащей перед ним газеты застилаются туманом? И вот, синьоры, здесь, в этой коробке, лежит инструмент, который уничтожил слабость зрения, уничтожил старость!..»

Глаза оратора влажны от умиления, слушатели довольно безучастны. Проходит добрых четверть часа, прежде чем оратор решается вскрыть коробку и вытащить оттуда тщательно запакованный в бумагу инструмент, уничтоживший старость. Предварительно он должен рассказать, как его, продавца этого чудесного инструмента, осаждают сотни и даже тысячи купцов, коммерсантов и барышников просьбами предоставить им исключительное право на продажу его изделия и как он остается непреклонным. Понемногу, складка за складкой, он развертывает свой драгоценный пакет, и лишь тогда, когда внимание публики возбуждено до крайности, появляется на свет небольшая и очень скверная лупа.

В другом месте вы можете видеть другое чудо искусства и техники: машинку для застегивания шейной запонки. Демонстрируется также зубной порошок, причем оратор целый вечер чистит им зубы подручному мальчику с опухшими деснами. Демонстрация сопровождается барабанным боем.

A pizze? Знаете ли вы, что такое pizze? Это — чудо дешевой итальянской кулинарии. Блестящие металлические открытые вазы с грелкой внутри наполнены кусочками мозгов, мелкой рыбешкой, креветками, щупальцами и спинками спрута, и все это чудесно зажарено в сухарях. Всякий итальянец из рабочего квартала должен будет сознаться перед вами, что этому лакомству уступают даже тонкие макароны с пармезаном. Около открытой лавочки с горячими пиццами толпится самая разнообразная толпа, и три приказчика не успевают удовлетворять спрос¹¹.

После такого пышного ужина тянет в театр. За два soldi можно иметь прекрасное место под потолком в здании «Мирового кинематографа», а за четыре — места в креслах.

¹¹ То, что расхваливает Осоргин, — не привычная нам пицца, а скорее *cartoccio di fritti*, то есть жаренная в сухарях еда, которую продают на развес, в бумажном кульке.

Всего интереснее моменты ожидания начала спектакля в особо отведенной для галерочной публики комнате. Первыми являются востроглазые мальчишки, страстные любители зрелищ. Нетерпению их нет предела; они колупают пальцами замочную скважину в двери, ведущей в залу, стараются занять место поближе, задирают друга, снуют среди публики, как чертенята, и не знают, куда приложить неистощимый запас энергии. Но вот является маленький чиновник с очень крупной женой и выводком ребят. Старшие луцат тыквенное семя, младшие на руках родителей довольствуются соской. Если малютка начинает слишком пищать, почтенная матрона не сомневается расстегнуть кофту и дать ему требуемое. Итальянцы вообще не проявляют ложного стыда, когда дело идет о потребности природы. С усами à la Виктор-Эммануил являются два бравых низколобых жандарма; жандармы все на одно лицо и ходят всегда и везде парами. За жандармами валом валит пехота, так как близко казармы. Веселой гурьбой вваливается рабочая молодежь и тотчас образует группу у буфета. Ждать приходится иногда долго, но уже через десять минут вся публика между собой знакома. Семейный чиновник немного выпил и клюет носом. Супруга, наскоро застегивая кофту, громко и крикливо без передышки выкладывает ему все его недостатки и все недочеты их супружеской жизни. Публика подзадоривает обоих. Наконец нетерпение публики достигло высших пределов. Дверь распаивается, и толпа бегом, толкаясь, стремится по лестнице под потолок. Скрипки оркестра взвизгивают — и перед нами ни больше ни меньше как «Ловля рыбы в Астрахани», ряд чудесных кинематографических сцен. И, сидя в Риме, я смотрю на русского мужика за его тяжелой работой. Скуластый парень в кожаном армяке с удивлением смотрит с полотно на публику, гребцы на лодке преувеличенно налегают на весла, видно — рассчитывают щедро получить от фотографа на водку. Волга весело плещет и накатывает волны на мель. И публика, не выдавшая отроду большой реки, удовлетворенно замечает:

— Море-то, море-то, смотри-ка!

— Это не море, — говорю я соседу. — Это русская река Волга.

— Вольга? — произносить он с мягким «л». — А Астрахань что такое?

— А это город на Волге.

— Вы, может быть, в России бывали?

— Бывал, — говорю я, рискуя сделаться предметом внимания. Но на полотне уже новая сцена, и обо мне забывают¹².

Кинематограф играет роль постоянного развлечения. Какое огромное просветительное значение мог бы он иметь, не находясь он в руках простых барышников, которым до просвещения нет никакого дела! Странно, что в стране коопераций и общественных предприятий до сих пор никто не додумался взять в свои руки движущуюся ленту и использовать ее в целях образовательных или целях пропаганды. Единственный серьезный проект исходил от католического духовенства, которое хотело использовать кинематограф для преподавания священной истории; но и этот проект остался неосуществленным. Между тем кинематограф в короткое время сделался потребностью демократических слоев населения, чему способствует очень низкая входная плата: от 3 до 8 копеек за час наслаждения, за четыре-шесть великолепных пьес, и смешных, и глупых, и трогательных. Но Боже мой, сколько морали, скучнейшей морали, сколько кающихся извергов, исправляющихся негодяев, благородных сердец и самопожертвований! И нужно сказать правду: итальянцам не очень нравятся эти морализующие пьесы; случается, что какая-нибудь чувствительная матрона прослезится при последнем акте мелодрамы, но тем громче она хохочет, когда наступает *scena comica finale*, где неизменный дурачок Beoncelli падает с крыши прямо на лоток зеленщицы и получает от нее десяток подзатыльников¹³.

¹² Интересующихся историей кино, в том числе работой итальянских документалистов в России, отсылаем к фундаментальному труду «Век кино. Италия — Россия» под редакцией Ольги Страды и Клаудии Оливьери.

¹³ *Scena comica finale* — финальная комическая сцена. Beoncelli — итальянский перевод прозвища Voieau, пьянчуги, попадающего в нелепые положения (в России этот персонаж был известен как Глупышкин). Роль, принесшую ему всемирную славу, сыграл французский комедийный актер Андре Дид (1879—1940). Позднее он перебрался в Италию, где его герой получил новое прозвище — Кретинетти.

Для изучения психологии итальянской толпы кинематограф — незаменимое место. Вот, например, сцена из французской революции. На дом благородной семьи нападает шайка бунтующих крестьян и вдребезги разносит всю обстановку. Публика неистово аплодирует. Семья благородных дворян спасается бегством, а верному их слуге удается спасти шкатулку с драгоценностями. Публика свистит. В другой сцене, из быта парижских апашей, их дрессированный пес нагоняет панику на городских, которые вместе с делегатом спасаются на крыше, а в это время двое апашей грабят полицейский участок¹⁴. Радость публики непередаваема! Любопытно также отношение к религиозным вопросам. На одной неделе мне случилось присутствовать при двух длинных пьесах в одном и том же театре. Сначала жизнь Христа — очень мишурная лента, с неуклюжей звездой, ведущей волхвов, с раскрашенными ангелами, с желтыми кругами над головами действующих лиц. Публика смотрела с почтительным уважением, но без особого удовольствия. Другая пьеса изображала модернизированного Фауста наизнанку: в конце действия Фауст с Маргаритой отправились на автомобиле в рай, у дверей рая их встретил карикатурный апостол Петр и проводил до подъемной машины на небо, а в самом раю навстречу им сбежал с лестницы добродушнейший старенький Саваоф с трубкой в зубах, и действие кончилось канканом архангелов. В трех шагах от Ватикана, в демократическом квартале — тема довольно опасная! Аплодисментов нет, но мужчины смотрят торжествующе, а женщины смущенно хихикают в платок. Пьеса очень понравилась, но публика не привыкла к таким смелым выходкам кинематографической ленты: как бы не согрешить слишком явным одобрением...

К десяти часам рабочая публика расходится по домам. В десять часов во всем городе запирают ворота, тушится на лестницах электричество и газ, и попасть домой может только тот, кто имеет ключ от главного входа. В десять часов во всех казармах играет рожок и рабочее население укладыва-

¹⁴ Апаши — парижские грабители времен Осоргина, названные так в честь племени апачей, которые якобы отличались особой жестокостью. Часто были вооружены особыми револьверами «Апаш», придерживались особого дресс-кода (красный пояс, желтые сапоги и т.д.).



ется спать. На улице остаются только загулявшие мужья и неблагоразумная молодежь. Улица остается шумною, но не общим гулом, а отдельными голосами и пьяным пением. Прислушайтесь внимательно — и до вашего уха непременно донесется странный, равномерный лай человеческих голосов: вау, вау, вау... Что-то подобно солдатскому «здравия желаем». Это играют в морру. При свете фонаря, вблизи кабачка, по возможности — в пустынном переулке режутся в морру четыре субъекта: двое играют, двое исполняют роль свидетелей, затем роли меняются. Игра заключается в одновременном выбрасывании пальцев и выкрикивании чисел по принципу карточной игры макао, или железки, хорошо знакомой русским «дворянским собраниям» и «литературным кружкам»¹⁵. Начинают тихо; затем страсти разгораются, голоса возвышаются, и громкий лай оглашает кварталы до глубокой ночи. Выигравший несколько сольди угощает всех в ближайшем кабачке, после чего игра вновь возобновляется на улице, так как внутри помещений она запрещена. Сильно проигравшийся хватается за нож; удар ножом ждет и шулера. Чуть не половина итальянских кровавых драм так или иначе связывается с моррой, самой азартной игрой в свете, не требующей к тому же ни карт, ни особой обстановки, ни помещения: только пальцы и голос.

Морра — преобладающая ночная серенада; но и в других певцах нет недостатка. Сколько запоздалых прохожих, столько и певцов. Есть несколько любимых римских мотивов, далеко не музыкальных, которые ежеминутно тревожат ночной покой. Искусство исполнения их заключается в том, чтобы орать как можно громче и фальшивить как можно больше во славу итальянской музыкальности. Слова же их, поющиеся на местном диалекте «романеско», довольно однообразны: *bella ragazza* пронзила сердце *giovanotto*, который изнывает от тоски; чиновник, получающей сто лир в месяц,

¹⁵ Морра имеет несколько вариантов. Обычно каждый игрок выбрасывает от одного до пяти пальцев («играют» только одной рукой) и одновременно выкрикивает число, равное сумме количества пальцев, которые выбросили другие игроки. Верно угадаешь число — получишь очко. Для победы нужно набрать три очка. Считается, что эта игра была популярна еще в Древнем Риме.

женился на бабине в атласном платье, которая еще в родной деревне поставила ему рога, и т.д. Но чаще всего слова импровизируются на один и тот же бесконечно однообразный и скучный мотив. Происходят при этом и любопытные состязания двух случайно встретившихся подвыпивших певцов: они становятся друг перед другом посредине дороги и с серьезнейшими лицами, по очереди вытягивают пронзительным голосом самые изумительные куплеты. Население привыкло к ночным звукам; полиция также не считает это нарушением тишины и спокойствия: традиции приказывают Италии покровительствовать музыкальным упражнениям населения¹⁶. В Генуе мне приходилось слышать серенады еще интереснее; там их пела по ночам толпа молодцов человек в десять, причем предварительно бросалась на мостовую пестарда, разрывавшаяся с оглушительным грохотом. И ни одно окно не раскрывалось, никто не проявлял любопытства, настолько население привыкло к ночным забавам.

Минуло воскресенье, начался трудовой день. В шесть часов утра поднимаются хозяйки и главы семейств, гремят первые трамваи, кричат первые разносчики. Прежде всего оживают, конечно, кварталы демократические.

Вот огромный доходный дом в новой части города, заселенный семьями мелких чиновников, маленьких рантье, торговцев среднего достатка, содержательниц меблированных комнат для студентов и художников. Утро. Мужское население уже ушло добывать средства для прокормления женского. В итальянской еще очень патриархальной семье обязанности мужчин и женщин строго разграничены и смешению не подлежат. Женщина — прежде всего хозяйка; ее утро занято уборкой комнат и стиркой. С 12 до 2 часов весь город жует, глотает и переваривает; к этому перерыву в рабочем времени часть мужчин возвращается домой, и потому убор-

¹⁶ *Bella ragazza* — красивая девушка; *giovannotto* — юноша. Вероятно, Осоргин описывает римские «сторнелли», частушки, исполнители которых часто соревнуются друг с другом. Вообще римская традиция фольклорной песни чрезвычайно богата и разнообразна. Одна из лучших исполнительниц в этом жанре — Габриэлла Ферри. Что же касается вокальных экзерсисов и прочих шумных ночных забав, итальянцы и сегодня относятся к мешающим спать согражданам с ангельским смирением.

ка истряпня должны оканчиваться к полудню. Мужчине не подобает видеть неубранные постели, нестертую пыль и обрезки пищевых продуктов; его гнездо должно быть чистым и опрятным, насколько, конечно, это возможно по итальянскому характеру. И вот с раннего утра слышится перекликанье хозяек, развешивающих за окнами одеяла, коврики, юбки, белье, тряпки. У каждого окна сделано приспособление для этой цели, а у более старательных хозяек веревки и проволоки приводятся в движение целой системой блоков, металлических колец и длинных тростниковых палок. Солнце работает вовсю: слепит глаза, сушит белье, убивает микробов и заглядывает в комнаты. Вовсю работают и языки хозяек, громко обсуждая цены квартир, вздорожание припасов, достоинства мужей и жильцов; несколько тише перемываются косточки отдаленным соседкам! Но таковы свойства итальянской речи, в особенности римского диалекта, что даже шепот итальянки звучит ясно, отдельно и отчетливо. Маленькая девочка лет десяти тоже кокетничает своей хозяйственностью: все утро она суетится у окна, передергивает и перевешивает на протянутой веревке платочки, косыночки, чулочки, перчатки... И ей грозит та же судьба быть заеденной хозяйственной *pulizia* и в угоду ей пожертвовать интеллектом. А вот в окне виден юноша *per bene*, снимающий у какой-то матроны комнату с мебелью и бельем¹⁷. Он, очевидно, не служит, так как встает сравнительно поздно, часов в десять. Стоя в брюках и выпущенной из них сорочке, он поливает и мажет голову какой-то дрянью, расчесывает яркий белый пробор, бреется, пощипывает усы, долго рассматривает нос, рот, глаза, за ушами, на шее. Затем медленно и внимательно одевается, снимая пылинки и наводя лоск на платье. Затем — процесс надевания жилета и завязывания галстука. Далее — процесс облачения в сюртучок. Наконец — священнодействие с пальто и шляпой. Все складки разглажены, все пылинки сняты, осмотрены в ручное зеркало спина и затылок, тросточка в руках. И он уходит, уступая место квартирной хозяйке, которая уже тащит в окно покровы и подушки и заворачивает колесом тюфяк на его огромной кровати.

¹⁷ *Pulizia* — уборка; *per bene* — добропорядочный.

Кто этот юноша? Я думаю — студент. Жизнь итальянского студента разбивается на два периода. В начале года он *fa l'amore*, в конце года *fa l'esame*¹⁸. Так как до экзаменов еще далеко, то он, очевидно, идет делать мистические глазки какой-нибудь полненькой и грубоватой синьорине в короткой гофрированной юбочке и на высоких каблуках, почему и облекается в свой лучший желтоватый сюртучок с таким усердием.

Полдень. Трамваи развозят по домам тех счастливых мужей, которые имеют возможность не обедать в ресторанах. Сквозь жалюзи закрытых от солнца окон пробиваются ароматические струйки жареного лука, пригорелого оливкового масла, роскошного минестроне — полная симфония итальянской кухни. Жизнь на улицах замирает, часть магазинов закрывается. Дома уже накрыт стол, расставлены полулитры вина, отцежены макароны, готова к ним чрезвычайно сложная подливка с помидорами. Итальянская обыденщина знает два таинства: таинство вкушения пицци и таинство сна. Обеденный стол, равно как и кровать, — предметы культа. По качеству постельного белья, по ценности широкой пуховой подушки в ногах и по вкусу подливки к тесту всевозможных родов определяется и достоинство человека¹⁹.

Итальянец вкушает. Пасташютта, сладкие почки, минестроне, вареное мясо, салат, жареная рыба, фрукты сезона, кусочек сыра. Все это запивается полулитром экономического вина, приобретаемого маленькими бочонками. Заобеденный разговор ведется на тему о цене и качестве съестных припасов. Если хозяин римлянин, а жена его северянка, то завязывается маленькая патриотическая полемика о своей-

¹⁸ *Fa l'amore* — занимается амурными делами; *fa l'esame* — сдает экзамен.

¹⁹ Все, что рассказывает Осоргин, в той или иной мере верно и сегодня, с той поправкой, что далеко не все итальянки могут позволить себе быть домохозяйками и что итальянские мужчины отнюдь не чураются работы по дому. Напротив, они мастерски наводят чистоту и прекрасно готовят. Подливка с помидорами — действительно культовый элемент итальянской кулинарной традиции. Несмотря на простоту рецепта, он известен во многих разновидностях. Некоторые утверждают, что настоящий томатный соус нужно томить на медленном огне несколько часов.

ствах продуктов там-то и там-то; но победителем остается, конечно, хозяин, авторитет которого не терпит долгих возражений. К концу обеда, когда начинает чувствоваться тяжесть макарон и сила пикантных приправ, разговор неизменно сводится на преимущества английской соли перед касторкой. Если за столом присутствует гость, то хозяин за десертом рассказывает пикантный анекдот, по художественной тонкости и легкости не уступающий немецким и несколько напоминающий основательное блюдо недоваренных макарон с помидорным соусом. Но вообще гости бывают более по вечерам, а за обедом их не полагается²⁰.

Час на обед, полчаса на газету — и отдых главы семьи окончен. С половины второго трамваи уже опять полны; в два часа оживает магазинная жизнь. После обеда итальянец еще добродушнее: он переваривает... Во рту у него половина длинной сигары «Вирджиния»; другая половина спрятана на вечер, и ею воздух будет отравляться после ужина.

Быстро вымыты тарелки, и для итальянской хозяйки наступает пора свободы и скуки. Нужно чем-нибудь наполнить день до шести часов, когда, собственно, и начинается настоящая общественная жизнь. Читать газеты — утомительно скучно; книги вообще не в моде у итальянцев; объяснение сна прочтено еще утром, между делом, и записано его значение, с соответствующими номерами для субботней игры в государственное лото. Все наиболее важное уже обсуждено с соседками, и косточки перемыты. Правда, интересно сойтись небольшой компанией на общей лестнице, с шитьем в руках, каждая близ раскрытой двери своей квартиры, — но и это утомительно после сытного обеда. Можно также пойти посмотреть в окна магазинов и купить на сбережения кусок материи или какую-нибудь хозяйственную вещь. И вот итальянка долго одевается, нацепляет на себя все украшения, какие только имеются в ее скромном комоде, и с зонтиком и ридикюлем, летом с веером, под пристальными взорами отправляется «по делам», а кстати заходит и на почту — отложить на сберегательную книжку сэкономленные на хозяйстве три лиры.

²⁰ Тех, кому любопытно понять, почему итальянцы любят говорить о еде, отсылаем к книге Елены Костюкович «Еда. Итальянское счастье».

Вечерний обед с теми же атрибутами и разговорами, маленькая прогулка для пищеварения около ворот дома — и одним днем стало меньше. В десять часов трубят рожок в казармах и засыпает все, кроме обычных ночных звуков, для которых нет различия между праздниками и буднями.

Мирная обывательщина! Присмотришься к ней — и кажется, что никакое внешнее, не задевающее шкуры событие не может нарушить ее трудового, но безмятежного покоя. Что может взволновать, что может встряхнуть это макаронное бытие? Напрасно газеты стараются заинтересовать обывателя новым министерским скандалом, проектом морских соглашений, приездом в Рим представителя эмигрантских интересов за океаном, приобретением за полмиллиона чудной античной статуи «девочки из Анцио» и т.п. Морские соглашения касаются портовых городов, эмигрантский вопрос задевает интересы Калабрии, «девочка из Анцио» — дело художников, а не приказчиков из демократического квартала, как бы ни была она прекрасна²¹.

Но итальянская обывательщина полна контрастов. Вчера благодушные граждане — сегодня они обращаются в бунтарей. Я помню, как далекое, казалось бы, событие — убийство испанскими иезуитами человека, имя которого римский обыватель за день перед этим и не знал, — перевернуло вверх дном весь город лучше всякого землетрясения. Забастовали трамваи; обыватель насторожил уши: что случилось? И нужно было лишь четыре слова: «Попы казнили невинного человека», чтобы он понял все и превратился в революционера. Ожил и доходный дом в демократическом квартале; рабочие

²¹ «Девушка из Анцио» — мраморная статуя высотой 170 см, обнаруженная в 1878 году на вилле Нерона в Анцио. После громкой общественной кампании и голосования в парламенте в 1908 году приобретена Итальянским государством, что убергло ее от вывоза за границу. Вот что рассказывает о ней Б. Р. Виппер: «Бурной декабрьской ночью море смыло кучу прибрежного мусора и обнаружило статую, стоявшую в нише. В 1909 году статуя за огромную сумму в 450 тысяч лир была приобретена итальянским правительством и теперь хранится в Музее Терм в Риме. Вокруг этой статуи разгорелся ожесточенный спор археологов: кого статуя изображает, мужчину или женщину, оригинал ли она или копия и кто был ее автором?» Единого мнения нет и поныне: одни исследователи полагают, что это статуя Пифии, другие — прислужницы жрецов культа Диониса. Осоргин подробно рассказывает о «Девушке из Анцио» ниже.

и ремесленники отправились на собрание, женщины обсуждают событие дома.

Дело Франческо Феррера не было чужим делом для римлян²². У них под боком Ватикан, хоть и спасающий от землетрясения, хоть и доставляющий доход своими пилигримами, но все же олицетворяющий собою мрак, — а нужду в свете итальянцы отчетливо понимают. У них под боком десятки конгрегаций, духовных орденов, монастырей, братств, семинарий, где из ватиканской темы выделяются позлащенные пилюли для населения. На фоне римского неба неизменно чернеет силуэт Гарибальди, видный со всех концов города, — того Гарибальди, который «боролся против попов и австрийцев». На площади в населенном беднотой квартале стоит другой, мрачный и выразительный, памятник — Джордано Бруно, сожженному живым на этой самой площади теми самыми иезуитами, которые теперь, спустя три века, легально убили проповедника светской школы и вдохновителя лучших идей молодой Испании²³. Нет, это не чужое дело! Но не один антиклерикализм, год от года растущий в римском населении, зовет его к протесту. Руководит им другой мотив, быть может, еще более ценный, — мотив человечности. Есть старая итальянская картина, изображающая женщину,

²² Каталонский анархист, либеральный педагог Франсеск Феррер-и-Гарда был казнен в 1909 году по обвинению в руководстве восстанием в Барселоне. Это событие подняло в Италии волну возмущения. В книге воспоминаний «Там, где был счастлив» Осоргин пишет: «Здесь, на площади, в день казни Ферреро, в Испании, я был вместе с толпой. Войска не давали ей разбить стекла в здании испанского посольства. С тех пор в одной моей стране казнены десятки, а может быть, сотни, тысячи человек. И память о Ферреро меня уже не трогает: во всякой стране свои иезуиты и своя инквизиция. Всякая кровь алая. Ало знамя всех революций и всех реакций...»

Феррер выступал против религиозных школ, против раздельного обучения мальчиков и девочек и имущественного ценза, призывал уважать индивидуальность ребенка; в его школе упор делался на естественные науки и освоение ремесел.

²³ Памятник Джордано Бруно работы Этторе Феррари был установлен в 1889 году на римской площади Кампо деи Фьори. Заказали его в ответ на папскую энциклику «Humani Genus» масоны: их упрекали в стремлении разрушить созданный христианством религиозный и общественный порядок и учредить новый порядок, придав ему имя и основание натурализма.

которая кормит грудью голодного, изможденного старика; картина называется «Римское милосердие»²⁴. Именно римское милосердие и говорит в отзывчивом итальянце.

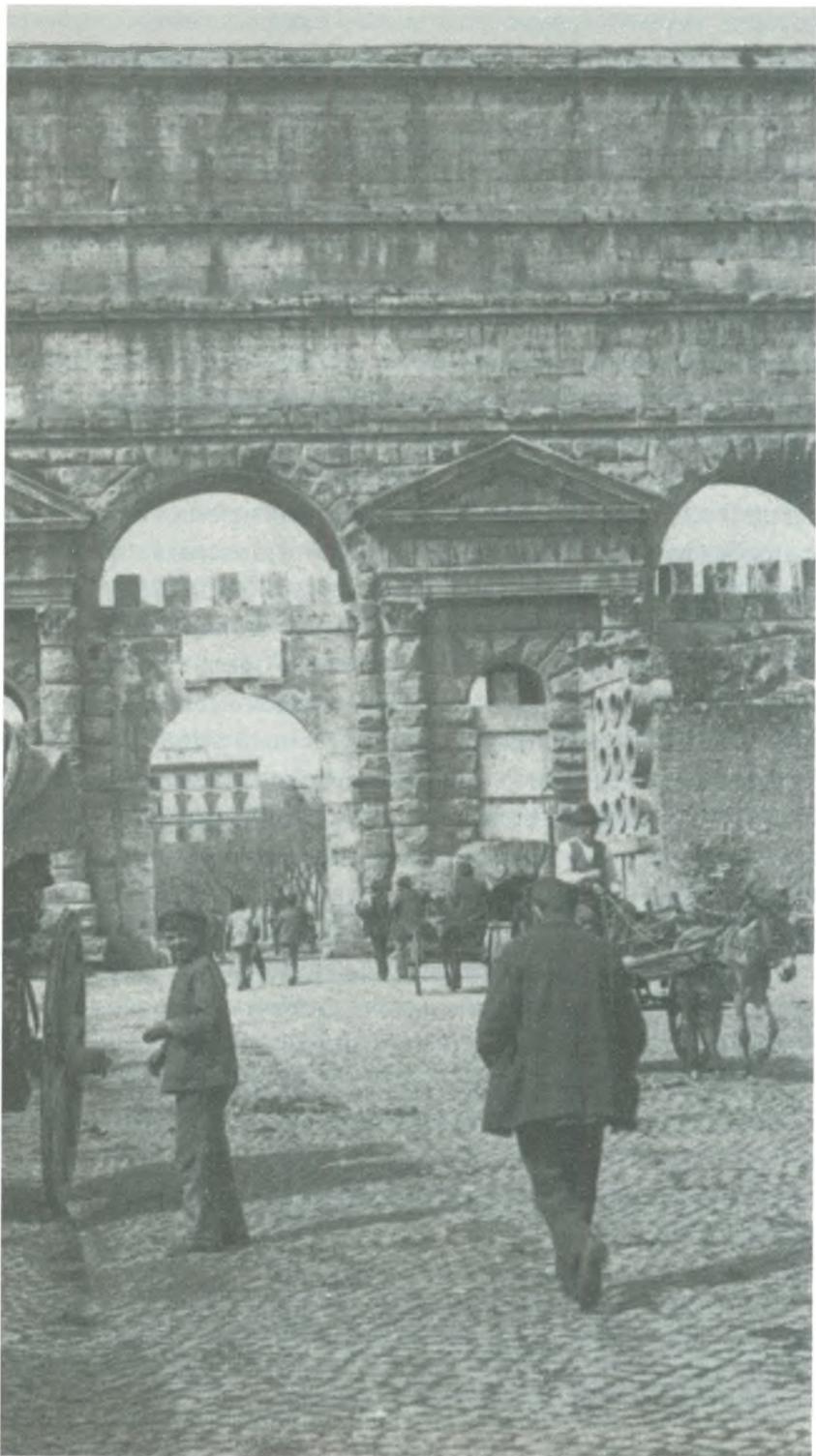
— Да кто он такой? Итальянец, что ли? — беседуют две римлянки!

— Говорят — испанец. Да все равно; он — сын матери, бедняжка!

Che importa! È un figlio di madre, poveretto! В каком языке найдется еще такое выражение, наивное, трогательное и великое по человечности?! Есть ли что-нибудь, чего нельзя бы простить итальянскому народу за это простое слово простой женщины. È un figlio di madre — и это достаточный резон, чтобы имя poveretto Франческо Феррера собрало десятки тысяч народа — наполовину организованных рабочих, наполовину случайных обывателей — на сходку протеста, наводнило толпой улицы, взбудоражило Вечный город, закрыло фабрики и магазины, прекратило движение трамваев, автомобилей и извозчиков и заставило испанское посольство рассчитывать лишь на отряды войск всех сортов оружия, которыми заперты все ведущие к посольству переулки. Три дня жизнь Рима была выбита из колеи, и последний день был днем всеобщей политической стачки протеста. Если в авангарде шли рабочие, то единодушие массового протеста было создано лишь участием обывателя. На улице, в кабачке, за домашним обедом — везде прежние обычные разговоры сменились недвусмысленными пожеланиями по адресу попов и предположениями о том, как должна теперь страдать бедная дочка казненного, эта povera creatura!²⁵ Огромное впечатление на обывателя произвело, конечно, печатное объявление синдака города, расклеенное на всех перекрестках; авторитетным голосом он призывал Рим к трауру по мученику инквизиции — лишнее подтверждение обывательского характера движения.

²⁴ «Римское милосердие» (лат. Caritas romana), «Симон и Перо» — довольно популярный сюжет. Больше других известна картина Питера Пауля Рубенса «Отцелюбие римлянки»; этот сюжет присутствует и у Караваджо на полотне «Семь деяний милосердия».

²⁵ Бедное создание!



Такие дни дают много эффектных картин обывательской метаморфозы. Куда девались спокойные граждане, погруженные в заботы своего маленького бытия? Толпа выборщиков и муниципальных советников идет в Капитолий требовать, чтобы на историческом холме, над зданием городской муниципии, был вывешен траурный флаг. Синдака нет в городе; его заместитель не решается исполнить просьбу граждан. Тогда граждане идут в ближайший магазин, покупают кусок черной материи, лезут на башню и своими руками водружают самодельный флаг. Это не революционеры, не социалисты, даже не партийные люди, это просто обыватели. И та же сила влечет их к испанскому посольству, несмотря на заставы из кавалерии, артиллерии и на троекратный звук рожка, означающей начало «военных действий». Итальянской полиции известно, легко ли было отстоять неприкосновенность дипломатических лиц и избежать дипломатических осложнений.

Но обывательские контрасты идут дальше. Отзывчивый, чуткий итальянец — в сущности большой ребенок²⁶. Его пыл, его восторг, его негодование преходящи. Маленький эпизод — и внимание отвлечено; маленькое событие — и он из грозного протестанта становится клоуном, чтобы через минуту опять потрясать кулаками. Собрание на *Orto Agricolo*²⁷, огромном пустыре, огороженном забором, с развалиной на одном конце, служащей кафедрой ораторам. Ораторы потрясают кулаками, кричат до хрипоты и горят священным огнем негодования, в искренности которого нельзя сомневаться; прости им Боже — итальянец не умеет чувствовать без фразы, фраза подкрепляет чувство. И вся публика возбуждена, кричит, рычит, проклиняет, грозит. Но вот на фоне неба редкое зрелище: дирижабль военного ведомства, алюминиевый любимец римской публики. И тотчас вся толпа обращается в восторженного ребенка: машет платками, кричит приветствия, кое-кто свистит, все отвернулись от трибуны, где оратор только что начал речь. Дирижабль отдалился — и

²⁶ Возможно, детскость и объясняет нашу привязчивость к итальянцам и готовность прощать им все, как ребяческую шалость.

²⁷ *Orto Agricolo* — букв. «огород».

прерванный им оратор, известный антиклерикал Гвидо Подрекка²⁸, спешит использовать настроение:

— Вот на ясном небе над нами показатель победы человеческого гения. Он составляет еще предмет страха, так как может служить орудием смерти. Если бы в мире все еще не веял дух империализма, военщины и католичества, если бы идеи Франческо Феррера получили господство над большинством человечества, — эти чудесные воздушные машины были бы не орудиями смерти, но проводниками радости и братства!

И публика опять в восторге, и опять горит негодованием, и опять готова идти приступом на Ватикан.

Густая толпа валит из Трастевере в город. Настроение дружное и боевое: держись, испанское посольство! Берегись, попы! Трепещи, папа! Ибо теперь идет не один пролетариат — идет обыватель! А навстречу обывателю движется отряд карабинеров. И вот дух воинственный сменяется духом мальчишества. Итальянец не боится полиции и не уважает ее, но бороться с ней он не любит; он предпочитает дурачиться, дразнить ее, пробираться сквозь наряды хитростью, появляясь неожиданно на только что расчищенном от толпы месте и снова удирая при первой возможности. Достоинства у итальянской толпы нет: она копирует авангард из подростков, которые всегда ей предшествуют. И таким образом народный протест немедленно обращается в комедию и забаву мальчишек, которые начинают свистать, как только оказываются на почтительном расстоянии от тех, с кем не решаются вступить в рукопашную. А корреспонденты, конечно, бегают, тщательно протоколируют «событие» дня; иные записывают номера городских, чересчур усердно раздающих подзатыльники демонстрантам. И все довольны.

— Видите, как у нас полиция действует? — обращается ко мне корреспондент-итальянец. — Не хуже, чем у вас в России!

И в голосе его слышится некоторая доля торжества.

— Ваши русские картинки! — подходит другой. — Не правда ли?

²⁸ Гвидо Подрекка (1865—1923) — итальянский политик и журналист, основатель сатирического журнала «L'Asino».

И я вижу по лицу, что ему очень хочется слышать подтверждение, чтобы раздуть мальчишество в революцию.

— А стачка сегодня удалась полная! Что, могут у вас так забастовать? — спрашивает третий с несказанной гордостью.

— Нет, где уж нам! — успокаиваю я его. И он сияет.

Милые, наивные фанфароны! И все-таки много непосредственности и глубокого чувства, внешне раскрашенного фразами и выходками, вкладывают они в свой протест. Их отзывчивость беспредельна, хотя стихийна и непостоянна. Сегодня они бушуют во имя Феррера, завтра будут аплодировать национальному дирижаблю, послезавтра освищут министра-президента, а затем будут сгибать спину под тяготами своего маленького бытия, безмятежно напевая:

Шире дорогу! Мы — римляне,
Мы — лучшие цветы итальянских садов,
Мы — похитители девичьих сердец!..²⁹



²⁹ *Lasciateci passar semo romani
de li giardini li più belli fiori
de le ragazze carine li rubacuori.*

История одного квартала

На столе передо мной лежит осколок обожженной глины — черепок грубой античной амфоры, принесенный с прогулки по окраинам Рима. О, это не ценный антик! Миллионы таких черепков образуют целую гору в квартале Тестаччо¹; ими крыты, вместо черепиц, крыши одноэтажных домиков, ими усыпано плохо содержимое шоссе. Но этот маленький черепок красноречивее многих мраморных статуй, с почетом погребенных в стенах музеев античной скульптуры. Те говорят об одной эпохе, перейденной, забытой, вновь воскресшей, чтобы вновь кануть в Лету; мой черепок говорит о многих веках, начиная с императорского Рима и кончая нашими днями. Те говорят лишь о красоте и искусстве — он вплетает в свою повесть быт римского народа от Христа до наших дней, — быт, которого этот черепок, рожденный где-нибудь в Испании или Греции, удостоился стать молчаливым свидетелем. Лет десять тому назад он уже вдохновил одного римского социолога на кропотливый труд по изучению жизни городской бедноты, населяющей квартал Тестаччо. Не так давно этот исследователь, Доменико Орано, издал первый том своего труда, занявший около тысячи страниц*.

¹ Тестаччо (*лат.* mons Testaceus) — искусственный холм высотой 35 метров, образованный из черепков и отходов, накапливавшихся рядом с портом на левом берегу Тибра. И сегодня символом этого района Рима является амфора.

* *Domenico Orano. Come vive il popolo a Roma. Saggio demografico sul quartiere Testaccio. Pescara, 1912.*

Это только начало! Тот, кто откроет невзначай эту непомерно толстую книгу, отпрянет назад, испуганный сносками на архивные документы и статистическими таблицами, из которых и состоит почти весь том. Но тот, кто знает старинный квартал, кто был на закате у железного креста наверху горы, благоговейно снимая шляпу перед могилой Шелли на недалеком кладбище², кто чуял дыхание Рима вечного в Риме новом, — тому немало скажут сухие изыскания и таблицы книги Орано: многое напомнят, многое осветят и окрасят не блекнувшими цветами великой вековой мозаики, которая зовется историей. И в пестром фантастическом рассказе глиняного черепка он услышит тогда строгий голос очевидца судеб и свидетеля поколений.

О чем же повествует скромный осколок?

Не о личной истории, нет. Лишь намеком говорит он, что некогда был частью огромной глиняной амфоры с толстыми, грубыми стенками и без всякого рисунка. Из отдаленной колонии эта глиняная бочка несла драгоценное вино или масло — дань великому Риму-завоевателю. Корабль, нагруженный амфорами, простившись с морем в Остии, вступил в желтые воды Тибра и остановился в узкой гавани, прямо против Авентинского холма. В те времена — времена пышной империи — на месте молчаливого, бедного, невзрачного квартала Тестаччо ключом кипела жизнь. Тысячи рабов от зари до заката разгружали корабли, пришедшие из колоний, перенося товары сначала в *Emporium*, оттуда в богатейшие доки

² Некатолическое, или английское, кладбище; находится в районе Тестаччо, рядом с пирамидой Гая Цестия. Одно из старейших европейских кладбищ. Здесь с позволения папы еще в начале XVIII века хоронили бежавших из Англии приверженцев Стюартов. Древнейшая из сохранившихся могил также принадлежит англичанину, студенту Оксфорда Джорджу Лэнгтону, который, будучи в Риме, свалился с лошади и неудачно ударился головой. Официально кладбище было открыто папским указом в 1821 году, когда в Риме жили (а порой и умирали) многие иностранцы-некатолики. Одни из самых знаменитых захоронений принадлежат английским поэтам Дж. Китсу и П. Б. Шелли. Наряду с британцами, немцами, американцами, датчанами, шведами, греками и русскими, здесь захоронены итальянцы. Например, основатель Компартии Италии Антонио Грамши и писатель Андреа Камиллери. Осоргин тоже мечтал быть похороненным на Тестаччо, однако судьба распорядилась иначе.

Ноггеа³. Кроме вина и масла, те же корабли везли в мировую столицу все, что было лучшего в колониях, не забывая и о глыбах драгоценного мрамора; целые горы камня африканского, паросского, прекрасного «сеттебази», «павонадзетто», «базистро», «писаного мрамора» были навалены на набережной, от которой к самой воде спускалась обширная белая мраморная лестница⁴. Среди этой роскоши и богатства затерялась грубая красно-желтая амфора. Рабы отнесли ее в склад, где ее кристальное вино скоро было разлито по амфорам меньшего размера. Теперь она лишь напрасно загромождала склад, и те же рабы, разбив ее для удобства, снесли грубые обломки на окраину складов, присоединив к уже лежавшей здесь огромной куче глиняных осколков. Было ближе и проще бросить черепки в Тибр, но консул строго запретил делать это, чтобы не заваливать дна гавани. Так на окраине коммерческого порта выросла гора разбитых амфор, которой суждено было на много веков явиться свидетельницей былого торгового величия Рима, — гора живая и посейчас, открывающая со своей вершины вид на царственные албанские горы, на поля Кампаны, на загородные муниципальные постройки Рима нынешнего, на кварталы рабочей бедноты. Ряд легенд окружил эту гору; много ученых ломали над ней головы, роясь в ее черепках, кое-где поросших травой и звенящих под шагом. И народ прозвал ее пренебрежительным именем *monte Testaccio*^{*}.

Здесь, лежа на груде других таких же ничтожных черепков, прибывших со всех концов света, осколок глиняной амфоры век за веком наблюдал, как росло и падало величие Вечного города, как культура сменялась культурой и прежний раб превратился в современного пролетария⁵.

³ *Emporium* (лат.) — торговая площадь, рынок; *hoggea* (лат.) — склад.

⁴ Мрамор из Африки, с островов Парос и Скирос, фригийский мрамор и т.д.

* *Testa* — голова, черепок; окончание *-accio* — уничижительное.

⁵ Почти современную картину дает Пазолини в зарисовке «Из этюдов о жизни Тестаччо». Кстати, когда Пазолини, начавший писать стихи на фриульском, перебрался в Рим, он освоил и полюбил местное наречие. Для него это был язык римского народа, Дж. Дж. Белли и К. Э. Гадды. Романеско звучит и в его фильмах.

Пал императорский Рим — и рост горы остановился. Жизнь кругом стала замирать, исчезли корабли в загрязнившемся порту, стали рушиться стены складов; никто не являлся за глыбами мрамора. На целый ряд веков единственным властным хозяином подавентинской равнины было время, единственным гостем — пастух. Пилигримы, вереницей тянувшиеся на поклонение базилике святого Павла⁶, видели лишь остатки крепких сооружений Эмпориума, куски камней, вросших в землю и покрывшихся зеленью, да низкую, мрачную пирамиду Кая Цестия, белевшую в развалинах Аврелиевых стен, как белеет она и посейчас. Рука времени закрыла землей и зазеленила травой останки торгового величия мировой столицы. В зелени редких садов и виноградников вырастали простые и строгие храмы христианскому Богу, без роскоши, без дорогих мраморных статуй. Но и их камни были также свидетелями прошлого: они подкрепляли раньше фасады языческих храмов и величественных дворцов.

Ни сношения Рима с Восточной империей, ни всесветное торжество католицизма не могли пробудить авентинскую равнину от глубокого сна, и седьмой век застал ее такой же забытой и заброшенной, слившейся с остальной римской Кампаньей, вдаль которой она глядела глазами своего верного сторожа — Черепичной горы. Кто поставил этот аскетический железный крест на вершине горы? История молчит о том, и только на планах XVIII века начинает изредка отмечаться этот крест, у подножия которого Пуссен ловил на полотно краски заката⁷. Этот черный крест укрепил за горой обязательство быть станцией для католических пилигримов, шедших в Рим или покидавших Вечный город; сюда же ходили религиозные процессии, тогдашняя строгость которых гармонировала с утрусомостью горы и спокойствием открывающихся с нее видов.

⁶ Базилика Святого Павла за городскими стенами — одна из четырех великих папских базилик. Здесь хранятся мощи апостола Павла. С первого Священного года базилика — одна из семи остановок на пути, который положено пройти паломникам.

⁷ Никола Пуссен (1594—1665) — французский живописец, проживший многие годы в Риме. Много работал на пленэре, любил изображать античные развалины и руины. Его покровитель Кассиано далъ Поццо даже призывал художника «оставить в покое мраморы».

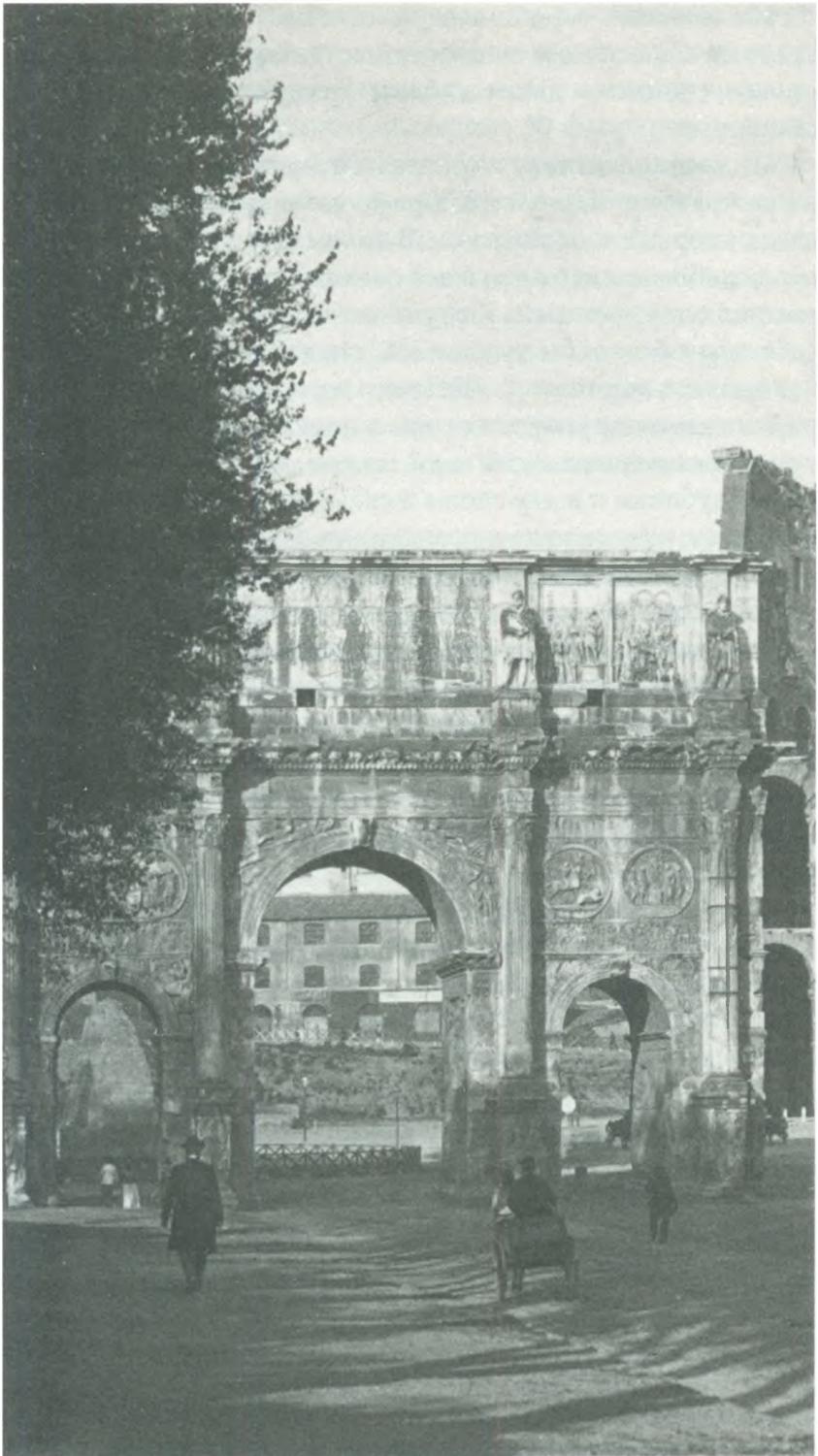
Но вот оживает рассказ античного черепка. Пришел десятый век — золотой и свободный век римской коммуны, любопытный век, когда римские папы короновали германских императоров, а императоры ссылали пап, выкалывали им глаза, отрезали нос и язык и в таком виде водили по улицам (папа Иоанн XVI). Не забудьте, что в тот момент приближался конец мира — 1000 год от Рождества Христова. В эти смутные времена римский народ опять требовал *panem et circenses*⁸, а папа, коммуна и знатные фамилии старались созидать на пышных празднествах непрочные симпатии. Начиная с десятого века гора Тестацчо и прилегающая к ней местность приобретают великую славу «полей народа римского», которая остается за ними несколько веков.

И вот что видел тогда осколок амфоры на «полях народа римского».

В воскресенье перед великим постом, в этот последний, самый пышный день карнавала, все поле вокруг горы окружено сплошной цепью конных солдат. С ночи начинает стекаться народ, и те, кто пришел раньше, спешат занять позиции, удобные для наблюдения: стены и башни ворот св. Павла, пирамиду Кая Цестия, склоны Авентина. Для аристократии отведены особые места, и к назначенному часу блестящая толпа придворных уже сияет там блеском одежд, драгоценных перьев и камней. Со стороны Капитолия раздается первый удар колокола, и одновременно оттуда выходит пышная процессия коммунальных властей и их семейств, знаменосцев и представителей кварталов. Каждый квартал украсил свою аллегорическую колесницу, за которой идет толпа его «*jocatores*» и «*lusores*» — участников предстоящих игр⁹. Прислали своих «гладиаторов» и окрестные города, не смея противиться приказу папы и Рима. Блеск парчовых и атласных костюмов, гром труб и барабанов, колыханье знамен и штандартов, крики толпы, сдерживаемой войсками, — и кортеж приближается к «полям народа римского». Сенатор, заведующий празднеством, подходит к Черепичной горе и водружает на ее склоне знамя города Рима. Это — сигнал к началу игр.

⁸ *Panem et circenses* (лат.) — хлеба и зрелищ.

⁹ *Jocatores, lusores* (лат.) — игроки, шутники, лицедеи.



На плоской вершине горы Тестаччо уже заготовлены красные колесницы, запряженные дикими быками; внутри колесницы — дикие кабаны, наглухо запертые, но не связанные.

По новому сигналу служители отпускают быков и гонят их по крутому склону горы прямо на огромную толпу молодежи, вооруженной шпагами. В диком беге рушатся колесницы, освобождая кабанов, и все смешивается в одну кровавую массу людей и зверей. Каждый из игроков спешит добыть себе шпагой хотя бы кусок мяса, так как того, кто останется без добычи, ждет позор. Шпагами и руками убивают, режут, рвут на части свергнутых с горы животных, и победители несут окровавленные куски мяса, шкуры, внутренностей к трибунам публики и в дар своим женам: без этого подарка жена не делит с мужем ложа в праздник св. Панкратио!¹⁰ Но льется здесь не одна кровь зверей: немало раненых людей подбирают на поле сражения, а кое-кто из молодежи не прочь в момент общего озверения свести старые счеты с соперником.

Окончилась бойня — и на широком лугу начинаются бега за призы. Гарцуют на лучших конях самые ловкие наездники, стараясь на всем скаку снять приз, надетый на острие воткнутого в землю копья. За лучших коней — призы золотой и серебряный; третий, шелковый приз — за самый быстрый бег кобылицы.

До самого вечера идут игры на зеленом, уже окрашенном кровью лугу. Порою невинная игра переходит в кровавое побоище, за которым жадными глазами следит публика. Порою атлетические упражнения перемешиваются в антрактах с забавами: вместо зверей выпускают на луг толпу евреев и гоняют их, пока не наскучит! Так, для забавы народа римского скатили однажды с горы старого еврея, заколоченного в бочку с гвоздями.

На чьи средства устраивались игры в воскресенье карнавала? Закон и обычай установил, что расходы должны оплачивать евреи в виде откупа от печальной участи личного

¹⁰ Святой Панкратий Римский — раннехристианский мученик, пострадавший при императоре Диоклетиане. Казнен и захоронен в Риме. Его память отмечается католической церковью 12 мая, в один день с мучениками-легионерами Нереем и Ахиллеем.

участия в играх. И предки тех евреев, что и сейчас еще живут близ Тестаччо в старом гетто, в течение шести веков оплачивали развлечения римских граждан, внося ежегодно в городскую кассу 1130 фьоринов; последние 30 фьоринов — в память 30 сребреников, за которые был предан Христос. Даже Сикст V, освободивший евреев в 1586-м от всех тягот, не смел снять с них этой традиционной контрибуции. Из года в год, шесть столетий, гора Тестаччо была свидетельницей и участницей карнавальных забав и игр, и самым пышным их расцветом были XIV и XV века. Затем слава их начала меркнуть, и в середине XVI века, при папе Льве X, в эпоху возродившегося язычества, римский народ в последний раз видел пышные зрелища на своих полях. Гора Тестаччо вновь погрузилась в свой вековой сон.

Опять проходят вереницы лет над черным крестом, венчающим ее вершину. Кто расскажет ее грезы? Как прежде мимо нее проходили полчища готов, лангобардов, сарацинов, норманнов, неспособные разрушить ее дремоту, как прежде борьба пап с императорами и кровавые распри аристократических фамилий не выводили ее из бесстрастия, так и теперь, отдыхая от буйных игрищ на еврейские деньги, она ничем не отмечена историей вплоть до эпохи первой французской республики. Трудно думать, чтобы такого традиционного места увеселений не посетила, например, знаменитая «дама барокко», специалистка по изысканным развлечениям, шведская королева Христина, для которой папа и римская знать обращали весь Рим в сплошное карнавальное зрелище¹¹. Но и об этом молчит история горы Тестаччо...

¹¹ Королева Кристина Шведская (1626—1689) отреклась в 1654 году от престола и вскоре приняла католичество, что вызвало скандал в протестантском мире. Она поселилась в Риме, где и провела почти все оставшиеся годы, совершая путешествия во Францию и в Швецию. На новой родине ей были рады, в честь бывшей королевы, которой папа Александр VII дал имя Мария Александра, в palazzo Барберини устроили пышный праздник с фейерверком. Она прославилась как покровительница наук и искусств, литераторы ее круга позднее основали знаменитую Академию Аркадия. Одна из трех женщин, удостоившихся чести быть похороненными в соборе Святого Петра. Римляне и сегодня с большой симпатией относятся к Кристине Шведской как к той, что пожертвовала королевством ради счастья жить в Вечном городе.

Но вот однажды осенью гора проснулась. Неужели должны вернуться к жизни ее *glorie passate*?¹² Ее окрестности наполнились людьми, головы которых были украшены виноградными листьями. В центре поля воздвигли пышное, кричащее, разукрашенное легкое здание, вокруг него разбросали палатки со значками римских кварталов. Все поле заполнилось народом, загремели оркестры в разукрашенных виноградом палатках, и из центрального здания двинулась толпа комических масок. Республика не хочет кровавых зрелищ; вместо них народу показывают мифологические басни в лицах, живые иллюстрации исторических событий, забавные пантомимы, а оркестры поочередно играют патриотические гимны и народные песни. После полудня в палатках заготовлены столы, каждый — на сто человек. Во имя братского единения граждан Рима в каждой палатке должен быть за столом представитель каждого квартала города; в центральной палатке «исполнительной власти» также приготовлен стол для граждан. Только половина обедающих на поле оплачивает расходы; остальная половина участников угощения избирается по жребию во имя новых принципов равенства и братства и угощается за общественный счет. За внешним порядком смотрят стражи и солдаты; но может ли республика забыть о них, низведя их на степень простых прислужников веселья? Нет, вслед за гражданами, на общественный же счет, готовятся столы и для воинов. К вечеру столы убираются и центральный павильон открывается для танцев. Никто да не входит в него, не украсив себя виноградными листьями! Вакхический праздник *vendemmia*, праздник виноградного сбора, требует, чтобы даже экипажи, подъезжающие к полям, украшены были золотистыми листьями виноградной лозы¹³.

Это было последним пробуждением духа античного веселья. Наступали иные времена, отмеченные духом практической сметки и пренебрежением к историческим идиллиям. Новые поколения не оставляли без внимания гору Тестаччо, но их внимание не было данью уважения к этому историче-

¹² *Glorie passate* — былая слава.

¹³ *Vendemmia* — сбор винограда, из которого изготавливают вино (а не столового винограда).

скому памятнику. Однажды гора проснулась от грубого удара пушечного ядра. Невдалеке от нее расположились «бомбардьеры» — особая учебная артиллерийская команда, устроившая пороховой склад внутри пирамиды Кая Цестия¹⁴. Черепичная гора показала им удобной целью для учебной стрельбы, и за много лет они успели выбить в ней широкое углубление. Позже пришел к ней сметливый человек, выкопал пещеру в ее склоне и сделал здесь винный склад. Ни у кого другого не было такого прохладного хранилища вина! Вся созданная из разбитых черепков, не пересыпанных землей и мусором, гора держала внутри погреба постоянную низкую температуру. Благой пример вызвал подражание, и скоро у подножия горы вырос ряд погребов с оптовыми складами вина; кое-кто из виноторговцев, в нарушение приказа коммуны, продавал вино и распивочно. Черепки пошли на постройку внешних зданий погребков и домиков их владельцев: античными черепками покрывались крыши, ими были усыпаны дворики, из них складывались прочные заборы. Эти винохранилища существуют и по сейчас. И для мощения улиц пользовались теми же черепками, благо они были неистощимы.

Однако и в более поздние времена римское население вспоминало в ясные весенние дни *monte Testaccio*.

По воскресеньям ее склоны не раз расцветивались группами горожан, захвативших с собой незамысловатый завтрак. Вечером здесь раздавалось пение, горели костры, иной раз завязывались ссоры, обогащая городскую хронику рассказами о ловких *coltellate*¹⁵. По ночам здесь виднелись

¹⁴ По другим сведениям, склад располагался в двухэтажном здании неподалеку. Строение, напоминающее нубийские пирамиды, возведено в 18—12 годах до н.э. для Гая Цестия Эпулона, магистрата и жреца. В Средние века считалось, что здесь захоронен Рем, а Ромул захоронен во второй пирамиде, находившейся в Ватикане и позднее разрушенной. Видимо, пирамиду Цестия спасло то, что при сооружении Аврелиановых стен ее встроили в них и превратили в бастион. Пирамида всегда привлекала туристов и художников и со временем стала одной из римских достопримечательностей. Самое знаменитое ее изображение принадлежит Джованни-Баттисте Пиранези.

¹⁵ *Coltellata* — удар ножом.

уединенные фигуры, беспокоившие полицию: это были преступники, скрывающиеся от правосудия, революционеры, избежавшие папских разгромов, иногда — женщины, промысел которых в этих поэтических местах вызвал даже особый запретительный папский эдикт.

Блестящей военной страничкой заканчивается история горы Тестаччо. Был 1849 год; французы осадили Рим, сгустив свои силы близ св. Павла. Батареи защитников Рима выросли на Авентинском холме и на горе Тестаччо. Трудно было втащить на крутые склоны горы тяжелые пушки; пришлось нарушить ее спокойствие саперной лопатой и устроить наверху, у креста, удобную для батареи площадку. 5 июня с вершины горы грянули пушки в сторону св. Павла. Почти месяц верный сторож Рима отстаивал его независимость; ядра неприятелей превращали в пыль осколки древних амфор, и 3 июля генерал де Веллан, поборов героизм защиты, вошел в город во главе французов¹⁶.

Об этой военной заслуге Черепичной горы вспомнили много позже. Лишь четыре года тому назад Народный дом квартала Тестаччо испросил у коммуны разрешение почтить память героической защиты Рима, воздвигнув на вершине горы мраморную колонну. За четыре года к работам не приступлено, и это дает слабую надежду, что и в будущем гора останется увенчанной только мрачным и строгим железным крестом, так идущим к ее молчаливой угрюмости, и нелепое создание рук современного архитектора не нарушит ее выдержанного стиля¹⁷.

¹⁶ 8 февраля 1849 года по инициативе Гарибальди была провозглашена Римская республика, не просуществовавшая и полугода. Чтобы вернуть власть, папа Пий IX обратился за помощью к Франции, Испании и Австрии, которые отправили войска на помощь главе католической церкви. Французы прислали десятитысячную армию, высадившуюся в Чивитавеккье и начавшую артиллерийский обстрел Рима. 3 июля, когда оборона была прорвана, правительство республики начало переговоры с генералом Николя-Шарлем Удино, возглавлявшим силы французов. Когда перед этим обсуждались варианты действий — полная капитуляция, кровопролитные сражения или уход республиканской армии из города, Гарибальди высказался за отступление, против ненужных жертв, произнес знаменитые слова: «Где бы мы ни оказались, Рим будет там [с нами]».

¹⁷ Простой железный крест и сегодня венчает Тестаччо.

К середине XIX века местность близ горы Тестаччо еще во многом сохраняла свой первоначальный вид «полей народа римского». Несколько церковных садов, виноградников, огородов, пороховой склад, кладбище и редкие остатки античных сооружений — вот и все, что было на месте нынешнего рабочего квартала. Под зеленью полей и огородов лежали мраморы и павшие стены, современники античного черепка и былого величия Римской империи. Кое-кто из частных владельцев производил за личный счет и в личную пользу раскопки на своих участках; есть следы и документы раскопок еще XV века, и есть указания, что среди находок были чрезвычайно ценные в археологическом отношении. Но только в 1868 году приступлено было к серьезным изысканиям, неожиданно прерванным через два года, когда савойские войска пробили брешь в стене у Porta Pia и пала папская власть¹⁸. За два года успели извлечь из земли, не считая мелочей, свыше 1200 мраморных глыб греческой, фригийской, нумидийской и египетской породы, по большей части неотделанных; найдено немало статуй, ваз, предметов торгового и домашнего обихода, часть которых поступила в музеи, а часть разослана папой Пием IX в дар разным лицам в Италии и за границей. Но, похищая из земли все ценное, тогдашние археологи мало заботились о сохранении античных развалин, как не заботятся о них и современные. В данный момент от Эмпориума остались лишь ничтожные куски, никем не охраняемые; пирамида Кая Цестия, хотя и имеющая хранителя, совсем запущена; ради новой линии железной дороги снесено почти 200 метров прекрасных Аврелиевых стен; грязная харчевня примкнула к арке Сан-Ладзаро; скрыт наполовину землей бастион Сангалло, над которым возвышается домик с погребами для овощей¹⁹. Новая, скромная, бедная, нечистоплотная жизнь

¹⁸ См. об этом примечание 8 на с. 20.

¹⁹ Римская арка, возможно часть здания складов, нынешним названием обязана соседству с церковью Св. Лазаря, покровителя прокаженных. Бастион Сангалло получил свое название по имени возведшего его архитектора Антонио да Сангалло Младшего, которому вскоре после разграбления Рима в 1527 году папа Павел III, опасавшийся нападения турок, поручил укрепить городские стены.

облепила и заглушила жизнь античную и средневековую и грозит уничтожить ее совсем.

В этом беспорядочном нагромождении веков и культур много своеобразной красоты и глубокого смысла; тем и хорош Рим, что в нем старый камень живет не только в прошлом, но и поныне, что сейчас трехлетний мальчуган бегает в нем по плитам, уложенным рабами времени цезарей. Но то, что прекрасно в глазах дилетанта — поклонника Рима, то на глаза археолога должно вызвать слезы. К ужасу художника, археолог сдирает плющ, обвинивший античную колонну. «Он украшает ее!» — кричит негодующий художник. «Он разрушает ее!» — невозмутимо отвечает ему археолог. Они оба правы. Прав был великий пейзажист Пуссен, считая Рим развалин, Рим завитых плющом камней и синеватых далей мечтой и раем художника, его второй родиной и землей обетованной. Но прав по-своему и Коррадо Риччи, нынешний попечитель римских древностей, мечтающий снести с античного камня наслоения позднейших веков, очистить его, окружить решеткой и в этом виде сохранить от дальнейшего разрушения²⁰. Оба они, на расстоянии двух с половиной веков, поднимались на вершину Тестацчо и смотрели вокруг: один — в сторону гор, другой — в сторону города, один — поэт, другой — знаток архивов и поклонник музея.

Близ Черепичной горы, совсем рядом с пирамидой Кая Цестия, есть старое протестантское кладбище. И со склона Тестацчо черепок античной амфоры видел, как на это кладбище несли тело великого английского поэта, утонувшего на итальянской Ривьере. У самой стены Аврелия, между высокими кипарисами, лежит скромная мраморная плита на могиле Шелли. На том же кладбище похоронен другой знаменитый англичанин — Китс, русский художник Брюллов и много других, любивших Италию и Рим. Кладбище это насчитывает уже полтора столетия существования.

²⁰ Коррадо Риччи (1858—1934) — искусствовед, археолог; руководил реставрационной и музейной работой в Равенне, Модене, Парме, Флоренции и других городах, в 1906 году был назначен генеральным директором Министерства просвещения и президентом Института археологии и истории искусства в Риме. Риччи внес значительный вклад в охрану культурного наследия, в том числе на законодательном уровне.

Но тот, кто вздумает теперь пройти на кладбище или подняться к железному кресту Тестацчо, уже не увидит прежнего покоя и запустения в историческом квартале.

С того момента, как Рим фактически стал столицей Третьей Италии, квартал Тестацчо сделался предметом особого внимания коммуны. Решено было возродить здесь торговые склады и положить начало индустриальному центру Рима. Судорожность прилегающей части Тибра, близость железной дороги, дешевизна места — все это являлось благоприятным показателем для нового проекта. В повесть глиняного черепка не могут входить горячие дебаты в стенах Капитолия. Достаточно сказать, что через пятьдесят лет местность стала неузнаваемой. К ней, конечно, не вернулось прежнее величие торгового порта; лишь тяжелые и грубые казенные постройки боен, газометра, торговых складов, центральной электрической станции говорят о монументальном строительстве современников. Но все эти постройки перекинулись по ту сторону горы; на прежних же местах, закрыв античные развалины, выросли улицы невысоких и небогатых домов, занявшие площадь между Авентином и берегом Тибра. Не осуществилось и намерение коммуны создать квартал здоровых и дешевых домов для рабочего населения; вместо них тут же нагромодились доходные дома, в которых и ютится, в грязи и крайней нищете, рабочий люд Рима. Нижние этажи заняты мелочными лавочками, трактирами, молочными и мастерскими; узкие, темные лестницы, грязные до последней степени, ведут в верхние этажи, где жильё современных рабов вытеснило все свободное пространство и весь воздух для дыхания. Ни садов, ни чистых дворишков при домах, ни сквера поблизости, ни фонтанов, которыми так богат остальной Рим. Квартал грязи и бедноты — вот во что обратились «поля народа римского». И только неизменным скелетом прошлого доминирует над всем кварталом *monte Testaccio* — гора из античных черепков, чудовищное создание императорского Рима. Но и она уже теряет свой вид. Прежде видная отовсюду, теперь она как-то затерялась среди жилых построек, как затерялось и иноверческое кладбище, и от этого она кажется еще угрюмее и непривлекательнее.

Для этой новой жизни, наслонившейся на старые предания, потребовался и новый поэт. Таким поэтом квартала Тестаччо и явился упомянутый мною выше социолог-социалист Доменико Орано. Быть может, странно называть поэтом автора на первый взгляд сухого статистического исследования. Но в свой труд Доменико Орано вложил столько внимания к историческому прошлому квартала и столько нескрываемой любви к его нынешнему обитателю, что, прежде чем явиться исследователем, автор встает перед нами певцом своего квартала²¹.

Кто населяет квартал Тестаччо? Спросите римского буржуа — и он ответит вам пренебрежительно: «Всякий сброд». Он, быть может, прибавит: «Самый опасный сброд!» Не там ли свила себе гнездо анархия? Не там ли ютятся самые решительные забастовщики и непримиримые антиклерикалы из рабочего мира? Не там ли так часты кровавые схватки, участников которых после тщетно разыскивает полиция? «Самый неприятный квартал!» — непременно скажет вам римский буржуа, и подтвердит кивком головы комиссар полиции. Возникший в 1883 году, квартал Тестаччо за тридцать лет успел сделаться не только одним из самых грязных и жалких, но и самым первым в списке неблагонадежных.

Но вот лет двенадцать назад был основан в квартале Тестаччо детский приют, которому дано было громкое имя «Рома»²². Секретарем, а вскоре и председателем комитета приюта был избран Доменико Орано. Этот деятельный человек в короткое время организовал здесь «Комитет школьных завтраков» — учреждение, раздающее ежедневно, при поддержке коммуны, около 1000 порций супа, профессиональную женскую школу, приют «Анита Гарибальди»²³, народную

²¹ Доменико Орано (1873—1918) — врач, филантроп, политик, член Городского совета Рима, не только изучавший район Тестаччо, но и немало способствовавший его развитию. См. на с. 224 ссылку * Осоргина на книгу «Как живет народ в Риме. Демографическое исследование квартала Тестаччо» (Пескара, 1912).

²² Roma — Рим.

²³ Анита Гарибальди — жена и соратница легендарного Джузеппе Гарибальди.

библиотеку, концертный зал, школьный кинематограф, амбулаторию, «Народную школу гражданского воспитания», «Комитет экономического и нравственного преуспевания квартала Тестаччо», «Зал завтраков для бедных матерей, кормящих грудью», бесплатную раздачу молока бедным квартала и т.п. Интересуясь физическим и нравственным развитием воспитанников и маленьких клиентов этих учреждений, Доменико Орано пришел к убеждению, что нельзя следить за развитием детей, не зная близко и хорошо среды, в которой они рождаются и живут. Мог ли он не заметить, что семья зачастую разрушает то влияние, которое могла бы оказать на воспитанников самая образцовая школа? «Нужно отдалить детей от влияния дурной среды, изолировать школу от семьи», — сказали бы иные педагоги. «Нужно поднять авторитет школы до высоты, отрицающей влияние семьи», — сказали бы другие. «Нужно сначала изучить семью», — решил Доменико Орано и приступил к этому изучению немедленно. Но, начав анкету среди семей своих клиентов, он понял, что лишь ими ограничить свою задачу невозможно. И вот постепенно он расширил рамки своего первоначального проекта, отдавшись с рвением ученого-социолога и общественного деятеля делу подробнейшего исследования быта беднейшего из римских кварталов. При сотрудничестве нескольких преданных делу лиц он лично обошел большую часть доходных домов, заселенных беднотой, спрашивал жильцов об условиях их жизни, о квартирной плате, о заработках, о пище, о здоровье, о житейских привычках, семейных отношениях, умственных запросах. Он измерял стены, определял количество кубических метров воздуха, осматривал постельное белье, носильное платье, заглядывал в кладовые и отхожие места, не упускал из виду ни лампадки перед иконой, ни целостности оконных стекол. Он беседовал с привратниками, с кабатчиками, полицейскими, одновременно роясь в архивах коммуны, в томах древней и средневековой истории, в художественных и археологических изданиях. Все — от прошлого до настоящего, от пирамиды Кая Цестия и черепка monte Testaccio до стоптанных башмаков клиентки дешевого публичного дома — должно было послужить ему для всестороннего ознакомления с прошлым и настоящим бытом квар-

тала Тестаччо. Его работа не носит строго ученого характера; но, исполненная с любовью и добросовестностью серьезного исследователя, она не только дает разработанный материал для ознакомления с историческим кварталом, но и подводит фундамент под будущее более полное обследование быта всей римской бедноты, если только найдется для такого колоссального труда столь же преданный исполнитель. И поэтому прав Доменико Орано, дав первому тому своего исследования титул «Как живет народ в Риме».

К какому же заключению пришел Доменико Орано? Согласен ли он с отзывом римского буржуа об обитателях Тестаччо как об «опасном сброде»?

Такое мнение — великий предрассудок, отвечает он римскому буржуа. Предрассудок, созданный и внушаемый главным образом полицией, которая всякое пробуждение политического сознания в простом народе готова истолковать как проявление опасного бунтовского духа. Но если в обитателях квартала Тестаччо ярче проявляется дух протеста против авторитета власти, то этот дух, врожденный римскому народу и всегда в нем могучий, растет и разгорается здесь под влиянием вечных насилий полицейских агентов, обращающих свое изощренное внимание на рабочий квартал не ради общественной безопасности, а из партийно-политических соображений.

Нет, говорит нам Орано, народ, несмотря ни на что, гораздо лучше, чем мы о нем привыкли думать. И его реальная жизнь весьма отличается от фикции, созданной о ней кабинетными социологами и философами. Народ — это сырой материал высокой ценности, в котором скрыта неисчерпаемая энергия; из него вырабатываются герои и преступники, гиганты и пигмеи, чудовищные пороки и высокие доблести.

В квартале Тестаччо народное сердце бьется быстрее, так как здесь живут простолюдины, дух которых непокорен от природы, действия которых импульсивны, решения быстры; они сентиментальны в любви, жестоки в ненависти, горды в жестах и презрительны в опасности; они одинаково склонны к дружбе и к мести, к пожатию руки и к поножовщине. Если до их сознания уже доходит, что их жизнь стоит в противоречии с процессом знаний, техники и гигиены, то должны ли

мы удивляться, что в них еще ярче разгорается дух ненависти к обществу, которое все еще основано на принципе господства немногих над массой и политическая организация которого олицетворяется для народа в авторитете попа и карабинера? Разве не поясняет это, почему анархистская пропаганда находит в квартале Тестаччо так много адептов? «В беспорядочном сожитии полов, в вынужденном сожительстве здоровых с сифилитиками и туберкулезными, старых с молодыми я понял, — говорит Орано, — таинственную драму этого народа, которому государство преподносит правила морали и санкцию наказаний, оставляя его жить в постоянно ухудшающихся экономических условиях, все более его порабощающих. Народ, который страдает и работает, часто не имеет постели для отдыха, квартиры, в которой нашли бы защиту от насильников его дочери, воздуха для дыхания! Без поднятия экономического благосостояния тщетно думать о воспитании и тщетно надеяться на духовное возрождение рабочих слоев населения!»²⁴

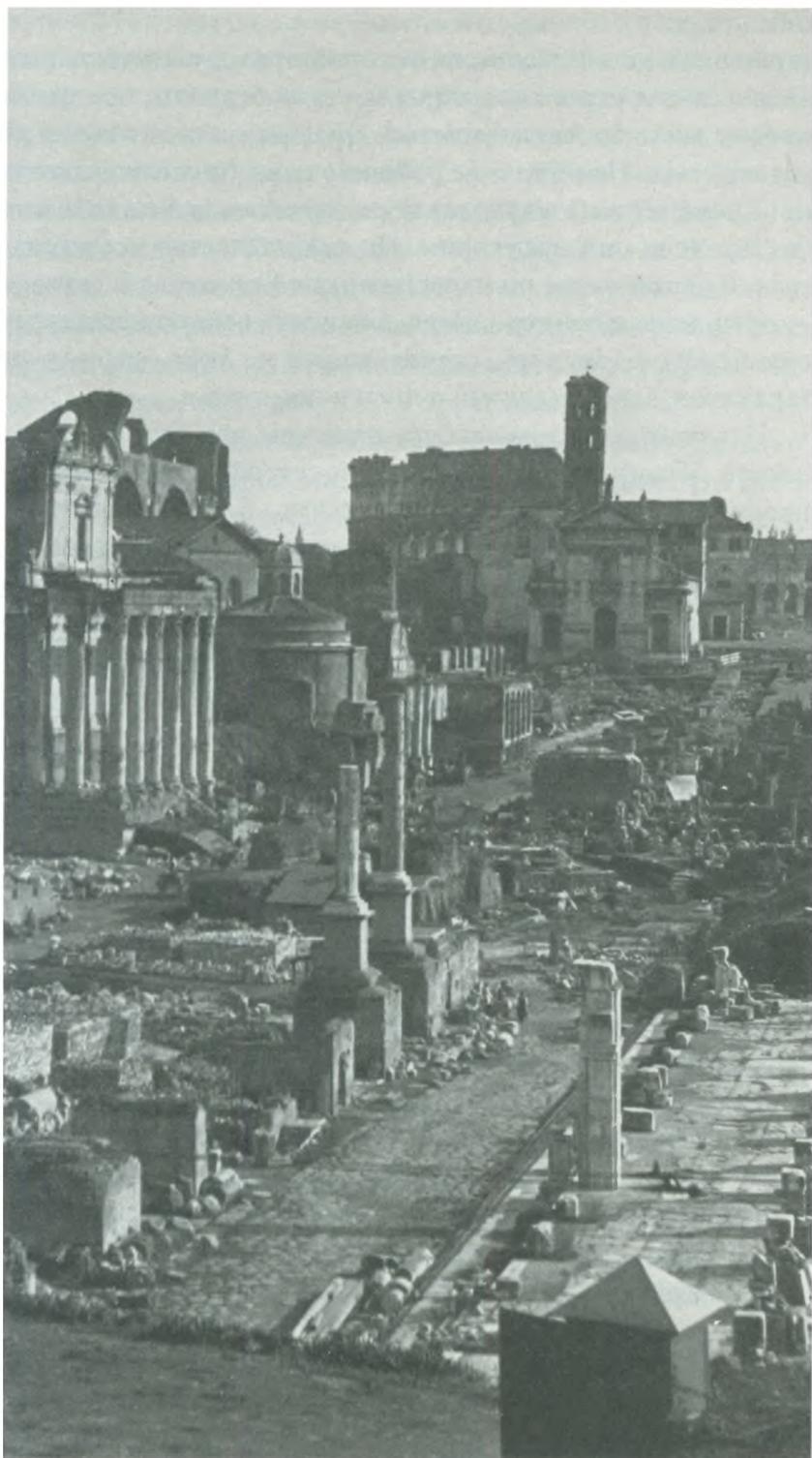
Эти последние слова сказаны не напрасно. Римской общественной прозорливости не чужда философическая дальнорзоркость благотворительных дам, морализирующих народ при помощи нравоучительных популярных книжек.

В Риме, например, организовалось (ныне, к счастью, уже угасло) общество, включившее в свой состав ряд титулованных особ и задавшееся целью ни больше ни меньше как объяснять матерям, женам и мужьям из «простого народа» их обязанности и правила нормального жизненного уклада. Не знаю, было ли бы это действительно, но думаю, что сильно бы поразился черепок горы Тестаччо, если бы с вершины этой горы раздался голос благотворительной дамы, вещающей населению квартала такие истины: «пить вино

²⁴ Застройка района Тестаччо началась в конце XIX века: появились дома для рабочих, занятых на расположенных неподалеку промышленных предприятиях. К началу XX века здесь уже вырос самый настоящий городской район, пользовавшийся дурной славой. Начиная с 60-х годов прошлого столетия его решили облагородить: предприятия закрыли, а их здания приспособили под новые нужды — например, отдали Третьему Римскому университету и Музею современного искусства. Сегодня недвижимость в Тестаччо, как и в Трастевере, стоит не меньше, чем, например, в буржуазном районе Прати.

вредно», «курить табак вредно», «жена должна любить мужа и пришивать ему пуговицы», «детей следует умыть всякий раз, как они грязны, меняя им рубашечку», «кушать нужно питательное, жить в чистой и просторной квартире окнами на юг» и т.п. А ведь именно эту мораль, в форме лекций в рабочих кварталах, собирались читать члены «общества морализации римского населения». Не напоминает ли это вам проект этикетки на водочные бутылки: «Вино — яд»?

К каким же выводам привела анкета, устроенная Доменико Орано среди населения квартала Тестаччо? К выводам, в общем весьма печальным. Собственно разработка анкеты еще не закончена; именно второй том сулит нам наиболее интересные данные о быте Тестаччо, поскольку можно судить по отнесенному к нему материалу: «семья, мораль, проституция, трактир, религиозность, политические партии, преступность, образование и воспитание». Первый том дает разработанные таблицы лишь о квартирах рабочих, заработках и пауперизме, но и в нем немало любопытных данных. Не останавливаясь на цифрах, я скажу лишь, что исследователь Тестаччо нашел здесь крайнюю сгущенность населения в квартирах. Встречаются помещения в одну комнату, в которой живут десять-шестнадцать жильцов; в квартирах в три комнаты умещаются 25—28 человек. Во всем квартале нашлось лишь 19 счастливых, имеющих каждый по особой комнате, да 62 супружеских четы, располагающих комнатой для двоих. Но не только комнаты — даже постели не составляют здесь обычно предмета индивидуального пользования, так как сплошь и рядом одна большая матримониальная постель служит для ночного отдыха отцу, матери, взрослым и маленьким детям. Ради экономии пускаются в комнату и посторонние жильцы, которых от взрослых дочерей отгораживают коленкоровой занавеской. Говоря проще, каждая квартира вмещает столько жильцов, сколько их может поместиться, не давя друг друга насмерть; на одного жильца в общем приходится 1,75 кубического метра воздуха. Квартал Тестаччо расположен близ самого Тибра, ночные испарения которого опасны; поэтому на ночь окна всегда запираются даже и летом; впрочем, таков вообще обычай итальянцев. Можно представить



себе воздух в небольшой и низкой комнате, где спит десяток взрослых и детей! Полиция, которой приходится частенько являться под утро в квартиры местной бедноты, при входе прежде всего бросается к окнам и распахивает их, чтобы не задохнуться. Но обоняние рабочего люда не столь деликатно! Кровати стоят в кухне, в коридорчиках, даже в отхожих местах, если они просторны. По свидетельству исследователя, в одной кухне он нашел живущей семью из 8 человек — отец, мать и шестеро детей; защитить себя от насекомых они не могли, но хлеб, остававшийся на утро, спасали от тараканов, завертывая его в носильное платье.

Итальянская плодовитость известна; эта раса не имеет ничего общего со своей латинской сестрой — Францией и плодится с полной добросовестностью. В этом отношении квартал Тестаччо не является исключением, но зато дает исключительно высокую цифру детской смертности. Однако проблема деторождения настолько практически важна, что ставят ее перед собой и рабочие. И вот Орано констатирует любопытное явление или наблюдение — эпидемию абортотворения, начавшуюся и растущую за последние годы среди жен рабочих, — конечно, абортов при помощи знахарки, опытной соседки и домашними мерами. Для Италии, еще во многом патриархальной, такое явление чрезвычайно знаменательно²⁵. Оно даже сенсационно, и я помню целую полемику, возникшую по поводу данных, опубликованных Орано в газетной заметке задолго до выхода его книги. «Вы оскорбляете итальянскую мать!» — кричали по адресу исследователя титулованные морализаторы, готовые спорить против цифр. Один известный врач, имевший клиенток и в бедном квартале, гордо заявил печатно, что к нему никогда ни одна *popolana*²⁶ не обращалась за помощью об аборте. «Тем хуже, — ответил ему Орано, — это лишь подтверждает мои сведения о том, что бедные матери Тестаччо обходятся без врачебной помощи, тогда как для богатых римлянок находятся услужливые специалисты!» Рабочее население Тестаччо вообще не

²⁵ Закон, официально разрешающий аборт, был принят в Италии в 1978 году.

²⁶ *Popolana* — простолюдинка.

привыкло обращаться к врачебной помощи, разве в самых исключительных случаях; к таким случаям, по свидетельству книги, не относятся ни туберкулез, ни воспаление легких. Роль врачей, как и роль профилактической гигиены, играют пока главным образом иконы: Санта-Лучия — от болезни глаз, Санта-Аполлония — по части зубов, Сан-Теодоро — по детским недугам, Сан-Гаэтано — от холеры и т.п. В нужных случаях им зажигают лампадки... Это, впрочем, далеко не указывает на религиозность населения, являясь не более как практическим полуязыческим приемом умиротворения источников зла, неведомо откуда происходящего...

Я не задаюсь целью извлекать из книги Орано характерные черточки бедной жизни рабочего населения. Что нового могут сказать нам самые подробные таблицы? Что городскую бедноту косит туберкулез? Что мыло здесь в небольшом расходе? Что ежедневная порция молока — одна двадцатая литра на жителя? Что панацеей для всех зол и бед рабочего является кабачок и дешевое опьянение ужасными «национальными» ликерами? Что нужда рабочего родит богатство ростовщика, от непомерной корысти которого — 30% совершенно обычны — итальянский закон никого не ограждает? Но все это — каждодневное и повсеместное явление! Квартал Тестаччо не хуже и не лучше других рабочих кварталов европейских столиц, и мы бы прошли мимо него, если бы не было налицо одного обстоятельства, выше мною отмеченного: ведь именно этот исторический квартал явился избранныком римской коммуны! Ведь это она решила создать и, решив, создала людской муравейник на «полях римского народа»! Ведь значительная часть домов, населенных рабочими семьями, специально для рабочих и выстроены под протекторатом коммуны, во исполнение ее грандиозного плана: создать в местности Тестаччо центральный индустриальный район Рима и зону здоровых и гигиенических квартир для рабочего населения. И вот результаты! Коммуна проектирует теперь много реформ. «Когда государство и коммуна осуществят эти реформы, — пишет Орано, — экономические условия квартала изменятся. Возможно, что семьи рабочих в силу постепенного вздорожания квартирных цен эмигрируют

одна за другой в иные, более удаленные кварталы и «Тестаччо рабочий» исчезнет, уступив место «Тестаччо буржуазии». Какие безотрадные строки — и какие верные! В одном ли Риме наблюдается, что санитарное оздоровление известной части города идет не на пользу его настоящего населения, а на пользу будущего, так как данное население бывает вынуждено передвинуться на новые места, куда еще не забралась эта аристократическая гостья — гигиена! В переводе на римский язык и применительно к данному моменту усиленного домостроительства в Риме это означает, что рабочее население сушит своими телами сырые новые дома, а высушив, отдает их буржуазии, выселяясь дальше к окраине для осушки новых доходных палаццо. «Сушить дома» — ходячее итальянское выражение²⁷. Но, оказывая буржуазии эту услугу, рабочее население оставляет ей и память по себе: микроб туберкулеза, застрявший в подсохших стенах!

Чувствую, что мне пора откровенно признаться в своей маленькой стратегической хитрости. Нынешнего читателя не так легко заманить на обозрение статистических страниц, да еще касающихся заграничной жизни, и я потщился соблазнить его бесхитростным и легким повествованием черепка античной амфоры. Но я спешу исправиться и вернуться к горе Тестаччо. Она представляется мне одним из интереснейших памятников древности. Невзрачная, угрюмая, неряшливая, лишенная признака художественности, она подобна сфинксу, загадочному свидетелю прошлого, молчащему о будущем. Она видела богатство и роскошь, политический и экономический расцвет древней Римской империи и сама родилась как продукт отбросов этого величия. Она знает, что это величие было основано на порабощении человека человеком, на рабстве, которое не могло быть вечным. Пало официальное рабство, как пало язычество. И вот в средневековом, христианском, папском Риме та же гора была участницей кровавых потех, в которых роль прежних париев-рабов заняли евреи, проклятые религией милосердия; их делали посмешищем толпы, объектом ее дурных

²⁷ *Asciugare le case.*

инстинктов; их скатывали в бочках с Черепичной горы; на их же деньги шесть столетий подряд устраивали игрища. И все это — в угоду толпе прежних рабов, сочувствие которой тогда было решающим для непрочных пап и борющихся фамилий. Затем прежние рабы победили на момент: был краткий миг хотя бы внешнего торжества принципов свободы, равенства и братства, миг братских трапез на «полях народа римского». Рушилось и это, как рушилось все прошлое. На заре развития техники и капитализма романтические художники спешили запечатлеть на полотне античные развалины, увитые зеленым плющом. Наступило новое время напряжения сил, безумной траты энергии, расцвета новых идей, тоже утопических, но уже облеченных плотью и оформленных в программы. Казалось — грядет светлая эра человечества, поработившего воздух и солнечный свет, заставившего природу служить себе — в отмену прежнего порабощения человека человеком. И что же? Вокруг Черепичной горы, верного сторожа столицы свободной и объединенной Третьей Италии, выросли невзрачные, наскоро слепленные здания, приютившие творцов национального богатства — рабочих — с их семьями. И лишь тогда поняла ясно Черепичная гора, что смена веков, государств, владык, правительств привела лишь к узаконению прежнего откровенного рабства на новых началах — на началах скрытого экономического насилия. И ей, не знакомой с хитрыми социальными науками, должно казаться странным и непонятным, в чем же, собственно, прогресс? Прежние рабы, сгибая спину, носили мрамор, воздвигая прекрасные храмы языческим богам, создавая памятники искусства, до сих пор противостоящие времени и святотатственной руке человека. Нынешние рабы строят лишь неуклюжие и громоздкие казармы, чтобы осушить их своими телами и передать их богатым людям. Пусть нынешний раб зовется гордым именем *civis romanus*²⁸, но в чем же разница? Легче его труд? Выше его награда? Или бич нищеты ласковее бича надсмотрщика?

²⁸ *Civis romanus* (лат.) — римский гражданин.

Так скептически, пусть нелогично, мыслит угрюмая Черепичная гора, крестоносец рабочего квартала, свидетель вековой истории Вечного города. Ей суждено простоять еще долго и многого быть безмолвным свидетелем. Быть может — думы ее просветлеют, быть может — станут еще угрюмее. Пока же лишь ничтожную частичку ее мыслей поведал нам в своей бесхитростной повести глиняный осколок античной амфоры, лежащий на моем столе...

Пахари Римского поля

Милый Рим, полный света и теней, полный контрастов! Видали вы, какой монумент, большущий, громоздкий и нелепый, белый с золотом, воздвигли итальянцы «отцу отечества», Виктору-Эммануилу II?¹ Рим, старательно замощенный, чарующий фонтанами! Рим с его грязными переулками, пересекающими парадные улицы! Рим, преисполненный гордостью своей вековой культуры и снисходительный к своему вековому невежеству!

Теперь мы выйдем за его стены, в необъятную ширь *Agro Romano*. Ведь и там немало поучительного; мы же думаем не об одних зрительных наслаждениях. За пределами полуразрушенных стен Рима мы встретим много солнца, зелени,

¹ Витториано, возвышающийся на северном склоне Капитолия. Построен в 1885—1911 годах по проекту Джузеппе Саккони. Прославляющий «отца отечества» комплекс задумывался как образец архитектурного стиля новой Италии. Чтобы освободить для него место, было снесено немало древних построек. Комплекс торжественно открыли в 1911 году, когда отмечалось пятидесятилетие объединения страны, однако работы по его украшению продолжались до 1935 года. В центре Витториано — колоссальная конная статуя Виктора-Эммануила II, у подножия памятника на могиле Неизвестного солдата горит вечный огонь. Помпезное сооружение, как правило, не вызывает восторга ни у римлян, ни у туристов. Недаром его сравнивают с печатной машинкой, свадебным тортом или вставной челюстью.

красных маков, живописных развалин. Там же встретим мы нищету, малярию, безграмотность. Там же взор наш успокоится на честных лицах скромных тружеников, служителей народа и просвещения, славных пахарей Римского поля. О них так мало знают и говорят; старая Аппиева дорога своими красотами отвлекла внимание от их маленькой, незаметной деятельности. Но мы не можем пройти мимо них. У нас на родине слишком много таких же полей и таких же непризнанных сеятелей, чтобы мы забыли об их итальянских собратьях.

Agro Romano, Римское поле, — местность историческая. Его волнистая равнина покрыта могильными курганами, остатками древнеримских акведуков, полуразвалившимися античными гробницами, наполовину заброшенными и неизученными. Для историка каждый шаг по Римскому полю сопряжен с глубоким интересом изучения античного мира; в бытописателе современной Италии каждый шаг должен пробуждать живое участие к париям, составляющим скудное и разбросанное население этой проклятой природой местности. Собственно постоянного населения здесь нет; огромные земельные участки принадлежат итальянской знати, которая сдает их в аренду и снимает сливки с плодородной почвы при помощи самой экстенсивной культуры. Со времени посева до времени последней уборки хлеба здесь живут спустившиеся с соседних гор бедные крестьянские семьи, нуждающиеся в куске хлеба. Правильнее сказать — не хлеба, а поленты, продукта из кукурузы, изготовляемого в форме хлеба или похлебки. Эта полента — единственная пища рабочих. Мясо им почти незнакомо, они едят его лишь в исключительных случаях, когда, например, вол ломает ногу, лошадь прирезана за старостью или же из города вывозят на поле падаль; в последнем случае приправа из перца и помидоров уничтожает дурной запах тронувшейся падали. Что касается до жилищ, то не только крайняя нищета, но и временность пребывания на данном участке заставляет рабочих довольствоваться минимумом запросов человека к крытому помещению. Иногда жилищем служат вырытые в откосе землянки, но чаще, ввиду сырости почвы, близ возделываемого участка вырастают шалаши и хижины из хвороста и соломы. В луч-

шем случае хижины устраиваются на одну-две семьи, но нередко один длинный низкий навес из соломы, укрепленный на жердях, без всякого признака стен, служит приютом для 5—8 семейств земледельческих рабочих. Здесь, в сырой местности, питаюсь полентой и работая 14 часов в сутки, обитатели Римского поля, или гвитты (*guitti* — подлые²), как их здесь называют, проводят большую половину года.

Таковы внешние условия быта гвиттов Римского поля. Социальное их положение лучше всего определяется словом «рабы». В нескольких верстах расстояния от великого Рима, столицы свободной Италии, в историческом поле античных развалин, эти гвитты представляют из себя также остаток седой старины, какое-то античное социальное отложение, забытое культурой и застывшее в своей первобытности. В глазах собственника земельного участка и арендатора гвитты являются не свободными людьми, а вещью, необходимым инвентарем участка. Если исчезло слово «раб», то явилось новое слово «*mano d'opera*» — рабочая рука, единственно выражающее теперь их социальное положение. Как в древности, единственным и всевластным их повелителем является наместник хозяина, который посылает их на работы, кормит, обсчитывает при работе, рядит и судит. «Капрал»³ — единственная и высшая для гвиттов инстанция; иной администрации они почти никогда не видят. Отсутствие удобных путей сообщения влечет за собой почти полное отсутствие врачебной помощи, а временность пребывания гвиттов на данном участке (как результат экстенсивной, кочевнической земельной культуры) мешает организации сколько-нибудь прочных поселков с церковью или школой.

Большая часть этого земельного пространства находится в введении римской коммуны, которая и должна заботиться о применении закона о всеобщем, обязательном элементарном образовании. Что могла сделать передовая коммуна в этом направлении? Официальность ее отношений к своей обязанности выразилась в устройстве нескольких школ в

² *Guitto* — «подлый», то есть низкого сословия, живущий наймом и черной работой.

³ *Caporale* — главный, бригадир, вербовщик.

участках более культурных, поблизости от больших дорог и железнодорожных станций, где население утвердилось более или менее прочно. Но эти типичные коммунальные школы, с дневными занятиями и фиксированной резиденцией, не могут, конечно, удовлетворять нужду в просвещении кочующих по полям гвиттов. Необходимо было выработать особый вид передвижной школы, которая могла бы появляться там, где в ней в данный сезон есть потребность, и функционировать в те часы и дни, когда гвитты свободны от работы. Начало таким передвижным воскресным и вечерним школам и положил «Женский союз», этот единственный культуртрегер Римского поля. В 1904 году римская секция союза основала первую воскресную школу в поселке Лунгецца, верстах в 20 от Рима, близ большой дороги, воспользовавшись на первый раз помещением дневной коммунальной школы. Удача первого опыта побудила союз к дальнейшим шагам в этом направлении: к 1907 году было организовано 8 школ, за 1908/1909 отчетный год их было уже 20, как воскресных, так и вечерних. Кратковременная еще история возникновения и функционирования некоторых из них настолько любопытна, что я позволю себе на ней остановиться.

Деятельность свою союз начал с ничтожнейшими средствами. Исходя из соображения, что в будни и днем заняты в поле как взрослые, так и дети, союз на первое время решил ограничиться школами праздничными. Для устройства школы важно если не содействие, то хотя бы разрешение собственника или арендатора участка. На этой почве организаторам сразу пришлось пережить много разочарований. Лишь в немногих местах согласие было получено сразу, в большинстве случаев арендаторы отказывали без всяких мотивов, вынуждая школы передвигаться за границу участка или совсем покидать данный район. Но и при благоприятном отношении являлся вопрос о помещении. Там, где существуют школы коммунальные, вопрос решался просто; но ведь там-то и нет такой насущной потребности в школе. В местах же временного скопления рабочих совершенно не было подходящего для школы помещения. Приходилось поэтому устраиваться либо в огороде, либо в складе земледельческих машин, либо под большим соломенным навесом, служащим

в обычное время приютом для нескольких семей, либо в огороде под открытым небом. Лишь несколько школ могли устроиться в своих помещениях, т.е. скромных шалашах, выстроенных руками самих рабочих. Это наиболее счастливые школы, составляющие радость гвиттов; по праздникам рабочие украшают эти школы зелеными ветками и полевыми цветами и смотрят на эти свои сооружения, как на священные здания. Другие школы разместились в домах наиболее благосклонных управляющих. Одна школа имеет резиденцию в небольшой церкви и функционирует непосредственно после богослужения. Значительная часть довольствуется крытыми стойлами быков, причем в яслях водружается черная доска. Еще нескольким удалось разместиться в трактирах, причем за такие помещения приходится дорого платить кабатчикам (30 лир в месяц). Есть и такие «передвижные» школы, которые функционируют только в ясную погоду. Начался дождь — приходится собирать тетрадки и скрываться под первый навес и под деревья, так как крытого помещения нет.

Дальнейший вопрос — инвентарь. В первые годы инвентарь состоял из грифельных досок, грифелей и тетрадок. В наиболее благоустроенных школах встречались большие черные доски. Несколько букварей служили учебным пособием. В последнее время, в расчете на приток средств, союз выработал тип «кафедры-шкапа». Это скромный деревянный складной шкаф, удобный для переноски и перевозки. Из него выдвигается столик для учителя и небольшая скамейка; на внутренней стороне дверок помещается с одной стороны черная классная доска, с другой — счеты. Имеется, кроме того, несколько полок для тетрадей и разных пособий, особая полка для «библиотеки» и шкаф для «аптеки». Это уже роскошь, и союзу до сих пор удалось приобрести лишь около десятка «кафедр», так как каждая обходится на наши деньги до 100 рублей.

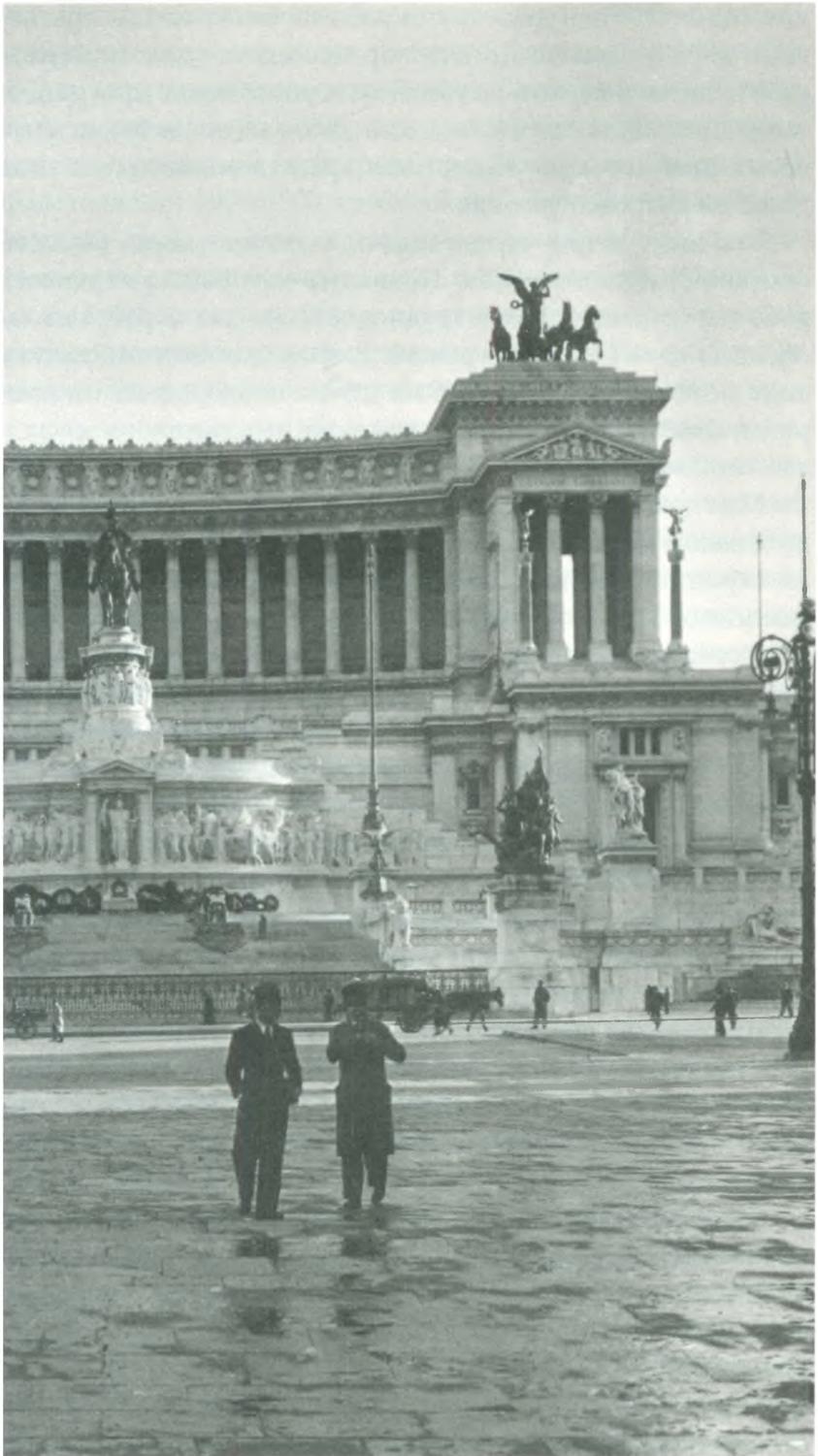
Легче всего разрешился вопрос об учителях. К союзу примкнуло несколько учителей и учительниц римских городских школ, которые согласились уделять время на просветительную деятельность в Римском поле. Несмотря на бесплатность их труда, учительский персонал обходится союзу дорого. Проезд к школам сопряжен с большими труд-

ностями, так как лишь немногие находятся близ железнодорожных станций. К некоторым поселкам нет проезда даже на велосипеде, и учителю приходится каждый раз проходить пешком несколько верст. Союз сделал было попытку нанять для учителей, особенно в дождливую погоду, особые повозки, но ограниченность средств заставила скоро отказаться и от этой роскоши. Поэтому часть учителей пользуется в пути случайным проездом повозок с вином или молоком, подсаживаясь на козлы к добродушному вознице. Путевые расходы и содержание учителя союз оплачивает самой скромной платой, но и это ему обременительно. Низкие же заработки городских учителей не дают им возможности тратить на разъезды свои последние деньги. И однако, как мы увидим дальше, в момент кризиса итальянские учителя сумели поддержать союз личной жертвой.

Материальными неудобствами дело, конечно, не ограничивается. Культуртрегерам Римского поля приходится иногда бороться с недоверием населения, но чаще всего с прямым противодействием «капралов» и священников. В поселке Лунгецца, где, как я уже упоминал, основана была первая воскресная школа, приезжавший еженедельно по воскресеньям из Рима францисканский монах повел ожесточенную баталию против школ союза. Не говоря уже о том, что он старался занять все удобные часы религиозными функциями⁴ и беседами, он прямо восстанавлял, хотя и не столь успешно, темное население поселка против воскресной школы. Только на пятый год существования школы учителю удалось заключить с монахом род конкордата, по которому каждому из них предоставлялось «идти своей собственной дорогой». Поспособствовала этому прежде всего явная симпатия населения к учителю, к которому оно успело привыкнуть.

Наконец, перед союзом стоял еще вопрос о программах преподавания. Дело в том, что уже на второй год существования школы ощущалась необходимость разделения учащихся, как детей, так и взрослых, хотя бы на две категории: на грамотных и неграмотных. Совместные и одновременные занятия сильно тормозят дело. В данном случае союзу пришлось

⁴ То есть церковными службами.



или назначать для двух групп разные часы, или же приглашать двух учителей. До сих пор последнее удалось осуществить лишь в нескольких местах, и усложнение программы занятий представляет для союза лишь мечту, в ближайшее время несбыточную. Недостаток средств возмещается пока двойной энергией учителя.

Таковы в общих чертах задачи, стоявшие перед римской секцией Женского союза. Почва, на которой приходилось работать учителям, была труднодоступна для обработки, но обещала дать большой урожай. В этом отношении Римское поле оставалось самим собой: почва плодородная от природы, ожидающая лишь приложения интенсивного труда и сложной мелиорации.

Мне уже приходилось упоминать, что отличительным признаком итальянских общественных начинаний является их скромность и тщательная последовательность их развития. Здесь нет возможности ожидать сразу большого притока средств к новому предприятию, нет сплоченной идейной группы интеллигентов, нет предвзято-сочувственного отношения к делу, результаты которого еще не сказались. Инициаторы в первые годы могут рассчитывать лишь на свои личные силы и средства. Только позже, заручившись успехом и общественным вниманием, они могут обращаться за помощью сторонней, не рискуя встретить недоверие и отказ. Но и тут еще возможны разочарования; единственно верный принцип — самопомощь, единственно не обманчивая надежда — взаимопомощь. Меньше же всего упований им приходится возлагать на поддержку со стороны органов правительства, хотя бы и заинтересованных в их деятельности. Римская секция Женского союза на практике испытала иллюзорность не только упований, но и прямых и положительных обещаний.

Начав с одной школы в 1904 году, союз к 1908 году довел их число до восьми. Это было уже успехом, доставшимся путем упорной борьбы с темнотой населения, с противодействием «капралов» и клерикалов, несочувствием хозяев и равнодушием римской коммуны и общества. Успех окрыляет надежды. Самой большой надеждой союза была помощь со стороны Министерства народного просвещения. Союзу уда-

лось заинтересовать в своей деятельности главного директора народного просвещения, бывшего некогда председателем Национального учительского союза. Он формально обещал союзу материальную поддержку со стороны министерства и советовал развить и расширить программу деятельности на предстоящий 1908/1909 учебный год. Исполнительный комитет, которому, в силу описанных условий местности, ежегодно приходится начинать дело почти сначала, прилежно занялся выбором мест для организации школ в предстоящий земледельческий сезон, причем расчет делался уже на 20 школ воскресных и вечерних. Снова переговоры с арендаторами, отнюдь не убежденными в нужности школ для населения, снова поиски помещений, осмотры подходящих для этого сараев, хлевов, сыроваренных избышек, частных соломенных шалашей и т.п. Неудачи и разочарования искупались иногда самым ярким сочувствием рабочих, которые останавливали на дороге разведочных велосипедистов и упрашивали их устроить школу где-нибудь поближе от их нового поселка. Кроме этой нравственной поддержки, комитету удалось заручиться сочувствием и помощью некоторых частных деятелей и жертвователей; немалую поддержку оказала и итальянская печать: были пожертвования бумагой, бесплатным печатанием бланков и отчетов, лекциями в пользу комитета, сочувственным отзывом в газетах о его деятельности. К открытию учебного сезона комитет уже организовал 20 школ с 28 преподавателями, заключил контракты с повозками для учителей, выработал однородные программы и расписания, приобрел книги и учебные пособия, выписал насущно необходимое число скамеек и черных досок и рискнул даже заказать 12 складных «кафедр-шкапов». В тех местах, где крытых помещений найти не удалось, предположено было раскидывать на палках полотняный навес для защиты от солнца и дождя. Имевшиеся в кассе комитета 6 тысяч лир были целиком истрачены, смету же в 25 тысяч предполагалось покрыть субсидией римской коммуны, сберегательной кассы, коммерческой биржи, а главное — Министерства народного просвещения. В ожидании этой субсидии, уже обещанной официально, начались занятия. Однако на первых же порах пришлось подождать с некоторыми усовершенствования-

ми; так, например, комитет из предосторожности уменьшил свой заказ передвижных кафедр до двух штук. В скором времени особая министерская «Комиссия по распространению народного просвещения на юге», одобрив инициативу Женского союза, ассигновала комитету субсидию в 5 тысяч лир, прибавив, что после ревизии школ комитета специальными инспекторами могут последовать и дальнейшие ассигновки.

И вот тут-то общественному начинанию и пришлось столкнуться с казенным формализмом. Министерский мандат на пять тысяч лир поступил в Государственный контроль (*Corte dei conti*⁵), который не согласился его утвердить на том основании, что «Комиссия по распространению народного просвещения на юге» не имеет права делать ассигновок в пользу просветительных учреждений средней Италии, за исключением специально в законе перечисленных, в число же перечисленных Женский союз не входит. Хотя подобный же спор по поводу небольшой ассигновки за минувший год был в конце концов решен в пользу союза, но на этот раз Государственный контроль оказался неумолимым. Между тем «Комиссия о юге», исполняя свое обещание, тщательно обревизовала школы через правительственных инспекторов и, вынеся самое благоприятное впечатление, ассигновала союзу еще 10 тысяч лир. Обревизовал школы и сам министр просвещения, и экзамен был союзом блестяще выдержан... но награда вновь задержана Государственным контролем.

Подобное положение вещей являлось для союза полным крахом. Долги росли, на текущие расходы средств не было, рассчитывать на общественную помощь было невозможно уже потому, что случившееся в то время землетрясение в Мессине и Калабрии исчерпало все источники общественной благотворительности. Дефицит возрос до нескольких тысяч лир, причем «поденные» учителям и «расходные» на их разъезды уже давно целиком значились в статье долга. Оставалось одно: закрыть все школы.

Закреть их в момент их наибольшего процветания; ликвидировать дело, только что начавшее из простых попыток развиваться в широкое культурное предприятие? Отказать в

⁵ Счетная палата.

просвещении тем париям, которым больше неоткуда ждать помощи и света; свести на нет трудную и упорную пятилетнюю работу, которая только что начала приносить плоды? Такая перспектива была для союза подлинной трагедией! И из-за чего? Из-за того только, что министерская комиссия, обратившая наконец благосклонное внимание на деятельность частных лиц, не сумела побороть формальных придинок Государственного контроля и своими платоническими обещаниями выбила из колеи скромное начинание союза?

Нет, это было невозможно! И на помощь союзу пришли те самые учителя, которые уже несколько месяцев не получали своего содержания. Прежде всего они отказались в пользу кассы союза от суммы, ассигнованной Министерством земледелия для раздачи денежных наград учителям. Затем они уменьшили сумму дефицита отказом получать в дальнейшем какое бы то ни было содержание. В конце концов, они могут в дни занятий питаться на свой счет, как делали бы это в городе! Что касается до расходов на разъезды, то их заработков хватит на то, чтобы кредитовать союз вплоть до лучших дней; во всяком случае можно отказаться от предоставляемых им наемных повозок, а там, где нет проезда для велосипеда, ходить попросту пешком. На несчастье учителей и союза, погода в том году была исключительно дурной, совершенно не «итальянской». Лишенным удобных средств передвижения учителям приходилось иногда возвращаться из школ ночью, пешком, под проливным дождем, по непролазной грязи размытых дорог. Но зато у них было одно утешение: школы союза продолжали функционировать, хотя и не с прежней правильностью. Закрывать пришлось только одну (школа в Дечимо), учитель которой, живший постоянно на месте, не имел никакого заработка, кроме скромных «поденных» от союза, и теперь принужден был уехать в поиски за иными средствами пропитания. Такая же опасность грозила еще одной (в Бадиа-ди-Фарфа), но здесь собственник участка, богатый адвокат, предложил союзу впредь все расходы по содержанию школы принять на себя.

Между тем школьный исполнительный комитет союза продолжал свои хлопоты. Отчаявшись получить ассигнованные ему суммы по министерским мандатам, комитет вновь

обратился к римскому муниципалитету, в ведении которого находится большая часть Римского поля и который уже выдал на поддержку школ две тысячи лир. Несколько муниципальных советников поддержали ходатайство комитета своим красноречием, указали на благоприятные результаты ревизии и на лишь случайно наступивший экономический кризис и добились повышения субсидии школам до 5 тысяч лир. Еще 500 лир ассигновала Провинциальная депутация (род нашего губернского правления).

Союз вздохнул несколько свободнее. Продолжающаяся непогода заставила его вновь возобновить контракты с повозками и восстановить повсюду нормальное количество занятий и бесед. Но был уже апрель месяц, когда для гвиттов начинается самое тяжелое рабочее время. Теперь могли действовать только школы вечерние, вернее ночные, так как занятия, начинаясь в восемь часов вечера, оканчивались лишь после полуночи. К концу мая школы по обычаю постепенно закрылись. Так закончился последний отчетный школьный сезон в *Agro Romano*.

Мне хочется отметить еще одну характерную черту итальянской общественности, быть может, уже замеченную и самим читателем. Это умение не унывать в самых тяжелых обстоятельствах и не опускать рук даже и тогда, когда все дело, по-видимому, рушится. Блестяще начатый год закончился финансовым крахом. Подошло время проститься с учениками, среди которых есть старики, отцы и матери семейств, как и шестилетние дети. Чем ознаменовать это прощание? Что ответить на вопросы, откроются ли и будущей осенью воскресные и вечерние курсы в Римском поле?

— Да, непременно будут! — отвечают им учителя. — И занятия будут аккуратнее, и книг будет больше. До близкого свидания!

«Мы им обещали это, — читаем в отчете комитета, — но обещали с трепетом в сердце, еще не зная, сможем ли мы сдержать наше слово для всех».

И прощанию придается характер веселья. Последние средства, с прибавкой добровольных пожертвований натурой, тратятся на устройство школьного праздника. Перед образцовой «школой-хижиной», украшенной цветами и

флагами, собираются дети и взрослые, ученики школ разных районов Римского поля. Впервые поселок гвиттов оглашается оркестром музыкантов, принявшим участие в празднике. В присутствии директора школ и всего учительского персонала освящается первое школьное знамя, раздаются книги, карандаши, тетрадки, рубашки мужчинам, отрезок материи на платье женщинам, сладости и картинки ребятам. И конечно, произносятся речи, немножко приподнятые, немножко цветистые и непонятные, но полные искреннего чувства. Фраза помогает итальянцу чувствовать, как знамя помогает ему ощущать себя нужным членом единого целого, которое зовется обществом...

Но фраза не мешает делу. Союз уже готовится к новому походу на крепость безграмотности. Планы его широки. Прежде всего нужно тщательно изучить Римское поле. Оно исследовано исторически, но быт 30 тысяч разбросанного по нему населения еще покамест не изучен; союз берет это на себя, поручая учителям собирать точные данные и систематизировать их в докладах. В своем последнем отчете, бесплатно напечатанном одной большой типографией на пожертвованной бумаге, союз обращает внимание римской коммуны на нужды зависящей от нее местности, в частности на нужды культурно-просветительные. Пострадав от формализма государственных учреждений, произвольно толкующих «закон о юге», союз указывает законодателям на необходимость более точного разъяснения, а также и видоизменения закона, область применения которого ограничена в ущерб нуждам просвещения. Действительно, «закон о юге», на основании которого упомянутая мною «Комиссия о юге» делала тщетные ассигновки в пользу школ, остается почти мертвой буквой, так как 3 1/2 миллиона лир, ассигнуемые им ежегодно в распоряжение комиссии, остаются обычно неизрасходованными, между тем как комиссия лишена реальной возможности затрачивать их вполне производительно на поддержку частных просветительных предприятий, законом не предусмотренных...

Занимаясь таким образом вопросами экономическими и даже чисто юридическими, союз не забывает, конечно, и дальнейшей разработки своих планов на будущее. Уже наме-

чена сеть школ, уже подысканы учителя, опытные не только в преподавании, но и в велосипедном спорте, уже выработаны новые нормальные программы. Недостает только средств.

«К детям наших городских школ, к рабочим наших фабрик, к богатым обывателям столицы, к гражданам всей Италии, в сердцах которых Рим служит великим залогом объединения отечества, к иностранцам, которые в историческом величии города и в солнце нашем почерпают новые чувства и новые вдохновения, ко всем мы обращаемся с просьбой о поддержке дела цивилизации и человечности!»

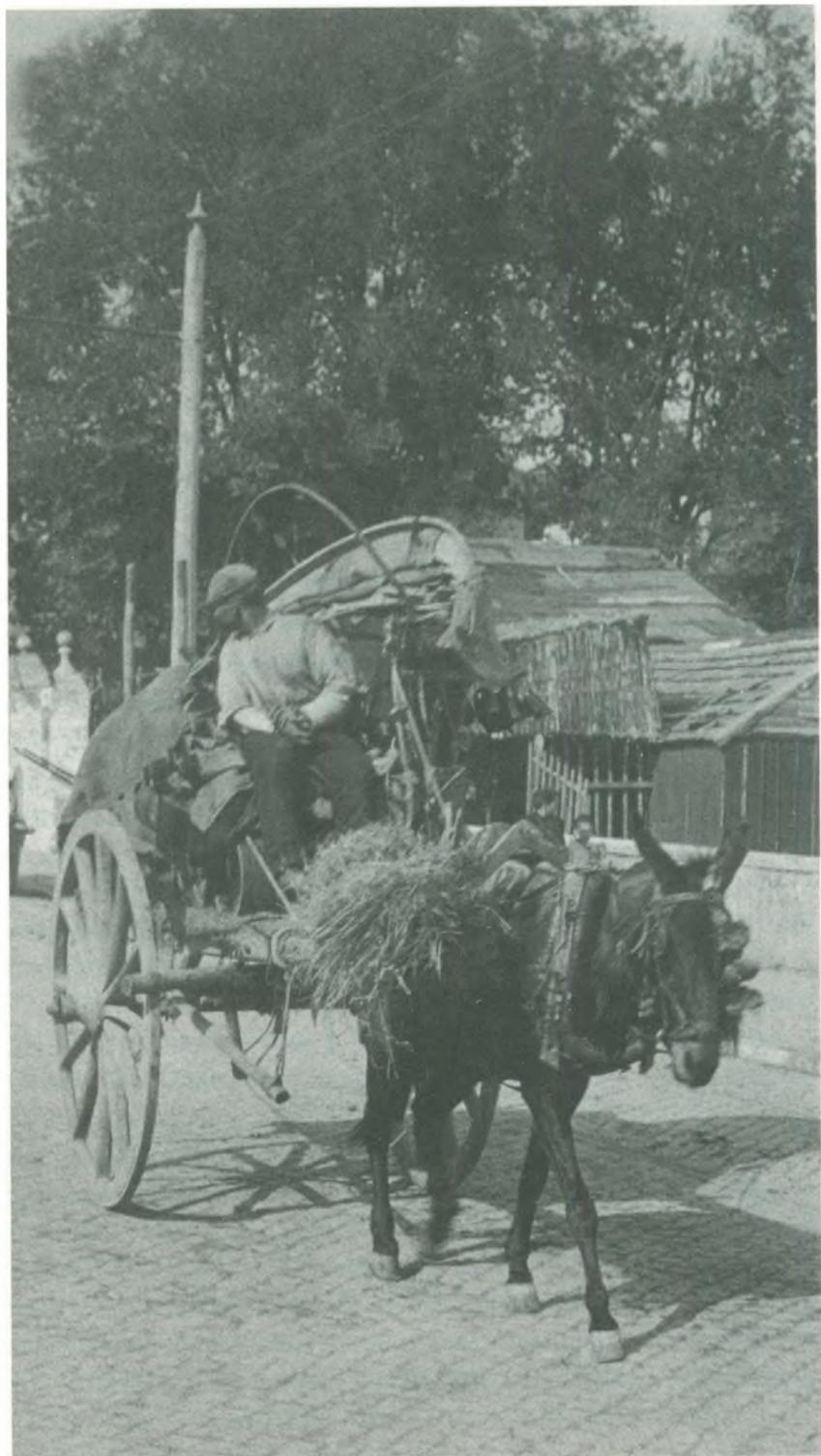
Таким призывом заканчивается отчет исполнительного школьного комитета. И в надежде, что зов его не будет напрасен, он приступает к новой работе, не боясь новых разочарований...

Я рассказал здесь лишь о скромном предприятии небольшой группы итальянских интеллигентов, задавшихся целью содействовать культурному оздоровлению римской Кампании. Нужда Италии в просвещении велика. Весь юг ее, как и ее островная часть, ощущают недостаток школ и учителей, отсутствие элементарной грамотности — при наличии фанатизма, суеверия и преступности, веками воспитанных в населении поколениями своих и чужеземных правителей и католического духовенства. Велика площадь приложения личной инициативы, и с большими трудностями приходится сталкиваться культуртрегерам даже и этой политически свободной страны.

Площадь России почти в девяносто раз больше площади Италии; еще выше в ней процент народной безграмотности, и «полента» итальянского рабочего несравненно вкуснее и питательнее «голодного хлеба»⁶. Нет у нас и той свободы приложения личной и общественной энергии, которая в Италии ограничивается лишь недостатком средств и людей. Зато у нас есть то, чего нет не только в Италии, но и нигде в Западной Европе: есть целый внесловный класс, пусть немногочисленный, пусть невлиятельный, пусть гонимый класс интеллигентов, связанных собою не личными знакомствами, не принадлежностью к партиям и обществам,

⁶ Голодным назвали хлеб с лебедой.

а связью духовной, общностью идеалистических стремлений, общностью переживаний сознательного русского гражданина. Никакой развязный поход против этого класса не может лишить его значения авангарда русской культуры, — значения, полную оценку которого, быть может, лучше всего дает контраст культурной заграницы с ее, в общем, мещанскими идеалами; потому что в то время, как здесь подвижничество интеллигента есть факт исключительный, невольно бросающийся в глаза, невольно всеми отмечаемый, — в России оно всегда было основным правилом, обычным, самой жизнью узаконенным явлением. И не указать нашим подвижникам просвещения на деятельность итальянских учителей имел я в виду, но совсем иное: я хотел лишь показать, как здешние деятели умеют не унывать, как они умеют балансировать свои задачи с наличными силами и данными условиями, не переставая окрыляться самыми широкими надеждами и мечтать о великих перспективах. В недавнее еще время и об этом говорить в России было бы излишне; но сейчас, в еще не пройденный период уныния и упадка, невольно хочется послать серому небу русской действительности добрый привет и деятельное поощрение яркого итальянского солнца.



Римская народная сатира

На одном из углов старого палаццо Браски, занятого теперь Министерством внутренних дел, лицом к небольшой площади стоит на простом пьедестале из травертина искалеченная античная статуя¹. У нее отбиты ноги и руки, совершенно сбито лицо; по остаткам другого, примыкающего к ней мужского торса можно заключить, что это была группа, изображавшая, вероятно, двух воинов. Одни думают, что главный торс принадлежал мраморному изображению одного из солдат Александра Великого; другие полагают, что это был гладиатор или Персей; третьи находят, что торс мог бы сделать честь самому Геркулесу; по мнению же большинства историков искусства, группа изображала Патрокла, убитого Гектором и вынесенного из боя Менелаем. Во всяком случае статуя слишком попорчена чьими-то безжалостными руками и столько же временем и непогодой, чтобы стоило спорить о ней долго или отводить ей место в музее. Но истинное ее происхождение известно только римскому простолудину; он знает, что это — знаменитый Пасквино, остряк и ругатель, неизменный собеседник мраморного аристократа

¹ Министерство внутренних дел расположилось в палаццо Браски в 1871 году, когда знатное семейство продало его государству. При фашизме палаццо занимали различные организации, связанные с режимом, в том числе штаб-квартира Республиканской фашистской партии. В 1952 году, когда Министерство внутренних дел переехало на Виминал, здесь открыли Музей Рима.

Марфорио, стоящего во дворе Капитолийского музея и некогда олицетворявшего Океан.

Истории или легенде угодно, чтобы в начале XVI века жил в Риме портной по имени Пасквино (Pasquino), большой весельчак и зубоскал. Он успевал кроить и шить кафтаны своим заказчикам, одновременно болтая с многочисленными посетителями его лавочки и перемывая косточки не столько ближним, сколько сильным мира сего и держащим бразды правления. Каламбуры и остроты Пасквино живо облетали весь Рим и, конечно, доходили до ушей тех, кто служил их мишенью. Но разве можно было доказать точно, кто был автором колких анекдотов, прошедших через сто уст? При этом каждый из власть имущих утешался тем, что остроты Пасквино не щадили никого: сегодня доставалось ему, а завтра перепало вдвое его сопернику.

Так как по тому времени Пасквино еще не был статуей, а был простым смертным, то в один печальный для него день он умер. Рим остался без остряка, и некому стало отзывать на злобы дня, которых было много. И вот в скором времени, при починке мостовой близ лавочки портного, была найдена в земле безногая, безрукая и безносая статуя. Народ немедленно провозгласил ее воскресшим Пасквино. Статую поставили у палаццо Браски, принадлежавшего тогда Орсини, где она благополучно стоит и по сей час.

Разумеется, Пасквино воскрес не для того, чтобы молчать. Едва успели утвердить его на пьедестал, как на шее у него оказался навешанным картон со злой выходкой против кардинала, бывшего в фаворе. Прежде чем догадались снять картон, новая острота Пасквино облетела уже весь город. Вскоре вывешивать эпиграммы и диалоги на статуе Пасквино сделалось обычаем столь же неизменным, как прежде был обычай заходить в лавочку портного. Так как Пасквино должен был иметь собеседника, то такового он нашел себе в лице Марфорио, и «пасквинаты»* писались обычно в виде

* Пасквината, слово, употребительное и теперь, означает вообще летучую эпиграмму. Пасквино иначе называли Пасквилло (Pasquillo), отсюда произошло слово «пасквиль». По другим преданиям, Пасквино был школьным учителем, а статуя Менелая была найдена еще при постройке дворца Орсини, около 1300 г., и поставлена гораздо раньше смерти Пасквино.

диалога между плебеем и аристократом — впрочем, большими приятелями².

Как я уже сказал, под именем Марфорио разумеется колоссальная статуя лежащего Океана, найденная на форуме Марса, откуда и произошло ее название, и перенесенная в Капитолий по приказу папы Климента XII³. Почет, оказанный этой статуе, обратил Марфорио в самодовольного аристократа и придворного, тогда как Пасквино, живущий на улице, остался плебеем и выразителем мнений народа. Папы, которым злой язык Пасквино причинял немало неприятностей, покушались даже на его мраморную жизнь. Джузеппе Петраи, автор старой, некогда очень известной книжки «*Roma aneddotica*», которую я здесь пользуюсь⁴, сообщает, что еще Климент VIII хотел покончить с болтливым обрубком, бросив его в Тибр. Защитником его выступил Торквато Тассо, который сказал: «Не делайте этого! Из песка на берегах реки народится бесконечное множество лягушек, которые день и ночь будут неуважительно квакать по вашему адресу». Заступничеством поэта был спасен народный сатирик.

² Считается, что похожая на Пасквино древнеримская реплика греческой скульптуры «Менелай с телом Патрокла» находится в Лоджии Ланци во Флоренции. Своим рождением Пасквино обязан кардиналу Оливьеру Карафе, поселившемуся в палаццо Орсини. По его воле в 1501 году статую водрузили на постамент и начали устраивать празднования: в день св. Марка Пасквино наряжали языческим божеством или древним героем, а на шею вешали табличку с соответствующей выбранному «образу» латинской эпиграммой. Позднее, начиная со времен папы Льва X, Пасквино превратился в рупор народной сатиры. Послания сочиняли на латыни, итальянском и на романеско, среди их авторов были знаменитые литераторы Пьетро Аретино и Джамбаттиста Марино. Постепенно Пасквино стал олицетворять римский народ, особенно высмеивавший далеко не безгрешных церковнослужителей. Вопреки предсказаниям Осоргина, Пасквино жив, здоров и по-прежнему болтлив.

³ Что касается Марфорио, по одной из гипотез, его имя связано с тем, что статую обнаружили неподалеку от храма Марса Мстителя на Форуме Августа, на так называемом Форуме Марса (Foro di Marte). По другой версии, название восходит к надписи «Море на Форуме» («*Mare in Foro*»), которая сегодня не видна.

⁴ В книге «*Roma aneddotica*» (1895 г., неоднократно переиздавалась) собраны исторические анекдоты и любопытные факты из жизни Рима.



Не с одним Марфорио водил компанию Пасквино. Иногда он вел беседу с другими приятелями — «мадамой Лукрецией», аббатом Луиджи, Бабуино и другими. «Мадама Лукреция» — колоссальный античный бюст, стоящий в портике церкви св. Марка. Возможно, что это был бюст Изиды, культ которой был не чужд и римлянам. Другие предполагают, что это бюст римской матроны Лукреции, которая покончила с собой, будучи не в силах пережить позора, причиненного ей сыном Тарквиния Гордого. В старые времена ее звали «мадонна Лукреция», и был обычай в престольный праздник церкви св. Марка одевать ее в парадные платья и надевать ей на голову модный головной убор и шарф. Таким образом «мадама Лукреция» стала очень популярной⁵.

Что касается до аббата Луиджи, то его история также любопытна и напоминает историю самого Пасквино. В одной из церквей на нынешнем Корсо Витторио Эмануэле был церковный служка, столько же безобразный наружностью, сколько находчивый в перебранках; называли его «аббат Луиджи». Он был настолько популярен, что многие приходили специально послушать, как он парировал языком сыпавшиеся на него насмешки. Когда смерть отняла у римлян эту забаву, именем аббата Луиджи окрестили совсем обезображенную и обезформенную статую, также античную, стоявшую в маленьком сквере на одной из ближайших улиц. Теперь этой статуи уже нет. О ней и раньше заботились мало, а решетка, ее окружавшая, не мешала превращению убежища аббата Луиджи в бесплатную общественную уборную. Когда прокладывали нынешнюю широкую улицу, Корсо Витторио, статуя куда-то исчезла. Но в прежние времена аббат Луиджи был достойной парой Пасквино, и имя его постоянно фигурировало в диалогах на картонах, появляв-

⁵ Считается, что этот бюст был подарен Лукреции д'Аланьо, любовнице короля Неаполя Альфонса V, которая после смерти своего покровителя переселилась в Рим и проживала в этих местах. Подобное предположение подкрепляется тем, что в XV веке слово «мадама» в Неаполе употребляли, а в Риме нет.

шихся то на пьедестале Пасквино, то на шее у самого аббата Луиджи⁶.

Из прочих более знаменитых собеседников Пасквино более других интересен Бабуино (babuino — павиан), также античный барельеф, от которого получила название нынешняя улица via Babuino. Строго говоря, барельеф изображал некогда сатира, но он был так попорчен временем, что народ произвел его в обезьяны⁷.

Устами этих осколков седой старины римский народ давал волю своему сатирическому уму и острому языку. Некоторые пасквинаты приобрели большую историческую известность и — в массе перефразировок — повторяются и сейчас. К сожалению, вся соль этих острот и каламбуров совершенно исчезает в переводе. Да и главная сила их была в их злободневности. Пасквино никогда не медлил отозваться со своего каменного пьедестала на любое событие города. Его осведомленность была невероятна: он знал все сплетни папских дворцов, все тайны папской спальни, все детали частной жизни нелюбимых кардиналов. И он не щадил никого, совершенно не боясь даже такого смертного греха, как кощунство. В пасквинатах фигурируют не только папы, живые и мертвые, но и святые католической церкви и Мадонна, а образный и яркий язык пасквинат не чуждается слов самых

⁶ После долгих скитаний по Риму Аббат Луиджи вернулся на пьедестал Видони. Вероятно, это римская статуя, изображавшая важного сановника. На постаменте высечена надпись:

FUI DELL'ANTICA ROMA UN CITTADINO
ORA ABATE LUIGI OGNUN MI CHIAMA
CONQUISTAI CON MARFORIO E CON PASQUINO
NELLE SATIRE URBANE ETERNA FAMA
EBBI OFFESE, DISGRAZIE E SEPOLTURA
MA QUI VITA NOVELLA E ALFIN SICURA

Я был гражданином Древнего Рима / Теперь все кличут меня Аббатом
Луиджи / Вместе с Марфорлио и с Пасквино / Я завоевал на улицах города
вечную славу / Я пережил немало обид, несчастий, был похоронен, /
но здесь обрел новую и наконец-то спокойную жизнь

⁷ В наши дни считается, что это изображение Силены, а прозвище Бабуин, возможно, восходит к римскому фамильному имени Бамбалион — заика, болтун, пустобрёх.

нецензурных. Впрочем, иногда Пасквино делался серьезным, говорил на высоком церковном латинском языке, что обличало его образованность. Имеется даже пасквината, написанная стихами на четырех языках, перемежающихся в строчках, и циркулировавшая в Риме во время конклава 1831 года. Но излюбленным языком Пасквино был, конечно, звучный римский диалект, которым и пропечатывалась каждая смерть папы и влиятельного кардинала и каждый новый скандал в высших сферах. С особенным удовольствием Пасквино отзывался на амурные дела, отголоски которых доходили до народа из папских покоев. Так, например, знаменитая эпитафия Пасквино на смерть Лукреции Борджиа гласила:

В этой гробнице покоятся
останки одной женщины,
по имени Лукреции, в действительности Таиды⁸,
дочери, жены и невестки Папы.

Неизбежно отзывался Пасквино и на политические события. Типичным образчиком эпитграмм этого рода может служить следующая. В 1799 году в Риме были воздвигнуты две статуи: одна побольше, в честь Французской республики, с надписью *Matri Magne*; другая поменьше, изображающая республику Римскую, с надписью *Filia grata*. Римский народ немедленно изобразил это каламбуром:

La madre magna, la figlia se gratta.
Мать ест, а дочка почесывается⁹.

В саркастических выходках выражал римский народ и свое недовольство налогами и экономическими неурядицами. Известно, например, что Пий VI гораздо больше заботился о реставрации античных памятников, чем о благополу-

⁸ Таиды — то есть куртизанки.

⁹ *Matri magne Filia grata* (лат.) — «Великой матери — благодарная дочь».

В каламбуре обыгрывается созвучие слов на латыни и на римском наречии.

чий народа. В Риме и сейчас можно видеть повсюду надпись на реставрированных монументах: «Munificentia Pii Sexti»¹⁰. Однажды, когда по случаю неурожая и голода римские пекари уменьшили почти наполовину вес обычных *pannottelle* (хлебцев), утром на шее неунывающего Пасквино был найден привязанным такой хлебец, а сопровождающая надпись гласила: «Munificentia Pii Sexti».

Апостольское служение и правление Пия Седьмого Пасквино встретил и проводил краткими изречениями. Едва конклав избрал его папой, Пасквино заявил:

Settimo non rubare!

Седьмой (пункт заповедей), не укради.

Когда Пий VII, после долгого правления, умер, Пасквино издал краткую молитву:

Tu dacci un buon Pastor, Spirito Santo,
Ch'ami te, ch'ami noi, e non campi tanto!

Дай нам, Святый Дух, Пастыря доброго,
Который любил бы Тебя, любил бы нас
и не жил так долго!

В более близкие к нам времена, в 1850 году, образчик политической и даже революционной эпиграммы дает следующая надпись, которую можно читать в два столбца — но правильнее читать в строку — и которая легко поддается точному переводу:

Смерть	Пию Девятому
Мащини	Жить вечно
Республика есть	Лучшее из правлений
Позорнейшее из правлений	Есть правление попов
Долой	Светская власть Папы
Власть народа	Да царит вечно.

¹⁰ *Munificentia Pii Sexti (лат.)* — «Щедростью Пия VI».

В 1859 году на стенах и заборах появилась невиннейшая надпись:

Non piove. — Не идет дождь.

Однако папская полиция старательно уничтожала эту надпись и пыталась изловить ее авторов, правильно толкуя ее значение:

Non Pio; V. E. — Не Пий; Виктор-Эммануил!

В 1862 году начали поговаривать о скором бегстве папы из Рима. Как раз в это время по случаю праздника св. Петра папа приказал украсить собор; по недостатку пурпуровой материи громадную базилику разукрасили внутри раскрашенными полосами бумаги. По этому поводу Марфорнио спросил у Пасквино:

— Правда ли, что папа собирает пожитки?

— Конечно, — ответил Пасквино, — разве не видишь, что он святого Петра в бумагу заворачивает?

Разумеется, пасквинаты подобного рода не всегда оставались безнаказанными. Еще Бенедикт XIV издал приказ ловить и карать их авторов, а в 1833 году Григорий XVI включил в уголовный кодекс статью, грозившую *смертной казнью*, конфискацией имущества и вечным бесчестьем «всякому, кто осмелится сочинять, писать, вывешивать или поручать другому вывешивать, распространять или давать другим пасквинаты какого бы то ни было рода, подписанные или анонимные, *хотя бы в них излагалась правда*». При Пии V был повешен никто Никола Франки за сравнительно невинную шутку; он оказался автором надписи, найденной в новой папской уборной. Надпись эта (в несколько смягченном переводе) гласила: «Папа Пий V, двинутый состраданием ко всему, что имеет в желудке, воздвиг сей благородный монумент». Строгость наказания остряков объяснялась тем, что одному пойманному приходилось расквитываться за всех непойманных.

Пасквината как народная сатира могла существовать лишь до тех пор, пока не явилась на сцену свободная пресса

и пока режим папского господства давил свободное слово. Действительно, последняя из известных пасквинат появилась за три дня до занятия Рима итальянскими войсками, именно 17 сентября 1870 года. В этот день в храме св. Петра найден был старый выцветший зонт, прислоненный к купели со святой водой. В зонте оказалась бумажка с восьмистишием, которым этот зонт преподносился папе «на случай, если разразится гроза»*. Гроза действительно разразилась, светская власть папы рушилась, а вместе с тем прекратились и пасквинаты, по крайней мере в той форме выражения, какая прежде была для них единственно доступной.

Но сатирический дух римского народа, конечно, не умер. Правда, новый уклад государственной жизни, при котором на престоле был король, утвержденный плебисцитом и правивший через ответственное перед парламентом министерство, уже не давал стольких тем для нападок на личность правителей и власть имущих. Прежний раб наместника св. Петра превратился в гражданина итальянского королевства. А главное, слово сделалось свободнее и политическая пресса пришла на смену заборному остроумию. И все же потребность выражать свои откровенные мысли в сжатой форме пасквинаты не умерла и по сей час. Пасквинату донесли до нас главным образом римские диалектальные поэты, главою которых должен по справедливости считаться Джузеппе Джоакино Белли, умерший на заре объединения Италии, в 1863 году. Белли несомненно был автором многих анонимных каламбуров эпохи папского господства, как и автором великого множества характерных бытовых сенок в стихах на римском диалекте, до сих пор не целиком доступных итальянской публике ввиду их крайней цензурности**. Лучшим из преемников Белли является современный поэт Чезаре Паскарелла, вознесший диалектальную поэзию на высоту эпоса. Оба эти поэта, не

* «Se cade il temporale»; здесь каламбур, так как то же выражение может значить и «если падет светская власть» (il potere temporale).

** Только недавно вышло первое народное издание 700 избранных сонетов Белли: *Giuseppe Gioacchino Belli. Sonetti romaneschi* (Рим, 1912).



говоря уже о других, более мелких, совершенно неизвестны за границей Италии, между тем значение их многим выше большинства современных итальянских литературных знаменитостей. Как Белли, так и Паскарелла — вполне национальные поэты; в их произведениях итальянец, особенно римлянин, встает живым, в обстановке своей повседневной жизни, своих маленьких интересов и гражданских переживаний. Такого глубокого знания народа, его психологии и его образного языка не высказал никто из итальянских писателей, которых мы можем назвать современными, не исключая ни Леопарди, ни Джозуэ Кардуччи, ни, конечно, прославленного Габриеле д'Аннунцио.

Жизнь Джузеппе Джоакино Белли (1791—1863) сложна и интересна, но это не столько жизнь поэта, сколько жизнь типичного римлянина средних классов в последний век папского владычества. Отец его был бухгалтером и готовил сына к тому же. Белли был серьезным и мечтательным мальчиком и до смерти непомерно строгого отца «не чувствовал себя человеком». К 16 годам он был уже круглым сиротой и вместе с маленьким братом и сестрой нашел неласковый приют в доме дяди, который из экономии заставил его бросить школу и заняться счетоводством. Позже, начав самостоятельную жизнь, Белли поселился в монастыре капуцинов, где он мог пользоваться обширной библиотекой и самостоятельно изучил французский и английский языки, физику и математику. Здесь же он много читал по итальянской литературе и к этому занятию относился с полной серьезностью, делая массу выписок и отметок. Тогда же Белли начал писать стихами и прозой. Первые его вещи отдают академизмом и ложноклассическими приемами. По обычаю литераторов того времени Белли вступил в «Эллинскую академию», но не сошелся характером с товарищами, которых не щадил в своих бойких сонетах. Затем он основал вместе с другими отщепенцами очень известную впоследствии *Accademia Tiberina*¹¹, членом которой оставался до конца жизни. Ради карьеры Белли женился на богатой вдове, которой не был верен, но продолжал жизнь

¹¹ *Accademia Tiberina* — Тибрская академия.

трудовую, считая себя лишь управляющим в доме жены и получая небольшое жалованье в качестве чиновника казенной службы. Как присяжный литератор, чиновник, почтенный отец семейства, коренной римлянин, Белли соприкасался со всеми классами римского населения, был вхож в дома бедняков и кардиналов и мог наблюдать римскую жизнь в ее сложности и ее простоте. Писать на римском диалекте, которым он владел в совершенстве, он начал рано, но сначала относился к этому лишь как к шутке; литературы на «романеско» до него почти не существовало. Только на сороковом году Белли посвятил себя вполне этой оригинальной поэзии и к концу жизни оставил около 2150 маленьких диалектальных сонетов, обессмертивших его имя. Вторая половина жизни Белли всецело посвящена воспитанию сына, ради которого он шел порою на унижения, сочиняя льстивые письма сильным мира сего, чтобы добиться выгодной и видной службы, которая обеспечила бы воспитание и будущую карьеру сына. Получив наконец порядочную пенсию, Белли сам написал себе ироническую эпитафию: «Здесь лежит Белли — упокой его, Господи, — простертый в гробнице папского казенного учреждения. Святая коллегия бросила ему в пасть кость доходной должности, и поэт несварением желудка убил свою музу». К концу жизни Белли стал мрачным и подозрительным стариком, религиозным и суеверным, проводил время дома, сидя в кресле, шепча молитвы и перебирая четки.

В эпохи гонений он несколько раз закупоривал свои сонеты в ящик и передавал друзьям с приказом сжечь их при первой тревоге, делая при этом препроводительную надпись: «Я не признаю более этих работ, написанных мною ради минутного каприза и в эпоху, когда мой разум еще не установился; они совершенно не соответствуют интимным и истинным чувствам моего духа». В последние годы жизни Белли переводил гимны «Римского молитвенника», был театральным цензором, кассиром благотворительного духовного общества, громко негодовал против «красных иезуитов» — республиканцев и омрачил свою память некрасивым сонетом против Джузеппе Мадзини. Совсем недавно, в апреле 1913 года, в Риме открыт памятник великому диалектальному поэту.

Белли сам дал правильную и исчерпывающую, хотя очень скромную оценку своих трудов. «Я решил оставить, — писал он во введении к своим сонетам, — памятник тому, что из себя сейчас представляет римский простой народ. В этом народе все оригинально: его язык, образ мышления, характер, нравы, обычаи, навыки, понятия, верования, предрассудки, суеверия — одним словом, все, что ему присуще, что носит отпечаток, быть может, чрезвычайно отличающий его от любого народа. Рим не таков, чтобы его простолюдин не был частью одного великого целого, именно частью города, память которого священна».

«Изложить фразы римлянина, — пишет дальше Белли, — так, как они ежедневно выходят из его уст, без прикрас, без подделок, без синтаксических ухищрений и цензурных урезок, кроме тех, которые практикует сам римский говорун, — одним словом, выводить правило из случая и грамматику из обычая — вот моя цель. Я не имею в виду представить в моих сонетах народную поэзию, но представляю лишь разговоры народа, изложенные моими стихами... Не целомудренными, не всегда благочестивыми, хотя и исполненными религиозности и суеверия, покажутся и содержание, и форма этих разговоров; но таков народ. И я копирую его не с тем, чтобы выставить его образцом, но с единственной целью дать верное изображение того, что существует и, прибавляю, улучшение чего никого не заботит»*.

Белли прав. Хотя его сонеты — продукт творчества гениального мастера и крупного поэта, но в них тщетно было бы искать отражения народной поэзии. Белли — идеальный фотограф-художник. Он говорит языком римского простолюдина о тех предметах, которые того интересуют, но никогда не говорит о самом народе, даже никогда не касается тех струн народной души, которые роднят суеверного и темного простолюдина с *homo sapiens*. Он подслушивает беседы в кабачке, на улице, на театральной галерке, за миской макарон, в праздничной толпе, у двери лотерейной лавочки; он фонографирует болтовню кумушек, перебранку торговков и извозчиков, семейную сцену, рассуждения о высоких мате-

* *Tarnassi. Elogio Storico di G. G. Belli. Roma, 1864.*

риях, жалобы на порядки и на дороговизну жизни, объяснение в любви, степенную беседу об античных памятниках и исторических преданиях. Сонеты Белли пестрят нецензурными словами, как пестрит ими уличный жаргон; но зато он с таким кудесническим искусством передает разговор, всегда в первом лице, что совершенно незаметным делает труд художника, изложившего эту живую речь четырнадцать ямбическими строчками стихотворения. В его сонетах налицо весь образный и звучный диалект «романеско», так прочно сохраняющийся в Риме и до сих пор, хотя и обреченный на умирание. Вставные словечки, беспрестанная борьба и ругань с призывом всех святых католических святцев, восклицания, за которыми так и чудятся жесты, — все это еще и сейчас переносит нас в затибрскую сторону Рима, в толпу почтенных римских матрон из народа, их гулящих мужей, запачканных ребятишек, ведущих тут же, на улице, всею силою своих легких и гортани интимные разговоры. Сонеты Белли — истинный памятник исчезающему, заглушаемому европеизмом Риму, тому Риму, который независим ни от форм государственного правления, ни от морализаторских поползновений аристократических благотворителей, ни от завоевания Италии европейской мыслью; Риму, уходящему в вечность не потому, что он понял свой анахронизм и проникся цивилизацией, а лишь потому, что его истинные сыны стареют, вымирают и их ряды не пополняются молодежью, которая уже прочно заражена духом модернизма и тянет к Риму новому*.

Я не рискну приводить здесь образчики сонетов Белли. В переводе, хотя бы и в самом точном, они гибнут совершенно: в подлиннике они недоступны даже тем, зная итальянский язык, не владеет римским диалектом¹². Скажу только,

* Для русских должно быть не безынтересным, что одним из пылких поклонников Белли был наш Гоголь, слышавший его сонеты в чтении автора (см. письмо Гоголя к М.П. Б-ной; Рим, апрель 1838 г.).

¹² «Я не рискну приводить здесь образчики сонетов Белли» — а мы рискуем, поскольку изрядное их число прекрасно переведено на русский язык Евгением Михайловичем Солоновичем, снабдившим книгу сонетов Белли весьма содержательным предисловием о жизни их автора. Наверняка Осоргину понравился бы следующий сонет (см. продолжение примечания на с. 280).

что в его сонетах можно почерпнуть большее, чем точную передачу разговора римского простолюдина. В них действительно отражена внешняя и духовная жизнь простого римлянина, все то, о чем упоминает сам Белли в цитированных выше строках его «введения к сонетам». Иначе не могло и быть, раз художник заранее отказался от прикрас, личных измышлений и художественного вымысла. «Наши простолюдины, — говорит Белли, — никакого искусства не имеют, ни ораторского, ни поэтического, как не имеет их вообще никакая чернь. Все случайно исходит из их природы, всегда живое и энергичное, ибо предоставленное свободному развитию безыскусственных качеств. Об их идеях и привычках, об их речи можно сказать лишь то, что читается на их лицах. Почему лица городских простолюдинов так отличны от лиц «индивидуумов высшего порядка»? Потому, что мускулы их лиц, не скованные неподвижностью, предписываемою тонким воспитанием, свободно сокращаются под влиянием страсти или аффекта. Народ, не обладая искусством, не имеет и поэзии. Если же, уступая натиску своей грубой и могучей фантазии, он пытается создать поэзию, он делает это с потугами подражания известному образцу. И тогда простолюдин уже перестает быть собою, тогда он обращается в манекен,

Карета кардинала

Где Каччабове делается уже,
Ну прямо настоящая кишка,
Мчал кучер не простого седока,
А кардинала, что гораздо хуже.

И этот чертов кучер, важный дюже,
Чем всех предупреждать издалека:
«Поди! Поди!» — сбил, сволочь, старика
И переехал колесом к тому же.

Ну, люди полумертвого с земли
Подняли, на руках домой снесли, —
Как тут не пособить, хоть в самом малом!

Сказать тебе, что будет с лихачом?
Увидишь, кучер будет ни при чем:
Всегда при чем который пешедралом.

9 февраля 1833

плохо и грубо прикрытый не по нему скроенным платьем. Своей поэзии у него нет, и в этом очень заблуждались излагавшие до сих пор стихами римский говор; они лишь дали наглядную картину борьбы искусства с природой и победы природы над искусством».

Как бы ни казалось самому Белли доказанным это противоречие между природой и искусством, между народным духом и поэзией, его собственные сонеты убеждают нас в малой основательности его заключений. Именно данные им художественные фонограммы римской народной речи и являют нам в лице этого народа поразительного в своей бессознательности творца-сатирика. Что римский простолюдин не творец и не поэт — это правда; но Белли забыл или не думал о творчестве коллективном, которое делает творцом не Тита и не Кая, а весь народ¹³. И, быть может потому, что этот творец не имеет имени, для него приискивают выразительный коллективный псевдоним, каким во времена Белли был Пасквино. Безрукий, безногий и безличный Пасквино и есть то творческое начало, которое в римском народе проглядел такой знаток народа, как Белли.

Белли умышленно берет римлянина-простака, среднего, темного и суеверного, сталкивая его в живой беседе с другим таким же простаком-слушателем. Но не по воле и не по вине поэта словечки, сравнения, умозаключения этих простаков оказываются такими яркими и узорными, так метко бьющими в цель, что за простаком чувствуется притаившийся сатирик, ухмыляющийся в усы. Отношение римского простолюдина к недугам своего быта, курьезное коверканье им исторических имен и событий, священных для Рима, вся концепция его житейской философии — все это полно скрытой усмешки, все это — материал тонкого народного сатирического творчества. Именно этим языком говорил Пасквино, величайший из простаков, конфузивший своими неожиданностями аристократа Марфорио. Из обыденных слов, сказанных случайно, без предвзятой цели, слагалась и создавалась пасквината, которая затем подхватывалась на лету, шлифовалась и гуляла по городу из уст в уста, беспокоя

¹³ Тит, Кай/Гай и Семпроний — наши Иванов, Петров, Сидоров...

дворцы и вызывая запретительные законы. Она была анонимна не потому, что автор ее не решался поставить свою подпись, но потому, что истинным ее автором был коллектив, бессознательный творец и сатирик римский народ, и прежде всего — римский простолюдин.

Одно из ранних стихотворений Белли дает нам фонограмму разговора между сторожем, извозчиком и английским туристом. Сторож, принимая на себя роль гида, рассказывает англичанину великолепные вещи про Rromolo e Rremolo, вскормленных «при помощи одной волчицы»¹⁴, показывает ему три колонны на форуме, принадлежавшие, по его мнению, храму какого-то Giov Esattore (Зевса-сборщика), и Палатин, где король Campomarzo выстроил дом, шедший с холма прямо под Collo Inquilino*. В таком же духе сторож выдумывает свои объяснения и дальше. Разумеется, он совершенный невежда в своей временной профессии и не знает даже обычных и ходячих исторических имен, но смех возбуждает не он, а его слушатель-англичанин; сам же гид врет с упоением, не стесняясь, да еще прибавляет: «Guardi, Eccellenza mia, che bel lavoro!» — «Посмотрите, ваше сиятельство, какая работа прекрасная!» Извозчику, который не знает, «куда теперь везти эту кикимору», сторож рассудительно говорит: «Свези его, куда тебе покажется и понравится». Уж в этом неграмотном простачке-стороже чувствуется злой сатир! Мне лично не раз приходилось слышать со стороны объяснения итальянских гидов, водящих иностранцев по музеям; по-моему, только невозмутимые англичане могут переносить и не понимать такое явное и сплошное надругательство над слушателем! Но спросите этого гида интимным образом, зачем он несет всю эту даже для него очевидную галиматью, и он откровенно ответит вам, что он придумал это «специально для англичан»,

¹⁴ Осоргин цитирует стихотворение Белли «Слуга, английский милорд и извозчик» («Er zervitor de piazza, er milordo inglese e er vitturino a nnolito», 1931). В именах Rromolo и Rremo удвоенное «г» воспроизводит римское произношение.

* Campomarzo — Марсово поле на окраине Рима; Collo Inquilino — абсолютный вздор. Гид, очевидно, одним ухом слышал о знаменитом античном проекте здания-моста, которое соединило бы холм Палатинский с холмом Капитолийским (Collo Capitolino).

и при этом так хитро подмигнет, что за нахалом вы невольно почувствуете сатирика.

Говор, жесты, повадки римлянина полны самого неподдельного и природного юмора, и юмор его далеко не добродушен. Для виду он прикидывается церковным служкой, неуклюжим аббатом Луиджи; но поцарапайте Луиджи — и вы найдете старого знакомого, великого римского сатирика Пасквино. Не забудьте, что римский простолудин сумел даже самого сатира переделать в простую обезьяну.

Сенатор Луиджи Моранди, добросовестнейший исследователь и издатель сонетов Белли, говорит в своем предисловии: «В Риме рождаются с эпиграммой на устах. Трастеверинец* не умеет читать, но умеет создавать сатиру. И лишь тот, кто знает римский народ, может составить себе полное понятие о всей тонкости римской повадки, вошедшей в поговорку». Тот же Моранди дает несколько любопытных образчиков проявления народного юмора. Когда в Риме, рассказывает он, ящиков для писем было еще совсем мало, всего два-три, однажды в час выемки писем стояла толпа ожидавших очереди опустить письмо. Один старик, бросив письмо в ящик, задержался перед ним, желая убедиться, что письмо прошло внутрь ящика благополучно. Тогда мальчик, стоявший за ним и нетерпеливо поджидавший своей очереди, серьезно и с почтительным лицом спросил его: «Ожидаете, не будет ли ответа?»

Петраи, автор упомянутой уже мною книжки, сообщает ради курьеза анекдот о Верди. Знаменитый композитор спешил сдать письмо на почту рано утром. Почта открывалась обычно в девять часов; было уже девять с лишком, а чиновник, принимавший заказные письма, все еще не отворил окошечка. Когда он наконец пришел, Верди, держа часы в руках, недовольным тоном сказал ему: «Уже больше девяти часов с половиной!» Чиновник невозмутимо и не задумываясь ответил: «Возблагодарим Господа Бога, что дожили!»

Ради курьеза цитирую еще один образчик римского остроумия, приводимый Петраи. В один из omnibusов

* Трастеверинец — житель затибрской стороны города, где римский тип и римский диалект до сих пор сохраняются в значительной чистоте.

старого типа, которые долго не исчезали в Риме, влезает новый пассажир и спрашивает: «А что, есть местечко в Ноевом ковчеге?» «Полезайте, — отвечает голос изнутри, — как раз осла не хватает!»

Bagot, автор недавно вышедшей книжки «Gli italiani d'oggi»*, рассказывает сценку, которой он был очевидцем в Тоскане. Один доктор, отправляясь на практику, остановил лошадь около дома приятеля, чтобы перекинуться обычными взаимными вопросами о здоровье. Приятель попутно отпустил какую-то шутку, доктор отпарировал тем же, и в результате, храня полную серьезность, два собеседника изощрялись в островах в присутствии сочувственно поддерживавшей их публики ровно два часа. Bagot считает поэтому страсть к островам и зубоскальству за черту, особенно присущую тосканцам. Это неверно. Итальянцы вообще любители словесных сражений и высоко ценят тех, кто «за словом в карман не лезет». Но, несомненно, ни один итальянский город не создал такого яркого олицетворения народной сатиры, каким является римский Пасквино. «Эта знаменитая статуя, — говорит Maes, — в награду за обломанные члены тела получила один дюйм в тысячу миль, и это — ее язык»¹⁵.

Выше я упомянул о другом римском диалектальном поэте, Чезаре Паскарелле. Прямой преемник Белли, он превзошел своего учителя именно тем, что пошел по пути, который тот признавал ошибочным. В то время как для Белли римский диалект был самодовлеющей целью, Паскарелла пользуется им лишь как средством. И он, как Белли, берет трастевринского римлянина в его обычной обстановке и заставляет его говорить от первого лица. Но Паскарелла не ограничивает-

* Книжка эта, изданная в Англии, переведена на итальянский и, кажется, на другие языки. Она имела в Италии настолько колоссальный успех, что король сделал визит ее автору. Интересующихся итальянской современностью не лишне предупредить, что книга Бэгота есть ничтожнейшее и пустое произведение, лишенное всякого научного значения и написанное для английских гостиных и для доставления удовольствия итальянским националистам. (*Richard Bagot. Gli italiani di oggi* («Нынешние итальянцы»). Bari: Laterza, 1912. — А. Я.)

¹⁵ Вероятно, Осоргин ссылается на книгу: *Costantino Maes. Curiosità romane* («Римские достопримечательности»). 3 vol. Roma: Casa editrice del Pasquino, 1885.

ся сонетами; он пользуется образным и характерным разговорным языком и для создания произведений высокого народного эпоса. Такова, например, его «Villa Gloria», замечательно переданный рассказ ветерана-гарибальдийца о защите кучкой повстанцев, с братьями Кайроли во главе, исторической villa Glori. Рассказ об этом священном моменте итальянской освободительной войны ведется с такой поразительной простотой и образностью языка, с такой гармонией тонкого, печального юмора и высокого внутреннего подъема чувства, что «Villa Gloria» должна считаться одним из замечательнейших произведений современной итальянской литературы. Впрочем, лучшим авторитетом итальянской поэзии, покойным Джозуэ Кардуччи, этот суд уже произнесен, а перед его судом преклонится всякий итальянец. «В сонетах «Villa Gloria», — писал Кардуччи, — Паскарелла внезапно твердою рукой поднял диалект до эпических высот. Здесь все правдиво; это не поэт говорит, это говорит и творит трастевринец, и потому эпос в диалектальной форме рождается естественно, а не искусственным путем. Никогда еще диалектальная итальянская поэзия не достигала такой высоты»¹⁶. Другая эпическая вещь Паскареллы, «Assedio di Roma», еще не закончена, хотя автор работает над нею уже много лет. Если судить по немногим отрывкам ее, прочитанным самим автором в одном из римских театров, новое, крупнейшее произведение обещает дать то, о чем не мечтал ни один диалектальный поэт. К сожалению или к счастью, Паскарелла работает не торопясь, несмотря на свои пожилые годы¹⁷.

¹⁶ «Вилла Глория» — цикл из 25 сонетов, повествующих о подвиге Энрико и Джованни Кайроли, которые вместе с семьёю десятками вооруженных товарищей направились в Рим, чтобы поддержать Гарибальди, и погибли как герои в окрестностях города, на вилле Глори (именно так!), в столкновении с папскими войсками.

¹⁷ «Assedio di Roma» («Осада Рима»; речь идет о 1849 годе) — сонеты из незавершенной поэмы «Наша история» («Storia Nostra»), которая освещает события от основания Рима до его превращения в столицу нового государства. После смерти Чезаре Паскареллы (1858—1940) опубликовали 267 сонетов из этого произведения. По замыслу, их должно было быть на сотню больше.



Впрочем, эта эпическая сторона творчества Паскареллы нас в данном случае специально не интересует. Я упоминаю о ней лишь потому, что именно он лучше других сумел рассмотреть в говоруне (parlatore), каким является римский простолудин у Белли, сатирического философа. Белли был и хотел быть фотографом, и его сонеты — пластинки светописы и звукописы. Белли зарисовал римский быт со всеми его повседневными атрибутами, не пытаясь подвергать свой материал художественному отбору. Паскарелла — художник чистой воды, и свой материал он тщательно отбирает и процеживает. Его персонажи — уже не случайные встречные на римских улицах, а типы трастеверинцев. Тем же художественным чутьем Паскарелла умеет проникнуть в душу объекта своего изучения и извлечь сатирика из оболочки простака. Что его персонажи не просто болтают, а тонко иронизируют, хотя бы и над собой, в том нет сомнения.

Темы сонетов Паскареллы разнообразны, но всегда ограничены пределами того мирка, который говорит языком романеско: впечатления посетителя театральной галерки, своеобразная диогеновская философия чистильщика сапог, расчеты игрока в государственное лото, рекламные расчеты продавца траурных венков, беседа подбирателя окурков с лицом «всех профессий», политические взгляды газетчика и т.п. В обычных 14 строках сонета Паскарелла воссоздает обывательскую психологию трастеверинца и рисует сцены, полные особого проникновенного комизма. Читая его, нельзя не смеяться; но сам поэт не смеется, это чувствуется ясно. Порой за простотой и курьезностью рассказа, пересыпанного ходячими народными возгласами и словечками, чувствуется глубокий скрытый трагизм. Таков, например, сонет «Паяцы». Рассказчик кратко, но обстоятельно рассказывает собеседнику, как он пришел в цирк, где видел, как вышли акробаты на американской трапеции, залезли под самую крышу цирка, повертелись мельницей, потом один запрокинулся навзничь, другой повис у него на руках; тут веревка порвалась и оба они полетели вниз. «Ну и сцена, милый мой Гаэтано! Ну и сцена! Вынесли их, бедняжек, мертвыми, на кровь набросали немного песка; а потом вышли паяцы». На этом и кончается сонет, не случайно,

конечно, озаглавленный «Паяцы». Трагедия смерти акробатов так просто преломилась в психологии рассказчика, что служит ему лишь предисловием к рассказу о смешных выходках паяцев. Но эта наивная простота лучше всяких фраз оттеняет скрытую в сонете нотку.

Вот, например, связанный ряд сонетов под общим заголовком «Происшествие» («Er fattaccio»). Описано оно в немногих строках, как всегда, от первого лица. «Как вышло? А вышло так, что только мы начали обедать в садике, как видим, за соседним столом — человек, весь в крови. Крик, гвалт. А тот, другой, убежал». Позвали извозчика, приехал квестор, того поймали, нашли и ножик. И уж конечно, со всей этой сценой — «прощай цыплята на вертеле и выпивка!» Второй сонет посвящен жалобам возмущенного хозяина кабачка: «Мало им поля кругом! Шли бы туда сводить счета! Нет! Надо непременно тут, где люди едят! А ведь от этого что выходит? Напечатают в газете, и люди ходить сюда перестанут». Дальше — живо и чудесно переданный говор толпы перед госпиталем, куда увезли раненого; толпа полна любопытства и перекидывается замечаниями; интересуются, что за женщина прибежала: мать или любовница? «Ах ты Боже мой! Бедная женщина!» Затем жалуется извозчик: «Я так и говорю бригадиру: ведь подушки-то испорчены! Я понимаю, что такой вышел случай безнадежный; наш брат извозчик хорошо знает, какие шутки с ножом случаются. Да ведь я-то при чем же тут? Я старался, лошадей гнал. Ну и что же? Вот теперь меньше чем за 10 франков подушек не поправишь!» И наконец последний сонет, «Год спустя». Описывается предположенный кутеж компании, исчисляются блюда. «Куда же поедем? Пойдем в кабачок на Прати, знаешь, туда, где в прошедшем году вышел смертный случай». В этих сонетах есть все, чем богата обывательская хроника: трактир с толстым *padrone*, цыплята и *zuppa inglese*¹⁸, плачущая баба, толпа, городской, извозчик, кутящая компания; нет здесь только героев драмы и их переживаний: они скрыты шутками и пересудами толпы, их знает и думает о них только автор.

¹⁸ *Padrone* — хозяин, *zuppa inglese* — бисквит.

Еще сонет «Ег терно» (Терно)*. «Вот тебе факт. Жил он в одном домике, в деревне; я его в постели застал. Заткнул я ему рот подушкой и засадил ему ножик в грудь. Теперь, значит, «рана» — *одинадцать*; «день» был, ставлю *один*; потом *сорок три* — «убийца». Иду я в лавочку на Пополо и ставлю на эти номера *pavoletto* (50 сант.)¹⁹. В прошлую субботу на розыгрыше выходят два номера, а вместо «рана» мне вышло *семьдесят два*: «мертвый, убиенный». Ну, смотри, пожалуйста, как Господь счастье иной раз людям в руки сует! Кабы я его убил насмерть, взял бы терно!» Картинка, которая кажется преувеличением, и конечно, это шарж. Однако неизменно верно передана психология игрока в lotto, не опускающего ни радостного, ни печального случая, чтобы попытаться угадать судьбу. Нужно вспомнить, как после мессинского землетрясения, стоившего жизни 80 тысячам человек, вся играющая Италия — а кто в ней не играет? — ставила на соответствующие событию цифры. Смерть матери, убийство в соседней квартире, как и порез пальца и рождение ребенка, — все это, непосредственно за первым впечатлением, родит надежду угадать цифру в ближайшую субботу. Это не недостаток искренних чувств горя и страдания; это — неизбежное преломление трагического в обывательской психологии.

Читая сонеты Паскареллы, ясно видишь перед собой типичную фигуру жестикулирующего и ораторствующего гражданина из-за Тибра, любителя пофилософствовать и поговорить о политике. Его интересуют новшества цивилизации. Он стоит, например, за визитные карточки, так как это большое удобство и экономия: «Раньше на праздниках приходилось посылать родным и друзьям подарки: пару кур, каплуна, бутылку вина; теперь пошлешь кусочек картона — и готово». Он — большой патриот и считает итальянскую музыку первой в свете, а «Трубадура» называет

* Терно — ставка на три номера в еженедельную правительственную лотерею. Каждая цифра у игроков имеет какое-нибудь условное значение, как каждому событию соответствует цифра. (Подробнее об этом см. в примечании 38 на с. 86. — А. Я.)

¹⁹ Pavoletto = paoletto (*ит.*), монета, названная в честь папы Павла III.

«*et pius urtra*» (*plus ultra*)²⁰. Он любит зрелища, ходит смотреть трагедию, и особенно нравится ему последний акт, когда актер «кончает с собой и убивает ее»; «Очень это меня удовлетворило!» — рассказывает он после за стаканом вина в затибрском кабаке. В нем много сознания собственного достоинства, хотя бы он был простым уличным чистильщиком сапог. «Тридцать лет я этой профессией занимаюсь и, слава Богу, ни разу не помер; стар стал, когда иду, немного на ногу припадаю, но в общей сложности хорошо себя чувствую. На ночь ухожу в свою берлогу, а утром, когда выхожу, *omina bona mea mecum porto** и усаживаюсь вот здесь. Что наработаю, то и ем; а ничего не наскребу — частенько и так случается, — курю пару окурков и не жалуясь. Но если приход превысит надобность, тогда на другой день я закрываю лавочку и гуляю барином». Гулять барином (*fare il signore*) — идеал каждого римлянина по обе стороны Тибра. Но не всякая профессия это позволяет. Например, подбиратель сигарных окурков жалуется, что его профессия умирает с той поры, как вошли в моду папиросы. «Довольно сказать тебе, что те, что я подбираю, я вместо коммерции пускаю в собственное употребление. И знаешь, чем это кончится? Меняю профессию!»*

С юмором самым неподдельным написан в форме пятидесяти последовательных сонетов большой монолог «Открытие Америки», вещь, из которой редкий итальянец не знает наизусть хотя бы несколько отрывков. В трактире, в тесной компании, «сознательный» трастеверинец рассказывает, как Колумб открыл Америку. Он давно знал о существовании Нового Света, «но так как над ним люди смеялись, так он знаешь, что сделал однажды? Взял яйцо да перед всеми, кто не хотел верить, я, говорит, вам докажу сейчас! Взял он это яйцо и без дальнейших разговоров хватить его об стол! — и поставил прямо. Э! Когда они увидели, что яйцо стоит

²⁰ *Plus ultra* — здесь: то, чего прекрасней нет.

* *Omnia mea mecum porto* (лат.) — «Все свое ношу с собой» (А. Я.).

* Все сонеты, как и дальнейшие, — из книги: *Cesare Pascarella. Sonetti*. Roma: Soc. Edit. Naz.

прямо на ногах — *eh sammarco!*²¹ — тут и самые противники, самые недовольные начали верить». Затем Колумб отправился в Испанию к португальскому королю и попросил четверть часика для беседы. «Начал с ним беседу немного особенную, а потом ему сказал: «Ежели вы мне поможете, я имел бы намерение открыть Америку». «Э! — говорит король, который был человек опытный, — что ж, помочь можно. Но... не то чтобы я не верил... но эта Америка правда есть? Вы в этом уверены?» «Ах, — говорит тот, — удивляюсь я, как такой человек, как вы, можете в этом сомневаться».

И Колумб немедленно объясняет королю, что земля — все равно что апельсин. В нем столько-то корки и столько-то жижицы; так и в ней: столько-то земли и столько-то моря. Король признается, что этот убедительный пример он слышит впервые, и обещает помощь. Затем идет возня с министрами, с комиссиями. Одним словом, «чем больше надрывался Колумб, чтобы открыть ее, тем старательнее все они ее снова запрятали». Виноваты во всем, конечно, попы. Наконец Колумб отправился к королеве и решительно заявил ей, чтобы она передала своему мужу: «Если хочет он меня послать — ударим по рукам сейчас, если нет — я пойду в другом месте попытаюсь». «Но извините за вопрос, — говорит она, — вы чего же, собственно, желаете?» — «Три корабля». — «А какой же, к случаю сказать, величины?» «Э, — говорит он, — вроде тех, что возят марсалу на *Ripa granne*» (барки на Тибре)²². Дело устроилось, Колумб выехал. С замечательным мастерством описано его путешествие и его злоключения. Добрались до Америки, но возник вопрос, подлинно ли это Америка. Решили спросить у первого встречного. Попал им навстречу дикарь. Набравшись смелости, спрашивают его.

— Эй, любезный, — говорят, — вы кто будете?

— Э, — говорит, — кем же мне быть? Я — дикий.

Дикарь проводил их к королю, которому был очень деликатно задан вопрос:

— Мы, знаете, издалека и желали бы знать, вы американец или нет?

²¹ «Эх, Святой Марк!» — в смысле «Вот это да!»

²² *Ripa granne* = *Ripa Grande* (Рипа-Гранде) — порт, выросший в XVII веке на правом берегу Тибра, почти напротив древнего Эмпориума.

— Как, говорите? Чьи мы? Мы — здешние, а как звать эти места, мы этого не знаем.

«Ну смотри, пожалуйста, — отмечает рассказчик, — какой отсталый народ. Довольно сказать тебе, что они тут, в Америке, родились и сами того не подозревали!

Затем, конечно, и дикие, и белые закричали: «Да здравствует свобода! Будем братьями!»

Следует описание нравов дикарей. Особенно рассказчик подчеркивает отсутствие у них брака и по этому поводу рассказывает глубокомысленное соображение, что, не будь в мире брака и сопряженных с ним утомительных формальностей, сколько бы народу переженилось! Затем Колумб с триумфом возвращается домой.

И все это оттого, что Христофор Колумб был итальянец! Лежит, например, мертвая лягушка. Ткни ее палкой — она согнет коленки. Для другого это ничего не обозначает, а итальянец взял и изобрел электричество! Итальянец — всегда итальянец! Тассо, Метастазιο, Рафаэль, фонтан Треви, Пинчо, Латеран, Сан-Пьетро, Микеланджело, Данте, Макиавелли... Всех не перечислишь! «Ступай на Пинчо и погляди на бюсты, да имей в виду, что они все, прежде чем стать бюстами, были настоящими людьми!» Так и Колумб. «Сделай мне удовольствие, скажи, почему он ее открыл? Потому, что это — он! А будь на его месте иностранец, что бы он открыл? *Li mortacci sui!* (шиш с маслом!)²³. А он еще и помощи никакой не имел; будь это теперь, при нынешних кораблях, он бы их двадцать штук открыл».

Изложение, конечно, лишь слабая тень подлинника. Тем более я не решусь передать содержание прекрасного, одновременно смешного, и трогательного, и высокого монолога в сонетах «*Villa Gloria*», того самого, которым, по словам Кардуччи, Паскарелла поднял диалектальную поэзию на высоту эпоса. Рассказ ведется от лица участника сражений между отрядом братьев Кайроли и папскими войсками. В нем есть строки, удивительные по простоте и силе выражения; там, где другой бытописатель употребил бы несколько страниц, Паскарелла ограничился ровно тремя строками.

²³ Типичное римское проклятие, которое сегодня употребляется в самом широком смысле; изначально означало «ну и негодяи твои / его предки, раз они породили такого негодяя, как ты / он».

Обойду молчанием прочих современных римских поэтов, пишущих на диалекте *romanesco*. В большей или меньшей степени все они делятся между школой Белли и школой Паскареллы, не внося ничего нового в изучение народного быта и духа. В последнее время римский диалект стал служить местным поэтам для тем общих, не имеющих непосредственного отношения ни к Риму, ни к его коренным обитателям. Еще чаще этот язык служит для стихотворных анекдотов сального характера, якобы введенных в обиход все тем же знаменитым Белли. Последнее совершенно неверно: Белли не допускал «цензурных урезок» речи простолюдина, но никогда не выискивал тем пикантных; его сонеты часто нецензурны по форме, но по содержанию почти всегда приличны. Они писались, конечно, не для молодых девиц, но уж во всяком случае не для старых юношей и юных стариков, ко вкусу которых подделываются его «подражатели».

Как я уже упомянул выше, пасквината в ее чистом виде исчезла в тот момент, когда пала светская власть папы и крутой абсолютистский режим уступил место конституционному строю. Родившаяся почти вместе с этим свободная или относительно свободная политическая пресса сделала излишним вывешивание анонимных картонов на шее Пасквино и Марфорио. Дело в том, что пасквината олицетворяла главным образом протест против деспотизма папы и его управителей, и в этом ее характерная особенность. С того момента как прежний властитель Рима был низведен до положения бессильного, хотя и добровольного ватиканского узника, нападки на него стали анахронизмом. Пасквино боролся с сильным, но не в его духе было добивать лежачего.

Римская народная сатира, поскольку она отражается в сонетах и шутках диалектальных поэтов, хотя и проникнута духом прежней пасквинаты, но решительно отличается от нее побудительными мотивами. Это уже не резкая политическая, но добродушная общественная сатира. Ее выступления направлены не против лиц или, точнее, не столько против отдельных лиц, сколько против среды; в ней больше шутки и печального юмора, чем злой насмешки. Что касается до политической прессы, то ей вообще не могла быть свойственной форма памфлета и она менее всего могла явиться отражением

народной сатиры. Отданная силою вещей в руки партийных и политических дельцов, она служила и служит лишь партии и общественному меньшинству, заигрывая с народом лишь тогда, когда он может оказаться ей нужным и полезным.

Однако папской власти, навсегда подкошенной в корне, предстояло пустить живой росток в форме клерикализма. Можно было отнять у папы власть светскую, но лишь длинный ряд лет может выкорчевать из народной души корни суеверия, над насаждением которого так много поработал папский Рим. Итальянец вообще не отличается особой религиозностью, но суеверен он, в особенности южанин, до чрезвычайности. Притом нынешний гражданский строй жизни не доставляет ему той массы внешних эффектов, какую давало ему церковное государство, а итальянец — страстный любитель блеска, театральности, яркой мишуры. Духовенство, знающее народ гораздо лучше, чем знают его современные политики, не исключая и социалистов, умело пользуется этими качествами простолюдина и умеет держать его в руках, действуя на семью через женщину и ребенка. При этом католическое духовенство не упускает случая пользоваться и приманками нового времени, организуя кооперативы, рабочие союзы, бесплатно обучая детей в своих школах. Таким образом, клерикализм остался величайшей опасностью для современной Италии и ее свободного гражданского развития. Можно смело сказать, что павший Ватикан сумел сохранить значительную долю своего влияния на народную жизнь.

И вот, поскольку эта власть Ватикана и официального католичества еще тяготеет над Римом и Италией, постольку старый враг папы, Пасквино, продолжает подавать признаки жизни. Истинным, хотя и выродившимся наследником римского сатирика нужно признать «антиклерикальный анекдот», столь излюбленный итальянцами. В Риме эта антиклерикальная сатира почти монополизирована журналом «L'Asino», «Осел», популярнейшим из итальянских юмористических изданий. «L'Asino» не диалектальный журнал, так как рассчитан на повсеместное распространение, и в этом, кажется, его первый недостаток, так как это знаменует отказ от наследства, завещанного ему истинным римлянином-простолудином Пасквино. Второй, еще более крупный недостаток его тот, что

«L'Asino» — журнал с партийной, социалистической окраской. Наконец самый большой недостаток журнала заключается в том, что он ведет борьбу не только против интриг Ватикана и влияния духовенства, но против католической религии, которой он желал бы противопоставить позитивное мышление. Таковы главные признаки вырождения Пасквино. Их, впрочем, вполне достаточно, чтобы признать «L'Asino» лишь отдаленным потомком выразителя римской народной сатиры. Как это ни странно, но свобода печати убила остроту шутки, которая теперь уже является не продуктом коллективного творчества, а лишь выпадом единичного остроумия. Если я все же упоминаю об этом журнале как о наследнике и преемнике Пасквино, то лишь исходя из основного мотива пасквины, делавшего ее орудием протеста и борьбы против папства, угнетателя народных масс, и против «сильных мира сего», черпающих свою силу в культивировании народного суеверия. Подобно Пасквино, «L'Asino» также нападает прежде всего не на среду и не на учреждения, а на личность папы и его влиятельных агентов, управляющих клерикальной политикой.

«L'Asino», конечно, не единственный наследник Пасквино. В Риме еще имеется еженедельная воскресная газета «Travaso», печатающаяся отчасти на диалекте и в самом Риме гораздо более распространенная, чем «L'Asino». Но она не носит ярко антиклерикальной окраски и по большей части оставляет в покое папу. В нынешнее военное время она не чужда и шовинизма. Не отличаясь особым остроумием, «Travaso» все же больше дает представление о былой народной сатире, чем иллюстрированный социалистический еженедельник. И это благодаря постоянному участию в ней римских диалектальных поэтов, заимствующих у трастеверинца если не остроту и меткость определений, то все же форму выражения и отдельные летучие словечки. Этими двумя изданиями исчерпывается в данное время отражение в периодической печати римской народной сатиры. Время и печать убили эту сатиру, но воссоздать ее искусственно уже не смогли²⁴.

²⁴ Журнал «L'Asino» («Осел») выходил с 1892 по 1925 год. Название заимствовано у политика и журналиста Франческо Доменико Гверрации, посетовавшего однажды на то, что «народ — просто осел: он приносит пользу, терпелив... его бьют палками». По настроению издание было антиклерикальным и близким социалистам. Газета «Travaso delle idee»

Быть может, еще один след былой сатиры можно найти в Риме, но уже в форме «устного предания». Это болтовня карнавальных масок на перекрестках народной части города. Куплеты, которые поются этими масками, представляют мало интереса и состояются обычно присяжными поэтами «*gomanesco*». Но в перерыве между куплетами вожак «тарантеллы», одетый графом Ругантино или почтенным патером, умеет сыпать блестящими импровизациями, в которых достается и Ватикану, и его агентам, и светским устроителям народного благополучия. Если такому остро слову удастся построить на сатирический лад праздничную толпу и втянуть ее в перекидную болтовню, то беспристрастному слушателю нетрудно бывает понять всю разницу между настоящей народной сатирой и ее бледным отражением в юмористической печати. Поймет он и то, как рождается коллективное творчество и как мало податливо оно на «цензурные урезки».

Но вымирают и «тарантеллы», год от года становясь реже и шаблоннее. Внешняя цивилизация не только разрушает исторические кварталы затибрского Рима, европеизируя костюм и обесцвечивая звучное «*gomanesco*», — она убивает остроту народной речи, приучая ее к заученным и литературным оборотам. Целый ряд пап не мог справиться с Пасквино, но цивилизация сумела наложить на его уста печать молчания. Быть может, недалеко время, когда мраморного плебея, бывшего некогда троянским героем, постигнет дальнейшее унижение: его перенесут в музей. Жалеть ли об этом? Ведь он сделал свое дело! Разве не выполнил он до конца свою миссию уже в тот момент, когда, слыша залпы пушек объединяющейся Италии, оказал своему ослабевшему врагу — папе — прощальное снисхождение: послал ему полинялый дождевой зонтик на случай непогоды?..

(«Разлитие идей») выходила с 1899 по 1966 год, в ней печатались лучшие сатирики и юмористы страны.

Зато вопреки предсказаниям Осоргина поэзия на романеско не умерла. На языке Рима писали Джиджи Дзанаццо, Трилусса, Марио дель Арко и многие другие. А вот традиция карнавала и тарантеллы, о которой Осоргин подробно рассказывает на последних страницах книги, к сожалению, осталась в прошлом. Сегодняшний римский карнавал не может поспорить со своими собратьями в Венеции или Виареджо, все свелось к развлечению детишек и туристов.

Часть третья



Заметки о литературе

1. Надежды на пришествие гения

У

современной Италии есть слабое место, которого касаться можно лишь с крайней осторожностью. Это литература. Слабым местом она является в двух смыслах: во-первых, современная итальянская литература сама по себе чрезвычайно слаба и ничтожна¹; во-вторых, говорить о ней с итальянцами не следует, потому что они обижаются, считая свою литературу или хотя бы своего Габриеле д'Аннунцио — грандиозным.

Обижаются, хотя в глубине души интеллигентный итальянец понимает, что литературная слава Италии не в настоящем, а в прошлом. Данте, Петрарка, Боккаччо... Все это прекрасно, конечно; скажем даже — Мандзони, Леопарди, наконец, Джозуэ Кардуччи... Но ведь все это было, все это не принадлежит Италии наших дней — молодой, свободной и обновленной. Остается лишь Габриеле д'Аннунцио, превосходный лирик, чередующий удачную драму с неудачной комедией, пишущий самые современные романы с автомобилем и аэропланом, в последнее время одним и тем же почерком написавший две книги: апологию войны и апологию христианского смирения. Конечно, любопытный и большой,

¹ Мнение о слабости современной литературы было весьма распространено и среди итальянцев. Впрочем, д'Аннунцио, о котором пойдет речь в начале этой главы, был настолько яркой фигурой, что притягивал к себе почти все внимание.

хоть и слабеющий с годами талант! Но ведь талант, а не гений, а молодой Италии нужен гений, по крайней мере новый Данте².

И во всяком случай не страна и не читатель виноваты в том, что гений не рождается. Его ждут с таким нетерпением, столько бабок и мамок сторожат его появление на свет, столько рук готово протянуться, чтобы облегчить его первые шаги, что остаться незамеченным он не может. И литературный небосвод, на котором ему суждено появиться, настолько сер, что даже маленькая звездочка покажется на нем хвостатой кометой. И все-таки гения нет, нет даже выдающегося таланта. Габриеле д'Аннунцио — и больше ничего, если не считать, что у этой звезды имеется немалый хвост «даннунцианцев».

Пришлось мне как-то присутствовать в Риме на конференции одного молодого поэта, об имени умолчу. Он выпустил года три-четыре назад тоненькую книжечку стихов, посвященных солнцу, и книжка немедленно разошлась без остатка. Чем бы ни объяснялся ее успех — внутренним достоинством или небольшим предисловием к ней все того же д'Аннунцио, но только юный поэт оказался знаменитостью; его хвалили, бранили, ласкали, поощряли; он стал членом Общества драматургов и писателей. И когда ему удалось написать еще несколько поэм и стихов, Общество драматургов устроило ему конференцию. Были отпечатаны афиши, сделаны публикации в газетах, критики выразили надежды, корреспонденты получили приглашения. И в день и час, назначенный для таинства, литературные сливки собрались в маленькой зале перед маленькой кафедрой.

И он прочел свой «гимн любви», свой пролог к будущей «национальной поэме», все свое *l'inachevé*³, нервно набросанное на клочках бумаги. «Это — плод бессонной ночи, — пояснил он. — Это — опыт гармонии мерцающих звезд»...

² Мандзони, Леопарди, Кардуччи... Отошлем заинтересованного читателя к полной «Истории литературы Италии», которая наконец-то выходит на русском языке стараниями ИМЛИ РАН. Основательную, умную книгу о д'Аннунцио написала Елена Шварц (Крылатый циклоп. СПб.: Вита-Нова, 2010) — так, как большой поэт может написать о другом большом поэте.

³ *l'inachevé* (*фр.*) — наброски, незавершенные сочинения.

Его слушали, ему аплодировали, ему жали руку, когда он, исчерпав вдохновение, резко сорвался с кафедры и убежал в артистическую комнату⁴.

Все это были маленькие красивые вещички, звучные и неглубокие, как неглубока вся современная итальянская литература. Но с каким вниманием его слушали! Какой нежной заботой окружен его юный талант! По-видимому, и публика, и критика, и издатели сделают все, чтобы расчистить перед ним дорогу, устранить все трения, в теплице взрастить эту поэзию.

Италия так мала, что в ней ничего не стоит сделаться знаменитостью. Можно с уверенностью сказать, что в ней ни один талант не погибает — разве от забот семи нянек. И все-таки великого писателя нет; он лишь ожидается. И, как хотите, в этом искании поэта, как и в отношении поэта к своему призванию, есть что-то трогательное. Тот, кто написал одну удачную поэму, уже считает себя отмеченным свыше. Он уже не принадлежит всецело себе; он чувствует себя призванным служить искусству и стране.

«Отец мой, мать моя, бесконечно благодарю вас за то, что вы создали меня на свет! От всей души благодарю вас, что вы дали мне доброе сердце! Я обожаю вас, и, если отечеству суждено прославиться мною, я хочу, чтобы не мне, а вам была отдана хвала»...

Это строки из письма одиннадцатилетнего Габриеле д'Аннунцио.

«Знай, отец мой, что лишь в этом я вижу единственную сладость, лишь в этом единственная награда за мой тяжелый труд. Мне нравится похвала, так как знаю, что она приятна и вам. Мне нравится слава, так как я знаю, что вы с ликованием услышите мое прославленное имя; мне нравится жизнь, так как я знаю, что она должна быть поддержкой и утешением вашим»...

Будь это в России, я бы вопреки правилам свободного воспитания рекомендовал посещать этого несносного и хвастливого мальчика. Но мы в Италии, и биографы Габриеле

⁴ Вероятно, это Эудженио Козелски, автор поэмы «Гимн Солнцу» (*Eugenio Coselschi. Linno al sole, con prefazione di Gabriele D'Annunzio. Torino: Società Tipografico-Editrice Nazionale, 1909*).

д'Аннунцио умиляются его письму. И его наставник с восторгом говорит ему:

— Учись, Габриеле, и доставь славу отечеству, семье и мне*.

Так говорил поэт, еще не родившийся для широкой публики, пожинавший лавры пока только в кругу семьи и своих школьных товарищей и наставников. Но в 16 лет он выступает с книжкой стихов, и все газеты гремят: *è nato un poeta!*⁵ И с этого момента он уже отмечен не только Провидением, но и критикой; он уже безусловно не принадлежит себе, он пишет:

«Моя первая миссия на этой земле — учить народ любить свою страну и быть честными гражданами, вторая — ненавидеть смертельной ненавистью врагов Италии и вечно биться с ними... О, если бы все итальянцы были подобны мне, дорого бы заплатили враги за нашу кровь, пролитую их подлостью и предательством!» И при этом он пишет оду королю Гумберту Савойскому, которую позже стыдится включить в собрание сочинений...⁶

Это очень характерно! Заметьте, что первая мечта итальянского поэта — стать поэтом национальным, для чего требуется, примерно, написать поэму о прикованном Прометее, под которым будет разумеется Италия под владычеством Австрии. Даже футуристы, «люди будущего», порвавшие с историей и бросающие в будущее локомотивы своего вдохновения, — даже и те строят свою славу на возгласе «Долой Австрию!».

Но вот слава поэта укрепилась. О нем думают, пишут, за ним ухаживают, его прославляют, ему открыты двери редакций и гостиных, ему однажды пожал руку король. О его болезнях, передвижениях, увлечениях посылаются телеграммы. Стоит ему задумать что-нибудь, чтобы многочисленные

* *Vincenzo Morello (Rastignac)*. Gabriele d'Annunzio. Roma: Società Editrice Nazionale, 1910.

⁵ Родился поэт!

⁶ В 1879 году шестнадцатилетний поэт публикует на отцовские деньги свое первое стихотворение — оду «Августейшему правителю Италии Умберто I Савойскому, XIV марта 1879 года, в день его рождения, поздравления и клятвы». Инициатором публикации был директор коллегии Чиконьини, где учился д'Аннунцио и где ожидали визита монарха.

друзья известили об этом мир; стоит ему написать, как поклонники уже выпрашивают у него черновик для будущего музея его имени. И удивительно, что при таком поклонении итальянцев каждому мало-мальски заметному писателю отличительным свойством итальянской литературы все же является удивительная честность отношения поэта к слову. Если на книжном рынке много мусора, то это результат не небрежности, а бесталанности итальянских беллетристов; но редкий из них не делает всего, что может. Любовь к языку, тщательная отделка всякой мелочи, преувеличенная забота о внешности — все это не может не делать чести художнику слова. И невольно прощаешь ему его наивное фанфаронство и ненасытную жажду снискать мировую славу пустыньким стихотворением или рассказцем⁷.

По поводу выхода романа д'Аннунцио «Быть может — да, быть может — нет» критики упоминали о 15 тысячах новых слов, введенных этим писателем в литературный язык, по его собственному подсчету. Это может показаться смешным, а между тем заслуживает внимания⁸. Если наши русские

⁷ Очень верное замечание. Чувство формы вообще характерно для итальянских литераторов. Мало кто из них скажет, что ему все равно — «как», главное — «что» или «зачем».

⁸ Д'Аннунцио оказал огромное влияние на итальянскую поэзию, но и в прозе он создал собственный, узнаваемый стиль. Блестяще образованный, наделенный исключительным языковым чутьем, он тщательно работал над текстами: с одной стороны, обращался к словарям и к авторам далекого прошлого, с другой — охотно употреблял неологизмы, заимствования из других языков, сам ловко изобретал новые слова. К примеру, он придумал слово «tramezzino» как перевод английского «sandwich», «vigili del fuoco» (букв. «неустанно следящие за огнем») вместо «пожарников», название универмага «Rinascente» (букв. «Возрождающаяся»). Потребность обновления прозы сам д'Аннунцио объяснил в предисловии к роману «Торжество смерти» (1894): «Преимущественная часть наших повествователей и бытописателей использует для собственных нужд лишь несколько сотен самых обычных слов, не замечая живое и неиспорченное богатство нашего языка... Словарь, которым обходится большинство, состоит из неясных, неточных слов смутного происхождения, поблекших и покореженных из-за пошлого употребления, которое отняло у них исходное значение или изменило его, вынудив обозначать нечто иное и даже противоположное». По мнению д'Аннунцио, современная, подлинно психологическая проза, стремящаяся выразить тончайшие оттенки чувств, малейшие движения человеческой души, должна отказаться от бесцветного повседневно-языка, современная проза должна быть близка по звучанию симфоническому оркестру.

поэты и беллетристы изощраются иногда в измышлении новых слов, то это в большинстве случаев — результат подражания Западу и стремление к дешевой оригинальности. Русский язык не исчерпан, да, кажется, и неисчерпаем как язык развивающийся. Быть может, было бы проще и плодотворнее вместо смешного коверканья языка заняться изучением народного эпоса да перечитать классиков. Но для итальянца уже имеется налицо дилемма: или повторяй сказанные, или сочини новые слова. Итальянский язык, при всей его красоте и звучности, уже настолько доразвился и замер, что для новых переживаний приходится изобретать новые слова и способы построения фраз⁹. Раньше люди не летали — теперь стали летать; для новых, незнакомых предкам ощущений д'Аннунцио счел долгом изобрести и вставить в роман известное количество летучих слов и синтаксических бипланов. А кстати, и самый аппарат он окрестил новым словом *velivolo* (нечто вроде — «летучий парус»). И слово это понравилось, стало повторяться и в какой-нибудь месяц получило в Италии все права гражданства, так что теперь это летучее слово пестрит даже на конфетах и на плохих печеньях с шоколадной прослойкой. И не из одного уважения к д'Аннунцио так охотно усваивают и переваривают его измыслы; нет, ведь слово и действительно удачное, и красивое, и главное — вполне итальянское. А вот назови наш Бальмонт автомобиль «колесною стремительностью» или аэроплан — «воздушной полётностью», невелика будет заслуга, да и клички окажутся мертворожденными хотя бы уж потому, что самый яростный славянолюб удовлетворится при нужде словами «самокат» и «самолет», известными еще древнерусской сказке и не имеющими синонимов в языке итальянском.

Но мы отклонились от темы; наш поэт родился, вырос, прославился и идет уже к склону. Если хотя одну его вещь перевели на иностранный язык — отечественная критика уже именует его мировым поэтом. Старость его покойна, так как отечество, наверное, даст ему кафедру литературы

⁹ Итальянский, как и всякий живой язык, конечно же, не замер и не исчерпал возможностей своего развития. Правда в том, что в Италии литературный язык сложился намного раньше, чем в России, и это влияет на его восприятие как сочинителями, так и читателями.

в одном из университетов. Джозуэ Кардуччи был профессором, как профессором был до конца дней своих и скончавшийся недавно поэт Джованни Пасколи. Почему бы не получить со временем кафедры и талантливому Семю Белли, трагедии которого удостоились даже постановки в Париже? Пока же он служит в банке. И все-таки, несмотря на благополучия, которые сыплются на голову итальянского таланта, талантов мало, очень мало, а гения так и нет... В лучшем случае имеются лишь звездочки третьей величины, а затем туманные пятна религиозных мистиков, неокатоликов, францисканцев, футуристов, эстетов, порнографов; это все, что отразила молодая Италия из области мучительных исканий современной творческой мысли. И, взяв извне молодые шаблоны, ее литература рискует потерять внутри свою лучшую традицию, то честное отношение к слову, которое я отмечал выше. По отношению к этим новаторам прав философ-критик Бенедетто Кроче, называющий их «рабочими одной и той же великой индустрии — великой индустрии пустоты» (*la grande industria del vuoto*). «Они собирают сырой материал, подвергают его первоначальной выделке, проводят через разные стадии обработки, придают ему форму мануфактурного изделия, выставляют в витрины и продают его восхищенным потребителям»*. Таким образом, на этот литературный цех надежд возлагать не приходится. А между тем все эти футуристские и авантюристские «литературные» течения, и только они, и являются новым в застывшей итальянской литературе. Никакая иная живая струя не вливается в ее обмелевшее русло. Достаточно сказать, что наша огромная и глубокая классическая литература известна Италии лишь в немногих случайных и неудачно подобранных образчиках, что итальянцы абсолютно не имеют понятия о северных писателях, которые даже нам, северянам же, дали ряд ценных открытий. *Horribile dictu...*¹⁰ они не слышали даже имени Кнута Гамсуна, и да предадут русские поклонники «Пана» проклятию эту невежественную Италию...

* *Benedetto Croce*. Letteratura e critica della letteratura contemporanea.

¹⁰ *Horribile dictu* (лат.) — страшно сказать.



Но не будем слишком строгими и слишком скептиками. Гения нет, но он должен родиться. Гения нет сейчас нигде; суррогатами его служат авторы всевозможных шантеклеров. Но если он должен родиться, то легче всего поэту родиться здесь, в Италии. Прежде чем заключить точкой это мое утверждение, я бросаю взгляд на открытое окно; передо мной — горизонт моря, оливы, обвитые виноградом, силуэт кипариса и огромный кусок этой удивительной воздушной лазури. И вечный шум прибоя... Красота, которой не опишешь! Нет, положительно именно здесь, в Италии, должен родиться поэт! Если не здесь, то где же?

Только что цитированный мною известный итальянский критик Бенедетто Кроче¹¹ различает два периода в современной итальянской литературе: первый от 1865 до 1885 года, период Джозуэ Кардуччи, и второй — от 1885 года до наших дней, период триады — Габриеле д'Аннунцио, Антонио Фогаццаро и Джованни Пасколи. Все эти четыре имени, конечно, известны читателю, но вряд ли все одинаково хорошо. В то время как Габриеле д'Аннунцио у нас читается и перечитывается и почти весь переведен (кроме лирики), о Кардуччи имеются лишь слабые понятия, Фогаццаро переведен лишь в незначительной части и уже забыт, а изящный поэт Пасколи почти совершенно неизвестен. Отчасти это понятно, так как поэтам-лирикам, перевод которых требует не одного усердия и знания языка, а соответствующего поэтического дара, вообще не везет в деле превращения из писателей национальных в мировые; так точно и наш Пушкин не знаком итальянцам, не говоря уже о Лермонтове, о котором они не имеют представления. Трудно только объяснить, чем обуславливается невнимание к Антонио Фогаццаро, который именно в данный момент как психолог, мистик и неокантик мог бы в России оказаться читаемым.

Как бы то ни было, нам, пока так мало знакомым с современной итальянской литературой, надлежит ознакомиться хотя бы с ее главными столпами. Поэтому, обходя даже

¹¹ Бенедетто Кроче (1866—1952) — крупнейший итальянский философ, историк, литературовед. Верный классическим идеалам, с недоверием относился к новейшим течениям, к проявлениям иррационального начала, не одобрял литературные эксперименты и авангард.

упоминанием второстепенных поэтов и сочинителей, я останавлиюсь на указанной Кроче триаде, прибавив к ней лишь одну звезду второй величины — модного драматурга Сема Бенелли и два слова о еще более модных футуристах.

Однако о Габриеле д'Аннунцио приходится условиться заранее. Как в России, так и в других странах за границы его считают и чтят драматургом и романистом. На родине его ценят хоть и выше стоимости, на мой личный взгляд, но гораздо правильнее. Д'Аннунцио прежде и больше всего поэт-лирик; оценить его можно лишь в подлиннике, так как он величайший мастер слога, безусловно первый мастер в Италии, но глубина его мысли относительна. Драма и роман — это слабейшие струны творчества д'Аннунцио, в чем ни для одного итальянца, любящего свой язык, нет никакого сомнения. Но и как поэт Габриеле д'Аннунцио, разумеется, не непогрешим. Это он доказал недавно своей последней книгой од в честь триполитанской авантюры.

Об этих одах, не рискующих появиться когда-нибудь на русском языке, и еще об одной, самой последней его книжке я здесь и скажу два слова¹². Говорить об остальных его произведениях было бы излишне, так как его романы и драмы всем прекрасно известны, а что до его чистой поэзии, то о ней не говорят; ее, повторяю, нужно читать и перечитывать не иначе как в подлиннике; всякое толкование может лишь заранее испортить всякое впечатление.

2. Последние книги д'Аннунцио

Воином Габриеле д'Аннунцио был всегда; мистиком он стал лишь в последнее время, и надолго ли — сказать трудно.

Особенного напряжения воинственность поэта достигла в связи с походом Италии на Триполи. Одновременно с первыми пушечными выстрелами появились первые оды д'Аннунцио; не прошло и трех месяцев, как эти оды вышли отдельной книжкой, и при этом сразу вторым изданием*.

¹² См. об этих стихотворениях также примечание 1 на с. 15

* *Gabriele d'Annunzio. Le canzoni della gesta d'Oltremare. 2-a ediz. Roma: Frat. Treves, 1912.*

Первое их издание внезапно подпало цензурной каре ввиду военного времени. Несколько терцин седьмой песни, «Песни о Дарданеллах», найдены властью «оскорбительными для союзной державы и ее государя». Поэтому на месте пяти выброшенных терцин стоят точки и сделано следующее примечание поэта:

«Эта песнь об обманутом отечестве искажена полицейской рукой по приказанию кавалера Джованни Джолитти, главы правительства Италии, 24 января 1912».

Из текста песни ясно — даже и для тех, кто не читал гуляющих по рукам секвестрованных терцин, — что речь здесь шла об Австрии и о дипломатическом запрете «христианнейших братьев» совать корабельный нос в Эгейское море.

Нельзя сказать, чтобы негодование Габриеле д'Аннунцио на осторожную политику было уж так важно и интересно. Поэт всегда должен кричать «Вперед!», невзирая на препятствия и отрицая дипломатическое благоразумие. Но из факта секвестра пятнадцати строчек сделали целое событие. Не о том, впрочем, волнуются, что самовольничает цензура, а о том, что не позволяют поэту ругать надоевшую и ненавистную всем союзницу. Поэта засыпают телеграммами, называют его жест благородным и смелым, возвращают ему отнятые было лавры; д'Аннунцио же на приветствия молодежи грустно благодарит и отвечает советом вступить в ирредентистские кружки.

Вернемся, однако же, к песням. Нужно признать, что написаны они прекрасно. Д'Аннунцио — великий знаток и мастер языка; оды его писаны сильными, торжественными, звучными аккордами. К сожалению, редкий итальянец может читать их без помощи нескольких словарей — исторических и технических, так как д'Аннунцио — великий археолог и стихи его — подлинный музей старых красивых слов и оборотов. Для удобства сам поэт прилагает к каждой оде объяснительную записку по поводу исторических лиц, событий и дат.

Не все оды, однако, равноценны. Чутье поэта облекло красотой те песни и части песен, где дело идет о подлинно великом, принадлежащем славе и истории. Там, где он говорит об Италии, своей родине, там «песня его рождается све-

жее утра», там его прекрасная страна кажется «выше своего жребия, прекраснее своей воздушной одежды». Там хочется верить, что это пишет подлинный изгнанник, убежище которого скрашивается высоким чувством патриота, хотя мы знаем, что д'Аннунцио, величающий себя изгнанником, живет в Париже, потому что жить там ему больше нравится. Но едва поэт начинает петь «круглыми устами пушки», как резким диссонансом начинают звучать маленькие имена героев, победы у арабского колодца рядом с торжественными архаическими словами и большими историческими именами. Внезапно поэт обращается в хроникера, и шаг за шагом, стих за стихом мы можем следить тоскливую череду победных телеграмм собственных корреспондентов, да притом еще телеграмм, прошедших через двойную военную цензуру. Адмиралам, капитанам, поручикам, а тем более простым солдатам и матросам приятно, конечно, прочесть свои имена, втиснутые в звучные терцины, но эти сегодняшние герои завтра окажутся простыми солдафонами, отнюдь не заслуживающими хвалебной оды. Это соображение, конечно, не препятствовало бы поэзии остаться поэзией, если бы только можно было назвать поэзией терцины вроде:

Bu-Meliana, Sidi-Messri, Sciarà —
Sciat, Henni!..
...Verri, Granafei, Briona,
Orsi, Bertasso, Grangitano, Zara,
Maccagatta, Spinelli!..

Первые две строки — названия оазисов и колодцев, три следующие — фамилии раненых и нераненых офицеров. В вольном переводе это звучало бы: «Иванов, Петров, Сидоров, Николаев! О, подпоручик Павлов!» и т.д. И делается страшно: а вдруг корреспондент перепутал фамилии и поэт ошибся в причислении к лику святых носителей этих абсолютно никому неизвестных имен?

Злободневность сильно повредила книге д'Аннунцио. Оды его писались постепенно, по мере накопления телеграмм, и печатались в газете «Corriere della Sera»; там они были вполне уместной хроникой, в книге же половина их по-

теряла всякий смысл и значение. Новая книга д'Аннунцио не принадлежит, таким образом, к тем его книгам, с переводом которых спешат везде, а у нас преимущественно; вернее сказать, она вообще не из тех книг, которые стоит переводить. Но любителям образцовых и возвышенных итальянских терцин она даст некоторыми страницами немало наслаждения. Автор слабой «Федры» и интернациональных виршей «Св. Севастьяна»¹³ своей новой книгой показал, что он остался великим мастером стиха, не сделавшись ни дальновидным политиком, ни вдумчивым патриотом. Идя мимо неглубокого и вычурно подобранного содержания его од, приятно ловить ухом их удивительные по звучности оттенки.

Не прошло, кажется, трех месяцев с появления бравурных од д'Аннунцио, как в витринах книжных магазинов вновь появилась заманчивая новинка «парижского изгнанника»: скромный томик в синей обложке. Те, кто, не остыв еще от воинственных восторгов, навеянных одами, бросились почерпнуть в ней новый заряд пыла, немедленно разочаровались. Критика ненадолго остановилась на его новой книге: отметила, улыбнулась, усомнилась, простила и прошла мимо. Ни в самой Италии, ни за границей никто не заинтересовался серьезно новинкой и никто не придал ей значения. Это странно, потому что новая книжка д'Аннунцио интересна если не сама по себе, то своим предисловием, написанным в форме письма к Марио Пелозини, другу поэта.

На этот раз д'Аннунцио бросил меч, снял рыцарские доспехи и предстал перед публикой в образе кающегося грешника. «Созерцание смерти»* — ряд красиво написанных страниц, навеянных смертью двух его друзей-поэтов,

¹³ «Федра» — трагедия, по которой написана опера Ильдебрандо Пиццетти; «Мученичество св. Севастьяна» — мистерия, сочиненная д'Аннунцио на французском, музыку к ней написал Клод Дебюсси, постановку осуществили Лев Бакст и Михаил Фокин, заглавную роль исполнила Ида Рубинштейн, в спектакле приняли участие Анна Павлова и Вацлав Нижинский.

* *Gabriele d'Annunzio. Contemplazione della morte. Milano, 1912.*

Джованни Пасколи и Адольфа Бармонда¹⁴. Не будь предисловия, можно бы счесть эту книгу за обычную дань «созерцанию смерти», посещающему иногда даже таких закоренелых язычников, как д'Аннунцио. Но предисловие говорит ясно, что поэт серьезно решил покинуть прежние пути своей бурной жизни и искать путь новый. После жестокой и, казалось, победоносной борьбы с Галилеянином он неожиданно выступает проповедником «жизни во Христе».

«Долгое время, — пишет д'Аннунцио, — я считал Галилеянина за врага. Хотя я не боялся «бога без мускулов», но мне не приходилось глядеть Ему в глаза. Теперь Он грядет впереди меня, шествуя по этим водам, как по морю Тивериадскому. Вчера Он предстал мне на берегу и сказал: «Брось сети!»

Имена и цитаты из Евангелия, даже евангельский возвышенный слог — одним словом, все, кроме евангельского смирения, имеется налицо в предисловии к «Созерцанию смерти». Д'Аннунцио уже более не поет и не говорит, он вещает:

«И отныне знаю я, что истинный бог есть тот, которому нельзя не повиноваться, против которого нельзя прегрешить. Его я должен найти и познать.

И таково качество веры моей, что когда открываю я книгу «Комедии», то *верю*, что Данте во плоти и духе посетил три Царства.

И я, одно время хотевший быть Учителем, знаю теперь, что ничто, воистину живое и божественное, не может быть преподавано.

И я, не раз отталкивавший оскорбление, понимаю теперь слова Хризостома: «Никто не может быть обижен иначе, как самим собой».

И я воспринял теперь силу от всех моих ошибок победенных и пороков превзойденных, как тот кавалер из романа

¹⁴ «Созерцание смерти» (1912) — сборник, к которому представлены четыре сочинения д'Аннунцио, посвященные памяти его друзей — Марио Пелозини (преподавателя актерского мастерства), Джованни Пасколи и Адольфа Бермона (владельца виллы, на которой гостил поэт, глубоко верующего человека). С Бермоном, пытавшимся приблизить его к христианству, д'Аннунцио вел долгие беседы; болезнь и смерть друга дали толчок для размышлений, составивших третью и четвертую части книги.

каролингов, который унаследовал власть всех людей и чудовищ, сраженных его мечом.

И знаю я, что далекие очи тех, кто плакали и плачут об ошибках моих и пороках моих, не могут быть чистыми, ни глубокими.

И кто любит меня, да знает, что от каждого моего разрушенного жилища я всегда умел сберечь камень, на котором высечен девиз свободы моей: «Chi 'l tenerà legato» («Кто удержит его связанным?»).

И никогда не соглашусь я быть пленником, хотя бы и пленником славы.

И никогда не соглашусь я признать мои границы.

И никогда не буду я колебаться перед требованием духа моего и цикуты.

И никогда не остановлюсь я перед скрещением путей моих.

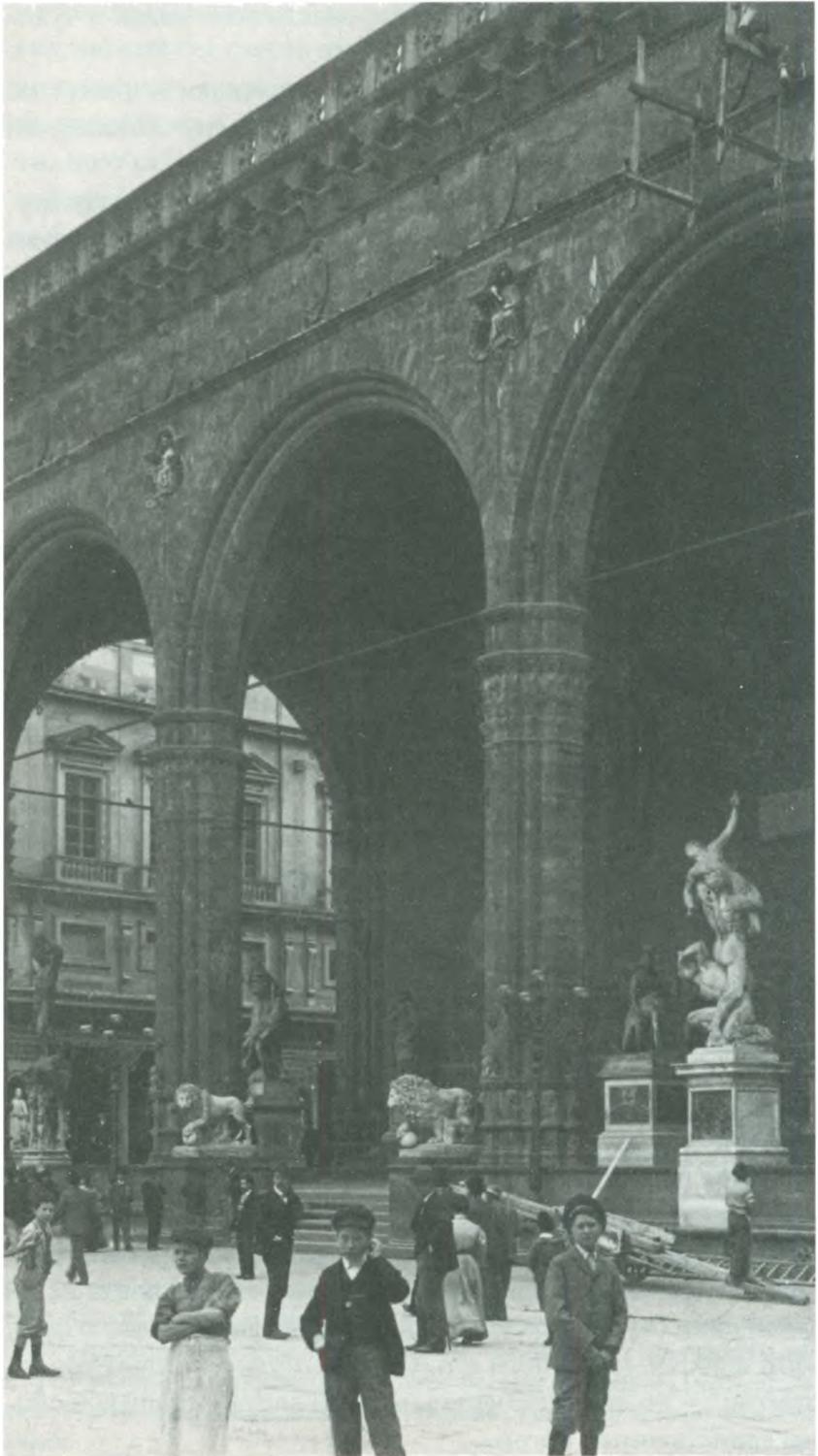
И сберегу свежим неугасимый жар смеха моего даже и в крайней печали.

И говорю я, что элемент бога моего есть будущее.

И говорю я, что тем, чем не являюсь я, — завтра другой станет через доблесть мою».

Кто знает последние годы жизни «парижского изгнанника» и его неприятности на родине, ничего общего с поэзией не имеющие, тот уловит в этой новой нагорной проповеди немало личных мотивов. Во всяком случае тяготение д'Аннунцио ко Христу вызывает некоторую улыбку: слог евангельский, а гордость сатанинская. «Я допускаю, — пишет один итальянский критик, — что д'Аннунцио любит сейчас своего «прекрасного врага», но не могу поверить, чтобы он согласился пожертвовать ему хотя бы часть самого себя».

Такое недоверие законно. Габриеле д'Аннунцио, при всем его таланте, — великий мастер саморекламы. В те годы, когда ему не удавалось выпустить боевой книги, он заставлял о себе говорить либо какой-нибудь новой скандальной историей, либо слухами о своем новом обращении в новую веру. «Его любви, как и боги его, бесчисленны, — пишет тот же критик, — но он всегда оставался сам своей любовью и своим единственным богом».



Поэтому, приветствуя это «ангельское посещение» любимого поэта, итальянцы никак не хотят примириться с возможностью обращения его на путь христианского мышления.

«Он столько вкусил тела и крови женщины, — говорят они, — что захотел испробовать росы и манны небесной. Но это его не насытит надолго!» Короче говоря, почитатели поэта верят, что он, прибавив к своей арфе новую таинственную струну, скоро снова отринет небо и вернется к Олимпу, склонившись пред Дианой Эфесской, как сейчас склонился перед Назареем.

Вероятно, они правы. И все же новая нота в творчестве д'Аннунцио многозначительна и драгоценна. Язычник и певец тела почувствовал усталость и пресыщение. Многобожнику захотелось иметь одного, своего бога, перед величием которого мог бы склониться и он, воспевший и осмеявший весь Олимп, с которым он был на слишком приятельской ноге. Д'Аннунцио явно скучает по цельном и глубоком мирозерцании, по вере правой, которая дала бы устой расшатанной жизни. Его Христос своеобразен и совсем не похож на евангельского. Но он намекает и на своего настоящего бога, когда говорит: «Элемент моего бога — будущее». На будущее, еще не найденное, еще искомое, — его надежда. Его «будущее» есть новый светоч, новый идеал, быть может, самому ему недоступный, но который откроется другому, наследнику его «доблести». В одном месте своей новой книги он говорит:

«Кто Испытатель, которого ждете вы и ждут равные вам? Быть может, новое священное чувство заполняет свежие очи, которых я не знаю, которых я никогда не увижу. Порою, когда я вслушиваюсь, мне кажется, что слышу я, как возносятся мысли, подобно серебру и кристаллу громадного детского хора, поднимавшегося со Стадиума в субальпийский город. Кто-то стучит и ломится в далекие двери; и неясный шум — кажется мне — достигает моих ушей. Кто-то несет в себе все скрытое и жаждущее поколение, требующее своего рождения. И кто идет против меня в молчании с другого склона века? Не тот ли, кого я возвестил?»

Но пусть поэт предвидит другого, возвещенного им и идущего против него с другого склона века. Все же уступить ему он не хочет. В нем самом еще много сил, и он сам хочет постигнуть своего бога. «Все же не напрасно жевал я лист лавра, как прорицатели, хотя и боясь прорицаний сердца моего! И к чему мне возрождение, когда я рождался каждое утро?» Именно этими словами начинает он свое «credo», приведенное мною выше.

Таким образом, нельзя отнести к «ангельскому посещению» д'Аннунцио только как к новому фокусу ради привлечения внимания. Даже и в ломаньях истинного поэта всегда есть элемент искренности и значительности¹⁵.

¹⁵ Досадно, что Осоргин сосредотачивается на сочинениях д'Аннунцио, которые не позволяют оценить масштаб его дарования. Отошлем читателя к существующим немногочисленным переводам его стихов и к более многочисленным переводам прозы (например, к автобиографическому «Ноктюрну», отчасти близкому «Созерцанию смерти»). Об известности в России свидетельствует «Ода д'Аннунцио» (1915) Николая Гумилева:

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были:
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в ее стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,
К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда все лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

3. Джованни Пасколи

«В прежние годы были у нас тут также и те ласточки, у которых грудка красноватая, а не белая, и длинный раздвоенный хвост, и голос нежнее и говорливее. Но были у них какие-то счеты с этими белогрудыми задорными сестрицами, и они выселились. Есть еще одно-два гнезда под церковной крышей, в тенистом и уединенном местечке; с одной стороны до них доносится пение вечерни и литии, с другой — журчание Медвежьего ручья. О, ласточки красногрудые, о, ласточки белогрудые, если бы вы могли жить в согласии! Я хотел бы, чтобы те и другие ютились у меня под крышей, и хотел бы, чтобы весь день, пока я сижу согнувшись над книгами, по моим глазам, занятым совсем другим, мелькали часто-часто тени вашего полета! Но уже и вы, белые, составляете мне славную компанию. Не знаю, что такое сегодня случилось. Слышал я оживленное семейное совещание в гнезде. Что это там решалось? Может быть, новые квартиры строить задумали? Ну-ну, действуйте! Желаю вам хорошей охоты! Мух нынче множество, как и всегда. Кстати, спрашивают, зачем созданы мухи? Ясно, чтобы питать ласточек! А ласточки?

Слова: «Встает великий Рим,
Берите ружья, дети горя...»
— Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Ее стариннейшего права.

А горы стынут в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь, встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И всё поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

Ясно, чтобы учить людей (поэтому они и селятся над их окнами) разным вещам: семейной любви и устройству гнездышка».

Этот идиллистический кусочек из предисловия Пасколи к книге «Роemetti», написанного прозой в форме письма к сестре, дает понятие о творчестве недавно умершего поэта не хуже, чем любое из его лирических стихотворений, так мало доступных для перевода. Пасколи — «сын Вергилия» (так назвал его Габриеле д'Аннунцио), и уже тем самым он «несвоевременный» поэт. Но тот же д'Аннунцио, откликнувшись, и даже по телеграфу, на известие о смерти поэта, назвал Пасколи «величайшим поэтом Италии после Петрарки». Один этот отзыв, столь поразительный по бескорыстию и самоотверженности отнюдь не скромного его автора, должен заставить нас более внимательным образом проводить ушедшую в вечность тень знаменитого итальянского поэта.

Я только что назвал Пасколи «несвоевременным» поэтом. И правда, он как-то не к месту среди прочих писателей современной Италии. Ведь поэт — не только дитя века, но и дитя дней сих; и ни век, ни дни сии не благоприятствовали зарождению в итальянской поэзии идиллической песни об уединенном деревенском уголке и белогрудых ласточках Романьи, о мирном очаге и скромном ужине крестьянской семьи. Напротив, век Пасколи был полугероическим-полупромышленным для Италии, создавшейся из заговора и революции и пришедшей к расцвету национализма и нынешней войне через десятилетия поклонения фабричным трубам и накопления богатств. Откуда же взялись эти георгики и буколики, созданные пером профессора Болонского университета и преемника и в поэзии, и на кафедре классического Джозуэ Кардуччи?

Нужно, впрочем, оговориться. Пасколи все же отдал дань и злобам Третьей Италии, ее героизму и ее промышленному духу, и даже дань обильную. О том говорит книга его од и гимнов, равно как и его предсмертные поэмы, посвященные Риму и Турину, в дни национальных торжеств пятидесятилетия Италии. Но мы, желая понять сущность поэзии Джованни Пасколи, ее основные мотивы, можем пройти мимо его героических песен с таким же правом, как мимо его уни-

верситетских лекций, исследований о Данте и переводов с других языков. Настоящий Пасколи остается в «георгиках» и интимных мотивах, составляющих три лучшие тома его сочинений.

«Несвоевременность» поэзии Пасколи и ее несовременность объясняются исключительным ее субъективизмом. Значительная доля его стихотворений — интимно-автобиографического характера. Свой дом, своя деревня, свои ласочки, своя личная драма, претворившаяся с годами в свою тихую, всепрощающую грусть. Поэтому без хотя бы общих сведений о личной жизни Пасколи нельзя понять и оценить его поэзии.

Пасколи умер не старым, всего 57 лет; сразила его тяжелая и затяжная болезнь. Родом он из Романьи, давшей Италии стольких выдающихся писателей. 17 лет от роду он пережил семейную трагедию, положившую отпечаток на всю его жизнь и на его поэзию. Однажды ночью его отец, скромный фермер, возвращавшийся через лес, был убит неизвестно кем и за что. Едва семья, впавшая сразу в бедность, начала оправляться, как в короткий промежуток времени умер старший брат Пасколи, заменивший в семье отца, и старуха мать. Юноша остался без средств с двумя сестрами на руках. Чтобы поддержать свою «семью», Пасколи решил добиться образовательного ценза; он окончил университет в Болонье, где его лучшим профессором был Джузе Кардуччи. Впоследствии, когда Кардуччи умер, Пасколи занял его кафедру итальянской литературы, предварительно пройдя преподавательскую карьеру в разных городах в качестве гимназического учителя и университетского профессора латинского языка. Пасколи был выдающимся латинистом и 16 раз получал премии амстердамского международного конкурса за лучшее латинское стихотворение. Кроме того, он был ученым-дантологом, внесшим в изучение Данте много оригинального и отличного от догматов ортодоксальной дантологии.

Трагедия юности положила на поэзию Пасколи прочный и неизгладимый отпечаток. Тому, кто хочет знать ее подробности, достаточно читать его лирику, где не опущен ни один момент печальной юности. Но с годами трагедия жизни пре-

ломилась в тихую поэтическую грусть, созвучно гармонирующую с грустью романской природы. Пасколи — великий мастер в изображении тихой деревенской жизни, в стихотворном подражании языку животных и птиц, в картинах природы, в передаче мимолетных, скользких, неясных чувствований. Как бытописатель сельской идиллии он действительно — сын Вергилия, влияние которого особенно сказывается в первой книге стихов Пасколи «Mugicae», быть может, самой нужной, хотя и не самой зрелой из его книг. Но главный расцвет его дарования — это его «Poemetti» и «Canti di Castelvecchio»¹⁶. Гимны и оды — неизбежная дань поэзии у всех итальянских поэтов, всегда искусные по языку и сложению и столь чтимые итальянцами, — я отнес бы к самым слабым проявлениям дарования покойного поэта. Кроме оригинальной поэзии, Пасколи издал много переводов, в том числе переводы из «Илиады» и «Одиссеи» итальянским гекзаметром, часть которых рассеяна по учебным хрестоматиям.

Пасколи — редкий, если не единственный из итальянских поэтов, в творениях которого не только не преобладает, но почти отсутствует воспевание женщины и любви плотской. Материнская любовь, братская дружба, сыновняя преданность, альтруизм — вот мотивы его поэзии, не доставившие бы ему славы в наше время, если бы не чудная художественная форма его стихотворений. Интересна черточка жизни Пасколи: он не женился, чтобы не расставаться со своей сестрой Марией, которая ради дружбы к нему не вышла замуж. Всю жизнь он прожил с нею и умер на ее руках. Ей посвящена лучшая его книга («Primi poemetti»)¹⁷.

Возьмем теперь лучшие из стихотворений Пасколи, и мы найдем в них грустный и бесконечный перепев все той же печальной истории его юношеских лет.

Вот чалая кобыла («La cavalla storna»), пришедшая к вечеру домой, но не привезшая хозяина, который уже никогда не вернется. Доброе, верное животное, но не умеющее расска-

¹⁶ «Poemetti» — букв. «Маленькие поэмы» (1897); «Mugicae» — «Тамариск» (1891), «Canti di Castelvecchio» — «Песни Кастельвеккьо» (1903).

¹⁷ «Первые стихотворения».

зять, кто и за что убил его господина. Когда отец уезжал в город за покупками, малютка дочь не хотела его отпустить; она отнимала у него палку, тянула его назад и горько плакала; но маленькая ручка не смогла удержать его, и он не вернулся домой («Un ricordo»)¹⁸.

Юноша хотел мстить за смерть отца; много сил потратил на то, чтобы хоть узнать имя убийцы. Но шли годы, и чувство мести уступило место чувству всепрощения. Пусть все живут в мире, пусть все любят друг друга. Как случилось в нем это превращение? Оно создано образом матери. В годы зрелости он слышал один ласковый, звенящий голос — голос с того света. Только одно слово произносил этот голос: «Zvani»*; этот голос, усталый, дрожащий, помогал ему в годы суровой нужды, облегчал ему долгие дни в тюрьме и в минуты отчаяния учил его «жить и быть добрым» («La voce»¹⁹).

В этих намеках — целый период жизни Пасколи, бедного студента, затем заговорщика, отбывшего дань тюремной решетке во дни Возрождения. Образ матери, ясный и определенный, расплывается затем в несколько смутное, обобщенное преклонение перед материнством. В прекрасной лирике Пасколи «Сон девы» («Il sogno della vergine») материнство пробуждается в чистой девушке, которая грезит во сне ребенком. Этот сын, «рожденный тайным смехом души, этот цветок, зарожденный без семени, свет, явившийся не от огня», лежит в колыбели, которая бесшумно качается в глубоком молчании ночи. Восходит заря, и это дитя мгновенья исчезает, не рожденное, созданное и похищенное девичьим сном.

А вот два ребенка («I due fanciulli»), мать которых оставила их поиграть в тенистой аллее. Сначала они играют мирно; но вот среди них возник какой-то спор. В их глазах зажглись огоньки раздора, на нежных пальцах выросли когти, в маленьких сердцах появилась откуда-то жажда крови; и правда, кровь показалась на их расцарапанных лицах! К ним спешит

¹⁸ «Воспоминание».

* *Giovannino*, уменьшительное на диалекте романьи (Ванечка).

¹⁹ «Голос».

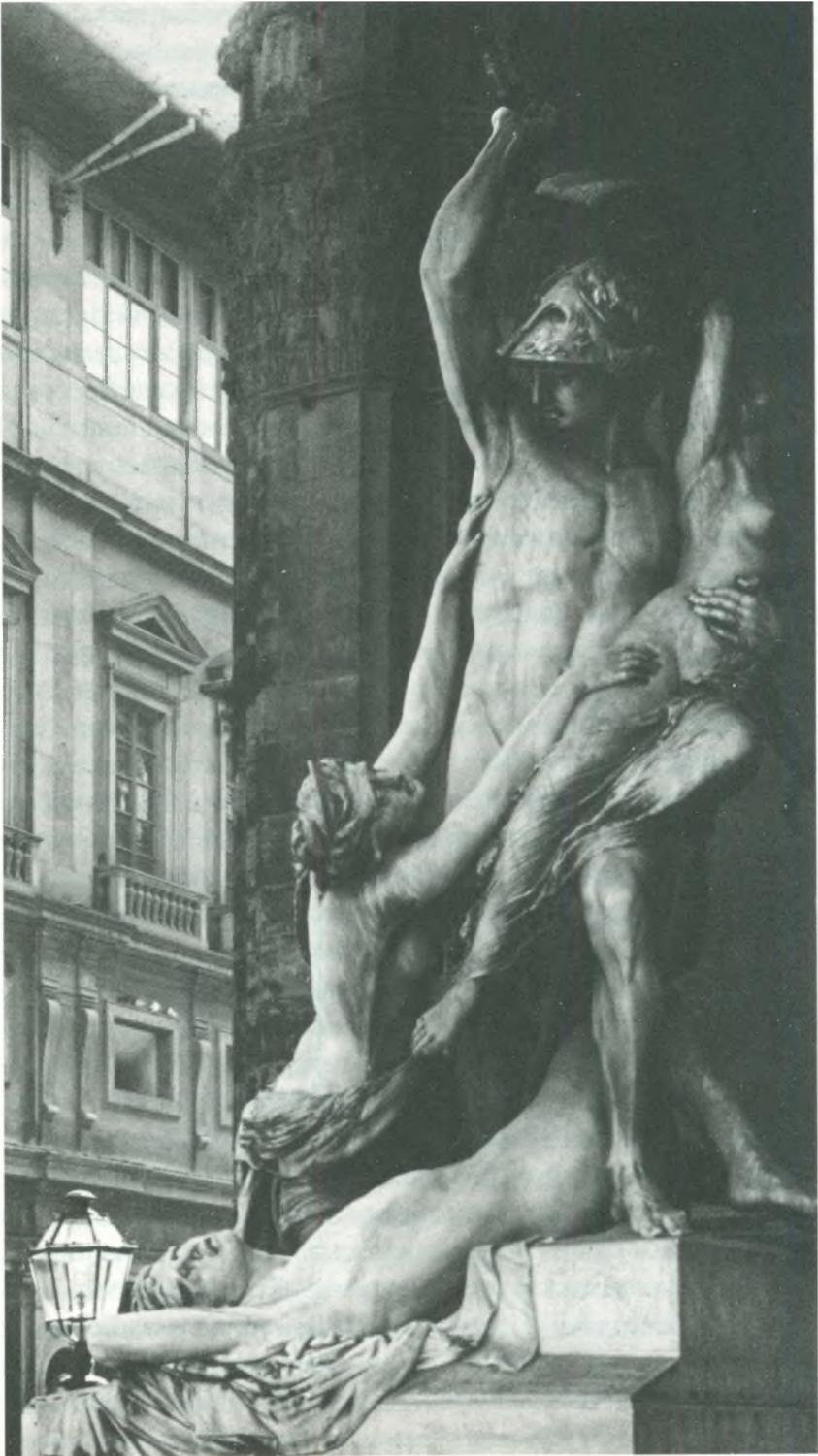
мать: «Ступайте в постель, дурные!» Она уложила их вместе, и через час, тихо-тихо, подкралась со свечой к их постели: маленькие львята, испугавшись темноты, спят мирно, обнявшись, и она с улыбкой прикрывает их одеялом...

В этой картинке, навеянной тем же преклонением перед материнством, — вся философия Пасколи. «Uomini, raise! — восклицает он. — Живите в мире, люди! На земле слишком много тайн; и лишь тот не ошибается, кто в минуту страха ищет себе братьев. Мир вам, братья! Пусть руки, которые вы рано или поздно протянете ближним, не знают борьбы и угроз. И пусть будет добрым ваш сон на спокойных и белых постелях, когда над вами нежданно-негаданно склонится смерть со своей зажженной лампадой».

Странно звучат эти строки сейчас! Странно, что они написаны Пасколи и что они гармонируют со всем лучшим, что писал тот самый Пасколи, который лишь незадолго перед тем, как «нежданно-негаданно смерть со своей зажженной лампадой» склонилась над ним, говорил: «Если бы я был моложе, я пошел бы сам на войну. Вот ответ на вопрос о моем отношении к триполийскому походу!» Очевидно, ни один поэт не может обойтись без противоречий. И как примирить со всем этим его героические оды? Мне кажется, примирить все же можно. Вот как резюмирует лучший из итальянских критиков, Бенедетто Кроче, философию Пасколи: «Истинный поэт — ребенок; это — душа, любящая малое, малые вещи, маленькую деревню, лужок, огород с ручейком, окруженный рощицей, лошадку, тележку, клумбу. И любит с нежностью и милосердием. Ибо поэт — не только ребенок, но и нищий духом, часто слепой и старый. Вследствие этого, поскольку он поэт, он всегда — проповедник добрых гражданских обычаев, любви к отечеству, семье, человечеству; как человек гуманный, он всегда — социалист. Он отрицает непоэтическое и в конечном счете находит, что то, что не поэтично, как раз совпадает с тем, что мораль признает дурным и эстетика — некрасивым. Все, что выходит за пределы этой любви к малому, не есть поэзия. Оружие, военные колесницы, путешествия, приключения — это да, так как и ребенок ищет их с жадностью. Но не любовь, не эрос! И не вся остальная серия страстей! Все это не элемент поэзии, но элемент драмы,

не чувство, не фантазия, не чистая поэзия, но прикладная». Бенедетто Кроче как философ не может, конечно, не осудить такой шаткой поэтико-философской системы. Но для нас она объясняет многое и позволяет отделить у Пасколи его поэзию чистую от поэзии «прикладной».

В конце концов, утверждая Пасколи как истинного и выдающегося поэта, как «величайшего поэта Италии после Петрарки», нам неважно, большие или малые интересы влекли его и пробуждали его музу. Важно то, что Пасколи действительно первый стилист в современной итальянской литературе. Его стихи поразительно звучны и художественны; он владел тайным искусством — легким, попутным штрихом давать образ и ландшафт, рождать красоту и будить чувство. К итальянскому искусству критика прилагает — и должна прилагать — мерку исключительную. Здесь не ценят, и не могут, и не должны ценить крик души, облеченный в рифмы более или менее созвучные. Итальянский поэтический стиль вырабатывался вековой культурой, и поэт здесь шлифует свои творения с упорством терпеливого гранильщика. Возьмите книги д'Аннунцио или того же Пасколи; в конце их вы найдете несколько страничек примечаний, в которых автор, предполагая возможную и ожидаемую критику, защищает свое право на тот или иной размер, на те или иные отдельные слова. Он ссылается на классиков — и ему есть на кого ссылаться! Он отстаивает свои новшества, и он чувствует, что это важно и значительно. Поэзия — не забава и не область легких побед над читателем; поэзия — труднейший из путей творчества, пролагаемый сквозь скалы народного языка и сквозь нагромождения традиций. Метнуть слово не трудно, но нужно иметь на это право; нужно оправдаться перед лицом прошлого и убедить будущее. Вот почему, при многочисленности поэтов в Италии, истинных и признанных поэтов в ней мало. «Итальянская литература — а это великая литература — за шесть веков насчитывает десять или пятнадцать истинных поэтов», — говорит Бенедетто Кроче. Строжайший из итальянских критиков не внесет в их число Джованни Пасколи. Но это не лишает Пасколи права быть названным — наряду с Габриеле д'Аннунцио — великим поэтом Италии современ-



ной, необходимым звеном в преемственной цепи созидателей великой итальянской литературы.

И тем не менее «несвоевременность» Джованни Пасколи остается фактом. В этом глубокое отличие его от Габриеле д'Аннунцио, этого истинного «дитяти века и дней сих». Оба поэта начали писать под одним напором богатых впечатлений героической эпохи; оба прошли школу классического Кардуччи; оба перешагнули через нее. Но пути их разошлись. Д'Аннунцио взял себе львиную часть жизни и стал певцом ее радостей и утех, певцом победы и завоеваний; Пасколи остался певцом скорби и грусти. Д'Аннунцио ярок красками, блестящ и звонок; Пасколи туманен, мелодичен и полон поэтической меланхолии. Оба смотрят в будущее: д'Аннунцио с уверенностью, Пасколи с надеждой. Ландшафт д'Аннунцио — экзотические пальмы; неизменный фон живописной поэзии Пасколи — родной луг и опушка родного леса. Отсюда и разница в их судьбе.

Громкая слава, почти всемирная, выпала на долю д'Аннунцио, правда, не как лирика, но главным образом как романиста и драматурга. Пасколи, певец очага и родного села, остался дома, где перед ним благоговейно склонились те, кто фанатически рукоплещет д'Аннунцио. Там, где кипит жизнь, как она кипит теперь в Италии, там нужен и там в почете д'Аннунцио, певец и «сын солнца». Но шумный день сменяется мечтательной ночью, а ночь несет раздумье и грусть; где грусть, там певцом ее выступает Джованни Пасколи. Д'Аннунцио — жаркий итальянский полдень; Пасколи — мечтательная итальянская полночь за городом, среди полей, под ласковым и грустным небом. Д'Аннунцио — порыв в жизнь, Пасколи — *memento mori*²⁰. Но, как бы мы ни продлили эту параллель, останется неизменным то, что век и сегодняшний день зовут и рвутся вперед, отсылая покаяние к далекому будущему. Старый романтизм изжит, новый еще не созрел. И Пасколи, чистый идиллик и туманный романтик будущего, остается «несвоевременным» по своему миро-созерцанию и по своим темам. И все же по форме и по стилю его поэзия много опередила многих, достигнув возможного

²⁰ *Memento mori* (лат.) — «Помни о смерти».

совершенства. Быть может, блеск отдельных поэтических алмазов ярче у д'Аннунцио, но их цельность, ценность и чеканка влечет знатока к книгам Пасколи. Однако эта тщательная чеканка — труд скрытый, ведомый лишь самому поэту. Читатель и слушатель его стихов выносит впечатление, что они рождались сами, свободно, как бы выливаясь из-под пера поэта цельными поэмами и поэматтами так же легко, свободно, нечаянно и беспричинно, как смеется девушка в одной из его идиллий:

Были в цвету сирень и оливы,
Она шила подвенечное платье.
Небо еще не раскрыло окошечек звезд,
И еще не закрылась листва мимозы,
Как вдруг она засмеялась; о, черные ласточки,
Она засмеялась нечаянно, но над чем? Кому?
Засмеялась — так, засмеялась ангелам,
Засмеялась розовым и золотым облачкам...²¹

²¹ Осоргин достаточно подробно рассказывает о Пасколи; чувствуется, что поэт и его произведения вызывают у него искреннюю симпатию. Для полноты картины добавим, что в конце XIX — начале XX века произошел перелом в итальянской поэзии. Традиционная система жанров, определявшая соответствие темы, метрики и языка, исчерпала себя, как исчерпал поэтический язык, сложившийся еще в эпоху Петрарки и существенно отличавшийся по лексике и по грамматике от живого не только разговорного, но и письменного языка. Нащупать новый путь пытался еще Кардуччи, однако подлинный переворот совершили поэты следующего поколения — д'Аннунцио и Пасколи. Замкнутый, мнительный Пасколи был полной противоположностью товарища по поэтическому цеху — властителя умов и яркой публичной фигуры, однако сам Пасколи совершил тихую, но радикальную революцию. Сводить его творчество к автобиографическим мотивам было бы ошибкой: поэт неизменно поднимается до архетипических, символических сюжетов и персонажей. Не случайно в трактате «Дитя» он призывал поэта уподобиться маленькому ребенку, довериться ощущениям, взглянуть в обыденные предметы и увидеть скрытую в них тайну.

Невозможно судить о поэте, не читая его произведений. Приведем в дополнение одно стихотворение Пасколи в переводе Василия Сумбатова.

Ноябрь

Прозрачно в воздухе, и солнце так смеется,
Что миндалей цветущих ищешь взглядом, —
И будто запах горький в сердце льется
Весенним ядом.

4. Антонио Фогаццаро

Третий из столпов современной итальянской литературы, Антонио Фогаццаро, также лишь недавно умерший, был прямым преемником знаменитого Мандзони, «Обрученные» которого считаются образчиком не только старого итальянского романа, но и прекрасного итальянского языка²². Мандзони занимал в итальянской литературе выдающееся место, и его влияние отразилось на многих позднейших романах. Как известно, психологическое христианское течение в итальянской литературе обрывается в Средние века, именно в XIII веке. После Данте в литературе Возрождения царит язычество, антихристианизм, латинская форма, и религиозное чувство оставляется надолго. XV век с его обожанием государственности, силы, как и эпоха Тассо, не занимаются совершенно вопросами морали. Таким образом, Мандзони как моралист, христианин и католик является продолжателем писателей XIII века; «I fioretti» Франциска Ассизского, несомненно, родственны «Священным гимнам» автора «Обрученных». Но романтическое течение, созданное Мандзони, быстро замирает; в противоположность романтизму немецкому, глубокому и содержательному, романтизм Мандзони, воспитанного во Франции, не глубок и подражателен и не

Но облетели листья; черным, тонким
Узором ветки небо расписали;
Земля как бы пуста под шагом звонким,
И пусты дали.

Вокруг безмолвье. Лишь порой шуршанье
Опавших листьев будит ветер где-то.
Царит повсюду лето увяданья
И смерти лето.

²² Алессандро Мандзони (1785—1873) — крупнейший итальянский писатель, поэт, драматург и общественный деятель. Исторический роман «Обрученные» считается вершиной итальянского романтизма. До сих пор это самое популярное произведение итальянской литературы XIX века, что подтверждают девять его экранизаций. Мандзони трудился над романом около двадцати лет, в том числе тщательно работал над языком, приблизив его к живому языку Флоренции и создав в итоге образец национальной художественной прозы.

мог породить широкого движения. Фосколо и Леопарди, замечательные итальянские поэты, также очень мало известные в России, были уже классиками, как классиком был и Кардуччи; историк и антиморалист, Кардуччи и по чувству, и по форме был чужд романтизму Мандзони и примыкал к литературному течению XV века. И лишь Фогаццаро как моралист и католик является новым звеном, соединяющим итальянский роман — через Мандзони — с идеалами XIII века²³.

Не меньшее, если не большее влияние на Фогаццаро оказал Дзанелла (Zanella), известный священник-поэт, которого теперь пришлось бы причислить к неокатоликам-модернистам²⁴. В своих религиозно-философских статьях и публичных лекциях Фогаццаро, подобно Дзанелле, ищет примирения между наукой и религиозной догмой. То же стремление красной нитью проходит через все его романы, начиная от юношеской поэмы «Миранда» и кончая его последним большим романом «Лейла», вышедшим лишь за несколько месяцев до его смерти. «Пусть наука занимается своими исследованиями без предсуждений и априорных выводов, но пусть не осуждаются во имя веры те гипотезы, которые веры не исключают» — таков руководящий принцип религиозно-философских построений Фогаццаро. Истину, полагает он, одинаково ищут и ученый, и верующий; не только между ними не должно быть слепой вражды, но, наоборот, их общий интерес диктует им путь примирения. Однако последнее и решающее слово принадлежит божественному Провидению; когда же оно молчит по данному вопросу, наука свободна в своих самых крайних выводах.

Борьба между знанием и верой, между католическим догматизмом и свободной совестью яснее всего отразилась в романе Фогаццаро «Святой» (Il Santo), вышедшем в 1905 году и переведенном на все европейские языки (сомневаюсь

²³ Осоргин предлагает весьма упрощенную картину развития итальянской литературы. Впрочем, правильнее упрекнуть в этом источник, на который он опирается.

²⁴ Джакомо Дзанелла — священнослужитель, поэт и преподаватель словесности.

относительно русского)²⁵. Его последний роман «Лейла» развит не столько на этой почве (хотя герой романа Массимо Альберти — типичный неокатолик-модернист), сколько на канве тонкой любовной драмы. Лейла, молодая девушка с самостоятельным характером, живет в доме больного и богатого старика Марчелло Тренто. Сын этого старика был ее женихом, но умер до свадьбы. Именно поэтому старик, возведший в культ все, что напоминало ему сына, и взял к себе Лейлу, попросту купил ее у родителей, людей очень дурной репутации. У Андреа был еще друг, молодой врач Массимо Альберти; мечта старого Тренто — выдать Лейлу за друга своего сына, раз уж судьбе было неуютно, чтобы она сделалась его невесткой. В этом намерении старика поддерживают его друзья, донна Федла²⁶ и дон Аурелио. Лейла и Массимо еще не знакомы, и девушка, чувствуя вокруг себя какой-то заговор, инстинктивно боится Массимо, считая и его одним из заговорщиков. Она живет как бы из милости, и гордость ее страдает. Когда старик умирает и оставляет все состояние Лейле, для нее прибавляется еще повод подзреть Массимо в желании получить путем брака завещанное ей состояние. Но драма девушки в том, что она полюбила того, кого ей прочат в женихи. Обстановка романа осложняется еще тем, что Лейла несовершеннолетняя и, следовательно, не может распоряжаться завещанным ей наследством. Она хотела бы отказаться от него, но тогда выступает на сцену ее отец, темный аферист, и со своей стороны протягивает руку к лакомому куску. Возникает борьба между аферистом и преданными друзьями старика, которые, исполняя данное ему обещание, стараются сблизить Лейлу и Массимо. Вступают в дело и местные священники, которым хочется, чтобы Лейла вместе с ее состоянием ушла в монастырь. Донна Федла открывает глаза девушке, доказывая ей искреннюю и бескорыстную любовь Массимо. В душе девушки — резкий переворот: вопреки всем предрассудкам она уезжает из приютившего ее дома и является к Массимо. Все кончается в итальянском вкусе: Лейла и

²⁵ Русский перевод обнаружить не удалось.

²⁶ Донна Феделе (у Осоргина, вероятно, опечатка).

Массимо женятся, состояние уступают отцу Лейлы и живут на скромный заработок врача.

На этой немного искусственной канве большого романа Фогаццаро удалось отдать дань всем характерным приемам своего таланта: и психическому анализу любви, гордости и долга, юмору, бытописанию и трактовке религиозно-философской проблемы. В Италии роман его имел успех лишь среди определенной части публики — католико-модернистской. Темь более враждебно отнеслась к роману другая, бóльшая часть. Дело в том, что разумно-критическое отношение к католической проблеме вообще встречается в Италии лишь как исключение. Там, где религия сделалась политикой, трудно ожидать спокойного и ровного обсуждения ее вопросов. Что касается до проблемы нравственной, то итальянцы слишком отвыкли от трактовки ее в романе. Моралист не может иметь здесь такого успеха, какой выпадает на долю аморалиста Габриеле д'Аннунцио. Поэтому и новый роман Фогаццаро больше нашумел, чем завоевал успех, и больше обсуждался, чем читался. И однако в скудной итальянской литературе он все же явился событием.

К сожалению, Фогаццаро, модернист по религиозным убеждениям, — художник старой школы. Романы его утомительны длиннотами, плохо помогающими уяснению психологических моментов. Наш читатель, воспитанный на психологической литературе, привыкший к резцу более тонкому и блестящему, не может не почувствовать усталости при чтении некоторых слишком усердно сочиненных страниц «Лейлы». Те, кому знакомы более ранние произведения Фогаццаро (как «Mistero del Poeta», «Piccolo Mondo Antico» и др.), увидят в «Лейле» понижение творческого дарования итальянского писателя. Но все же «Лейла», как и прославленный роман «Святой», настолько характерны для Фогаццаро и сами по себе, что интересующийся современной литературой не может и не должен пройти мимо них как продуктов оригинального течения в итальянской литературе.

Несомненно, Фогаццаро был одним из столпов современной итальянской литературы. В известном отношении он был даже единственным писателем в своем роде — писателем-моралистом. В этом отношении, как и во многих

других, он — полная противоположность имморалисту Габриеле д'Аннунцио, любимцу и баловню Италии. Фогаццаро был писателем, которыми не восторгаются и не зачитываются, но о которых нельзя не упоминать постоянно, как скоро речь заходит о выдающихся литературных течениях и их представителях. Книги его не производили шума, как книги д'Аннунцио, но не прочесть его книгу было невозможно. Всегда определенный и цельный, редко захватывающий, Фогаццаро, как величина крупная и не напрягающая своих сил до истощения, неизменно оставался неисчерпанным. И его роман брали хотя и не с уверенностью найти в нем откровение, но все же с надеждой найти живое слово и живой жизненный интерес. Это был один из тех писателей, которые оставляют в национальной литературе крупные и солидные вклады под верное обеспечение читательского интереса и на долгий срок.

В лице Фогаццаро сошел со сцены также писатель старой формации, писатель-джентльмен, не ищущий рекламы и громкого успеха, не торопящийся во что бы то ни стало и чем бы то ни было сорвать аплодисменты толпы и бросить алчущей критике кость раздора. В то время как от д'Аннунцио приходится обязательно ждать отклика на последнее большое событие и последнюю моду, будь то автомобильный спорт, авиация, землетрясение или парижские *jupes culottes*²⁷, — Фогаццаро был всегда чужд злобе дня сегодняшнего, которая исчезнет завтра. Та борьба духа, живописанию которой он посвятил свое перо, требовала от него долгого углубления и отрешения от злобы дня и последней моды. Со своими героями он переживал не минуты страстных порывов и преходящих увлечений, а дни и годы сомнений и душевной борьбы. Это придавало его писаниям не только глубокую вдумчивость, но и субъективизм; недаром и в «Даниэле Кортисе», и в «Святом» герой романа знакомит нас с автором и его переживаниями лучше, чем мог бы это сделать любой биограф.

Про Фогаццаро говорят, что он не был чисто итальянским писателем, что он не отразил вполне итальянской души,

²⁷ *Jupes culottes* (фр.) — юбка-брюки.

пылкой и переменчивой, слишком способной быстро воспы- лать и погаснуть, слишком живущей внешним и языческим. Отчасти это правда. Фогаццаро — не южанин; он тяготеет к северу, и на нем как на философе и поэте отразилось влияние Германии.

Оригинальностью писательского дарования Фогаццаро был его юмор, быть может, несколько тяжеловесный, но живой и неподдельный. К сожалению, лучшие места его романов — юмористические диалоги — непереводимы, как непереводимы, например, многое у нашего Гоголя; его обыч- ным и излюбленным приемом являются диалоги на диалек- те, преимущественно венецианском. Разумеется, для читаю- щего Фогаццаро в переводе главный интерес формы диалога пропадает.

Плодовитый писатель, Фогаццаро успевал быть и поли- тическим деятелем; он умер сенатором, а из его частных вы- ступлений известна поддержка им взгляда о необходимости отмены папского «*non expedit*», т.е. запрещения правовер- ным католикам принимать участие в политических выборах представителей в парламент²⁸. Как известно, еще Лев XIII со- знавал, что рано или поздно *non expedit* придется отменить, но решил предоставить решение этого вопроса своему пре- емнику. В настоящее время этот принцип остается в силе, но лишь как принцип; на деле он постоянно частично отменяет- ся с ведома и согласия Ватикана, как это было, например, при выборах 1909 года.

Как бы ни относились итальянцы к Фогаццаро, но поте- рю в его лице большого писателя никто отрицать не решит- ся. Старый годами, он был еще очень жизнен, и талант его оставался нестареющим. Среди отзывов о Фогаццаро по слу- чаю его смерти мне представляется очень верным и ценным мнение, высказанное о нем тогдашним председателем совета министров в день чествования его памяти в палате. «В лице Антонио Фогаццаро, — сказал Луццатти, — итальянская ли- тература потеряла не пылающий огонь, но ясный и спокой- ный свет, который был поддержкой и помощью для многих

²⁸ *Non expedit* (лат.) — «Не подобает». Энциклика, выпущенная па- пой Пием IX в 1868 году, призывала католиков воздержаться от участия в политической жизни.

колеблющихся душ». И все критики Фогаццаро, от восторгающихся до насмешливых, сходятся в одном: это был истинный «писатель-джентльмен»²⁹.

5. Сем Бенелли

Молодой поэт-драматург Сем Бенелли за три-четыре года сделался итальянской знаменитостью и за то же время успел, кажется, окончательно определиться. Это крупный, но не великий талант, внесший в литературу свой вклад, но не скававший нового слова. Однако заслуга Сема Бенелли не мала, если учесть размеры его задачи, отчасти разрешенной: создание национального лирического театра.

Насколько мне известно, на русский язык переведена недавно лишь одна вещь Сема Бенелли, озаглавленная по-русски столько же буквально точно, сколько и неудачно, — «Ужин шуток»*. Несомненно, это одна из лучших сцениче-

²⁹ Антонио Фогаццаро (1842—1911) — крупный прозаик и поэт; неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию. Идеальный последователь Антонио Розмини, призывавшего реформировать церковь в соответствии с нуждами эпохи. В противовес веризму Фогаццаро создал в итальянской литературе жанр спиритуалистического романа. Прославился новеллами и романами, в том числе «Маломбра», «Даниэле Кортис», «Тайна поэта» («Il mistero del poeta»). Самые известные произведения — цикл из четырех романов: «Отживший мирок» («Piccolo mondo antico»), «Современный мирок» («Piccolo mondo moderno»), «Святой» («Il Santo») и «Лейла» («Leila»). Роман «Святой», который во многом вдохновлен фигурой Розмини и в котором содержится призыв к обновлению церкви, сближению религии и науки, вызвал настоящий скандал и был внесен в «Индекс запрещенных книг». Вскоре после его выхода Пий X издал энциклику «Кормление стада Господня», осуждающую всяческие проявления модернизма в католицизме. В каждом приходе учреждался дисциплинарный совет, призванный искать следы модернизма и искоренять его в печатных изданиях, образовательной деятельности церкви и т.п. В романе «Лейла», который подробно пересказывает Осоргин и который является самым слабым произведением писателя, Фогаццаро отказался от прежних идей, однако и эта книга попала в «Индекс». Отдельные произведения Фогаццаро переведены на русский, но они не завоевали большой известности.

* Заглавие этой пьесы («La cena delle beffe») настолько своеобразно и непереводаемо, что даже французы, имея возможность перевести его точнее, ограничились сокращенным итальянским титулом «Le Beffe».



ских вещей Бенелли. Ранее ее написана трагедия «Маска Брута» (*La maschera di Bruto*), доставившая автору первые лавры, а позже — «Любовь трех царей» («*L'amore dei tre re*»³⁰), прозаическая комедия «Моль» (*Tignola*), «Мантеллачо» (*Mantellacio*) и «Росмунда» (*Rosmunda*).

Для итальянцев Сем Бенелли интересен прежде всего как реформатор драматического стиха; для нас этот интерес, конечно, падает. Выражаясь словами автора, стихи его суть «стихи действия», а не «стихи напева». *Verso parlato*, т.е. стих разговорный, примененный им впервые в драме «Маска Брута», был новостью для итальянской драматической поэзии, приученной к стиху напевному, декламаторскому. И не будь Бенелли достаточно талантлив, чтобы остаться на должной высоте поэтического подъема, его назвали бы не реформатором, а вульгаризатором драматического стиха. Но талант помог, новинка понравилась, и автор вошел в славу.

«Маска Брута», «четырехактная драма в стихах», есть, по словам Бенелли, «произведение флорентийское уже тем, что оно доисторическое» по теме. Выбрав героем Лоренцино де Медичи, «философа, поэта, лжеца, изменника, труса, специалиста в делах порока и добродетели», того знаменитого Лоренцино, разгадать которого тщетно пытались многие историки, автор не ставил непременно задачей поднять его маску, как не стремился и к неременной исторической правде. «Достигнуть исторической точности — значит остановить время, — говорит он в коротком изящном предисловии. — В круговороте времени гибнут факты; остаются жить в ореоле красоты лишь те, что освещены огнями искусства — и то не вечными; легенда и есть искусство».

Но, не подняв вполне маски Лоренцино, поэт все же ясно проявил к нему свое отношение и свое понимание его души уже тем, что его маску назвал «маской Брута».

Под маской Брута, освободителя народа от тирана, Лоренцино убил своего кузена Александра де Медичи, которому служил верным придворным во всех его похождениях и которого ненавидел. Александр добивался любви Катерины Джинори, тетки Лоренцино; она обратилась за помощью

³⁰ «Любовь трех королей».

к Лоренцино, который сам любил ее страстно, страдая тем, что она была сестрой его матери. Его страсть победила Катерину, но безумный гений Лоренцаччо* вынудил его одним ударом убить и свое близкое счастье, и вождения своего соперника и повелителя. В ту ночь, когда Катерина пришла к нему, он предупредил Александра, обещав ему свидание с нею. Сценой, подстроенной заранее, по уговору с Александром, свидание Лоренцино с теткой было нарушено, и его место занял флорентийский деспот. Но в критический момент отчаяния Катерины Лоренцино неожиданно вернулся домой и убил Александра ударом кинжала. Затем он бежал из Флоренции, нарочно пустив о себе молву как о спасителе отечества.

Слава Брута держится за Лоренцино более десяти лет, но его не веселят эти лавры, и в ответ на все приветствия, вопросы и выражения сочувствия Лоренцино всем говорит полуложь-полуистину о своем кровавом подвиге; вернее, он сам не знает истины, но зато знает ужас, другим неизвестный. За эти десять лет он не встречался с Катериной, которая осталась ему так же далека, как была раньше. Их новая встреча полна трагизма; уже не любовь, а только «мир» может обещать ему Катерина, волосы которой стали полуседыми, — мир, столь нужный им обоим, уставшим от жизни. Но для Лоренцино нет и не может быть мира; поняв, что любовь его погибла, что жертва была напрасна, он «убивает Лоренцаччо, чтобы спасти Брута». Признавшись своим революционным друзьям, что мотивом его акта была личная ненависть, а не благо народа, он отказывается бежать из Венеции в опасную минуту, когда народ, понявши в нем предателя, ищет убить братоубийцу. Но маска Брута должна остаться! И толпу, ворвавшуюся в его дом, он встречает гордым вызовом: «Рабы! Вы — рабы! Если бы мой голос был достаточно громок, чтобы весь мир его услышал, вы целовали бы мои ноги! Теперь вы хотите, чтобы я умер во имя свободы! Рабы, рабы!» Его убивают и бросают его тело в канал, чтобы «вода омыла грязного предателя».

* Презрительное имя, которое за Лоренцино де Медичи утвердилось в исторических легендах.

«Маска Брута» представляется мне лучшей драмой Бенелли по цельности, сценичности и глубине переживаний героя. Наравне с ней по сценичности стоит «La cena delle beffe», умная и изящная драматическая поэма из времен Лоренцо Великолепного, на содержании которой как переведенной на русский язык я останавливаться не буду. Зато совершенно не сценична трагическая поэма «Любовь трех царей», хотя по стиху она самая красивая.

Три любви рисует нам Бенелли. Любовь языческую, которая не знает прощения, любовь христианскую, которая чужда мести, и любовь человеческую, способную падать до предательства и возвышаться до героизма.

Старый слепой барон Архибальд, покоритель мелких окрестных властителей, передал своему сыну свою военную доблесть, но, сам полуязычник, воспитал его в духе христианской любви и прощения. Жители окрестных владений, боясь барона, выдали за его сына Манфредо красивейшую девушку своего племени, которой предстояло стать женой Авито, молодого царя племени. Фьора любит Авито, своего соплеменника и кузена, и тайно принимает его в замке, в то время как ее муж Манфредо занят войной с соседями. Слепой, но чуткий страж чести своего сына, барон Архибальд догадывается о неверности своей невестки и намекает о ней вернувшемуся Манфредо. Но Манфредо любит Фьору, как ребенка, верит ей безусловно и способен простить ей все. Его отец чувствует это и знает, что Манфредо, которого недаром прозвали святым, не может сам отомстить за свою поруганную честь. Ему удастся застать Фьору с любовником, шаги которого он слышит, вынудить ее к признанию, и он убивает ее, не добившись от нее все-таки имени Авито.

Возвращается Манфредо. Не подпуская его к трупу жены, отец рассказывает ему об ее измене и о своей мести; он хочет пробудить в нем чувство оскорбленной гордости, которое руководило им самим. Но он находит в Манфредо только отчаяние, вызванное трагической смертью жены, которую он так любил и считал еще девочкой, не способной к женскому чувству. Только в одном сказывается языческое наследие отцов: Манфредо не может простить отца. Но даже и это пробуждение старой крови готов приветствовать теперь безумный ста-

рик: «Ты не должен прощать! Я не хочу! Пусть хоть раз в твоём голосе прозвучит ненависть. Пусть она будет против меня!»

Но не прочно пробуждение язычника в его сыне, старик знает это; ненависть его сына бездеятельна, слишком способна перейти в простое горе и всепрощение. И старик решает до конца выполнить свою месть.

Тело Фьоры выставляют в церкви для общего поклонения. Ночью тайно приходит туда и Авито; прощаясь с телом своей любовницы, он целует ее мертвые губы. Старик предвидел приход предателя чести его сына: губы Фьорины намазаны сильным ядом. Авито уже не может убежать так незаметно, как это он делал из замка: яд сковывает его члены. Здесь, в церкви, застаёт его Манфредо. Но не врага видит он в Авито, а человека, которого любила его жена. Взял ли он ее обманом или она, эта девочка, способна была любить? Вот все, что хочет знать Манфредо. И от умирающего соперника он узнает, что был лишь помехой счастью двух любящих; вот тайна, которую он чувствовал в ней, но разгадать которой не мог! И он, не способный к ненависти, поддерживает Авито. Затем он припадает к отравленным устам жены, ища в них смерти.

Слепой Архибальд спешит в церковь насладиться своей мезтью; теперь предатель в его руках! Но у гроба он находит своего сына, который умирающим голосом говорит ему:

— Отец, ты ошибся!

В то время как автору удался контраст двух пониманий любви — любовь третьего царя, Авито, очерчена неявно и несмело. Скорее всего, это любовь тайная, крадущая и трусливая. Такою ли хотел создать ее Сем Бенелли — сказать трудно. Несмотря на несколько сценических эффектов (прощание на башне, сцена в церкви), трагедия Бенелли остается все же только трагической поэмой, как правильно и назвал ее автор; на сцене она теряет, выигрывая в чтении.

Последняя трагедия Бенелли, «Росмунда», уже своим названием говорит о своем содержании. Со стороны молодого драматурга было большой смелостью вновь драматически воссоздать известную легенду, уже вдохновившую нескольких поэтов, в том числе знаменитого Альфьери. В общем Бенелли не удалось и тут создать цельной трагедии, которая естественно завершается в момент убийства царя Альбоина, тогда как автор напрасно прибавляет еще последний

акт, кончающийся смертью Росмунды и ее возлюбленного и сообщника. Высшее напряжение падает, таким образом, на середину действия, а не на конец. Любопытно, между прочим, что Альбоин, победоносный царь лангобардов, изображается автором не как варвар, покоритель Италии, а как завоеватель — поклонник ее красот, мечтающий владеть ею спокойно, мудро и милостиво. В этом молодой драматург расходится с ложноклассическим Альфьери, и это же дает ему случай вложить красивый патетический монолог в уста Альбоина, пирующего в Вероне в замке Теодориха.

Я не остановлюсь на комедии «Моль» (прозаической), которая настолько не характерна для таланта Бенелли, что кажется написанной совсем другим автором. Это малосценичная бытовая комедия с оттенком политической сатиры, ничем не замечательная. Такие пьесы печатаются, покупаются и ставятся только тогда, когда у автора их есть уже большое имя. Появление их встречать сочувствием не приходится.

В последнее время Сем Бенелли выпустил еще книжку лирических стихов, очевидно — грехи молодости. И она ничего не прибавляет к его поспешным лаврам. Как лирик он не соперник ни д'Аннунцио, ни Джованни Пасколи, этим двум столпам современной итальянской лирики и композиторам стиха. В конце концов Сем Бенелли остается тем, чем он, вероятно, и мечтает и гордится быть, — первым серьезным вкладчиком в новый итальянский национальный лирический театр, реформатором драматического стиха и модернизатором классической трагедии. И это уже очень много!³¹

³¹ Сем Бенелли (1877—1949) — во время пребывания Осоргина в Италии, пожалуй, самый знаменитый драматург и в этом смысле соперник д'Аннунцио. Прославился историческими драмами, а также бытовыми комедиями. Поэт, автор либретто нескольких опер по своим произведениям, киносценарист, журналист и редактор, вместе с Маринетти соучредитель футуристского журнала «Поэзия». Слава Бенелли вышла за пределы Италии: по Франции в его пьесах играла Сара Бернар, они ставились в Испании, Буэнос-Айресе и на Бродвее. В России его неплохо знали, несколько его произведений переведено. Талант Бенелли высоко ценил Луначарский, завершивший статью «Театр Сема Бенелли», где он подробно разбирает те же пьесы, что и Осоргин, восторженными словами: «В лице Бенелли мировая литература приобретает нового гражданина, имя которого мы все услышим еще много и много раз и, вероятно, передадим потомкам». Однако на смену Бенелли пришло новое поколение драматургов, в том числе Пиранделло, а его имя осталось лишь в истории театра.

6. Футуристы

«*Ho!à!* Великие поэты-поджигатели, о мои братья, футуристы!.. *Ho!à!* Паоло Буцци, Федерико де Мариа, Энрико Кавакьоли, Коррадо Говони, Либери Альтомаре! Выйдем из Паралича, разрушим Подагру и протянем великие рельсы военного пути к склонам Гауризанкара, вершины мира!»

Вряд ли кто ранее слышал перечисленные здесь имена «великих поэтов-поджигателей»; вряд ли кому из русских читателей удастся познакомиться с ними и в будущем. *Habeant sua fata libelli...*³²

То, что сегодня с помпой выносится на книжный рынок, завтра продается на вес старьевщикам. В том и смысл футуризма, что у него нет вчерашнего дня; торопитесь же познакомиться с ним сегодня.

Но имя основателя и главы футуризма, итаलो-французского поэта Маринетти, кое-кому должно быть известно³³. В свое время он прогремел в Париже не только своими скандальными конференциями, но и экстравагантной

³² *Habeant sua fata libelli* (лат.) — «Книги имеют свою судьбу». Осоргин не угадал: имена многих литераторов-футуристов известны в России, произведениях некоторых из них переводили, переведены почти все бесчисленные манифесты. Конечно, Осоргин не мог предвидеть, что в один прекрасный день Маринетти со товарищи отправится в Россию и что в самой России искусство будущего окажется настолько востребованным.

³³ Путь Филиппо-Томмазо Маринетти — вождя футуристов, неутомимого организатора и шоумена — хорошо известен, поэтому вслед за Осоргиным сосредоточимся на его литературных достижениях. Он начал писать на французском, который в молодости знал лучше итальянского (в основном стихи, а также для сцены), затем, с учреждением футуризма, взялся строчить манифесты, превратив их в настоящий литературный жанр. В собственных опусах Маринетти более или менее успешно следовал провозглашенным принципам — например, в стихотворении «Дзанг-тум-тум», рисующем бомбардировку Адрианополя, или в романе «Мафарка-футурист». Он оставил любопытные пособия, пропагандирующие футуристские идеи («Как соблазняют женщин» или «Футуристская кухня»), а в поздние годы в основном посвятил себя автобиографическим сочинениям («Великий традиционный и футуристский Милан», «Очарование Египта» и др.). Сегодня стихотворения и проза Маринетти вряд ли интересны широкой публике, но трудно переоценить его роль как человека, который совершил подлинную революцию в искусстве и помог многим талантливым литераторам и художникам найти себя.

сатирической трагедией «Le Roi Bombance», шедшей в «Théâtre Marigni»³⁴. Затем, когда в «Figaro» был напечатан знаменитый манифест футуристов, составленный тем же Маринетти, вся иностранная пресса долго трепала и имя основателя новой школы, и высказанные в манифесте идеи презрения к прошлому во имя стремления к будущему. Кажется, только русская пресса почти не отметила этого знаменья времени.

О том, кто такой поэт Маринетти, мы узнаем из его биографического очерка, изданного отдельной книжкой и принадлежащего перу Туллио Понтео, личного приятеля главы футуристов*. Маринетти, родом итальянец, родился в Египте, выкормлен «пылкой седанской кормилицей»³⁵, воспитан в колледже французских иезуитов и уже 15 лет от роду основал в Александрии египетской журнал «Папирус». Двадцати лет он окончил Сорбонну в Париже и затем избрал своей резиденцией Милан, где отец-миллионер устроил «блудному сыну» роскошную квартиру, в которой, по словам биографа, побывало много мировых знаменитостей, а также «тайно побывали и красивейшие женщины: итальянки и иностранки». Теперь молодой поэт располагает «целым дворцом, убраным в египетском стиле, с глубокими мистическими залами, полными теней и тонких ароматов», и здесь-то и происходят собрания футуристов; здесь всевластно царит поэзия, здесь редактируется журнал под тем же названием*, выходящий на превосходной бумаге, заполненный стихами и прозой на всех европейских языках, а главным образом — рекламой футуризма и его основателя. Люди будущего — великие поэты-поджигатели — проводят здесь целые дни за чашкой лучшего мока, которое приготовляет настоящий турецкий groom³⁶.

Маринетти одинаково владеет языками французским и итальянским и одинаково обильно делает вклады в литера-

³⁴ «Король Кутеж», пьеса шла в парижском театре Марины.

* *Tullio Ponteo. Il poeta Marinetti. Milano, 1908.*

³⁵ У Осоргина опечатка: кормилица Маринетти была из Судана.

* *Poesia: Rassegna internazionale. Milano.*

³⁶ Moka — мокко, groom — грум.

туры двух родственных народов. Свою поэтическую славу, хотя бы и в узком кругу единомышленников, он создал поэмой «Conquête des Etoiles», сборником лирики «Destruction», памфлетом «D'Annunzio intime», драмой «La Momie Sanglante» и главным образом упомянутой уже сатирической трагедией «Le Roi Bombance», действительно не лишенной таланта и своеобразного интереса³⁷.

Прибавим еще, со слов биографа, что Маринетти — враг реальности (*infâme réalité*³⁸), ненавидит землю за ее геометрическую правильность, отрицает политику как ставящую границы развитию индивидуума и считает синонимами слова: «абсурд, ирреальность, невозможное, бесконечность, идеал, ничто». «Чувствовать себя абсурдом» он называет великой радостью; пессимизм же его питается презрением к земле и к ее логике:

La terre!.. oh!.. le dégoût de vivre sur son dos!..³⁹

В своей ненависти к земле он утешается страстной любовью к морю:

Je t'aime, o Mer liberatrice...

O toi, le seul chemin qui me conduit à l'Infini...⁴⁰

Так что биограф считает даже нужным среди десятка портретов Маринетти поместить один, где великий поэт изображен в купальном костюме.

Маринетти — бесспорно талантливый писатель. Но некоторой известностью в Италии и Франции он обязан не столько своим дарованиям, сколько своему богатству. Ни одно

³⁷ «Conquête des Etoiles» — «Покорение звезд», «Destruction» — «Разрушение», «D'Annunzio intime» — «Сокровенный д'Аннунцио», «La Momie Sanglante» — «Кровавая мумия».

³⁸ *Infâme réalité* (фр.) — омерзительная действительность.

³⁹ Земля! О! Как отвратительно жить у нее на спине!

⁴⁰ Люблю тебя, о несущее освобождение море...

Ты, единственный путь, что уводит меня в бесконечность...

итальянское издательство не тратит так много на рекламу, как кружок Маринетти. Дорогой и роскошный журнал *Poesia* печатается в 30 тысячах экземплярах, и конечно, не меньше 20 тысяч рассылается бесплатно⁴¹. Стоит выразить какой-нибудь интерес к писаниям футуристов, чтобы все они прислали бесплатно тома своей лирики и даже с прочувствованным собственноручным посвящением проявившему к ним любопытство незнакомцу. Каждому томику предшествует 20—30 страниц рекламы предыдущих изданий в самых пышных выражениях.

Время от времени футуристы обращаются ко всем своим и иностранным литературным критикам, писателям, артистам, художникам с просьбой высказать их авторитетные мнения о творениях и идеях «людей будущего». Все эти отзывы немедленно печатаются и пускаются в оборот. И нужно отдать справедливость футуристам: они не скрывают мнений неодобрительных. В этом отношении они последовательны: лучше брани, но не замалчивай. И поэтому в рекламных сборниках футуристов встречаются иногда такие, например, любопытные ответы, как письмо Пьера Лоти⁴² к Маринетти:

«*Cher monsieur!*⁴³ Я — страстный поклонник прошлого; я питаю ужас и отвращение к модернизму. Если вы прочли хоть одну строчку из моих книг, как же могли вы не знать этого и как вы могли не смея ради просить моего присоединения, хотя бы частичного, к вашему манифесту? Впрочем, по вашим словам, людей старше 40 лет следует вышвыривать на панель. Но тогда на что же я могу быть вам годным?..»

⁴¹ Журнал «*Poesia*» («Поэзия») издавался с 1905 по 1909 год. Он выходил раз в месяц и выделялся художественным оформлением. У Маринетти охотно печатались многие итальянские и зарубежные авторы. Важно отметить, что журнал не был исключительно трибуной футуризма. В нем публиковались переводы и интересные материалы о литературе самых разных стран. Например, на его страницах развернулась знаменитая дискуссия о свободном стихе.

⁴² Пьер Лоти (1850—1923) — французский писатель, прославившийся романами о жизни в экзотических странах.

⁴³ *Cher monsieur!* — Дорогой месье!

Не менее любопытен ответ Поля Адана⁴⁴, чрезвычайно любезный, где писатель заявляет, что он *лишь в одном* расходится с футуристами как проповедниками разрушения старого:

Il ne faut rien détruire!

Il faut toujours créer!⁴⁵

В чем же, наконец, заключается проповедь футуризма? Берем их знаменитый манифест, принадлежащий перу Маринетти и впервые заставивший прессу заговорить о «людях будущего». Этот манифест распространен футуристами в сотнях тысяч экземпляров на всех языках⁴⁶.

«1. Мы хотим воспевать любовь к опасности, навык к энергии и дерзости.

2. Мужество, отвага, бунт будут существенными элементами нашей поэзии.

3. Литература восхваляла до сих пор задумчивую неподвижность, экстаз и сон. Мы желаем восхвалять наступательное движение, лихорадочную бессонницу, беглый марш, *salto mortale*, пощечину и кулак.

4. Мы утверждаем, что великолепие мира обогатилось новой красотой — красотой быстроты. Гоночный автомобиль со своим цилиндрическим ящиком, украшенным толстыми трубами, которые подобны змеям, дышащим взрывами... автомобиль рыкающий, который кажется бегущим по картечи, — он прекраснее самофракийской *Победы!*

5. Мы хотим воспевать человека, правящего маховым колесом, невидимая ось которого пронзает землю, бегущую по своей орбите.

⁴⁴ Поль Адам (*фр.* Paul Adam; 1862—1920) — плодовитый французский писатель, автор исторических романов.

⁴⁵ Не надо ничего разрушать!
Надо всегда создавать!

⁴⁶ Написанный Маринетти «Манифест футуризма» появился в газете «Фигаро» 20 февраля 1909 года. Осоргин цитирует его в собственном переводе, но существуют несколько опубликованных переводов на русский, например М. Энгельгардта.

6. Пусть поэт расходует с огнем, блеском и расточительностью, чтобы усилить вдохновенный пыл первородных элементов.

7. Вне борьбы нет красоты. Не может быть шедевром творение, не имеющее агрессивного характера. Поэзия должна быть дерзкой атакой против сил неведомых, чтобы заставить их преклоняться пред человеком.

8. Мы — на крайнем мысе веков... Зачем нам оглядываться назад, если мы хотим сорвать таинственные двери невозможного? Время и пространство умерли вчера. Мы живем в абсолютном, ибо уже создали вечную вездесущую стремительность.

9. Мы хотим прославить войну — единственную гигиену мира, милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные идеи, ради которых умирают, и презрение к женщине.

10. Мы хотим уничтожить музеи, библиотеки, академии всех родов и бороться против морализма, феминизма и против всякой трусости оппортунистической и утилитарной.

11. Мы воспоем громадную толпу, восставшую во имя труда, наслаждения или бунта; мы воспоем многоцветные и многозвучные приливы и отливы революций в современных столицах; мы воспоем ночное дрожание арсеналов и верфей, залитых могучим светом электрических лун; жадные станции, пожирающие дымящихся змей; фабрики, привешенные к облакам на скрученных нитях своего дыма; мосты, подобные гимнастам-гигантам, которые перешагивают через реки, сверкающие на солнце блеском стали; корабли, познавшие горизонт в погоне за приключениями; широкогрудые локомотивы, топающие по рельсам, как огромные стальные кони, взнуданные трубами, и скользкий полет аэропланов, винты которых трепещут по ветру, будто знамена или аплодисменты восхищенной толпы.

Из Италии бросаем мы миру этот наш манифест пламенного насилия и переворота, которым мы сегодня кладем основу «футуризму»; ибо мы хотим освободить эту страну от зловонной гангрены профессоров, археологов, гидов и антиквариев. Уже слишком долго Италия была рынком старьев-

щиков. Мы хотим освободить ее от бесчисленных музеев, которые всю ее покрывают бесчисленными кладбищами.

.....

Самым старым среди нас тридцать лет; значит, нам остается еще по крайней мере десяток лет, чтобы выполнить наше дело. Когда мы достигнем сорокалетнего возраста, другие люди, моложе и сильнее нас, пусть бросят нас в корзины, как бесполезные рукописи. Мы хотим этого!

.....

Поднимите голову!

Стоя на вершине мира, мы бросаем еще раз наш вызов звездам!»*

Конечно, в манифесте футуристов есть большая доза того *absurde* и *illogique*⁴⁷, которым поклоняется Маринетти. Но не на этот сразу бросающийся в глаза вздор хотел бы я обратить внимание, а именно на положительные нотки футуристских заповедей. Проповедь здоровья, радости и энергии, бунт против Паралича и Подагры — все это приходится поставить на плюс футуристам или по крайней мере их манифесту, так как, к сожалению, творения их значительно ниже принципов, которыми они должны быть вдохновлены. Было бы неправильно причислять футуристов за *их идеи* к великой армии декадентов, хотя *их творения*, повторяю, нередко сами просятся на этот разряд литературных отбросов. Что же касается разрушения музеев и сожжения библиотек, то сами футуристы толкуют это лишь как символ и даже со свойственной им бесцеремонностью называют меднолобыми идиотами тех, кто понимает это утверждение буквально. Между прочим, к разряду меднолобых идиотов невольно причислили себя все французские и итальянские критики, так как этот пункт манифеста и обратил на себя особое внимание прессы.

Футуризм считали до сих пор французским растением, пересаженным на итальянскую почву. Это совершенно неправильно. В манифесте футуристов недаром подчеркива-

* Figaro. 20 février 1909.

⁴⁷ Absurde (фр.) — абсурдное, illogique (фр.) — нелогичное.

ется: «Из Италии бросаем мы миру этот наш манифест...» Именно в Италии зарождение футуризма является знаменем времени, тогда как для Франции оно было бы лишь простой выходкой крикунов, без всякого значения. Италия действительно обращена в страну археологов, антиквариев и кладбищ искусства, как античного, так, к сожалению, и современного. В глазах Европы молодая Италия лишена интереса, и лишь старина ее привлекает внимание исследователей и любопытствующих форестьеров... Пусть нелепо выражен, пусть слеп, пусть наивен, но все же законен протест футуристов против такого обидного обращения живой и развивающейся страны в интересное кладбище. «Мы, молодые и сильные футуристы, не хотим более знать прошлого! — восклицают они. — Вы же, если угодно, можете тратить свои силы на его вечное и бесполезное созерцание»⁴⁸. И еще одно замечание. Пусть произвольно назначают футуристы сорок лет предельным возрастом для людей будущего. Но если и это понимать лишь как символ, нельзя не приветствовать их протеста против затхлости обветшалой мысли и против деспотизма старости. И в Италии, где авторитет предания и писания теснит и давит новое искусство со всех сторон, — в Италии этот протест и не может вылиться в форму иную, кроме стихийно-анархической. Не менее естественно, что к футуристам-поэтам прежде всего присоединились футуристы живописи, поднявшие знамя восстания против академий и художественных критиков и уже успевшие выпустить ряд манифестов с призывом «разрушить культ прошлого, педантизма и формализма»*.

⁴⁸ О том, что футуризм парадоксальным образом мог возникнуть только в Италии, говорили многие. Например, Альдо Палаццески в стихотворении, написанном в 60-е годы, когда футуризм был заново «открыт» итальянскими неоавангардистами:

<...>

Футуризм мог родиться только в Италии —
Стране, обращенной в прошлое,
Глядящей только назад.

<...>

* «Manifesto dei pittori futuristi» e «Manifesto tecnico». Milano, 1910.

Тот же самый поэт побил рекорд поэтической вольности. «Lasciatemi divertire!», «Предоставьте мне развлекаться!» — называется его стихотворение в том же томике*. И вот как развлекается поэт:

Tri, tri, tri
fru fru fru
ihu ihu ihu
uhi uhi uhi!..

И так он развлекается на пяти страницах великолепной бумаги⁵⁰.

Это, конечно, даже не декаданс, а простое мальчишество.

* *Aldo Palazzeschi. L'incendiario. Milano, 1910.*

⁵⁰ Канцонетта Палаццески «Дайте мне порезвиться» — подлинный шедевр. В нем поэт показывает, как, из какого сора, невнятной музыки, отбросов других стихотворений рождаются стихи. В то же время он высмеивает традиционную фигуру поэта-пророка (того же д'Аннунцио), оставляя за собой роль шута. Стихотворение длинное, приведем несколько строк в переводе Е. Солоновича:

<...>

Поэт забавляется
бесконечно.
мешать ему бессердечно.
Тем паче не надо злиться,
дайте ему порезвиться,
бедняжке,
ведь он и не помышляет
о большей поблажке.

Куку руру,
руру куку,
куккуккурку!

Что значит сие безобразие?
Эти строфы... гм... экзотические?
Вольности, вольности,
вольности поэтические.
Они моя слабость
<...>

Тем более я прав,
не возражайте,
теперь, когда любой — ума палата,
никто пророком не считает
поэта —
и дайте мне порезвиться!

Но это мальчишество, это стремление во имя протеста «divertirsi pazzamente, smisuratamente» (развлекаться сумасшедше и без меры) мешает отнести к футуристам критически-серьезно.

Мешает еще и другое. Дело в том, что «пощечина и кулак», проповедуемые манифестом, не являются только символами. Автор книжки о Маринетти целую главу посвящает описанию того, как глава футуристов побил одного адвоката и что из этого вышло. А футуристские конференции и литературные вечера неизменно кончаются потасовкой с вмешательством полиции.

Помню, например, одну любопытную «конференцию» футуристов в Милане. Хотя я вполне сознаю, что такие театральные представления имеют мало общего с литературой, но ведь поэзия футуристов есть «поэзия действия», поэтому и подобного рода сценки имеют некоторое значение для характеристики проповеди разрушения старых основ и создания новых поэтических автомобилей.

Однажды проповедники лихорадочной бессонницы, *salto mortale*, войны и пощечин выступили в миланском лирическом театре, переполненном любопытными. Всегда живая и склонная покричать и посмеяться итальянская публика была на этот раз настроена особенно весело. В противоположность ей семь футуристов, обещавших изложить свою программу и дать образцы своей поэзии, являли картину настолько мрачную и торжественную, что при появлении их, одетых в черные сюртуки, кто-то из публики сочувственно крикнул:

— Не умер ли у вас кто-нибудь?

Другие же одобрительно приветствовали новаторов:

— Bravo, смелее! Все, что ли? Больше нет?

Раз настроившись на веселый лад, итальянская публика уже не может остановиться. Основателю местного футуризма Маринетти начинают неистово аплодировать при первом его слове, не давая ему изложить «теорию ненависти к прошлому». Однако сочувствие публики на его стороне, что она и спешит доказать.

— Мы бросим в будущее локомотивы нашего вдохновения! — возглашает Маринетти.

И публика иллюстрирует его фразу, подражая свисткам тысячи отходящих паровозов. Но совершенно другой прием встречает его проповедь презрения к женщине.

— Да здравствует женщина! — возмущенно кричит в ответ весь театр, и паровозные свистки сменяются простыми. Оратор вынужден поэтому пояснить, что «футуристы не боятся свистков, они боятся лишь легких знаков одобрения». На этот раз футуристская храбрость поощряется одинаково горячими свистками и аплодисментами. Однако презрение к женщине, провозглашенное основателем итальянского футуризма, в буквальном смысле обращается на его собственную голову, уже лишенную растительности. Откровенным намекам вслух нет конца...

Второй оратор, толстяк-поэт Армандо Мацца⁵¹, встречается публикой с тем же радушием. Он пространно говорит о наступательных действиях, пощечине, кулаке, быстром беге и прочих энергичных вещах. Все это нравится, все это в духе итальянского темперамента. Но излишнему безрассудству публика нашего буржуазного времени сочувствовать все же не может.

— Мы стоим на самом краю веков!.. — кричит футурист.

— Смотрите не упадите! — предупреждает его голос из зрительной залы.

Наконец, когда оратор, приглашая разрушить музеи, библиотеки и всякого рода академии, предает анафеме всех профессоров, эту заразу, от которой пора освободить страну, тут только публика догадывается:

— Ага! Верно, на экзаменах провалился!..

Дальше маленькое недоразумение... Один из проповедников разрушения читает прочувствованные стихи по поводу мессинского землетрясения — настолько прочувствованные, что сам поэт плачет, а публика утешает его: «Да вы не плачьте, ничего не будет!» Однако температура повышена прежними воинственными речами.

Кое-кто кричит: «Да здравствует землетрясение», а на галерее происходит маленькая словесная баталия.

⁵¹ Армандо Мацца (1884—1964) — поэт, прозаик, журналист, активный участник движения футуризма.

— Да не мешайте слушать, вы! — кричит один.

— Ты сам не мешай, болван!

— А ты футурист!

Ссорящихся наверху разнимают, в то время как внизу публика уверяет нового декламатора, что в сумасшедшем доме для него место давно приготовлено.

Теперь уже нет возможности поддержать порядок в театре. Все не только изощряются в комментариях, но и помогают поэтам на эстраде, подсказывая им нелепые рифмы и заканчивая за них стихи.

— Если бы я не был поэтом... — начинает поэт на эстраде.

— Было бы гораздо лучше, — кончает за него публика.

Но последний козырь футуристы приберегают к концу. Последний из их рядов, вновь взывая к войне и протестуя против «позорных соглашений», храбро ударяет смычком по ирредентистской струнке итальянского сердца. За ним вновь выскакивает глава футуристов Маринетти и объявляет «первое футуристское убеждение»:

— Долой Австрию!

Получается огромный скандал, и в общей свалке уже нельзя отличить сочувствующих от протестующих. Глава футуризма шагает по сцене с осанкой «гражданина, который протестует», и смело кричит своим врагам, бросающим в него с галереи апельсиновые корки:

— Труссы! Спуститесь сюда, если смеете! Долой Австрию!

Вместо трусов на сцене появляются полицейские делегаты с небольшим нарядом нижних чинов, одетых в штатское платье. Так как футуристы не сдаются на простые убеждения, то делегаты принуждены надеть свои трехцветные повязки. Это знаменует начало военных действий, и семь футуристов поспешно оставляют поле битвы...

Нечего и говорить, что объявление войны Турции привело футуристов в восхищение. В манифесте, выпущенном по этому поводу, они называют итальянское правительство «футуристским» и весьма ему аплодируют. Можно было ожидать, что с момента начала военных действий футуристская поэзия расцветет пышным цветком. И оказалось наоборот! Едва раздалась на побережье северной Африки первые выстрелы, как футуристы оповестили

печатными бланками всех, кого это могло интересовать, о следующем:

«Футуристское движение литературное, художественное и музыкальное в настоящее время приостанавливается по случаю отсутствия поэта Маринетти, уехавшего на театр военных действий»*.

Приняв во внимание приведенные выше некоторые черты биографии Маринетти, можно безошибочно вывести следующее заключение.

Футуризм — это Маринетти. Не будет его — не будет и футуризма. Да хранит же его судьба от шальной турецкой пули, поражающей и поэтов!

* Манифест. «Per la guerra, sola igiene del mondo». (Примеч. 13: «Война — единственная гигиена мира». — А. Я.)



Искусство прошлого и современность

П ● Муратов, автор лучшей русской книги о старом итальянском искусстве, книги, писанной с любовью и знанием, счастливо выбрал для нее заглавие: «Образы Италии». И правда, ту Италию, в которую ведет нас его книга, можно мыслить только образами. Но ошибаются те, кто думает, что образы Италии — лишь образы прошлого.

В самом деле, что считать прошлым? То, что скрыто в музеях? Но ведь там скрыты чудеса искусства вечного, а не прошлого, не преходящего; зачем отдавать их предкам, когда они принадлежат и нам? Разве «Рождение Венеры» Боттичелли, «лучшая из всех картин на свете», по словам П. Муратова, и я готов с самым задорным росчерком подписаться под его прекрасным увлечением, — разве это чудесное создание Сандро Боттичелли не есть частичка современности, частичка сокровищ сегодняшней Италии? А колонны Диоскуров на Римском форуме? Разве это — создание древности и принадлежит только ей? Конечно, нет! Древние создали храм Диоскуров, теперь не существующий, но три обветрившиеся мраморные колонны — достояние наших дней; они имеют свою ценность независимо от бывшего храма, и я, право, не знаю, согласился ли бы я на их месте увидеть цельный возрожденный храм. Говорят, что над Бельведерской площадью на Палатине высилось еще несколько этажей и что вид сверху на Кампанию и на термы Каракаллы был невероятно

прекрасен. Может быть. Но я предпочитаю нынешнюю Бельведерскую площадку, с которой видны сады, пыльная дорога и развалины древних бань, и я считаю, что это самый божественный пункт на земном шаре. Но ведь это же современный вид, который тщетно стараются опошлить современные фабриканты открытых писем!*

Нет, кто любит художественное прошлое Италии, тот не может не любить и ее современности, с которою оно так тесно связано. Я не говорю — современной живописи, современного искусства вообще. О, оно порою возмущает душу! И не о парламенте я говорю, не о речи синдака Натана¹, не об энцикликах папы Пия Десятого, не о реформах, не о конгрессах, не о выставках. Я говорю о том вечном в Италии, о той присущей ей красоте, которая родила «Анцианскую девочку», храм Диоскуров, тосканскую речь, «Божественную Комедию», «Венеру» Боттичелли, героический подъем гарибальдийской «тысячи». И не говорить об этом нельзя. Нам, русским, рожденным под серым небом, так нужно красоты и солнца, что хочется кричать о нем, о яркости его в той маленькой стране, которую Гоголь звал родиной души своей. «Нет лучшей участи, как умереть в Риме, — писал он, — целой верстой человек здесь ближе к божеству». «Кто был в Италии, тот скажи прощай всем другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю». «О, Рим, Рим! В душе небо и рай!» И да простит мне автор

* Я не хочу изменить этих строк, написанных раньше. Но — увы! — и этого «божественного пункта» уже коснулось благоустройство! Поэзия его заброшенности убита недавно проложенными линиями подъездного шоссе, перегорожена решетками, вход за которые вы оплатите обычной монетой!

¹ Эрнесто Натан (1845—1921) — один из самых деятельных мэров Рима (1907—1913); космополит, антиклерикал, масон; он утвердил общий план городской застройки, выступив против землевладельцев и предпринимателей, наживавшихся на строительстве (мэрия установила предельную высоту зданий, определила допустимый тип застройки и т.п.). Натан также много сделал для развития светской школы и профессионального обучения. В этом его взгляды близки Осоргину. Поначалу церковь отреагировала на реформу образования крайне отрицательно, католическая печать призывала отправить потерявшего совесть богухульника обратно в гетто.

«Образов Италии», если я скажу, что «Венера» Боттичелли, перевезенная в Москву, не была бы более «лучшей из всех картин на свете». Пусть она заперта в музее — но и ей нужна рамка из итальянского неба и флорентийской почвы. Только здесь критик проникается той восторженностью, которая делает самого его художником.

Великие образцы искусства есть в Лондоне, в Париже, в Берлине, в Мюнхене; но почему же лишь одна Италия неизменно превращает историка искусства в поэта? Потому, что только здесь великое искусство прошлого не оторвано от родной почвы. И в итальянской современности, родившейся под печальной художественной звездой, все же хранятся заветы и традиции прошлого величия и расцвета. Часто итальянский «интеллектуал», будучи прекрасным парламентским оратором, оказывается полнейшим профаном в художественной истории своей страны. Да, но его сынишка, выйдя с нянькой на прогулку, садится верхом на египетских львов Капитолия, бегаёт вокруг обелиска на площади Народа, играет с приятелями на Испанской лестнице и пускает бумажный кораблик в бассейн фонтана Треви. И если вы спросите его отца, профана в искусстве и мастера в политике, о грядущих задачах его родины, он никогда не забудет упомянуть вам о преемстве традиции Джотто, Мазаччо, фра Беато Анджелико, фра Липпи, Боттичелли, Рафаэля, Микеланджело, которых знает по именам и не различает в работах. Он помянет о них с гордостью потомка великих предков, он готов грудью отстоять честь их мировой славы, как грудью стоит за сегодняшний вотум доверия министерству Джолитти. Он, силою жизненных обстоятельств далеко отвлеченный от искусства, все же считает своим долгом и своей честью отстаивать первенство итальянского гения в областях искусства. Ибо так предписывает ему традиция.

Та Италия, в которую зовут читателя мои очерки, сильно отлична от Италии художников и поклонников прошлого. Мои впечатления и взгляды ограничены рамками современности. И если я все же не прохожу молча мимо памятников художественной старины, то лишь потому, что их история продолжается и в наши дни. Некогда, в дни вандализма или фанатизма, потаенные склепы спасли немало жемчужин античного искусства от неминуемой гибели. Через много ве-

ков эти памятники вновь увидели свет. Это было их новым рождением, которого бытописатель современной Италии не может не отметить. Но, разумеется, отметить, не ставя перед собою задач художественной критики, не забывая своей основной задачи критики современной жизни. Выше мне пришлось говорить о статуе Менелая, обратившегося в портного Пасквино, об его античных друзьях, также сыгравших свою роль в современности, о странном памятнике древнего Рима — горе Тестаччо, дожившей до нас и поведавшей нам так много. И таких памятников много, от театра Марцелла, приютившего современных кузнецов², до любой развалины *Agro Romano*, приспособленной оборванным крестьянином для своего нищенски скромного обихода. Быть может, не менее любопытна для нас судьба античных статуй, открытых недавно и назначенных для украшения музеев, поскольку, прежде чем попасть в эти музеи, они успели так или иначе взволновать житейское море итальянской обывательщины.

Такова, например, современная история статуи Ниобиды, украшающей сейчас, хотя и временно, секретную комнату миланского помещения Коммерческого банка.

1. Приключения Ниобиды

Бытописателю итальянской жизни трудно предложить лучшую тему для комедии современных нравов, чем та, которую нельзя не озаглавить «Приключения Ниобиды» и которая в течение долгого времени занимала римскую и миланскую прессу. Не придется даже пускаться в ход поэтический вымысел; достаточно сфотографировать действительность — и комедия готова...

² Театр Марцелла — один из четырех каменных театров Рима, возведенный в 13—11 годах до н.э. на Марсовом поле. Император Октавиан Август, при котором было закончено строительство, посвятил его памяти своего племянника Марка Клавдия Марцелла. В 64 году театр пережил пожар, на протяжении лет его то разрушали, то ремонтировали, материалы использовали для строительства других зданий. В Средние века бывший театр превратился в настоящую крепость, а в XVI веке семейство Савелли решило устроить в нем свой дворец и наняло для этого архитектора Бальдассаре Перуцци. В 1928—1932 годах здание пережило научную реставрацию, окружавшие его пристройки разрушили, размещавшиеся в нем ремесленные мастерские выселили, театр приобрел нынешний облик.

Ее первый акт разыгрался давно, приблизительно в IV, если не в V веке до Р. Х., когда один гениальный художник высек из мрамора прекрасную статую Ниобиды, раненной в спину стрелой разгневанного бога. Припав на одно колено, она закинула руки в предсмертной тоске... Мягкие линии обнаженной ноги и груди говорят о чисто греческом происхождении хорошо сохранившейся статуи.

Но прошли века, и поклонники мраморной красоты, желая спасти ее от вандализма завоевателей или от фанатизма христианской церкви, зарыли ее глубоко в землю в нарочно приготовленном склепе. И чудному мрамору много веков не пришлось видеть ни лучей солнца, ни восхищенных взоров. Над ней нарастала почва, созидался новый город, прошли длинные периоды человеческой истории, и, если бы не случай, Ниобида навеки осталась бы под землей.

Но наступил третий акт комедии, уже в наши дни, точнее — весной 1906 года. Там, где были когда-то знаменитые сады Саллюстия, стоит теперь здание Коммерческого банка, оперирующего иностранными капиталами. И вот, когда престарелый Ди Карло с тремя товарищами копал землю для закладки фундамента — твердыни капитала, лопата его случайно наткнулась на стену скрытого под землей склепа. Так вторично появилась на свет раненая дочь Ниобеи³.

О находке известили археологов и министерство. Так как земля незадолго перед этим была куплена банком, то статую как собственность банка перевезли в загородную дачу одного из администраторов, над могилой же ее скоро выросло громадное здание.

³ «Раненая Ниобида», скульптура из паросского мрамора высотой около 1,5 м, датируется V веком до н.э., в настоящее время хранится в Национальном римском музее в палаццо Массимо. Работа греческого мастера, привезенная в Рим в качестве военного трофея. Статую обнаружили в 1906 году на месте садов Саллюстия, на глубине 11 метров (видимо, ее спрятали от варваров). Ниобида изогнулась и закинула руки, силясь вытащить поразившую ее стрелу (стрела не сохранилась, но между лопатками видно отверстие). Сюжет восходит к известной легенде. Ниоба, у которой было много прекрасных детей, стала похваляться ими, обидев свою подругу Лето, у которой было лишь двое детей — Аполлон и Артемиды. Лето разгневалась, и ее дети поразили стрелами дочерей и сыновей дерзкой Ниобы.

Прежние владельцы участка пробовали было отсудить у банка его находку, но неудачно. До них владела землей римская коммуна, но она уже и не пыталась оспаривать права банка на прекрасную Ниобиду. Однако у Ниобиды был крестный отец — землекоп Ди Карло, и вот он-то и заявил свои права на «половину статуи». Начался процесс, до сих пор не окончившийся, исход которого вряд ли будет благоприятен для землекопа.

Такие процессы тянутся в Италии если не веками, то вроде этого. Ниобида, которой надоело ждать решения спора о ней между капиталом и трудом, решила бежать из Рима. Так как в Италии ценным произведениям искусства запрещен выезд за границу, то Ниобида бежала в Милан, где и приютилась в миланском отделении банка. Против этого рокового шага ее предостерегали министр народного просвещения и синдик города Рима, но воспрепятствовать ей они не могли, так как в пределах Италии она свободна выбирать место жительства.

Однако римляне запротестовали. Раз Ниобида родилась в Риме, прожила здесь не менее 20 веков, она и должна остаться в Вечном городе. Синдаку был сделан официальный запрос, и оказалось, что он уже «принимает меры» к водворению беглянки на родину.

Не успела Ниобида отдохнуть после дороги, как землекоп Ди Карло предъявил банку иск об охране его интересов. Его адвокат заявил, что, по слухам, Ниобида собирается тайно исчезнуть за границу, что Ди Карло, живя в Риме, не может за ней следить и что он просит вернуть ее в Рим и назначить ей опекуном первого гражданина Рима, синдака Эрнеста Натана. Как ни протестовал поверенный банка, но суд с доводами землекопа согласился. Кстати, землекопа никто не видел, ничего о нем не известно, да и он вряд ли аккуратно следил по газетам за своими подвигами.

Наступил самый критический момент. Синдик послал в Милан своего представителя, главного хранителя капитолийских музеев, чтобы согласно приговору секвестровать статую, вернуть ее в Рим и поставить на хранение, до разрешения спора, в Капитолийский музей или другое безопасное место. Но банк выдать статую представителю отказался. Тог-

да Натан сам поехал в Милан. И тогда произошли события, взволновавшие Италию.

Мне уже приходилось говорить, что в объединенной Италии до сих пор чрезвычайно сильно развито местничество. Каждый большой город гордится своей колокольней, и каждый оспаривает у другого местничество — если не в том, так в другом. Рим — столица, но не он, конечно, главная артерия итальянской жизни. Города промышленного севера далеко перегнали его в европеизации, и во главе их стоит Милан. Но Рим вне конкуренции — как город искусства и как музей древности. Перед его вековым значением и его седой старостью преклоняется вся Италия, и, не будь в нем Монтечиторио и Квиринала, он все же возвышался бы своим Капитолием. Даже Флоренция, с ее бесчисленными и бездонными сокровищами искусства Средних веков, и та принуждена уступить Вечному городу пальму первенства в смысле исторического значения и богатства, ибо сокровищам Рима равных по цене нет на земле.

Милан, бедный искусством город, мучается этим сознанием. А между тем землекоп Ди Карло, в лице своего поверенного, осмелился в суде произнести такую фразу:

— Статуя Ниобиды, перевезенная в Милан, теряет половину своей ценности, так как место ей в Риме, где она найдена, где собраны другие сокровища мира.

А синдак Натан к этому прибавил:

— И где имеются другие статуи, быть может, из той же группы Ниобид. Разрознить эти ценные сокровища — значит обесценить их.

Милан обиделся. Созвано было экстренное собрание артистов⁴ и граждан, которые решили протестовать против действий синдака города Рима, покушающегося отнять у них Ниобиду.

— Ибо, — заявили они, — никто не смеет сказать, что миланцы меньше понимают и ценят произведения искусства, чем римляне.

Частный гражданский спор между Коммерческим банком и землекопом Ди Карло обратился в вопрос общественный.

⁴ Артистов — в смысле художников, людей искусства.



Милан восстал на Рим в лице его представителя и первого гражданина, старого масона и блокиста, яркого антиклерикала и энергичного деятеля Эрнеста Натана.

Банк, поддержанный общественным миланским мнением, решил бороться до последней крайности. Были пущены в ход все юридические закорючки, вплоть до обвинения судебного пристава в превышении власти. Так как здание, где находится банк и где укрыли статую, принадлежит миланской коммуне, то в дело вступился и миланский синдикат, отказавшийся отпереть двери комнаты прекрасной Ниобиды.

Но дело миланцев испортили студенты академии и политехникума. В день приезда в Милан Натана они собрались к зданию, где хранилась Ниобиды, и учинили бестактность. Подъехавший римский синдикат, почетный гость города Милана, был встречен свистками и криками: «Долой Натана! Долой Рим!» Перед самым носом человека, которого уважает вся Италия, была захлопнута калитка. В заключение синдикат, стесненный толпой, поскользнулся и упал в снег. На выручку ему явились адвокаты обеих сторон и карабинеры. Получился большой скандал, о котором Милану пришлось пожалеть. Выходку студентов все единодушно осудили, а прогрессивная печать припомнила, что миланские студенты специализировались на реакционных выходках, освистывая рабочих за стачки и аплодируя отряду полицейских. Некоторые усмотрели тут влияние клерикалов, которые действительно ненавидят римского синдиката искреннейшим образом.

Как бы то ни было, но после двухдневных споров и частных судебных приговоров римский синдикат был допущен в скромную комнату прекрасной Ниобиды. Для этого пришлось позвать слесаря и взломать дверной замок. Однако частным приговором миланского трибунала постановлено было оставить статую в Милане, признав все же римского синдиката ее хранителем и вручив ему ключи.

Присутствовавшие корреспонденты поэтически описывают, как взорам присутствующих предстала нагая, прекрасная и страдающая Ниобиды, освещенная через окно лучами заходящего солнца, и как все остолбенели и в душе согласились:

— Да, из-за такой стоит бороться!

Затем начались дипломатические излияния и сочувствия. Состав миланского муниципального совета сделал визит Натану и обменялся с римским советом выражениями «братской привязанности». Римский совет выразил своему главе соболезнование, а город Рим устроил ему торжественную встречу. При этом Рим, конечно, подчеркнул свою воспитанность тройным криком:

— Да здравствует Натан! Да здравствует Рим! Да здравствует Милан!

А сам синдак с балкона своего дома повторил эти возгласы в маленькой речи:

— Господа, позвольте мне лишь одно слово, вот оно: *viva l'Italia, viva Roma, viva Milano!* Отечество стоит выше всех этих маленьких дряг, которые не могут разрушить наших стремлений, наших надежд и нашей веры в прогресс цивилизации!

Затем кто-то из толпы подавал мысль пойти освистать опустевшие хоромы Ниобиды в римском отделении Коммерческого банка, но благоразумие взяло верх. Римские студенты в этот день от лекций, однако, воздержались, тем более что время было карнавальное.

Так закончился и еще один акт комедии. Следующий акт не менее интересен. В нем несколько раскрылось, почему синдак Рима принимает так близко к сердцу интересы землекопа Ди Карло.

В день приезда синдака в Рим газетам сделалось известно, что у Коммерческого банка будет новый конкурент, гораздо более страшный, — сам Вечный город Рим! Ибо выяснилось — или по крайней мере почему не предположить, — что прекрасная Ниобида найдена под землей в глубокой нише, которая находилась не непосредственно под нынешним зданием банка, а под городским владением, между площадью Саллюстия и улицей Коллина. Так ли это, никому достоверно неизвестно и проверить сейчас трудно. Но все четыре землекопа, в том числе и Ди Карло, это утверждают. А если так, то она должна быть собственностью римской коммуны, которая поручила синдаку предъявить банку иск. И чудится, что быть-таки Ниобиде в Капитолийском музее! Недаром

миланцы, протестуя против энергичных действий Натана, говорили:

— Нельзя допускать, чтобы Ниобиду увезли в Капитолийский музей, в который вошло много статуй, но из которого еще ни одна никогда не выходила!

— Конечно, — язвительно замечали на это римские газеты, — пусть она останется в зале миланского Коммерческого банка, где ею будут любоваться денежные тузы, когда им наскучит любоваться видом золота и кредитных билетов!

И все с нетерпением ждут, чем же наконец окончатся приключения прекрасной Ниобиды, которую миланский судебный пристав, к ужасу ее поклонников, величает в деловых бумагах «мраморным изображением женского пола» или еще проще — «движимой собственностью Коммерческого банка».

2. Девочка из Анцио

«Мраморным изображением женского пола» является для некоторых посетителей римского Национального музея и одна прекрасная статуя, стоящая здесь настолько недавно, что в большинство путеводителей она еще до сих пор не попала⁵. Притом под ней нет и надписи, и это делает честь музею, не спешащему налеплять ярлык на статую, относительно которой идет спор даже по поводу ее «женского пола».

В Средние века в Риме была в большом ходу легенда о дворце Августа, скрытом под землей и роскошном свыше всякого воображения. Во дворце живет сам Август, окруженный свитой философов и рабов, вдохновенный и бесплотный, ожидающий того дня, когда вновь воссияет его слава и мрамор дворцов его вновь выйдет на поверхность земли, чтобы начать новую эру великого царствования...

Трудно создать другую легенду, так близкую к действительности, как эта красивая сказка о возрождении мраморного величия древности. Действительно, непрерывно производимые в Риме раскопки доказывают наглядно, что у подножия холмов и под мостовыми города скрыто много сокровищ, ценных для истории и искусства. Выше я рассказал

⁵ О «Девушке из Анцио» см. также выше примечание 21 на с. 217.

про статую Ниобиды, найденную сравнительно не так давно; в самое последнее время, как бы в подтверждение старой легенды, извлечена из земли прекрасно сохранившаяся статуя Августа, уже перевезенная в Национальный музей, но почему-то пока не открытая для широкой публики.

Но ни одной из этих находок истории и ценители искусства не интересуются так, как знаменитой «Девочкой из Анцио», недавно приобретенной итальянским правительством от частного владельца за очень крупную для Италии сумму — полмиллиона франков. «Анцианская девочка» найдена давно, около 35 лет назад, но только недавно упрочилась ее слава, и только за самое последнее время исследования ученых пролили некоторый свет на тайну происхождения этой изящнейшей статуи римских музеев. Судьба ее настолько интересна, что я позволю себе включить и ее в цикл «злоб современности».

Она появилась на свет не стараниями искателей древности. Ее открыло море. Однажды исключительно сильной бурей, в декабре 1878 года, смыло фундамент полуразрушенной стены виллы Нерона на берегу Средиземного моря в Анцио. На другой день стихло, и рыбаки, проезжавшие мимо античных стен, увидели в нише белую мраморную статую, лишенную верхней части. Известили владельца виллы, князя Сарсина, который распорядился извлечь статую из-под обломков, где затем нашли и верхнюю ее часть, слегка поврежденную. Находке обрадовались, но не нашлось ценителей, которые обратили бы на нее должное внимание.

Прошло двадцать лет. Однажды как-то немецкий профессор, роясь в бумажном хламе у букиниста, наткнулся случайно на фотографию, снятую с анцианской статуи и неизвестно как попавшую в лавочку старьевщика. Ученый заинтересовался и, не имея данных для суждения о ней, послал фотографию известному профессору Клейну, который нашел в ней сходство с давно известным ему маленьким античным рисунком. Статую разыскали, и мало-помалу, с легкой руки немцев, в Анцио потянулись пилигримы-художники смотреть на новое диво. Конечно, пока немцы и англичане рассматривали со всех сторон и во всех деталях диковинную находку моря, итальянцы продолжали не иметь о ней ни малейшего представления.

Только в 1902 году Италия с полной серьезностью занялась охраной своих памятников-статуй. В этом году вошел в силу действующий сейчас закон о невывозе за границу произведений искусства высокой ценности. Закон подоспел вовремя, так как к «Анцианской девочке» уже отовсюду протягивались руки и ее владельцу предлагались за нее значительные суммы. В том же году, в ответ на прошение владельца о разрешении вывоза статуи за границу, особая министерская комиссия, осмотревшая по этому поводу статую, пришла к заключению о крупной ценности находки и необходимости оставить ее в Италии. Это был первый шаг к признанию «Анцианской девочки» ее, так сказать, соотечественниками. Вскоре затем равнодушие сменилось увлечением. Статуйей стали заниматься, о ней читали лекции, ценность ее росла в глазах ученых и художников; одновременно росла и ее рыночная цена. Но все это происходило лишь в кругах специалистов, широкая же публика о ней не знала. Нужно было, чтобы «художественное воображение» итальянца поражено было крупной суммой. И действительно, лишь только правительство выторговало статую у ее владельца за 450 тысяч лир, как «Девочка из Анцио» сразу приобрела великую популярность. О ней заговорили на всех перекрестках, путь ее из Анцио в Рим усыпали розами газетного красноречия, ее встретила особая депутация с министром просвещения во главе, и с тех пор в витринах художественных магазинов ее фотография занимает центральное место.

И тогда начались злключения прекрасной девушки. Кто она такая? Кого изображает? Какой миф кроется в этом божественном мраморе?

Божественная красота статуи не есть преувеличение. «Анцианская девочка» не только прекрасна, но и оригинальна. Она образчик дивной гармонии красоты физической и красоты духовной — того изящества души, которое даже и великим скульпторам древности редко удавалось воплотить в мрамор. Ее надо видеть — описать ее слишком трудно. Юная девушка с еще не развившимися формами в сосредоточенной задумчивости несет блюдо со священными предметами. Ее одежда в беспорядке: хитон сполз с правого плеча,

гиматион⁶ спешно и небрежно подвернут, сандалии просты, как у рабыни. Ни в ее позе, ни в ее формах нет ничего подчеркнутого, и художественное чувство ее автора придало ей невыразимую грацию простоты и движения.

Мы не можем останавливаться здесь подробно на догадках ученых, по сию пору не могущих вполне разгадать это дивное создание древности. Статуя сделана из двух кусков мрамора. Верхняя часть — голова, открытое плечо, часть груди — паросского мелкозернистого мрамора; низ, т.е. главным образом одежда, — менее ценного, пентелического⁷. Изящество и характер верхней части говорят о греческой работе, вероятно IV века до Христа; низ мог бы принадлежать и резцу римского художника. Так говорят ученые, но гармония целого слишком явно переносит нас в Грецию, к временам Лисиппа, если не Праксителя. Бюдо разрушено наполовину, и куски его не сохранились; таким образом, для суждения о сюжете статуи остается лишь лежащая на блюде ветвь, свиток и ножка льва, очевидно — подставка какого-то священного предмета, вероятно, кюльта Аполлона.

— Это — молодая жрица храма счастья, — говорит один ученый, относя создание статуи ко временам Антонинов. — Она, несомненно, римского происхождения.

— Это — Сибилла, вдохновенная пророчица, — говорят другие, завязывая бесконечный спор по поводу лежащих на обломке блюда священных предметов.

— Поэтесса! — догадываются третьи, указывая на сверток пергамента.

— Певица гимнов, — дополняют их приверженцы. — Та самая певица гимнов, о которой упоминается у Пиндара.

— Гетера, прекрасная ученая куртизанка, — раздаются далеко не одиночные голоса.

В своем увлечении эти судьи забывают возраст девочки, неразвитость ее форм, целомудренную чистоту мраморного тела.

⁶ Гиматион (гиматий) — широкое верхнее платье у древних гречанок.

⁷ Паросский мрамор — белый мрамор, добытый на острове Парос; пентелический — белый мрамор с желтоватым оттенком, добывался на горе Пентели.

— Свиток пергамента? — ядовито спрашивают более наблюдательные. — Да разве же это — свиток пергамента? Это — скатанная небрежно священная перевязь. Девушка несомненно — *sacrificans*!⁸ Почти наверное она принадлежит резцу Планиса, ученика Лисиппа⁹.

Наконец большинство признало за наиболее правдоподобное — толкование проф. Loewy, еще в 1907 году читавшего конференцию о чудесной анцианской находке¹⁰. Это не жрица, говорит Леви, но случайная служительница культа Аполлона; о том свидетельствует небрежность ее костюма и характер священных предметов на блюде. Вышла статуя из-под резца греческих скульпторов. Автора невозможно установить даже приблизительно.

И вдруг — новое невероятное сенсационное открытие какого-то историка искусства, пожелавшего во что бы то ни стало сказать что-нибудь оригинальное:

— Девочка из Анцио... не девочка, а мальчик! И не жрица, а попросту прислужник храма или семинарист. Где слышано, чтобы скульптор стал скрывать под складками одежды изящную грудь молодого существа? А волосы? Разве это — женская прическа? А поступь, уверенная поступь юноши? Это — несомненный мальчик!

Поднялась целая буря. Как! Девочку переделывать в мальчика; жрицу Аполлона в семинариста! Принялись подробно исследовать и измерять длину волос и анатомически, поскольку позволил мрамор, исследовать недоразвившееся тело. Кое-кто сдавался, но и те требовали признания «анцианского мальчика» по крайней мере Аполлоном, которого, как известно, часто изображали утрированно женственным. Однако грубость утверждения было нетрудно доказать, и новая теория продержалась не более недели.

⁸ *Sacrificans* (лат.) — приносящая жертву.

⁹ Скорее всего, это ученик Лисиппа Фанис. О нем и о изваянной им статуе, «совершающей жертвоприношение», упоминал Плиний Старший.

¹⁰ Читать конференцию — т.е. читать лекцию. Эмануэль Лёви (Emanuel Loewy, 1857—1938), археолог и историк искусства, в 1899—1915 годах занимал в Риме первую открытую в итальянских университетах кафедру классической археологии.

Вскоре затем сильно нашумела догадка проф. Компаретти¹¹. Он пришел к заключению, что молодая девушка не кто иная, как Кассандра. Самое имя это означает «девушка мужского вида». Признаюсь, меня чрезвычайно удивляет, зачем профессору понадобилось опираться между прочим и на этот перевод имени, когда в действительности ничего мужского нет в этой девственно чистой и изящной фигуре. Очевидно, профессор был под впечатлением предыдущей теории. Нет в ней также ничего, что указывало бы на необходимость признания ее трагической пророчицей. Как известно, Кассандра отвергла любовь Аполлона, который отомстил за это прекрасной дочери Приама с жестокостью божественно-утонченной. Он наградил ее даром пророчества; она всегда говорила правду, но ей никогда никто не должен был верить, ее считали безумной. Судьба ее плачевна: напрасно она хотела спастись от неистовых преследований Аякса, он настиг ее у алтаря Афины и не пощадил ее целомудрия. Затем она сделалась рабой Агамемнона и впоследствии была убита. Вот эту-то трагическую фигуру догадливый профессор увидел в нежном, спокойном и сосредоточенном ребенке, имевшем несчастье взбаламутить итальянский ученый мир. Однако теория проф. Компаретти продолжалась довольно долго.

Только в последнее время соединенными усилиями греческих и итальянских ученых, внимательно перебирающих античные монеты в надежде найти на них изображение статуи, тайна начала разбиваться. Если бы ученые, обратившие в спорт свои исследования, были более откровенны, то, быть может, набралось бы уже достаточно доказательств того, что «Анцианская девочка» есть одна из тех великих статуй храма счастья, благословения которых так жаждали мореплаватели у берегов Анцио и которым так охотно приносились жертвы. В храме были две статуи-сестры: *Fortuna Felix* и *Fortuna Victrix*, обе известные под общим именем *Vindicae Sorores*¹².

¹¹ Доменико Компаретти (1835—1927) — видный филолог, специалист по греческим древностям.

¹² *Fortuna Felix* — Фортуна Счастливая; *Fortuna Victrix* — Фортуна Победоносная; *Vindicae Sorores* — вероятно, у Осоргина опечатка, это *Veridicae sorores* — «правдивые сестры», которых упоминает Марк Валерий Марциал в своей эпиграмме (книга V, 1).



Их изображения сохранились на древних монетах. Первая находится в частном владении Альдобрандини, вторая и есть, быть может, прекрасная «Анцианская девочка».

Одно смущало до сих пор флорентийского профессора Милани, сделавшего это открытие: обе статуи изображены на монетах с венцами на головах, между тем как «Анцианская девочка» лишена венца. И вот почтенный профессор послал в Рим, потихоньку от коллег, наблюдательного художника. Художник залез наверх и посмотрел на статую сверху. И тут оказалось, что исследователи прически и измерители волос «девочки» просмотрели одну маленькую подробность: на ее голове имеются четыре симметрических дырочки, в которых, очевидно, и укреплялась золотая корона!

Итак, не Кассандра, не семинарист, не жрица, а сама прекраснейшая из двух сестер, олицетворение счастья! — восклицают итальянцы. Пусть же счастье вновь засияет над Римом, приютившим ее изображение!

Падет ли и эта теория, как пали другие? Все возможно. Но пока ученые спорили об имени прекрасной статуи, за нею твердо успело упрочиться простое и так подходящее к ней название: *Fanciulla d'Anzio*, чудесная, полная грации и изящества «Девочка из Анцио», украшение римского Национального музея...

3. ФИГОВЫЙ ЛИСТ

Профанировать статую прекрасной девочки, меняя ее пол ввиду отсутствия в ее неразвившихся формах подчеркнутых признаков женщины, — с этим еще можно помириться. В конце концов, весь этот спор ведется во имя искусства, а не во имя посторонних ему соображений. Но случается порою, что жрецы искусства отвлекаются от него жизнью настолько, что подходят к нему с мерками слишком современными и критериями слишком посторонними. И кажется мне, нет больше опасных врагов у искусства, как общественные морализаторы. Вспоминаю одну сценку, которая меня в этом окончательно убедила.

Эффектные, грациозные развалины Колизея. На высоте — ложа цезарей; внизу — подземные ходы. Не жарко, так как солнце уже склонилось к западу...

На мраморной плите — остаток античной белоснежной лестницы — стоит и ораторствует лектор, молодой человек не без манер. Читает на громкую тему, «Общественные идеи в греческом эпосе». Читает, конечно, популярно, даже ультрапопулярно.

Признаюсь, прочтя объявление в газетах, я ожидал встретить на арене Колизея больше публики. Разве не интересуется итальянская молодежь античным миром? Увы! Только два десятка старцев, забредших сюда ради послеобеденного пищеварения, образуют аудиторию. Присутствуют еще пять-шесть рабочих, ради праздника Феррагосто — наше Успение¹³, да молодая девушка, вероятно, знакомая лектора.

Об общественных идеях лектор распространяется мало; главным образом излагает содержание «Илиады» да цитирует бессмертные стихи поэмы. Это и лучше: по крайней мере слушается с удовольствием, это идет к величавым стенам Колизея на закате солнца.

Только излагая анекдот о Терсите, лектор увлекается модным толкованием социальной роли античного урода. Терсит — крайняя левая; Терсит — голос народа, осуществляющего права избирателей по отношению к избранникам...¹⁴

Слушают все-таки... Рабочие одобрительно кивают головами, старики клюют носом, все посасывают трубки. Молодая девица мало понимает, но интересуется. Пенелопа ей не нравится, но Елена с Парисом возбуждают в ней и сочувствие, и любопытство.

Ну чем заинтересуешь подобную публику? Сообразительный лектор, закрыв тетрадку, переходит, в виде дивертисмента, к маленькой злобе дня, известной, впрочем, только ему — как члену «союза истории и искусства» — да случайно мне — как абоненту газеты¹⁵, на страницах которой поднят этот вопрос. Дело идет о столкновении интересов искусства с интересами общественной нравственности, на уровне итальянского понимания, конечно.

¹³ Феррагосто — праздник Вознесения Богородицы, отмечается 15 августа; обычно на это время приходятся самые жаркие дни в году.

¹⁴ Терсит (букв. «наглый, дерзкий») — персонаж греческой мифологии, упомянут в «Илиаде» Гомера.

¹⁵ Абонент газеты — подписчик.

Или, говоря проще, закрывать ли фиговым листом наготу мужских статуй в музеях или не закрывать?

Председатель «союза истории и искусства», явившись в Капитолийский музей читать лекцию, был смущен тем, что с некоторых статуй сняты фиговые листья, те самые листья, которые так старательно и любовно приделывались к античным статуям стыдливými папами — как покровителями искусства, так и содержателями гаремов в ватиканских дворцах¹⁶. Смущенный председатель обратился через одну радикальную газету к публике с предложением высказаться по этому вопросу принципиально. Публика высказаться не пожелала, и только в органе итальянских социалистов один фельетонист, справившись в партийной программе и не найдя там ничего на эту тему, выпалил: «То, что должно искореняться на открытых письмах в одно сольдо, — то не касается великих произведений искусства».

Лектор не удовлетворился таким ответом — и он прав. В чем же разница? И разве можно, трактуя общественную мораль, ставить подобные произвольные границы? Нет, ты скажи прямо: допустимо ли с точки зрения общественной морали художественное воспроизведение того, что обычно скрывается людской стыдливостью?

Мне кажется, вопрос поставлен правильно. Печально лишь то, что словом «мораль» слишком легко играть. Играет им и лектор. «В прежние времена, — говорит он стенам Колизея, — считалось дозволенным и приличным то, что сейчас нас шокирует. Где-нибудь в Африке, где климат заставляет людей ходить голыми, никого не смутит обнажение скрываемых нами частей тела! Но, господа, нужно же применяться к условиям общественной жизни и общественной морали. Мы — культурные люди, и, по нашим представлениям, это уже является соблазном. Скажите мне вы, отцы и матери, желаете ли вы, чтобы дети ваши смотрели на подобные вещи? Я думаю — нет!»

¹⁶ Кампания Ватикана за прикрытие срамных мест у произведений искусства связана с папой Павлом IV — тем самым, что притеснял евреев и создал «Индекс запрещенных книг». Чаще всего для защиты нравственности использовали восходящий к ветхозаветному преданию фиговый лист, драпировку или листву деревьев и кустарников.

Эффектно повернулся и ушел, как бы не желая и сам смотреть на «подобные вещи». Старики проснулись, пять рабочих похлопали в ладоши, девица притворилась, что в «подобных вещах» ничего не понимает, да и не интересуется.

А между тем вопрос очень интересен. Не теоретически, конечно! Теоретически он решается просто. Разве искусство должно приспособляться к ходячей морали сегодняшнего дня? Но ведь по нашим культурным обычаям закрывается одеждой все тело; значит ли это, что следует надеть капот на «Венеру Милосскую» или черную пару на «Аполлона Бельведерского»? А в Турции женщины закрывают и лицо — значит, в турецких музеях придется просто-напросто закатывать мраморную статую в турецкий ковер? Конечно, это вздор, обычный итальянский обывательский вздор. А вот практически этот вопрос печален. Не говоря уже о скверном моральном влиянии такой «морали», жаль памятники искусства. В соборе св. Петра прекрасное тело «Юлии Фарнезе» работы делла Порта — памятник Павлу III — закрыто бронзовой простыней; в церкви Санта-Мария сопра Минерва «Христос» Микеланджело украшен бронзовой драпировкой; и уж истинное варварство и цинизм проявили стыдливые папы, завесив бронзовой простыней нижнюю часть тела знаменитой и божественно прекрасной «Венеры Книдской» (копия Праксителя)¹⁷.

Если так вульгарно и цинично понимать мораль, тогда лучше попросту разбить все античные статуи или, чтобы не

¹⁷ Джулия Фарнезе — знаменитая красавица, любовница папы Александра VI. Считается, что «Дама с единорогом» Рафаэля — ее портрет. Гульельмо делла Порта изобразил ее в образе Правосудия на мраморном надгробии Павла III в соборе Святого Петра. Изначально фигура была обнаженной, но, поскольку это показалось неуместным, спустя двадцать лет сын скульптора, Теодоро делла Порта, по приказу папы Климента VIII набросил на нее металлическое покрывало, покрашенное белой краской.

«Христос с крестом» — мраморная скульптура работы Микеланджело, находится в базилике Святой Марии над Минервой. Христос изображен стоя, полностью обнаженным, однако в XVII веке у него появилась набедренная повязка из позолоченной бронзы.

Вероятно, Осоргин имеет в виду реплику Афродиты Книдской, т.е. «Венеру Колонна» из Музея Пио-Клементино. Ревнителю морали прикрыли ее ноги драпировкой, которую сняли в 1932 году.

прослыть вандалами, одеть всех «Венер» и «Меркуриев» в европейские одежды последней моды. И тогда отцы могут быть спокойны: их детям не грозит соблазн, по крайней мере от созерцания памятников искусства.

Есть искусство, и есть порнография. Там, где налицо истинное искусство, там только старый развратник да вульгарный толкователь может усмотреть соблазн. А там, где царит порнография, не спасет ни фиговый лист, ни даже целый турецкий ковер. И если самое понятие «общественная мораль» не есть абсурд, то спасать ее нужно не бронзовыми простынями. И вообще — упаси Боже свободное искусство от общественной санитарии!..

4. Каменное чудище

Оставим в покое искусство античное. Современная Италия создала немало величественных памятников, которым, быть может, также суждено впоследствии стать античными, если только творения современной архитектуры, на песке и из песка строящей, переживут столько веков, сколько их пережил Колизей.

Я уже сказал, что задачи историка и бытописателя современности не сходятся во многом; так же различны бывают и их критерии. Есть, например, монументы, мимо которых художественный критик проходит с негодованием, не подарив их ни взглядом, ни словом, между тем как для бытописателя они — истинный клад. К числу таких монументов я отнесу и римское «Каменное чудовище»¹⁸.

Когда читатель приедет в Рим, он сам увидит это колоссальное белое сооружение, этот «храм славы объединенной Италии». И, увидев, скажет:

— Может быть, не художественно, но все же величественно. И как замечательно выбрано место для памятника объединителю Италии! Стоя в глубине обширной, полной воздуха площади, он вершиной уходит в небо.

Согласен и я. Памятник Виктору-Эммануилу II — самое великое создание современного итальянского искус-

¹⁸ О памятнике Виктору-Эммануилу II см. выше примечание 1 на с. 249.

ства; великое по размерам, великое по жертвам, великое по настойчивому и яркому отражению современности в ее противоположении вечным принципам искусства. Это — Эйфелева башня Италии, но только не веселая, стройная и пошлая, а монументальная, крепко севшая у подножия Капитолия и полная скрытого трагизма. В эпоху кризиса гениев и талантов, в эпоху пошлой промышленной серединности маленькие люди понатужились, чтобы создать нечто гениальное. Получился каменный монстр, действительно олицетворивший собой маленьких поэтов, больших купцов и ловких велосипедистов. Конечно, каждая эпоха вправе создавать. Современная Италия, строящая жилые дома, задумала создать и величественный храм; это ее право. Она выстроила его в вечном мировом городе, где каждый век положил свой отпечаток; и это тоже ее неотъемлемое право. Она избрала местом для памятника склон Капитолийского холма; кто станет оспаривать законность такого выбора? Но, воздвигая новое, она принесла ему в жертву старое, и за этот беззащитный «футуризм» будущий историк привлечет ее к ответу.

Памятник Виктору-Эммануилу имеет свою сложную историю. Его недаром зовут «каменным чудищем» (*il mostro di pietra*)*. Он проглотил не одни миллионы, которые так нужны для культуры страны; он и в области искусства оказался беспощадным.

Первой жертвой его пал дворец Торлония, выстроенный на границе XVI и XVII веков Карлом Фонтана. Сначала потребовался лишь северный угол дворца, который и решено было срезать. Но вскоре оказалось необходимым снести весь дворец как мешающий виду на новый памятник. Таким образом, княжеские хоромы первыми преклонились перед созданием демократической Италии¹⁹.

* «Памятник Отцу Отечества» имеет несколько ходячих кличек. В последнее время к нему привилось название, данное ему публично на митинге футуристов в Риме, — «Pisciatoio di lusso» (люксовый писсуар. — А. Я.).

¹⁹ Палаццо Болоньетти-Торлония, снесенный ради строительства Витториано, обладал исторической и художественной ценностью. Его убранство, к которому среди прочих приложили руку Торвальдсен, Канова и Тенерани, являлось образцом неоклассического стиля. В палаццо

Сразив князей, каменный колосс продолжал расти. Теперь ему мешал с левого бока старинный конвент, убежище францисканских монахов, а справа — здания античной улицы Vicus Argentarius (via di Marforio)²⁰. Монахов он победил сразу, здания же справа долго не уступали, ссылаясь на свое полезное назначение: они были сплошь заняты домами терпимости; стены их рушились наконец только недавно. Демократическая антиклерикальная Италия исполнила свою морализаторскую задачу.

Но этого мало. Объединение Италии совершилось путем изгнания австрийцев. На историческом памятнике не мог не отразиться этот момент. И вот уже выросший колосс сказал чудесному венецианскому дворцу, принадлежащему Австрии и служащему помещением австрийского посольства: «Подвинься!»

В середине XV века кардинал Барбо, венецианец родом, начал строить огромный дворец близ Капитолия. Сделавшись папой и приняв имя Павла II, он не заботился о Ватикане и занялся тщательной отделкой своего дворца, названного Венецианским. Строгое и цельное архитектурное создание, Венецианский дворец был лучшим произведением XV века и мог соперничать с флорентийским дворцом Питти. Одна часть его представляла внутри дворик в чистом стиле высокого Ренессанса, с двумя этажами арок, — дворик, который стал прототипом позднейших созданий этого стиля. На постройку дворца, и в частности дворика, было употреблено много ценных мраморов с Колизея и других античных монументов.

Но современный колосс сказал: «Подвинься!» — и старый дворец, разграбивший в свое время мраморы античных зданий, должен был уступить. И вот на наших глазах снесли и разрушили именно ту его часть, которая включала дворик и

устраивали пышные празднества, там останавливались члены монарших семейств разных стран. Некоторые из находившихся там произведений искусства теперь можно увидеть в римских музеях.

²⁰ Первоначально эта улица, частично сохранившаяся и сегодня, называлась Vicus Lautumiarum, затем — Clivo Argentarius, позднее и до XV века — виа ди Марфордио, приятеля Пасквино, которого затем перенесли в Капитолийские музеи.

постройка которой приписывалась Леону Баттисте Альберти, увлекшемуся идеей амфитеатра Флавия. Отодрали античные мраморные плиты, разрушили тонкие арки, ударили киркой по камням, к которым раньше не позволялось грубо прикасаться. В какие-нибудь две недели чудесное здание эпохи Возрождения погибло безвозвратно. Работы с площади не были огорожены, и публика по целым дням смотрела на исчезающее сооружение. И право же, казалось, что не итальянская толпа смотрит на камни, а камни смотрят на современных итальянцев взглядом гордым, презрительным и страдающим!²¹

Но каменному чудищу все еще было мало воздуха и простора. Прогнав монахов и проституток, разрушив дворец князей Торлония и лодджи эпохи Возрождения, подавив престиж Австрии, собственницы испорченного теперь Венецианского дворца, каменное чудище уже не знало удержу. Раз ему удалось вновь разбросать мраморы Колизея, кто мог помешать ему уничтожить, теперь уже самостоятельно и непосредственно, мешающую ему гробницу Публиция Бибула, античное сооружение в память римского эдила, поставленное по воле римского народа и по приказу римского сената — *Senatus consulta Populique jussu*, — как свидетельствует о том надпись на гробнице?²² Венецианский дворец — произведение искусства, между тем как гробница Бибула, имя которого почти неизвестно истории, — только памятник старины. Воля Савойского дома не значит ли более воли римского народа и приказа римского сената? И современный демократи-

²¹ Палаццо Венеция — дворец, возведенный в конце XV века и многократно перестраивавшийся. Во второй половине XIX века здесь находилось Австрийское посольство при Святом престоле. При сооружении Витториано башню палаццо Венеция перенесли в другую оконечность дворца, а для Венецианского консульства возвели здание напротив в неоренессансном стиле.

²² Развалины гробницы римского эдила Гая Публиция Бибула, датируемой I веком до н.э., находятся в нескольких метрах слева от Витториано. На основании видна надпись, которую цитирует Осоргин: «Гайю Публицию Бибулу... в признание его достоинства и заслуг на общественные средства выделяется участок земли, чтобы здесь были захоронены он и его потомки».

ческий Рим, не задумываясь, снес памятник античной римской демократии...

Что же создал он на месте святе? Он создал огромную белую коробку для конфет с огромной золотой статуей посредине, поразительно похожей на ярко вычищенный самовар! Это и есть величавый монумент Отцу Отечества.

Да, «каменное чудище» — явление историческое и знаменательное. Оно образчик современного культурного варварства, оно — продолжатель печальных традиций гуннов и лангобардов. Пьемонт завоевал Рим, и благодарный народ не только уничтожил на серебряных монетах надпись *re eletto* (король избранный), но в угоду памяти избранного короля послушно ударяет киркой по мраморам Античного мира и по творениям Ренессанса. Это не мешает, конечно, Италии называть себя традиционной страной искусства, как не мешает наличности на каждой римской городской бочке и на каждом сорном ящике эффектных букв: *S. P. Q. R. — Senatus Populus que Romanus...*²³

5. Царство мертвых

Мы в царстве мертвых.

Мертвые живут на склоне горы, в длинных сплошных галереях с колоннами, под открытым небом, между кипарисами, под тяжелыми монументами и белыми часовнями, разбросанными наверху. С удобствами и покоем, каких они не знали при жизни, они спят тесными рядами на знаменитом генуэзском *Campo Santo*²⁴, каждый на отведенном ему квадратике земли, каждый под определенным номером и под соответствующей надписью на монументе, плите или кресте.

В земле они все равны, но на поверхности любящие родственники строго соблюдают социальные различия между ними. На дешевых местах под кипарисами один крест мало отличается от другого и надписи одинаково скромны и наив-

²³ *Senatus Populus que Romanus...* — «Римский сенат и народ».

²⁴ *Campo santo* — букв. «святое поле», кладбище. Судя по всему, Осоргин описывает знаменитое генуэзское Монументальное кладбище Стальено, известное памятниками работы ведущих итальянских скульпторов конца XIX века. О нем также рассказывает Б. Зайцев.

ны. Но зато сюда редко кто и заглядывает, кроме родни, в дни годовщины аккуратно приносящей желтые бумажные и металлические обручи и банки с живыми цветами. Публика бродит только по крытым галереям, беглый осмотр которых занимает не менее двух-трех часов. Здесь, в этих длинных зданиях, также соблюдаются социальные различия. В задних коридорах тянутся ряды мраморных исписанных досок, вделанных в стены и тщательно перенумерованных. Изредка попадаются и бюсты или медальоны, но неважной ученической работы. Во внешних галереях, отделенных от сада массивными колоннами, останки мертвых придавлены тяжелыми памятниками, над которыми потрудились лучшие из современных итальянских скульпторов.

Добродушие итальянского буржуа, его любовь к избитой позе и фразерству, его сентиментальность и ханжество, грубость его эстетического чувства — все это отразилось здесь в тысячах мраморных статуй и групп. Смиренно склоненные вдовы в кружевных накидках, кроткие до глупости ангелы, улетающие души, приторно слащавые лица лежащих на одре смерти, Христа с простертыми дланями и Саваофы с дующими серафимами так и рябят в глазах. И только изредка из массы однообразно-сентиментальных сцен выступает оригинальный мрамор или бронза.

На ступеньках у черной двери тяжелым сном заснула женщина, и ее сидящая белая фигура рельефно выделяется на фоне черного мрамора. В ее руках головки мака — эмблема вечного сна...

Среди огромных каменных глыб сидит полуодетый старик в лохмотьях. В темной бронзе его сухого тела чувствуется утасоющая жизнь после длинного пройденного пути. Это — закат трудовой жизни...

Рука полной жизни девушки пишет на монументе прощальное слово. Рядом с ней фигурка худенькой девочки, впервые узнавшей горе; руки беспомощно упали, детское тело как-то осело, на лице недоумение и отчаяние...

Жизнь борется со смертью. Прямая застывшая фигура смерти, обтянутая саваном, крепко держит костлявыми руками тело молодой женщины, которая тщетно борется, в отчаянии откинувшись назад. Группа темной бронзы, только

веселый мотылек, готовый упорхнуть с волос женщины, выделяется своей белизной...

Полна изящества другая фигура женщины, подливающей масло в семисвечник. В ней нет слащавости и напускной грусти, но много высокого земного благородства. Здесь, среди мертвых, она серьезна и озабочена. Но отсюда она уйдет в мир живых, где ее ждут другие заботы и иные ощущения...

Суровый доминиканец стоит с молитвенником у монумента. Он в натуральный рост человека и поставлен вровень с полом. Хочется подойти и заглянуть в его молитвенник, и в то же время ощущаешь какую-то неловкость: как бы не обеспокоить мраморного монаха...

Еще десяток серьезных работ — и любоваться более нечем. Остается удивляться храбрости итальянских скульпторов, наделавших сотни возносящихся к небу фигур, которые, несмотря на искусственный наклон и развевающиеся одежды, кажутся похожими на *ballon captif*²⁵ или воткнутую на иголку бабочку. Невольно вспоминаются бесподобные осколки статуи Победы в Лувре²⁶ или остатки одежды «Никобеи». Там в каждой складке хитона виден вихрь и ветер, и порыв чувствуется без воздетых рук. Какая бездна лежит между древней и современной скульптурой! Как низко упало итальянское искусство!

Правда, если бы та же мысль не подтверждалась в лучших музеях Италии, было бы несправедливо судить об искусстве по работам генуэзского *Campro Santo*. Здесь — лишь образчик искусства продажного. Скульптор должен запродаться, чтобы решиться по настоянию заказчика влить в самый центр своей работы пару мраморных портретов-медальонов какого-нибудь мирно почившего генуэзского пароходчика и его супруги. А между тем едва ли наберется десяток монументов, не обезображенных самыми буржуазными и самодовольными физиономиями почтенных покойников. Ибо бывают лица, из которых, при всей снисходительности художника, невозможно выкроить что-либо приличное. И вот

²⁵ *Balon captif* (фр.) — аэростат.

²⁶ Ника Самофракийская (II век до н.э.).

такими именно лицами и богато то отделение кладбища, где покоятся под тяжелыми глыбами мрамора купцы, коммерсанты, моряки, муниципальные советники и генералы разных родов оружия.

Все хорошо у места. Насколько противно видеть одутловатые лица почтенных буржуев среди сентиментальных ликов благосклонных к ним ангелов, настолько же приятное впечатление производит, например, памятник, изображающий толстую и добродушную торговку кренделями — типичную итальянскую бабу-булочницу. Благодарные наследники не сочли нужным изображать на ее монументе сцен семейного горя или возносящихся к небу ангелов. Они заказали художнику точный мраморный портрет своей родительницы в натуральную величину — и художник выполнил его с большим искусством и талантом. Надпись кратко излагает историю этой безмятежной души, всю жизнь интересовавшейся кренделями и тем составившей себе состояние. Теперь она покоится под дорогим монументом, а наследники, воздавшие ей должное, продолжают умножать составленный ею капитал. Просто, умно и даже художественно. По крайней мере, нет несоответствия между медальоном, изображающим обрюзгшего морского волка, и хрупкой женской фигурой в хитоне, долженствующей изображать его душу, отлетающую при любезном содействии ангелов из мира печали и слез...

Да! Хорошо хоронят в Италии! Однако и здесь, на детском отделении кладбища, мне бросилась в глаза забытая могилка. Кругом стояли новенькие каменные и деревянные кресты, а на ней крест, очевидно, давно сгнил и упал. Осталось лишь несколько щепок. И вот рука кладбищенского сторожа сжалась над поросшим травой бугорком и, связав крест-накрест две щепки, воткнула их в бугорок. И тихая грусть, всегда порхающая над кладбищем, слетела именно сюда, на этот забытый квадратик земли; именно на него упала тень кипариса, и среди выхоленных, выложенных разноцветными камушками могилок только этот зеленый бугорок с крестом из щепок кажется поэтическим уголком, полным тайны и настроения.

И, как всегда на чужбине, мысль моя летит на старое кладбище в дальнем русском губернском городе. Помню там

много любопытных плит с полустертymi надписями, каменных памятников с суровыми архангелами, черных чугунных часовен и сырых фамильных склепов. Но всего памятнее мне одна могила на больничной половине. При мне ее рыли, выбрасывая остатки перегнивших костей; при мне в нее опустили липовый некрашенный гроб с трупом не известного мне человека. И при мне могильщик спрашивал парня, служащего при мертвецкой, который привез гроб:

— Крест-то забыл, что ли?

— Забыл; завтра привезу, если оказия будет.

— То-то, а то потом забудешь, где положили.

И он воткнул в бугор рыхлой глины большую обгорелую головешку, валявшуюся поблизости:

— Покамест — для памяти!

Был я там позже, спустя несколько недель. Креста не было, но головешка «для памяти» торчала по-прежнему. И в мою память этот унылый черный знак врезался с неизмеримо большей силой, чем сотни богатых мраморных монументов знаменитого генуэзского «святого поля»...

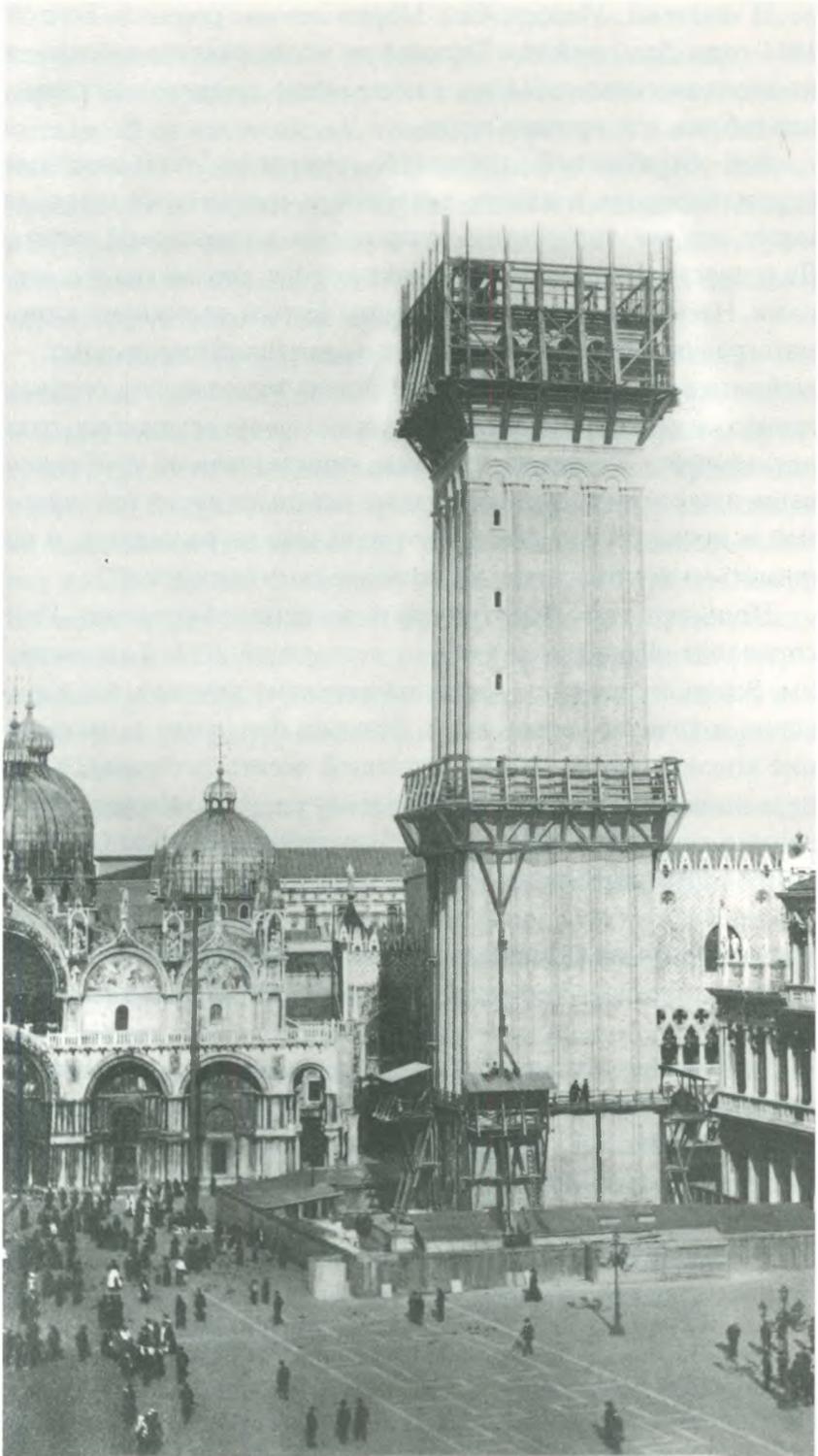
6. Мессер Сан-Марко

Пал — и вновь восстал Мессер Сан-Марко, стройная башня, соединяющая Венецию с небом²⁷.

Восстановлена разрушенная колокольня — кого это может тронуть? Но нужно знать Венецию, нужно чувствовать ее! Мессер Сан-Марко был ее гордостью и олицетворением. Это не безжизненный шпиц²⁸, указывающий на облака людям земли, это живой гений венецианцев, центр их отвлеченных от земного мыслей, их идеал, основа их миропонимания.

²⁷ Речь идет о восстановлении колокольни Сан-Марко в Венеции. История кампанилы восходит к IX веку. На протяжении столетий ее перестраивали и ремонтировали, поскольку она не раз страдала от землетрясений и ударов молний. В 1902 году колокольня все-таки обрушилась, разрушив лоджетту и повредив ближайший угол Дворца дождей. По решению городских властей ее восстановили в точности такой, какой она и была, укрепив при этом конструкцию; торжественное открытие состоялось в 1912 году.

²⁸ Шпиц (устар.) — то есть шпиль.



И павший Мессер Сан-Марко вновь родился весной 1911 года. Даже война с Турцией не могла отвлечь внимания от этого важного события, как не могла заставить итальянцев забыть, что пришла весна.

Бой барабанный, пушечные выстрелы, воинственные крики, бросание в воздух чепчиков и соломенных шляп не могут все же уничтожить очарования итальянской весны. Да и чувствуется она не столько в городе, сколько за его стенами. Наскучив желто-серым тоном зданий, вывесками кинематографов и бельем, развешенным для просушки в окнах, — выйдите в поле: вот она, весна! Всегда зеленые луга оделись заново, лепестки черешни и миндаля еще не осыпаются, пахнет землей и сочными травами, просветлели и улыбаются дали; и над всем господствует и все освещает купол той странной и лучистой голубизны, которой мне не рассказать, и не описать, и не объяснить: приезжайте сами посмотреть!

Но и город хочет праздновать весеннее обновление. Рим справляет «Рождение Рима» — день своей 2665-й годовщины. Верна ли эта дата — нужды нет; кому хочется, тот в нее верит, а хочется верить всем. Венеция празднует возрождение колокольни св. Марка, упавшей десять лет назад, а теперь вновь отстроенной по прежнему рисунку; а холмы Флоренции посылают городу свой благоуханный привет: «*Sia la vostra anima profumata*»...

Пусть душа ваша благоухает столькими радостями,
Сколько цветов рассыпает весна по флорентийским холмам...

Вспомните «Весну» Боттичелли, ее легкую воздушную поступь, щедро брошенные ею цветы, откинутую молодую голову Аполлона²⁹. Где, как не здесь, могло родиться творение Алессандро Филипепи?

²⁹ Алессандро ди Мариано ди Ванни Филипепи — настоящее имя художника Сандро Боттичелли. Прозвище «боттичелли», т.е. «бочонок», он унаследовал от своего толстого старшего брата Джованни.

Картину «Весна» прочитывали по-разному. Считалось, например, что хватающий девушку персонаж справа — Аполлон, он преследует Дафну. Теперь полагают, что это Зефир и Хлорида, которая превращается во Флору. Крайняя фигура слева с откинутой головой — Меркурий.

И вот те, кто в последнее полугодие не щадили слов упрека и негодования — во многом так справедливых — по адресу Италии, кто писали об ее воинственном безумстве и читали об ее жестокостях, толпами стремятся в нее, заполняя вагоны, отели и улицы. Прекрасной и любимой охотно прощаются ее недостатки. Прекрасной и любимой Италии, к которой так охотно льнет и ластится самое злопамятное и непрощающее сердце, к этой подруге радующихся жизни и чародейке усталых и скупающих...

Счастлива страна, которой можно восхищаться, не навлекая на себя подозрения в лишней сентиментальности. Я часто завидую тем, кто впервые едут в Италию: им предстоит пережить чудесные минуты первых, самых ярких впечатлений! Какую бы из ее границ ни пересекали они, везде их ждет богатство красоты и чары истории. Неаполь блеснет линией залива и дымкой над великим Везувием, север промчит мимо поезда свои озера, Генуя, эта итальянская «белокаменная столица», покажет два прибрежных рая — направо и налево, к востоку и закату; а Венеция снова, как бывало, издали приманит золотым ангелом на Campanile de S. Marco³⁰.

«Messer San Marco, addio!» — писала десять лет назад одна малоизвестная поэтесса, создавшая себе имя маленьким и чудесным стихотворением, посвященным павшей колокольне³¹. Мессер Сан-Марко вновь предстал пред народом в своем прежнем величии. В этом блестящем венецианском национальном торжестве много особой красоты и значения. Казалось бы, кому нужно это грандиозное сооружение, стоящее на площади против собора и уходящее в небо своим золотым ангелом? Колокольня Сан-Марко имеет свою многострадальную историю. Историки спутались в догадках о ее рождении. Создал ее чей-то сумасшедший гений в конце девятого или в начале десятого века. Он заложил ей крепкий незыблемый фундамент, способный выдержать и

³⁰ Campanile de S. Marco — колокольня Св. Марка.

³¹ «Прощайте, мессер Сан-Марко!» — стихотворение Марии Пецце Пасколато, написано на венецианском диалекте («El crolo del campanil de San Marco»).

большую тяжесть; но башня слишком приблизилась к небу, чтобы избежать его громов. Начиная с XIV века историки то и дело отмечали молнии, падавшие на главу Messer San Marco и сжигавшие его крышу. Много раз реставрированная башня была наконец полуразрушена землетрясением в начале XVI века — 1511 г. Чтобы восстановить ее, проданы были некоторые драгоценности из храма св. Марка, и башня вновь предстала в том виде, в каком дошла до нас. Но молнии не оставляли ее в покое и в последующее века, пока наконец в 1902 году она не обрушилась окончательно, разрушив в своем падении и прекрасную Loggia, один из лучших памятников венецианского чинквеченто³². Венеция лишилась своего мистического великана.

Но Messer San Marco упал с полным благородством, не погубив своим падением ни одной человеческой жизни и не оставив по себе печальной памяти. С того дня когда земля вздрогнула от его падения, главной мечтой всех жителей чудесного города, раскинувшегося на 160 островах лагуны³³, было видеть его вновь смотрящим в небо. Это было необходимо, это было неизбежно.

Один бытописатель сеттеченто занес в свои личные заметки: «Я из тех венецианцев старой печати, которые каждый день несут поклон площади и бросают взгляд на Кампаниле. Во мне столько ревностной симпатии к Кампаниле, что если иной день мне не удастся охватить ее одним взором с площади, то я стараюсь взглянуть на старого друга хотя бы издали». Но и нынешний венецианец не утратил этой старопечатной черты; и ему не по себе, если он не видит Кампаниле, вонзающейся в воздух над городом каналов. Теперь, до новой молнии, он может быть спокоен; и его нынешнее «Messer San Marco, addio!» будет звучать лишь прощанием до завтра.

И вся Италия такова! Есть две картины современно-го итальянского художника; к сожалению, я забыл его

³² Loggia — видимо, это Лоджетта Япоко Сансовино, примыкающая к основанию кампанилы и также восстановленная в прежнем виде.

³³ В разных источниках называют разное количество островов лагуны — в зависимости от того, острова какого размера учитывать.

имя. Первая называется «Liston antico», вторая — «Liston moderno». Та и другая изображают площадь св. Марка перед собором. Слово liston на венецианском диалекте обозначает, собственно, узкую дорожку на выложенной плитками огромной площади; в данном случае это слово означает прогулку. На одной картине парики и фижмы, ноги в шелковых чулках и туфлях с пряжками, лица с мушками на щеках; другая рисует ту толпу, которую встретим на площади мы: характерные черные шали женщин и пестрая, разноплеменная и праздная публика. Но и тут и там то же беззаботное наслаждение шатаньем по площади, равной которой во всем мире не найти; и тот же собор Марка, и та же историческая таинственная и многострадальная башня, возле которой массаами летают голуби, никогда не поднимаемая полет до ее верхушки³⁴.

Эти голуби, как и часы с фигурами, как дворец дождей, прокурации, колонны на малой площади, мосты, гондолы, — все это кажется вечным и с начала бывшим, не могущим погибнуть. *Passano gli uomini — restano le cose*, люди проходят, но предметы живут жизнью особой, не считающейся ни с темпом времени, ни с настроениями отдельных минут. И, повторяю, вся Италия такова. Она делится на сегодняшнее и вечное; то, что есть сегодня, не было и пройдет; вечное будет жить вечно. И тем прекрасна Италия, что вечного в ней больше, чем временного, — вечного не только в предметах, но и в духе народа.

Вдумайтесь покрепче в историю Венеции, этого исторического монстра средних веков. Какие поразительные страницы, какая чудовищная устойчивость духа свободы, какие бесподобные приливы и отливы славы, могущества и беспутного и красивого опьяняющего падения! А разве эти сваи дворцов на Большом канале, обратившиеся теперь в драгоценный камень, водружены не людьми, не предками нынешних «поклонников своей колокольни»? И вы хотите, чтобы такая сила духа умерла или выродилась? Спит — да, но погибнуть она не могла! И, рано или поздно, она возродится

³⁴ «Liston moderno» и «Liston antico» — картины венецианского художника Джакомо Фаворетто (1849—1887).



в том же блеске, как возродился обновленный Messer San Marco с золотым ангелом на верхушке.

И вот в весенний день впервые вновь ударил на величавой башне старый колокол, каким-то чудом оставшийся неведимым. И было сие чудо во пророчество! Весна подхватила его звучный голос и разнесла по лагуне...

7. Карнавал и Ругантино³⁵

Из года в год 17 заграничного января на улицах расклеивается официальное объявление, написанное весьма архаическим слогом, где жители уведомляются о разрешении носить на улице маски и маскарадные костюмы. Этим знаменуется начало карнаваловых дней, отошедших в действительности в область истории. Слабый-слабый намек на давнее уличное карнавальное оживление дают лишь последние дни празднеств, когда на Корсо экономно тратится публикой один франк на серпантин, конфетти и крашенные бобы; но и это сделанное оживление длится всего три дня. Умерли Арлекины, Стентерелли, Ругантины и Пульчинелли; умерли, и ничем их не воскресить. Объявление квестуры висит печально, и никогда вы не встретите на улице ни одной маски — разве ночью в подъезде бальной залы.

О карнавале в Риме как-то странно и говорить. Глазом ненаблюдательным можно даже и не заметить дней современных сатурналий. То, что делается в закрытых помещениях — танцевальных залах, театрах, артистических кружках, то мало чем отличается от наших обычных костюмированных балов, и отличается прежде всего бедностью нарядов и малочисленностью публики. Истинный же карнавал должен быть на улице. Должен быть, но его нет или почти нет.

По главной улице Рима, по Корсо Умберто, да и то не по всей, а лишь по оживленнейшей ее части, движется ряд извозчичьих экипажей и автомобилей. Сидят в них не маски, а обыкновенные граждане и гражданки средних классов, и экипажи, конечно, ничем не украшены. Самое большое, если

³⁵ Задиру Ругантино Осоргин описывает как типичного римского персонажа; историки считают его то ли далеким потомком «хвастливого воина» Плавта, то ли карикатурой на бравых вояк XVIII столетия.

кто-нибудь из веселящихся или считающих долгом веселиться англичан водрузит впереди автомобиля размалеванного розового амура, трубящего в рог. Масок же всего несколько десятков; большинство — дети и подростки в костюмах Пульчинелли, с лицом, намазанным мукой или известкой. Иногда, впрочем, некая смелая женщина решится проехать в крытом фэртоне, выставив напоказ ногу в розовом чулке и зеленом башмаке. Но это уже явление исключительное, вызывающее двусмысленные замечания. И редко-редко подбирается компания молодежи, человек десять, в более или менее дешевых костюмах и с порядочным запасом конфетти, чтобы продефилировать по Корсо под градом сочувственных замечаний и сухой фасоли.

Мало и конфетти. Помню, как в Париже в тот же самый «жирный четверг» улица покрывается толстым и рыхлым слоем разноцветных бумажек, в которых нога тонет по щиколку. Здесь нет ничего подобного и не приходится, как там, сдавать с подряда уборку улиц после карнавала. Мостовая остается черной, и лишь в нескольких пунктах скопления публики она усыпана конфетти кустарного изготовления, но так скудно, что их можно и не заметить. Только наверху переплеты телефонных проволок и электрических проводов да перила балконов переплетены серпантинном, которым из окон бросают в прохожих и в обитателей квартир на противоположной стороне. И это единственное украшение улицы, свидетельствующее о карнавале. Внизу толпы мальчишек ловят эти бумажные ленты, торопливо наматывая их на руку, чтобы составить запас необходимых принадлежностей карнавального праздника в своем собственном квартале. С еще большим рвением, доходящим до форменной свалки, борются они за обладание крашеными сухими бобами и «бомбами», т.е. орехами, обернутыми в цветную бумагу. Этими «бомбами» дамы с балконов швыряют в проходящих мужчин, особенно в тех, кто позабыл на случай нападения сменить в этот день обычный котелок на мягкую шляпу. Специальных гибких тросточек для драки, которые в таком ходу в Париже и Ницце, здесь не покупает, кажется, никто; по крайней мере, мне приходилось видеть их лишь в руках

продавцов, блуждающих с безнадежным видом. Зато большим спросом отличается «снег», нечто вроде крашенных отрубей или опилок, которые ввиду особой дешевизны заменяют все прочие конфетти.

Да, карнавал печальный, окончательно выродившийся. И, однако, нет недостатка в веселье; только оно выражается не в цветочных боях — ни одного цветка нет! — и не в маскарадных интригах, о которых мы слышим со стороны и читаем в романах, а в толкотне, шутках, иногда в драке, но не цветами и конфетти, а попросту кулаками. Немногочисленные цветные бумажки приберегаются для немногочисленных проезжающих и проходящих женщин, которые отмахиваются с притворным видом неудовольствия, но с завистью смотрят на тех, у кого на шляпе и в волосах застряло больше бумажек³⁶.

Последнее, что осталось в Риме от прошедших времен, это так называемые *tarantelle romanesche* — телеги с разряженными певцами куплетов на диалекте. Но и их немного. Лет пять назад прекратил свою деятельность знаменитый в своем роде карнавальный куплетист Компаретто, забавлявший Рим двадцать лет подряд. Он был всегда одет испанским маркизом, а на руки, на месте колец, надевал стеклянные дверные ручки; это был специалист по шаржу и любимец римской публики. Нынешние певцы — лишь слабые его подражатели.

³⁶ Описания карнавала можно найти у Н. В. Гоголя и П. И. Чайковского, С. В. Флерова и многих других. Мы же приведем строки из гоголевского «Рима». Более чем за полвека до Осоргина престарелый слуга также ворчал, что карнавал уже не тот, что прежде.

«— Но разве это карнавал? — сказал старик, — это карнавал ребят. Я помню карнавал: когда по всему Корсу ни одной кареты не было, и всю ночь гремела по улицам музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали целые группы, истории; когда народ, — князь понимает: весь народ, все, все золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасные женщины, вся синьория, все *nobili*, все, все... о, *quanta allegria!* Вот когда был карнавал так карнавал, а теперь что за карнавал? э! — сказал старик и пожал плечами, потом опять сказал! — э! — и пожал плечами, и потом уже произнес: — *E' una porcheria!*»

(*Nobili* — знатные господа. О, *quanta allegria!* — О, сколько веселья! *E' una porcheria!* — Одно свинство!)

Римские тарантеллы — первые ласточки весны. Конечно, говорить о весне в январе (начало карнавала) как будто бы рано, но уже в начале февраля о ней молчать нельзя. И правда, февраль приводит весну насильно, март еще с ней борется, а в первых числах апреля она уже становится нашей царицей. Не просто царицей, а царицей-красавицей. Весна в римской Кампанье — ну какая же другая весна сравнится с нею! Разве... наша северная... Чувствуется не простое солнце, а растущее, радостное и радующее. И нельзя идти через мосты Тибра, не улыбаясь свету и приближающимся крикливым звукам тарантеллы, которая приклеилась к перилам на набережной и уже собрала кучку народа.

Это все те же трое, что в Риме появляются первыми. И те же на них костюмы, что были в прежние годы. Черноусый толстяк в огромных черных очках, одетый фантастическим маркизом. На нем не столько седой, сколько желтый парик с хвостиком назад, как у Гольдони на его памятнике в Венеции. Огромный орден на цепочке болтается между ног вместе с ручным зеркалом, чулки весьма потерты, но туфли с большими пряжками — все как полагается. В общем нечто среднее между подлинным костюмом национальной римской маски Ругантино и испанским маркизом, изобретенным Компаретто. Толстяку ассистируют две дамы. Одна одета в ярко-красный костюм бебе; весьма кстати она обладает красным же, очень затасканным лицом и голосом пропившегося мужика. Другая одета в крестьянский наряд, уже не молода, но довольно миловидна.

Потомок Ругантино говорит без умолку в промежутке между куплетами. Два слова о филологии. Имя Ругантино объясняют различно, но вернее всего оно значит «задира». Rugarè, диалектальное слово, можно перевести созвучным нашим «ругаться»; но так же говорят и про собаку, оскалившую зубы на другую. Современный Ругантино держится старых традиций и задирает главным образом барство; в этом отношении он — голос народа и демократии. В парламенте и в муниципальном совете он был бы, я думаю, республиканцем, так как это проще и национальнее, чем быть социалистом, да еще итальянским. Но Ругантино вообще мало дани отдает внутренней общей политике, и его главная мишень —

муниципия, его главные темы — вздорожание квартир, мяса, хлеба, противоположение жизни рабочего человека благополучию буржуа. И в трактовании этих тем нынешний Ругантино весьма зол и остроумен. Сверх всего он весьма любит двусмысленности и сыплет ими беспрерывно. Он так ловко умеет сыпать курьезными диалектальными словечками и так подчеркивает восклицаниями отдельные места куплетов, что публика с удовольствием покупает за сольдо куплет новой песни, пропетой на какой-нибудь из старых, известных мотивов. Эта продажа красных, синих, белых, желтых листочков и есть, в сущности, весь смысл маскарадного представления маркиза и его дам. Они поют, изредка меняя место и улицу, от полудня до заката солнца. Затем их разукрашенная телега трогается на отдых. Завтра они выступят с новыми куплетами. Маленький, без претензий, но довольно забавный подвижной юмористический журнал в лицах.

Иногда Ругантино превращается в священника; тогда темы куплетов изменяются соответственно нарядам и тарантелла приобретает характер антиклерикальной пропаганды. В Риме, как и повсюду в Италии, это имеет успех. Однако слушать на улице — одно, а нести домой антиклерикальные куплеты — другое; католицизм все же силен в итальянской семье. Поэтому во имя беспартийности певцы предпочитают оставаться безобидными маркизами с хвостиком на парике.

Бедный вырождающийся и уже почти выродившийся Ругантино! Жаль его, как хотите! Все же он был живым представителем народа и толкователем его нужд. Кто заменил его? И что убило его? Не то ли, что к старому тексту объявления о разрешении масок современный строй прибавил один новый параграф, написанный уже новым, настоящим канцелярским модерн-языком: «При этом каждый по требованию полиции обязан обнаружить свою личность, подняв маску в помещении полиции»?

И бедный, запуганный новым строем Ругантино стучался, заках и умер...

Умер Ругантино... Исчезает, покрываясь наслоениями современности, все прошлое Вечного города. Сносятся старые

кварталы, застраиваясь высокими однообразными ящиками чиновничьих квартир... Зеленые пустыри вокруг терм Каракаллы обратились в распланированные скверы, леса виллы Боргезе со всех сторон осажены лесами новых построек, растущих, как грибы в дождливую осень... И не один Рим гибнет; его агония только заметнее и затяжнее, но судьбу его разделяет вся художественная Италия. Новая жизнь идет приступом на сонную и ленивую красоту очаровательной страны, ничего не жалея, раскидывая камни и плиты прошлого, тесно окружая решеткой его памятники, заслоняя их наглыми рекламами отелей, ваксы, модных магазинов, кинематографа. Античное, бывшее достоянием всех, спрятано в глухие стены музеев: сама природа убегает от жилых центров в горы, ближе к небу, которое нельзя перекрасить в модный цвет, ближе к морю, волны которого не строятся по ранжиру...

Не нужно чрезмерно сожалеть о прошлом: оно было слишком великим, чтобы нуждаться в нашей защите. Роль его не окончена, и, как «Анцианская девочка», оно и впоследствии может разрушить стены своего склепа и вновь явиться миру. Мы должны радоваться новой жизни, которая пробивает себе дорогу, какой бы серой и бесцветной на фоне прошлых веков она ни казалась нам, ее современникам. Мы слишком пристрастны; мы рискуем проглядеть в ней грандиозное, если не в сфере искусства, то в области зодчества социального. Жизнь многогранна, и грани ее несоразмерны. Слишком долго Италия была для нас только краем мраморных чудес, макарон и ладзарони; она не хочет вечно служить лишь местом прогулок европейских буржуа, покупающих ее красоту на золото своей цивилизации. Италия хочет быть европейской державой — пусть она будет ею. Она хочет иметь колонии — она их приобрела. Она хочет иметь развитую промышленность — у нее есть к тому шансы. Не отставая от других культурных народов, она уже дает им во многом наглядный урок социального строительства; привет ей за это.

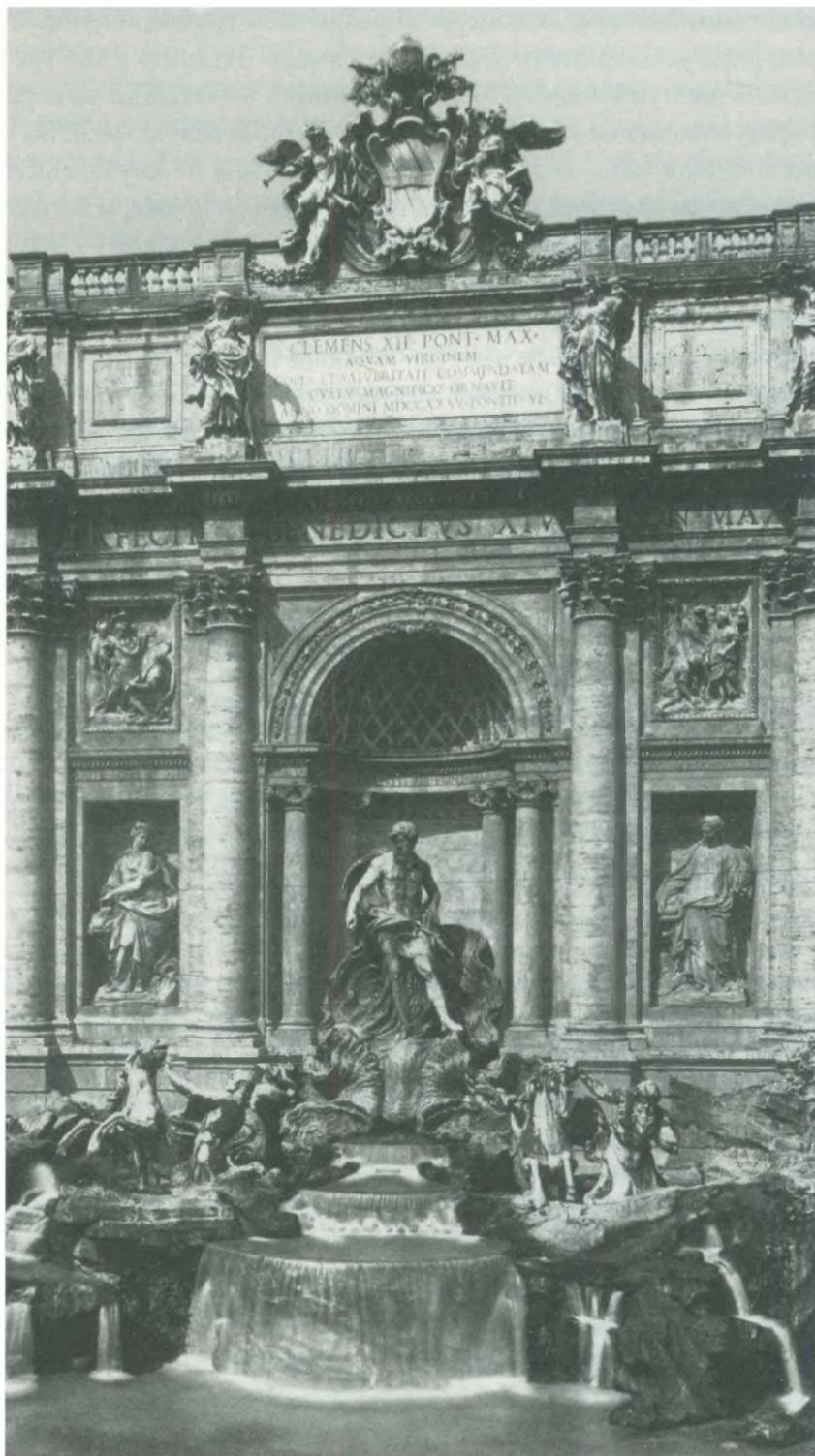
Но если этим своим прогрессом она мешает английскому туристу излечить приобретенный на родине сплин, можно ли винить за это молодой народ? И если вы, читатель, приехав сюда, разочаруетесь в своих преувеличенных поэтиче-

ских надеждах при виде первой фабричной трубы, коптящей лазурное небо, вините лишь себя самого! Италию мало видеть — ее нужно знать. И тот, кто понял и полюбил ее и ее народ, никогда не обманется цветистой фразой и модной вывеской. Для него — как настоящего друга, а не случайного покупателя настроений — Италия и теперь, и позже, и всегда найдет способ возродить свое неподчиненное закону смерти обаяние. Легкое дуновение звездной ночи, слабый звук мандолины, всплеск прибоя — и само собою вернется то странное, драгоценное чувство к чужой стране, которому не подыщешь ни названия, ни объяснения. Скажем — чувство влюбленности; в отношении ее это чувство не бывает безответным и не может быть смешным. Приветов и ласки у нее хватит на всех, и она — единственная из доступных, которая не может прискучить.

А любимой — прощается все...³⁷

³⁷ В жизни Осоргина будет и возвращение в Рим — чудо не повторится, он будет чувствовать себя форестьером. Будет и невеселое признание, которое он сделает в автобиографической книге «Времена»: «Я прожил восемь лет в Вечном городе, теперь ставшем городом современным; его вечность подчищена и подбрита, окружена решеткой, занесена в регистр, украшена дощечкой с красиво вырисованной надписью. Раньше в нем слитно жили века, кузнец ковал железо в театре Марцелла и забивал гвоздь в вековой камень, не догадываясь о своем кощунстве; кошки плодились на Форуме Траяна, прохожий шагал по земле, наросшей на остатках храма. Это было красиво и непрактично, как все красивое. Бойкие молодые люди, над которыми пытались смеяться, открыли поход против Рима, против веков, против академии и лунного света — за солнце и мотор. Крикливые гуси спасли Рим древний и погубили его в современности. Однажды русские невинные экскурсанты, приехав в Рим, вошли ночью в Колизей и запели хором «Вниз по матушке по Волге»; так поступить могли только милые дикари. Сейчас на Капитолии уместна фашистская «Джовинецца», гимн работы опереточного мастера, — и только Ватикан остается крепостью старой, слишком старой веры». Впрочем, упоминание фашистского гимна объясняет, когда и почему это было написано.

Рим — такой, каким он запомнился Осоргину в годы создания этих «Очерков», — все равно оставался любимым: «Лучшие годы молодости я прожил в Италии. Жил там вынужденно и томился по России, куда вернуться нельзя было. Томился, и все же — как теперь, с отдаленья, вижу — был счастлив. Это очень много: сказать самому про себя: был счастлив» («Там, где был счастлив»).



СОДЕРЖАНИЕ

Анна Ямпольская. Италия глазами Осоргина 7

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

[ПРЕДИСЛОВИЕ] 16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗ ОКНА ВАГОНА 31

ИТАЛИЯ ПОКАЗНАЯ И ПОДЛИННАЯ 67

ИТАЛЬЯНЦЫ 109

КАМОРРА 149

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧУВСТВО РИМА 183

РИМ 191

КОНТРАСТЫ РИМСКОЙ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ 197

ИСТОРИЯ ОДНОГО КВАРТАЛА 224

ПАХАРИ РИМСКОГО ПОЛЯ 249

РИМСКАЯ НАРОДНАЯ САТИРА 265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ 299

1. Надежды на пришествие гения 299

2. Последние книги д'Аннунцио 308

3. Джованни Пасколи 317

4. Антонио Фогаццаро 327

5. Сем Бенелли 333

6. Футуристы 340

ИСКУССТВО ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ 355

1. Приключения Ниобиды 358

2. Девочка из Анцио 365

3. Фиговый лист 372

4. Каменное чудище 376

5. Царство мертвых 380

6. Мессер Сан-Марко 384

7. Карнавал и Ругантино 391

УДК 82
ББК 84Р
О-75

Осоргин, М.А.

О-75 Очерки современной Италии / Михаил Осоргин ; предисловие и комментарии Анны Ямпольской. — Москва : «Издательская группа 1900», 2022. — 400 с. : ил. — (Серия «Roma Aeterna»).

ISBN 978-5-6045454-3-0

Михаил Андреевич Осоргин (наст. фамилия Ильин; 1878—1942) — писатель, журналист, один из деятелей русской эмиграции. Родился в Перми, окончил курс юридического факультета Московского университета, занимался вопросами права. Участвовал в московском вооруженном восстании 1905 года, был арестован, а выйдя в 1906 году на свободу, уехал за границу, жил во Франции и в Италии. С 1907 по 1916 год вел дневник, куда записывал свои итальянские впечатления, а также работал как журналист в изданиях «Вестник Европы» и «Русские ведомости». Часть его корреспонденций вошла в книгу «Очерки современной Италии», которая была издана в 1913 году. «Очерки» пронизаны любовью Осоргина к стране, где он прожил «лучшие годы молодости», как отмечал сам писатель. В книге подробно освещены многие проблемы Италии начала XX века, социальные, политические и экономические вопросы (медицина, образование, безработица, быт крестьян и городских жителей, итальянская каморра); значительная часть «Очерков» посвящена Риму, а также вопросам итальянской литературы и искусства.

Настоящее издание выходит с предисловием и комментариями филолога, переводчицы Анны Владиславовны Ямпольской (Москва).

УДК 82
ББК 84Р

Предисловие, перевод и комментарии
Анны Владиславовны Ямпольской

Корректор Т. Николаева
Дизайн: М. Спехова
Верстка: Г. Смеягин

Проект С&О Бигович

ROMA AETERNA

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»
Адрес: 170546, Тверская обл.,
промышленная зона Боровлёво-1,
комплекс № 3 «А», www.pareto-print.ru
Тираж 1000 экз. Заказ № 1878/22.

ISBN 978-5-6045454-3-0



Подписано в печать 27.07.2022.
Формат 60 х 90 1/16.
Объем 25 п. л. Печать офсетная.

12+

© «Издательская группа 1900», 2022
© А.В. Ямпольская, предисловие, перевод, комментарии, 2022



ROMA AETERNA

Михаил Андреевич Осоргин (наст. фамилия Ильин; 1878—1942) — писатель, журналист, один из деятелей русской эмиграции. Родился в Перми, окончил курс юридического факультета Московского университета, занимался вопросами права. Участвовал в московском вооруженном восстании 1905 года, был арестован, а выйдя в 1906 году на свободу, уехал за границу, жил во Франции и в Италии. С 1907 по 1916 год вел дневник, куда записывал свои итальянские впечатления, а также работал как журналист в изданиях «Вестник Европы» и «Русские ведомости». Часть его корреспонденций вошла в книгу «Очерки современной Италии», которая была издана в 1913 году. «Очерки» пронизаны любовью Осоргина к стране, где он прожил «лучшие годы молодости», как отмечал сам писатель. В книге подробно освещены многие проблемы Италии начала XX века, социальные, политические и экономические вопросы (медицина, образование, безработица, быт крестьян и городских жителей, итальянская каморра); значительная часть «Очерков» посвящена Риму, а также вопросам итальянской литературы и искусства.

Настоящее издание выходит с предисловием и комментариями филолога, переводчицы Анны Владиславовны Ямпольской (Москва).

12+

ISBN 978-5-6045454-3-0



9 785604 545430